

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

**2021 год Том 14 Выпуск 6
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6**

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова, Е. Н. Азарова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.12.2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чаньчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В. Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д. э. н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновскова Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2021 год Том 14 Выпуск 6

Содержание

Contents

Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
<i>Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Сивоплясова С. Ю.</i> Феминизация миграции из стран Центральной Азии в Турецкую Республику.....7	<i>Ryazantsev S. V., Vazirov Z. K., Sivoplyasova S. Yu.</i> Feminization of Migration from Central Asian Countries to the Turkish Republic.....7
<i>Волков Ю. Г., Курбатов В. И.</i> Цифровая диаспора: новые горизонты медиа-адаптации мигрантов.....21	<i>Volkov Yu. G., Kurbatov V. I.</i> Digital Diaspora: New Horizons of Migrant Media Adaptation.....21
<i>Бедрик А. В., Зайцева А. А., Панфилова Ю. С., Щукина Е. Л.</i> Молодежные общественные объединения в реализации государственной национальной политики на Юге России: субъектность и социальная эффективность.....32	<i>Bedrik A. V., Zaytseva A. A., Panfilova Yu. S., Shchukina E. L.</i> Youth Associations in the Implementation of the State National Policy in the South of Russia: Subjectivity and Social Effectiveness.....32
<i>Брагин А. Д.</i> Формирование перспективного образа России среди молодого поколения.....44	<i>Bragin A. D.</i> Formation of a Promising Image of Russia Among Young Generation.....44
<i>Войтенко В. П., Пантелеев В. Г.</i> Социальная справедливость в коллективных представлениях этнических групп Краснодарского края.....55	<i>Voytenko V. P., Panteleev V. G.</i> Social Justice in Collective Representations of Ethnic Groups of Krasnodar Region.....55

Демиденко А. С. Рискологическая концепция изучения социальной инфантильности российской молодежи.....64	Demidenko A. S. Riskological Concept of Studying the Social Infertility of Youth.....64
Карташевич Е. В., Чикарова Г. И., Гаврилов П. С. Иностранные студенты и принимающее сообщество вуза: особенности восприятия и практики взаимодействия.....71	Kartashevich E. V., Chikarova G. I., Gavrilov P. S. Foreign Students and the Host Community of the University: Peculiarities of Perception and Practice of Interaction.....71
Клименко Л. В., Верещагина А. В., Жаде З. А. Возрастные особенности идентичности полиэтничного населения Юга России в контексте интеграции макрорегиона.....79	Klimenko L. V., Vereshchagina A. V., Zhade Z. A. Age Features of the Identity of the Multiethnic Population of the South of Russia in the Context of the Integration of the Macroregion.....79
Козловский М. Е. Муниципальные служащие и проблемы их профессионального и управленческого развития в современной России.....87	Kozlovsky M. E. Municipal Employees and the Problems of Their Professional and Managerial Development in Modern Russia.....87
Магранов А. С., Печкуров И. В., Чжао Дань Образ России в представлениях учебных мигрантов как фактор их адаптации к новой социокультурной среде (на примере иностранных студентов ЮФУ).....94	Magranov A. S., Pechkurov I. V., Zhao Dan The Image of Russia in the Representations of Educational Migrants as a Factor of Their Adaptation to the New Socio-Cultural Environment (on the Example of Foreign Students of SFedU).....94
Макаров И. Н. Генезис историко-социального феномена государственной бюрократии в концепциях ленинизма и веберизма.....104	Makarov I. N. The Genesis of the Historical and Social Phenomenon of State Bureaucracy in the Concepts of Leninism and Weberianism.....104
Мамина Д. А., Мареев В. И., Хунагов Р. Д. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в вузах Юга России.....113	Mamina D. A., Mareev V. I., Khunagov R. D. Barriers to Socio-Cultural Adaptation of Foreign Students in Universities of the South of Russia.....113
Петрулевич И. А. Институт общественного контроля в современной России: перспективы социологического изучения.....123	Petrulevich I. A. The Institute of Social Control in Contemporary Russia: Sociological Research Prospects.....123
Ростовская Т. К., Письменная Е. Е. Выявление проблем и барьеров развития	Rostovskaya T. K., Pismennaya E. E. Identification of Problems and Barriers

академической мобильности молодых ученых Российской Федерации: экспертный опрос.....	129	to the Development of Academic Mobility of Young Scientists of the Russian Federation: Expert Survey.....	129
--	-----	---	-----

Саидова Л. И.

Цифровая молодежь и роль экологического туризма в преодолении рисков ее социализации.....	141
---	-----

Saidova L. I.

Digital Youth and the Role of Eco-tourism in Overcoming the Risks of Its Socialization.....	141
---	-----

Экономика и управление

Economics and Managment

Белошицкий А. В.

Сравнительный анализ бизнес-моделей зарубежных и отечественных нефтесервисных компаний.....	149
---	-----

Beloshitskiy A. V.

Comparative Analyses of the Russian and Foreign Business Models of Oilfield Services Companies.....	149
---	-----

Бондарев М. А., Яковлева Е. Е., Альпидовская М. Л.

Социально-экономическое развитие как фундаментальный фактор, отражающий качество уровня жизни населения: проблемы и пути решения.....	159
---	-----

Bondarev M. A., Yakovleva E. E., Alpidovskaya M. L.

Socio-Economic Development as Fundamental Factor Reflecting the Quality of the Standart of Living of the Population: Problems and Solutions.....	159
--	-----

Дмитриева Д. М., Соловьева В. М., Рутенко Е. Г.

Новые подходы к устойчивости проектов минерально-сырьевого комплекса в условиях современных вызовов.....	170
--	-----

Dmitrieva D. M., Solovyova V. M., Rutenko E. G.

Novel Approaches to the Mining Projects' Sustainability in a View of Current Challenges.....	170
--	-----

Куликов М. М., Комиссарова М. А., Комарова А. В.

Воздействие цифровых ресурсов на развитие региональных систем в России.....	187
---	-----

Kulikov M. M., Komissarova M. A., Komarova A. V.

The Impact of Digital Resources on the Development of Regional Systems in Russia.....	187
---	-----

Лаврикова Н. И., Азарова Н. А., Опара М. В.

Формирование системы взаимодействия приоритетов управления потенциалом инновационной и человеческой деятельности.....	196
---	-----

Lavrikova N. I., Azarova N. A., Opara M. V.

Formation of a System of Interaction of Priorities for Managing the Potential of Innovation and Human Activity.....	196
---	-----

Сухарев О. С.

Измерение «цифровой» экономики и псевдоэффект технологического дуализма.....	206
--	-----

Sukharev O. S.

Measuring the «Digital» Economy and Pseudo Effect of Technological Dualism.....	206
---	-----

Философская инноватика	Philosophical innovation
Волохова Е. В. Социокультурный антропогенез российского общества: образы общественной и личной безопасности.....219	Volokhova E. V. Sociocultural Anthropogenesis of Russian Society: Images of Public and Personal Security.....219
Дашикова Е. В. Практики этнокультурного туризма: экзистенциальные аспекты.....228	Dashkova E. V. Ethnocultural Tourism Practices: Existential Aspects.....228
Любченко В. С. Социокультурное пространство современного общества: генезис и основные характеристики.....237	Lyubchenko V. S. Socio-Cultural Space of Modern Society: Genesis and Main Characteristics.....237
Майснер Т. Н. «Зеленая» экономика как фактор устойчивого экологического развития современного города.....246	Meisner T. N. Green Economy as a Factor of Sustainable Environmental Development of a Modern City.....246
Павлов П. В. Историчность в социальном знании: теоретико-методологические проблемы....257	Pavlov P. V. Historicity in social knowledge: theoretical and methodological problems.....257
Чернов И. В. Здоровье человека как предмет научного дискурса в области социально-гуманитарного знания.....264	Chernov I. V. Human Health as a Subject of Scientific Discourse in the Field of Social and Humanitarian Knowledge.....264
Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Экологические аспекты российской урбанизации/деурбанизации.....275	Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Environmental Aspects of Russian Urbanization/Deurbanization.....275
Научная жизнь	Scientific life
Дятлов А. В., Ковалев В. В., Воденко К. В. Принципы написания и оценки научной состоятельности диссертаций.....286	Dyatlov A. V., Kovalev V. V., Vodenko K. V. Principles of Writing and Evaluation Scientific Dissertations.....286
Бринк И. Ю. Философия и инженерное творчество.....296	Brink I. Yu. Philosophy and engineering creativity.....296

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК 314.1, 33

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-7-20

ФЕМИНИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ТУРЕЦКУЮ РЕСПУБЛИКУ

Сергей Васильевич Рязанцев¹✉, Зафар Кабутович Вазиров²,
Светлана Юрьевна Сивоплясова³

^{1, 2, 3}Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия

¹riazan@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID РИНЦ: 77673,
ResearcherId Web of Science: F-7205-2014, Author ID Scopus: 22136228700

²zafar.vazirov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9318-6873, AuthorID РИНЦ: 943543,
ResearcherId Web of Science: S-7156-2018, Author ID Scopus: 57194508693

³svetlankamos84@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3239-4230, AuthorID РИНЦ: 611010,
ResearcherId Web of Science: AAT-1436-2020, Author ID Scopus: 56623121500

Аннотация. Целью исследования является выявление тенденции феминизации миграционных потоков из стран Центральной Азии в Турцию, а также установление притягивающих факторов иммиграции в Турцию, определение форм миграции, численности и расселения мигрантов из стран Центральной Азии в Турции.

Методология исследования. В качестве методологической основы научное исследование опирается на комплекс взаимодополняющих общенаучных методов анализа. В статье используются данные официальной статистики международных организаций системы ООН (Международной организации по миграции, Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН), национальной статистики Турции (Главного директората по управлению миграции Турции (Turkish Directorate General of Migration Management) и Турецкого статистического института (Türkiye İstatistik Kurumu)). Был проведен социологический анализ платформ социальных сетей, взяты восемнадцать глубинных интервью у женщин-мигранток из стран Центральной Азии (Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана), проживающих в Стамбуле, а также женщин-коммерсанток на рынке «Корвон» в Душанбе, часто посещающих Турцию с коммерческими целями. Также были взяты интервью у шести экспертов, в роли которых выступали ученые в странах Центральной Азии и Турции, сотрудники международных организаций системы ООН (МОМ и ЮНФПА), сотрудники посольств Российской Федерации и Республики Таджикистан в Турецкой Республике.

Результаты исследования. Выявлены ключевые притягивающие факторы формирования миграционного коридора «Центральная Азия — Турция». Определены формы миграции, численность и расселение мигрантов из стран Центральной Азии в Турции. Выявлены проблемы адаптации и интеграции мигранток из Центральной Азии в Турции. Выявлены цент-

ральнoазиатские «цифровые диаспоры» в Турции. Установлено, что социальные сети в основном служат мигрантам из стран Центральной Азии для обмена информацией, в том числе о миграционной политике Турции. Выявлены серьезные расхождения между данными официальной статистики и экспертными оценками относительно численности мигрантов из стран Центральной Азии в Турции.

Перспективы исследования. К сожалению, женщины-мигранты из стран Центральной Азии в Турции имеют значительные риски в части ущемления своих трудовых и семейных прав. Следует также отметить, что пока Турция не проводит достаточного количества специальных программ адаптации и интеграции мигрантов из стран Центральной Азии. Данное направление заслуживает дальнейших исследований и внедрения в миграционную политику.

Ключевые слова: феминизация, женская миграция, Центральная Азия, Турция, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, пандемия, COVID-19

Для цитирования: Рязанцев С.В., Вазиров З.К., Сивоплясова С.Ю. Феминизация миграции из стран Центральной Азии в Турецкую Республику // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 7–20. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-7-20>.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-311-70020.

Original article

FEMINIZATION OF MIGRATION FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES TO THE TURKISH REPUBLIC

Sergey V. Ryazantsev¹✉, Zafar K. Vazirov², Svetlana Yu. Sivoplyasova³

^{1, 2, 3}*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹*riazan@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID RSCI: 77673,
ResearcherId Web of Science: F-7205-2014, Author ID Scopus: 22136228700

²*zafar.vazirov@mail.ru*, ORCID: 0000-0002-9318-6873, AuthorID RSCI: 943543,
ResearcherId Web of Science: S-7156-2018, Author ID Scopus: 57194508693

³*svetlankamos84@rambler.ru*, ORCID: 0000-0002-3239-4230, AuthorID RSCI: 611010,
ResearcherId Web of Science: AAT-1436-2020, Author ID Scopus: 56623121500

Abstract. The purpose of the study. The aim of the study is to identify the trend of feminization of migration flows from Central Asian countries to Turkey. And also to identify the attractive factors of immigration to Turkey, to determine the forms of migration, the number and settlement of migrants from Central Asian countries in Turkey.

The methodological basis of the study. As a methodological basis, scientific research is based on a set of complementary general scientific methods of analysis. The article uses data from official statistics of international organizations of the UN system (the International Organization for Migration, the UN Department of Economic and Social Affairs), the Turkish Directorate General of Migration Management and the Turkish Statistical Institute (Türkiye İstatistik Kurumu). We conducted a sociological analysis of social media platforms, took eighteen in-depth interviews with migrant women from Central Asian countries (Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan) living in Istanbul, as

well as women merchants at the «Korvon market» in Dushanbe, who often visit Turkey for commercial purposes. Six experts were also interviewed, including scientists in Central Asia and Turkey, employees of international organizations of the UN system (IOM and UNFPA), employees of the Embassies of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in the Republic of Turkey.

The results of the study. The key attracting factors of the formation of the migration corridor «Central Asia — Turkey» have been identified. The forms of migration, the number and settlement of migrants from Central Asian countries in Turkey are determined. The problems of adaptation and integration of migrants from Central Asia in Turkey are identified. Central Asian «Digital Diasporas» in Turkey have been identified. It has been established that social networks mainly serve migrants from Central Asian countries to exchange information, including on Turkey's migration policy. Serious discrepancies have been revealed between official statistics and expert estimates regarding the number of migrants from Central Asian countries in Turkey.

The prospects for further research. Unfortunately, migrant women from Central Asian countries in Turkey have significant risks in terms of infringement of their labor and family rights. It should also be noted that so far Turkey does not carry out a sufficient number of special programs for the adaptation and integration of migrants from Central Asian countries. This direction deserves further research and implementation in migration policy.

Keywords: feminization, female migration, Central Asia, Turkey, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, pandemic, COVID-19

For citation: Ryazantsev S. V., Vazirov Z. K., Sivoplyasova S. Y. Feminization of migration from Central Asian countries to the Turkish Republic // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 7–20. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-7-20>.

Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR according to the research project №20-311-70020.

Введение. Трудовая миграция из стран Центральной Азии, направленная в Российскую Федерацию и Республику Казахстан, представляет собой один из крупнейших и важных миграционных коридоров не только в Евразии, но и в мире. Только на территории Российской Федерации ежегодно в среднем работает приблизительно 3,9 млн. трудящихся-мигрантов из Центральной Азии, в том числе около 2 млн. граждан Узбекистана, 1 млн. граждан Таджикистана, 880 тыс. граждан Кыргызстана. Трудовая миграция играет важную роль в экономическом развитии как отправляющих мигрантов стран Центральной Азии, так и принимающих государств — Российской Федерации и Республики Казахстан, поскольку трудящиеся-мигранты восполняют потребности рынка труда в квалифицированных специалистах и неквалифицированных рабочих в принимающих странах, а также снимают напряжение на трудоизбыточных рынках труда и способствуют снижению бедности в регионе Центральной Азии. Роль

женщин в эмиграционных потоках из многих стран Центральной Азии стала активно расти в 2000-е годы. Традиционно Россия считалась основной принимающей страной для мигрантов из стран Центральной Азии, но в последнее время наблюдается постепенная переориентация миграционных потоков в страны ОЭСР и Ближнего Востока, в том числе в Турцию.

По данным МОМ, в 2020 году в мире насчитывалось 281 млн. международных мигрантов, что составляло 3,6% численности населения мира. В структуре мировой миграции 48% приходилось на женщин. Большинство мигрантов переезжали в другие страны с целью трудоустройства. Около 74% всех международных мигрантов находились в трудоспособном возрасте (20–64 года) (рис. 1).

Феминизация миграционных потоков — процесс, который стал набирать обороты в мировых миграциях в последние двадцать лет. Не остались в стороне от этого явления и страны Центральной Азии, которые явля-

ются активными донорами трудовых мигрантов. По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2020 году численность женщин-мигрантов в странах Европы, Северной Америки, Австралии и Океании превысила численность мужчин-мигрантов (табл. 1)². Главным образом это обусловлено повышением спроса на женский труд, в том числе в период пандемии COVID-19, когда увеличилась потребность в сиделках, нянях, вспомогательных работниках по хозяйству, медицинском персонале³.

В период пандемии COVID-19 мигранты оказались одной из наиболее уязвимых категорий населения в принимающих странах, они первыми увольнялись, теряли работу и доходы. Женщины-мигранты во время пандемии попали под двойной риск и гнет обстоятельств и как мигранты, и как женщины, оказавшись в крайне уязвимом положении в принимающих странах. Многие женщины из стран Центральной Азии

не стали исключением, потеряв работу в России, Казахстане, странах Ближнего и Среднего Востока.

Методы исследования и источники информации. В настоящей статье используются данные официальной статистики международных организаций системы ООН (МОМ, Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН), национальной статистики Турции — Главного директората по управлению миграции Турции (Turkish Directorate General of Migration Management (DGMM)) и Турецкого статистического института (Türkiye İstatistik Kurumu).

Был проведен социологический анализ (контент-анализ) социальных сетей на базе платформ Meta (фейсбук) и Telegram-канал ключевых характеристик «цифровых диаспор» из стран Центральной Азии в Турции, в том числе выявлялись социально-демографические характеристики участников

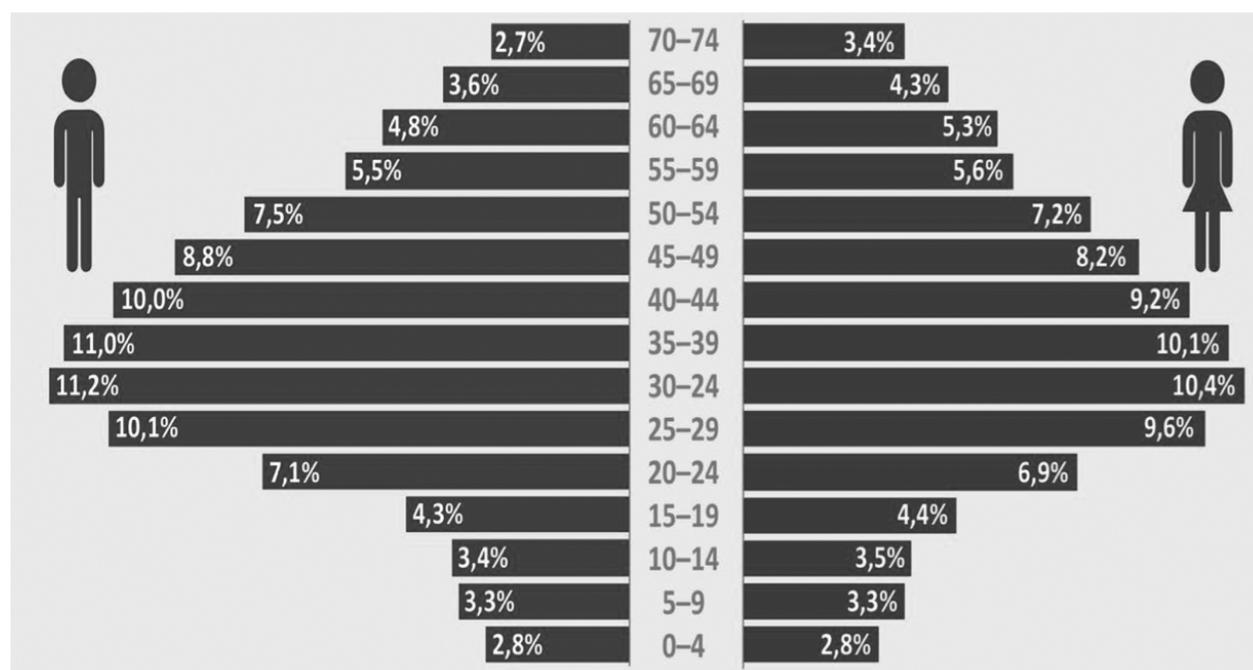

Рис. 1. Половозрастная структура международных мигрантов в 2020 году¹
Fig. 1. Age and sex structure of international migrants in 2020

1 World Migration Report 2020 [Electronic resource]. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/wmr-2020-interactive/> (date accessed: 25.09.2021).

2 Gender and migration [Electronic resource]. URL: <https://www.migrationdataportal.org/themes/gender-and-migration> (date accessed: 05.10.2021).

3 Данные Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migration-1> (дата обращения: 29.09.2021).

Таблица 1
Table 1

**Численность и половой состав международных мигрантов
в основных регионах мира в 2020 году**
**The number and sex composition of international migrants
in the main regions of the world in 2020**

Регион	Количество международных мигрантов, млн. человек	Женщины, %	Мужчины, %
Северная Америка	58,8	51,8	48,2
Европа	86,7	51,6	48,4
Азия	85,6	41,8	58,2
Латинская Америка и Карибский бассейн	14,8	49,5	50,5
Африка	25,4	47,1	52,9
Океания	9,4	50,5	49,5

социальных групп, роль и место женщин на рынке труда и их ключевые социально-экономические и социокультурные проблемы в Турции. Также были взяты глубинные интервью у женщин-мигранток из четырех стран Центральной Азии (Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана), проживающих в Стамбуле, а также женщин-коммерсанток на рынке «Корвон» в Душанбе, посещающих Турцию с коммерческими целями. Было собрано восемнадцать глубинных интервью в сентябре 2021 году.

Также были взяты интервью у шести экспертов, в роли которых выступали ученые в странах Центральной Азии и Турции, сотрудники международных организаций системы ООН (МОМ и ЮНФПА), сотрудники посольств Российской Федерации и Республики Таджикистан в Турецкой Республике.

Факторы формирования миграционного коридора «Центральная Азия — Турция». После распада СССР изменились геополитические условия в Евразии. Турецкая Республика начала активно устанавливать дипломатические отношения со всеми странами Центральной Азии. Учитывая, что народы стран Центральной Азии и Тур-

ции связаны историческими, культурными, языковыми особенностями, религиозными ценностями, на новом этапе отношения между странами развивались достаточно активно. С древнейших времен страны связывали и миграционные процессы. Например, великий мыслитель Мавлоно Джалалиддина Балхи (Руми), родившийся 30 сентября 1207 года в Вахше (современный Таджикистан), умер 17 декабря 1273 года в Конье в Конийском султанате (современная Турция)⁴.

Традиционно Россия считается главной принимающей страной мигрантов из стран Центральной Азии, но в последнее время наблюдается постепенная переориентация миграционных потоков в страны ОЭСР и Ближнего Востока. Постепенно Турция стала значимой страной с точки зрения приема мигрантов из стран Центральной Азии, в том числе Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана. В 2000–2020-е годы сформировался достаточно устойчивый и масштабный миграционный коридор «Центральная Азия — Турция».

Можно выделить несколько основных притягивающих факторов, способствующих миграции граждан стран Центральной Азии в Турцию.

4 МИД Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/25/otnosheniya-tadzhikistana-s-turtsiei> (дата обращения: 20.10.2021).

Первый фактор — безвизовый режим⁵. Для въезда в Турецкую Республику граждане всех стран Центральной Азии освобождены от оформления визы. Это существенно упрощает попадание мигрантов на территорию Турции, но в то же время провоцирует риски незаконного пребывания мигрантов, прежде всего трудовых.

Второй фактор — близость центральноазиатских и турецкого языков. Все национальные языки стран Центральной Азии (туркменский, казахский, кыргызский, узбекский, каракалпакский и др.), кроме таджикского, и турецкий язык входят в семью тюркских языков, что существенно облегчает общение и взаимопонимание между мигрантами и местным населением, позволяет тюркоговорящим мигрантам в кратчайшие сроки усовершенствовать турецкий язык, а также адаптироваться и интегрироваться в турецкое общество.

Третьим фактором можно считать религию и общие культурные ценности. Основной религией стран Центральной Азии и Турецкой Республики является ислам: более 95% населения государств исповедуют суннитский ислам.

Четвертый фактор — быстро развивающаяся экономика Турции порождает значительный спрос на дешевую иностранную рабочую силу, которая есть в настоящее время в избытке в странах Центральной Азии. Кроме того, рынок дешевых товаров Турции привлекает коммерческих мигрантов («челноков») из стран Центральной Азии.

Пятый фактор — развитие системы образования и специальных образовательных программ для студентов из стран Центральной Азии в Турции. В некоторых странах Центральной Азии открываются школы на турецком языке. Также правительство и университеты Турецкой Республики оказывают поддержку молодежи, желающей получить образование на турецком языке, в виде грантов и стипендий.

Шестой фактор — богатая история и культура, развитая торговля товарами, кли-

матические условия, морское побережье, система обслуживания «all inclusive» («всё включено») привлекают в Турцию множество туристов. В последнее время Турция также развивается как центр международного медицинского туризма⁶. Например, сюда едут для лечения сахарного диабета, генетических заболеваний (бесплодие, ЭКО), осуществления пластических операций (ринопластика, блефаропластика, липосакция). Многие туристы затем переезжают в страну как инвесторы, коммерсанты, специалисты, трудовые мигранты.

Седьмой фактор — отличная транспортная доступность Турции, которая имеет прямые регулярные авиасообщения, а также множество чартерных авиарейсов со странами Центральной Азии. Турция практически не прекращала воздушное сообщение со многими странами даже в период пандемии COVID-19. В рекламе крупнейшей турецкой авиакомпании «Туркиш Эйрлайнс» аэропорт Стамбула позиционируется как «глобальная точка встреч». Также мигранты используют Турцию в качестве одного из основных транзитных коридоров для дальнейшей миграции в другие страны, прежде всего Европы.

Формы миграции, численность и расселение мигрантов из стран Центральной Азии в Турции. Основными видами миграции из стран Центральной Азии в Турцию являются: 1) трудовая миграция; 2) семейная миграция или миграция с целью воссоединения семьи; 3) коммерческая («челночная») миграция; 4) образовательная миграция; 5) брачная миграция; 6) туристическая миграция, в том числе медицинский туризм; 7) транзитная миграция. В каждой из перечисленных категорий мигрантов представлены женщины. Приведем жизненные истории различных категорий мигранток.

Айперу (Кыргызстан), женщина, 24 года, живет в Стамбуле: «Я сейчас подрабатываю гидом и переводчиком с турецкого на русский язык в туристической компании,

5 MFA of Turkey [Electronic resource]. Visa. URL: <https://www.mfa.gov.tr/visa-information-for-foreigners.en.mfa> (date accessed: 27.10.2021).

6 Medical Tourism Index 2020–2021 // Global Healthcare Resources & International Healthcare Resource Center [Electronic resource]. URL: <https://www.medicaltourism.com/mti/home> (date accessed: 14.10.2021).

но в основном сюда я приехала учиться, я магистрантка 1 курса. В дальнейшем планирую остаться жить в Турции».

Мавлюда (Таджикистан), женщина, коммерсант, 45 лет, живет в Душанбе: «Каждые два месяца приходится ездить в Стамбул за турецкими товарами, так как у меня две точки на рынке «Корвон»: в первой точке продаю женское белье, на второй — женские и мужские костюмы. Турецкие товары имеют большой спрос, у нас они считаются качественными и привлекательными».

Сабрина (Таджикистан), женщина, коммерсант, 34 года, живет в Душанбе: «Я продаю постельное белье и полотенца. Обычно в полгода три-четыре раза езжу в Турцию. Все зависит от продаж».

Согласно данным Главного директората по управлению миграции Турции (Turkish Directorate General of Migration Management (DGMM)), по состоянию на октябрь 2021 года на территории страны с различными целями находилось более 4,9 млн. иностранных граждан⁷. С видом на жительство в Турции

проживали 1221 тыс. иностранцев, в том числе из Туркменистана 119 тыс., Узбекистана — 65 тыс., Казахстана — 36 тыс. человек⁸. В большинстве своем выходцы из стран Центральной Азии живут в крупных городах Турции: Стамбуле, Анкаре, Анталье, Бурсе, Измире, Самсуне и др.⁹ Также в 2021 году 88667 иностранных семей получили семейный вид на жительство в Турции, в том числе 17747 семей из стран Центральной Азии: это 6417 семей из Узбекистана, 4675 семей из Туркменистана, 3633 семей из Кыргызстана, 3022 семей из Казахстана (рис. 2)¹⁰.

По данным национального статистического института (Türkiye İstatistik Kurumu), в Турции в период с 2014 по 2019 годы было зарегистрировано 1531 тыс. иностранных граждан, проживающих более одного года, из которых 753 тыс. — женщины (49% мигрантов). Самыми крупными группами мигрантов были женщины из Ирака — 149 тыс., Афганистана — 64 тыс., Туркменистана — 59 тыс. человек (рис. 3). Также ощутима численность мигранток из других стран Цент-

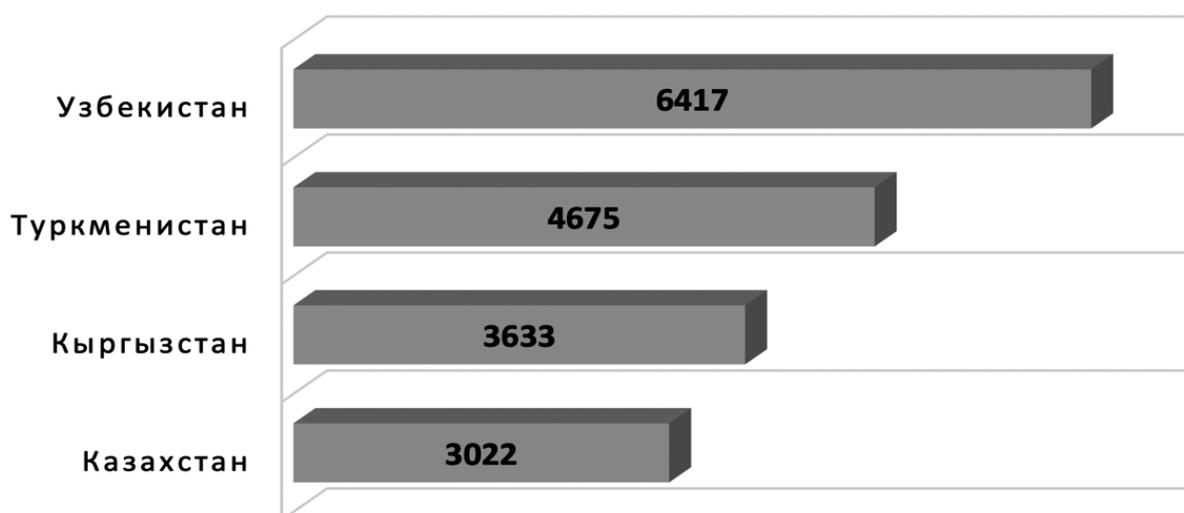

Рис. 2. Численность мигрантов, проживающих с семейным видом на жительство в Турции (Family Residence Permit in Turkey) по состоянию на 14.10.2021 года

Fig. 2. The number of migrants living with a family residence permit in Turkey as of 10/14/2021

⁷ IOM Turkey [Electronic resource]. URL: https://turkey.iom.int/sites/turkey/files/sitreps/Turkey_Compilation_10_september_21_0.pdf (date accessed: 05.10.2021).

⁸ Göç İdaresi Başkanlığı [Electronic resource]. URL: <https://www.goc.gov.tr/ikamet-izinleri> (date accessed: 15.10.2021).

⁹ Türkiye İstatistik Kurumu'nun İSTATİSTİK VERİ PORTALI [Electronic resource]. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=Nufus-ve-Demografi-109> (date accessed: 21.10.2021).

¹⁰ Göç İdaresi Başkanlığı [Electronic resource]. URL: <https://www.goc.gov.tr/ikamet-izinleri> (date accessed: 14.10.2021).

ральной Азии: Узбекистана — 32 тыс., Кыргызстана — 17 тыс., Казахстана — 13 тыс. человек (рис. 3)¹¹. В эту статистику не входят мигранты, которые не имеют долгосрочных виз, а также прибывшие с целью обучения, туризма, коммерции, научных исследований.

Нигина (Таджикистан), женицина, 35 лет, живет в Стамбуле: «Работаю я продавщицей, продаю ювелирные изделия, в основном золотые. Почему Турция? В Турции миграционный закон не такой жестокий, как в России. У меня много знакомых работает в России, они рассказывают, что за мельчайшее нарушение тебя депортируют, ежемесячные налоги очень высокие, люди злые, невозможно снять квартиру и много других проблем. А тут не так, к нам относятся с уважением. Здесь тоже нас очень много, в основном таджики, живут в микрорайоне Аксарай, это в районе Фатих».

Согласно экспертным оценкам, численность мигрантов из Центральной Азии несколько выше, чем по данным официальной статистики. Например, численность граждан Республики Таджикистан эксперты оценивают от 5 до 7 тыс. человек (т.е. в два-три раза выше официальных данных). Очевидно, что

некоторая часть мигрантов задерживается в Турции, нарушая визовый и регистрационный режим.

Проблемы адаптации и интеграции женщин из стран Центральной Азии в турецкое общество. Анализ платформ социальных сетей Meta (Фейсбук) и Telegram-каналов показал, что социальные сети в основном служат центральноазиатским мигрантам средством общения и обмена информацией о миграционной политике Турции, способах решения миграционных и жизненных проблем, обмена информацией о вакансиях на рынке труда разных городов, местом онлайн-рекрутинга, обмена опытом адаптации и интеграции в турецкое общество. Контент-анализ показал, что наиболее активными и многочисленными в цифровом пространстве являются мигранты из Казахстана. Наиболее крупными по охвату участников являются социальные группы «Казахи в Турции» (около 39 тыс.), «Казахстанцы в Турции» (19 тыс.), «Казахи в Алании» (9 тыс. человек). Среди цифровых сообществ кыргызстанцев наиболее многочисленными являются «Кыргызстанцы в Турции» (8,6 тыс.) и «Кыргызы

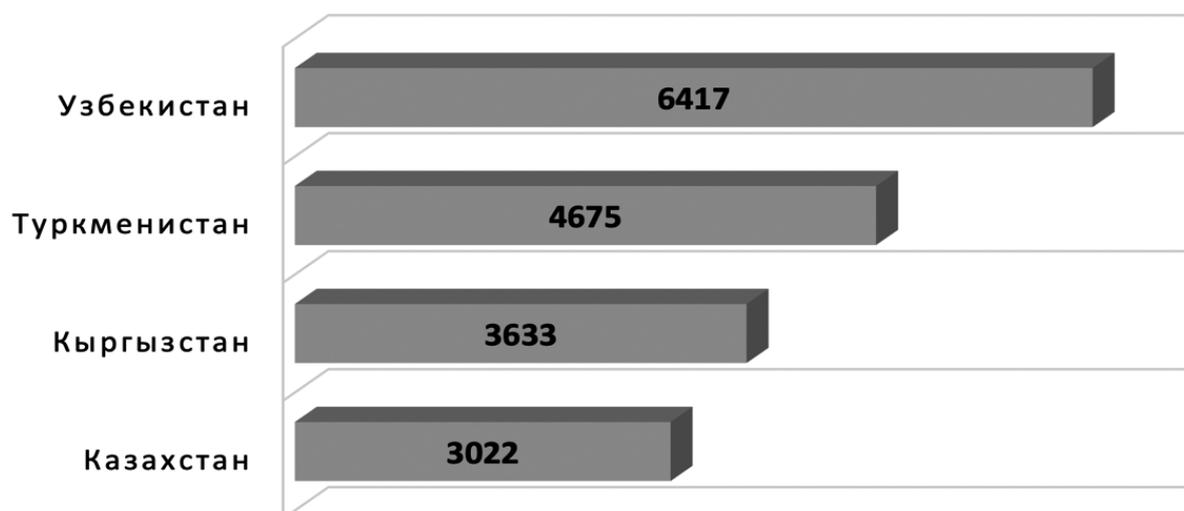

Рис. 3. Численность зарегистрированных женщин — долгосрочных мигрантов из стран Центральной Азии в Турции в 2014–2019 гг., человек

Fig. 3. The number of registered women — long-term migrants from Central Asian countries in Turkey in 2014–2019, persons

¹¹ Türkiye İstatistik Kurumu 2020 [Electronic resource]. URL: <https://data.tuik.gov.tr/Kategori/GetKategori?p=nufus-ve-demografi-109&dil=1> (date accessed: 29.10.2021)

в Стамбуле» (3,2 тыс. человек). Также значительны по численности цифровые сообщества «Таджики в Турции» (5,7 тыс.) и «Туркменистанцы» («Работа в Турции») (7,1 тыс. человек). Наименее цифровизированной оказалась община узбекистанцев в Турции (табл. 2)¹².

Контент-анализ социально-демографических характеристик участников социальных групп показал, что около 70% членов «цифровых диаспор» из Центральной Азии в Турции — женщины. Также нужно отметить, что в 75% случаев женщины являются администраторами цифровых социальных групп. Большинство участников социальных сетей составляют молодые люди (около 70%) и люди с высшим образованием (50%).

К ключевым проблемам адаптации и интеграции женщин-мигрантов из стран Центральной Азии в Турции можно отнести следующие.

Во-первых, сложности официально-го трудоустройства. Женщины-мигранты из стран Центральной Азии достаточно востребованы в некоторых нишах на турецком рынке труда. Контент-анализ социальных сетей показал, что большинство вакансий в Турции, представленных в центральноазиатских социальных сетях, предназначены именно для женщин. Лидируют такие вакансии, как «помощница по дому», «няня», «гувернантка», «бэби-ситтер», «мастер в женский салон красоты», «горничная», «массажист», «официант», «медсестра», «аниматор», «врач» и др. Но следует отметить: несмотря на близость языков и религии, чтобы найти работу в Турции, мигранткам требуются время, информация, определенные навыки, соответствие запросам работодателей. Кроме того, оформить занятость мигранткам официально достаточно сложно в силу разных обстоятельств. По-прежнему многие турецкие работодатели предпочитают нанимать работников на основе устной договоренности.

Тахмина (Туркменистан), женщина, 32 года, живет в Стамбуле: «В Турцию я по-

ехала, как почти все наши граждане, за лучшей жизнью. Я знаю турецкий язык, потому что он на 80% похож на наш язык. Сейчас я работаю домработницей и няней, смотрю за бабушкой и внучкой, и мне платят хорошие деньги».

Айгерим (Кыргызстан), женщина, 30 лет, живет в Стамбуле: «Я приехала недавно, пока ищу работу, не могу найти, и еще мне нужно оформить рабочую визу или получить вид на жительство».

Во-вторых, слабая защищенность и недоступность юридической помощи женщинам из стран Центральной Азии по вопросам семейных отношений, расторжения браков, сохранения возможности проживания детей с матерью после развода. В последние годы увеличилось количество межнациональных браков женщин из стран Центральной Азии с турецкими с мужчинами. В то же самое время происходят разводы, которые сопровождаются спорами и конфликтами. Зачастую женщины-мигранты попадают в крайне уязвимое положение после развода, в том числе теряют детей, которых оставляют, как правило, с турецкими отцами.

Дилара (Туркменистан), женщина, 29 лет, живет в Стамбуле: «Я сейчас развожусь с мужем-турком, и мне нужна правильная юридическая консультация, как мне оставить сына у себя. На адвоката денег нет, и даже не знаю, поможет ли вообще адвокат вернуть мне сына».

В-третьих, женщины-мигранты из Центральной Азии зачастую становятся жертвами трудовой и сексуальной эксплуатации, жертвами домашнего насилия в Турции. Широко распространены случаи отбора паспортов у мигранток, принуждения их к занятию проституцией, факты трудовой эксплуатации.

*В октябре 2021 года в Турции в городе Текирдаге свекор-турок жестоко убил и расчленил свою 31-летнюю невестку — гражданку Кыргызстана. В это время муж находился вне дома. Причины происшествия выясняет полиция*¹³.

¹² Meta (Facebook) и Telegram [Electronic resource]. URL: <https://www.facebook.com>; <https://telegram.org> (date accessed: 3.11.2021).

¹³ Sputnik Кыргызстан // В Турции свекор жестоко убил невестку из КР. Видео с места происшествия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/incidents/20211013/1054212553/turtsiya-kyrgyzstanka-ubiystvo-svekor.html> <https://ru.sputnik.kg/incidents/20211013/1054212553/turtsiya-kyrgyzstanka-ubiystvo-svekor.html> (дата обращения: 1.11.2021).

Таблица 2

Table 2

**Оценка численности «цифровых диаспор» из стран Центральной Азии в Турции, чел.
 Estimation of the number of «digital diasporas» from Central Asian countries in Turkey, people**

Название	Численность участников, чел.	Режим доступа
<i>Социальные группы мигрантов из Республики Казахстан</i>		
Казахи в Турции	38843	https://www.facebook.com/groups/kazakhsinturkey/?ref=share
Казахстанцы в Турции	19200	https://www.facebook.com/groups/710508789010481/?ref=share
Казахи в Алании	9057	https://www.facebook.com/groups/1414965548830086/?ref=share
Казахи в Турции	2772	https://t.me/kazahivturc
Казахстанцы в Турции	734	https://t.me/turkey_kazakhtar
<i>Социальные группы мигрантов из Кыргызской Республики</i>		
Кыргызстанцы в Турции (Түркиядагы Кыргызстандыктар)	8645	https://www.facebook.com/groups/kyrgyzstambul/?ref=share
Кыргызы в Стамбуле (Istanbul'da kirgizlar)	3216	https://www.facebook.com/groups/938636236213199/?ref=share
Кыргызы в Турции (Turkiyede Kyrgyzlar)	2915	https://www.facebook.com/groups/1478682645682093/?ref=share
Кыргызстанцы, проживающие в Турции (Туркияда жашаган Кыргызстандыктар)	1104	https://www.facebook.com/groups/734309017294705/about
Кыргызы в Турции	90	https://t.me/kginturkey
<i>Социальные группы мигрантов из Республики Таджикистан</i>		
Таджики в Турции (Тоҷикони Туркия)	5685	https://www.facebook.com/groups/1349260108463482/about
Таджики в Турции	185	https://t.me/tajikvturk
<i>Социальные группы мигрантов из Туркменистана</i>		
Туркменистанцы (Работа в Турции)	7072	https://www.facebook.com/groups/468701353575806/?ref=share
Türkiyedäki Türkmenler (Туркмены в Турции)	2350	https://www.facebook.com/turkmeninturkey/
<i>Социальные группы мигрантов из Республики Узбекистан</i>		
Узбеки в Анталии	964	https://www.facebook.com/groups/617204202020498/?ref=share

Как сообщает информационное агентство 24KG, в городе Измире в Турции в январе 2021 года были взяты под стражу 8 женщин-иммигранток за предоставление интимных услуг. В основном это гражданки Узбекистана, Кыргызстана, России и Украины. Их заставляли заниматься проституцией путем давления и избиения¹⁴.

Также по данным издания Turkmen.news, в феврале 2021 года были задержаны 42 человека за организацию и занятие проституцией, из которых 13 женщин были гражданками Узбекистана и Туркменистана. Организаторы заманивали женщин путем обмана, обещая хорошую работу и зарплату. После прибытия члены преступной организации отбирали паспорта у женщин-иммигранток, фотографировали их обнаженными, затем, угрожая, что они отправят эти фотографии семьям иммигранток, принуждали к занятию проституцией¹⁵.

В-четвертых, ограниченный доступ к медицинской и социальной помощи женщин-мигранток из стран Центральной Азии. По причине отсутствия официального статуса и письменного трудового контракта многие мигранты из стран Центральной Азии оказываются исключенными из системы медицинского обслуживания. Это особенно актуально для женщин-мигрантов, которые не имеют возможности обратиться к врачу вовремя, запускают многие болезни, в том числе гинекологические, что нарушает их репродуктивные функции.

Мадина (Узбекистан), женщина, 42 года, живет в Стамбуле: «В период безвизового срока я не успела оформить визу и медицинскую страховку. Когда я заболела и нужна была операция, я не смогла бесплатно это сделать. Мне помогли родные, собрали деньги, и я сделала операцию в платной клинике».

В-пятых, отсутствие специальных адаптационных курсов для женщин-мигрантов по обучению турецкому языку и культуре, правилам поведения в турецкой семье и об-

ществе. К сожалению, Турция не проводит специальных адаптационно-интеграционных программ для мигрантов из стран Центральной Азии, их адаптация и интеграция происходит без поддержки государства.

Сайрам (Таджикистан), женщина, 38 лет, живет в Стамбуле: «Я и моя 13-летняя дочь хотим изучить турецкий язык, даже знаю: в Стамбуле есть такая государственная бесплатная программа ISMEK для изучения турецкого языка и культуры, но проблема в том, что на эти курсы можно записаться, если есть вид на жительство и тебе исполнилось 16 лет».

Заключение. В исследовании выявлены ключевые притягивающие факторы формирования миграционного коридора «Центральная Азия — Турция», а именно: безвизовый режим, близость языков, религия и общие культурные ценности, быстро развивающаяся экономика Турции, развитие системы образования и специальных образовательных программ в Турции, туристическая привлекательность и транспортная доступность страны. Данные факторы в определенном сегменте переориентируют миграционный поток из стран Центральной Азии в пользу Турции. Можно предполагать, что данных мигрантов теряют Российская Федерация и Республика Казахстан.

Определены виды женской миграции из Центральной Азии в Турцию. Наиболее распространенными являются трудовая миграция, семейная миграция или миграция с целью воссоединения семьи, коммерческая («челночная») миграция, образовательная миграция. Женщины представлены практически во всех миграционных потоках. Турецкое общество и турецкий рынок труда имеют потребности и ниши, которые заполняют женщины-мигранты из стран Центральной Азии. Главным образом, это сфера обслуживания, социальная сфера, «домашняя экономика».

Выявлены серьезные расхождения между данными официальной статистики и экспер-

14 24KG // В Турции кыргызстанок принуждали к проституции. Подозреваемые арестованы [Электронный ресурс]. URL: https://24.kg/proisshestvija/180471_vturtsii_kyrgyzstanok_prinujdali_kprostitsii_podozrevaemye_arestovanyi/ (дата обращения: 1.11.2021).

15 Turkmen.News [Электронный ресурс] // В Турции разгромили банду организаторов проституции, среди задержанных есть гражданки Туркменистана и Узбекистана. URL: <https://turkmen.news/turkmenistan-turcia-prostitutia/> (дата обращения: 1.11.2021).

тными оценками относительно численности мигрантов из стран Центральной Азии в Турции. Большая численность мигрантов согласно экспертным оценкам обусловлена наличием значительной категории мигрантов, которые просрочили визы или не прошли регистрационных процедур, но работают и проживают в Турции. Данные расхождения достигают двух-трех раз (например, численность граждан Таджикистана оценивается 2,3 тыс. человек по официальным данным, а по экспертным оценкам — от 5 до 7 тыс. человек). Данный факт косвенно подтверждает и численность участников цифровых социальных сетей — крупнейшее цифровое объединение таджиков охватывает 5,6 тыс. членов.

Преимущественно мигранты из стран Центральной Азии расселены в крупных городах Турции, в том числе в Стамбуле, Анкаре, Анталье, Бурсе, Измире, Самсуне. Контекст-анализ выявил, что наиболее включенными в цифровое пространство оказались мигранты из Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Таджикистана, а в наименьшей степени — мигранты из Узбекистана. Цифровизация диаспор сопровождается созданием социальных пространств для решения социально-экономических и социокультурных проблем, способствуя адаптации и интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в турецкое общество.

Женщины-мигрантки из Центральной Азии достаточно успешно адаптируются и интегрируются в турецкий социум, в целом успешно преодолевая сложности трудоустройства и взаимодействия с местным населением. Более успешна адаптация и интеграция в Турции мигранток из Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана. Главным образом, это связано с близостью тюркских языков. На этом фоне мигранткам из Таджикистана требуется больше усилий и времени на адаптацию и интеграцию в турецкое общество — таджикский язык относится к персидской группе. Женщины-мигранты активно включены в цифровые социальные пространства, что способствует коммуникации мигрантов. Установлено, что социальные сети (Facebook и Телеграмм) в основном служат мигрантам из стран Центральной Азии инструментом социальной поддержки, позволяют обмениваться информаци-

ей о жизни в Турции, способствуют поиску работы.

К сожалению, женщины-мигранты из стран Центральной Азии в Турции имеют значительные риски в части ущемления своих трудовых и семейных прав. Следует также отметить, что пока Турция не проводит достаточного количества специальных программ адаптации и интеграции мигрантов из стран Центральной Азии. Данное направление заслуживает дальнейших исследований и внедрения в миграционную политику.

Список источников

1. Батенева Е. В. Женская миграция из стран Центральной Азии: проблемы и особенности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. №1(51). С. 90–94.

2. Рязанцев С. В., Ичдульгу А., Маньшин Р. В., Лукьянец А. С. Туризм между Россией и Турцией: тенденции и перспективы // Туризм: право и экономика. 2014. №1. С. 2–7.

3. Рязанцев С., Вазиров З., Храмова М., Смирнов А. Влияние пандемии COVID-19 на положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в России // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. №3. С. 64–76.

4. Сивоплясова С. Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2020. №3. С. 106–113.

5. Сивоплясова С. Ю., Рязанцев С. В. Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. выпуск. С. 136–149.

6. Сэма Эрдер. Новые тенденции международной миграции населения и опыт Турции // Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В. А. Ионцев. Вып. 4. М.: МАКС Пресс, 2000. С. 21–34.

References

1. Bateneva E. V. Zhenskaja migracija iz stran Central'noj Azii: problemy i osobennosti [Female migration from Central Asian countries: problems and features]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State Univer-

sity of Culture and Arts]. 2013; 1(51): 90–94. (In Russ.).

2. Rjazancev S. V., Ichdul'gu A., Man'shin R. V., Luk'janec A. S. Turizm mezhdu Rossiej i Turciej: tendencii i perspektivy [Tourism between Russia and Turkey: trends and prospects]. *Turizm: pravo i jekonomika* [Tourism: Law and Economics]. 2014; (1): 2–7. (In Russ.).

3. Rjazancev S., Vazirov Z., Hramova M., Smirnov A. Vlijanie pandemii COVID-19 na polozhenie trudovyh migrantov iz Central'noj Azii v Rossii [The impact of the COVID-19 pandemic on the situation of labor migrants from Central Asia in Russia]. *Central'naja Azija i Kavkaz* [Central Asia and the Caucasus]. 2020; 23(3): 64–76. (In Russ.).

4. Sivopljasova S. Ju. Zhenskaja trudovaja migracija v period pandemii COVID-19 [Female labor migration during the COVID-19 pandem-

ic]. *Nauchnoe obozrenie. Serija 1. Jekonomika i pravo* [Scientific review. Series 1. Economics and law]. 2020; (3): 106–113. (In Russ.).

5. Sivopljasova S. Ju., Rjazancev S. V. Brachnoe povedenie zhenshhin-migrantok iz stran Central'noj Azii [Marital behavior of migrant women from Central Asian countries]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society]. 2021. Special'nyj vypusk. P. 136–149. (In Russ.).

6. Sjema Jerder. Novye tendencii mezhdunarodnoj migracii naselenija i opyt Turcii [New trends in international migration and Turkey's experience]. *Mezhdunarodnaja migracija naselenija: Rossija i sovremennyj mir* [International migration of the population: Russia and the Modern world]. Gl. red. V. A. Ioncev [In V. A. Ioncev (eds.)]. Issue. 4. Moscow: MAKS Press, 2000. P. 21–34. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 03.12.2021; принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted on 25.11.2021; approved after reviewing on 03.12.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корресподент РАН, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Sergey V. Ryazantsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вазиров Зафар Кабутович — младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Zafar K. Vazirov — Junior Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Сивоплясова Светлана Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Svetlana Yu. Sivoplyasova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Рязанцев С. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Вазиров З. К. — сбор информации; доработка текста; итоговые выводы.

Сивоплясова С. Ю. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Ryazantsev S. V. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Vazirov Z. K. — collection of information; revision of the text; final conclusions.

Sivoplyasova S. Yu. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-21-31

ЦИФРОВАЯ ДИАСПОРА: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ МЕДИА-АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Юрий Григорьевич Волков^{1✉}, Владимир Иванович Курбатов²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2}Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия

¹ugvolkov@sfedu.ru[✉], ORCID: 0000-0001-5696-1570, AuthorID РИНЦ: 72232

²kurbashy@list.ru, ORCID: 0000-0003-1455-9326, AuthorID РИНЦ: 73796

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть медиа-ресурсы мигрантских цифровых диаспор, их роль в медиа-социальной адаптации мигрантов через посредство онлайн-коммуникации в цифровых диаспорах и самопрезентации в трансграничном информационном пространстве.

Результаты исследования. Информационная эпоха характеризуется расширением представленности мигрантов в социальных сетях, в создании онлайн сетевых мигрантских комьюнити, в их позиционировании там, в информационной самопрезентации и самореализации, в развитии новых форм социальной адаптации мигрантов в трансграничном информационном пространстве, в формировании так называемых мигрантских цифровых диаспор.

Ключевые слова: мигранты, социальные сети, цифровая диаспора, конструирование идентичности, медиа-социализация мигрантов, платформа социальных сетей как ресурс расширения возможностей социализации, цифровая диаспора как социальный институт информационного общества

Для цитирования: Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Цифровая диаспора: новые горизонты медиа-адаптации мигрантов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 21–31. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-21-31>.

Original article

DIGITAL DIASPORA: NEW HORIZONS OF MIGRANT MEDIA ADAPTATION

Yury G. Volkov^{1✉}, Vladimir I. Kurbatov²

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

^{1,2}South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

¹ugvolkov@sfedu.ru[✉], ORCID: 0000-0001-5696-1570, AuthorID RSCI: 72232

²kurbashy@list.ru, ORCID: 0000-0003-1455-9326, AuthorID RSCI: 73796

Abstract. The purpose of this article. The article discusses the media resources of migrant digital diasporas, their role in the media social adaptation of migrants through online communication in digital diasporas and self-presentation in a cross-border information space.

The results of the study. The information age is characterized by the increased representation of migrants in social networks, in the creation of on-line network of migrant communities, in their positioning there, in informational self-presentation and self-realization, in the development of new forms of social adaptation of migrants in a cross-border information space, in the formation of so-called migrant digital diasporas.

Keywords: migrants, social networks, digital diaspora, identity construction, media socialization of migrants, social networking platform as a resource for expanding socialization opportunities, digital diaspora as a social institution of the information society

For citation: Volkov Yu. G., Kurbatov V.I. Digital diaspora: new horizons of migrant media adaptation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 21–31. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-21-31>.

Введение. В связи с глобализацией как мировым трендом миграционные процессы на современном этапе приобретают массовый характер, в связи с чем все большую значимость приобретает их исследование. Миграционная ситуация, связанная с этими процессами, определяется множеством факторов, среди которых выделяют миграционную мобильность, характерную для того или иного региона, стабильность и конфликтогенность региона, те или иные региональные проявления миграционной политики, этнонациональную, поселенческую и демографическую структуру региона, трудоизбыточные и трудодефицитные показатели, демографический баланс и дисбаланс миграционных потоков и т.п. Это является предметом исследовательского интереса таких отечественных и зарубежных авторов, как А. В. Аверьянов [1], В. А. Авксентьев [2], М. А. Аствацаурова [3], В. С. Белозеров [4], О. А. Васильева и Ю. Д. Гражданов [5], А. В. Демина [6], С. Н. Зинев [2], И. В. Ивахнюк [7], Д. А. Лавриненко, О. И. Лепилкина, Э. Т. Майборода [2], И. А. Морозова [8], В. И. Мукомель [9], И. В. Семятин [8], А. Беттс [10], З. Делеза [11], Б. Коблер, П. Латтес [12], С. Мартинес [13], Д. Массей [14], А. Селимано [15] и другие [1].

В информационную эпоху возник еще один фактор, который во многом определяет новое измерение миграционной ситуации и существенное смещение приоритетов в ее оценке. Этот фактор связан с представленностью мигрантов в социальных сетях,

в создании онлайн сетевых мигрантских комьюнити, в их позиционировании там, в информационной самопрезентации и самореализации, в развитии новых форм социальной адаптации мигрантов в трансграничном информационном пространстве, в формировании так называемых мигрантских цифровых диаспор. Это стало предметом анализа многих отечественных и зарубежных исследователей, таких как В. Т. Ананьина, Л. В. Ахметова, О. Бредникова, М. Н. Бычкова, А. П. Глухов, И. В. Гужова, В. И. Дятлов, С. С. Носова, М. Кайзер, И. П. Кужелева-Саган, Г. А. Окушова, Ю. М. Стаховская, Дж. Бринкерхофф, И. Дикер, К. Леурс, М. Пренски и других [16–18].

Данная статья ставит своей задачей рассмотрение информационных медиа-ресурсов мигрантских цифровых диаспор, их роли в социальной адаптации мигрантов через посредство онлайн-коммуникации в цифровых диаспорах и самопрезентации в трансграничном информационном пространстве.

Соответственно, объектом исследования являются мигрантские цифровые диаспоры, а предметом — реализация посредством медиа-ресурсов цифровых диаспор функций самопрезентации мигрантов, конструирования цифровой виртуальной идентичности и в конечном счете их новые способы социальной адаптации в информационном пространстве.

Методология исследования. Цифровая мигрантская диаспора как новый вид соци-

альности в информационную эпоху представляет собой специфический информационно-коммуникационный конструкт, поэтому основной исследовательской методологической парадигмой является методология социального конструктивизма, которая разрабатывается в работах таких отечественных и зарубежных исследователей, как Л. Е. Баксанский [19], Т. Бергер [20], Е. Н. Кучер, Т. Лукман [20], Дж. Раскин, С. Б. Токарева [21] и других авторов [3]. В частности, в качестве методологических принципов социального конструктивизма использованы принципы экспликации реальности (социальной, коммуникационной, консенсусной и медиа-реальности), понимание конструкта как виртуальной модели объяснения реальности, методы институализации, легитимизации. Для характеристики информационно-коммуникационного функционирования цифровых диаспор использованы принципы коммуникационно-взаимодействия Н. Лумана, с точки зрения самореференции, структурного соответствия и ценностной селекции [22].

Социальная адаптация мигрантов в информационном пространстве, выражающаяся в самопрезентации и конструировании новой идентичности, анализируется в единстве двух подходов: драматургически-жанрового и ресурсно-динамического.

С точки зрения первого, социальная адаптация мигрантов посредством цифровой диаспоры осуществляется как жанровая драматургия на основе этнокультурных маркеров в личностной самопрезентации персонального «Я», а с точки зрения второго подхода — для экспликации самопрезентации привлекаются такие информационные ресурсы, как социальные, социетальные, персонально-личностные и профессиональные.

Результаты. В самом обыденном понимании мигрант — это в первую очередь фенотипически отличный человек, говорящий на другом языке, с поведением, отличающимся от общепринятых канонов и социальных норм. Социологические исследования показывают, что местное население видит мигрантов на самых «нижних этажах» отраслей региональной экономики: уборка и другие услуги ЖКХ (40%), строительство и дорожные работы (36%), сельское хозяйство (27%), ра-

бота по найму у граждан (13%). Тем не менее, почти четверть опрошенных (24%) твердо заявили, что ни в каких профессиях мигранты не нужны. В этом можно сослаться на исследования Ю. М. Аксютина, Д. С. Мартынова и на статистику Левада-Центра [23, 24].

Отношение к мигрантам, как показывают социологические исследования К. С. Моккина и Ю. П. Марцева, все чаще приобретает негативный характер, что связывается с незнанием или просто плохим знанием русского языка, выражающееся в трудностях коммуникации, внешним видом и демонстративным навязыванием своих обычаев и культуры, несвойственных местному населению, паттернов повседневного поведения, которые имеют совершенно другие культурные, психологические и поведенческие стереотипы [25].

Все это вызывает напряженность в отношении коренного населения к мигрантам. Ключевыми терминами, которыми описывается эта напряженность, являются явно выраженная социальная дистанция, отчужденность. Исследователи отмечают, что негативное отношение к мигрантам имеет очевидную этническую коннотацию. Выделяются и те условия, которые способствуют усилению этой напряженности, в частности это происходит, когда миграционная ситуация начинает затрагивать основные мировоззренческие ценности представителей принимающего сообщества, что обычно принимает характер социальных эмоций. Усилению напряженности также способствует то обстоятельство, что напряженность межэтнических отношений используется в качестве некоторого средства реализации определенных целей (политических, пропагандистских, профессиональных, медийных).

Негативное отношение к мигрантам, как показали в своих работах В. И. Мукомель и Ю. Г. Чернышов, в конечном счете трансформируется в этнофобию, мигрантофобию и ксенофобию. В развитии указанных фобий, как подчеркивают исследователи, проявляется общий кризис национальной идентичности, что зачастую усугубляется раздуванием ксенофобных эмоций средствами массовой информации, которые тиражируют упрощенные этнические стереотипы, усиливая предубеждения принимающей

стороны, особенно в использовании псевдопатриотических сюжетов [26; 27].

В результате это приводит к расширению социальной дистанции между принимающей стороной и мигрантами и к сегрегации общин этнических мигрантов в мигрантские общины и этнические диаспоры. Социальная адаптация мигрантов еще более затрудняется, и противоречия между принимающей стороной и мигрантами усиливаются.

Информационная эпоха с ее новыми технологиями предоставляет новые возможности для разрешения этих противоречий. Сегрегированные этнические мигрантские общины трансформируются в онлайн сетевые сообщества, которые принято называть цифровыми диаспорами. Цифровая диаспора (англ. digital diaspora) представляет собой виртуальное сообщество мигрантов, взаимодействие которых осуществляется на основе информационно-коммуникационных технологий. Такая электронная платформа, основанная на доступе к онлайн публичному контенту, является местом встречи в повседневной жизни мигрантов, местом поиска работы и территории проживания, местом обмена новостями, идеями, местом публичных дискуссий и местом формирования отношений. На платформе социальных сетей формируется совместный контент, который имеет публичный характер. Понятие «цифровая диаспора» вошло в лексикон социальных и гуманитарных наук и стало предметом исследовательского интереса. Такие исследователи, как Дж. Бринкерхофф, Е. В. Демченко и Л. Г. Икахова, продемонстрировали, как формируется понятийный аппарат, предназначенный для изучения цифровой диаспоры [28–30].

Цифровая диаспора, по мнению исследователей, имеет характер социального квазиинститута, для которого характерна своя структура, горизонтальная иерархия, организации коммуникации, принципы, ценности и нормы воспроизводства этномигрантского социального капитала. К тому же социальные сети и блоги, на платформе которых возникают цифровые диаспоры, благодаря глобальным информационно-коммуникационным технологиям, становятся средствами глобального информационного взаимодействия и распространения информации, транс-

формации из личной в публичную, что делает их сравнимыми медийными средствами.

Медийные характеристики цифровой диаспоры не только являются средствами общения между мигрантами, но и выступают способами самовыражения мигрантов, предъявления партнерам по информационно-коммуникационному взаимодействию своих взглядов, оценок, отношения к тем или иным событиям. Исследователи подчеркивают, что характерной особенностью сетевых коммуникаций является своеобразное самоконструирование, в котором осуществляется смешение реального и индивидуального «Я» в направлении поиска своей идентичности в информационной среде.

Мигрант, член этнического сообщества, представленного в цифровой диаспоре, в своем сетевом общении стремится к амбивалентным целям: с одной стороны он выражает сопричастность к данному сетевому сообществу согласно распространению и поддержанию соответствующих этнокультурных маркеров (это выражается в стремлении поддержания статуса члена цифровой этнонациональной общины и групповой солидарности), с другой стороны его характеризует стремление утверждения собственного «Я», направленного на конструирование индивидуальной идентичности.

Конструирование индивидуальной идентичности мигранта в цифровой диаспоре является необходимым этапом его социальной адаптации на медийной платформе глобального информационно-коммуникационного взаимодействия. Этот процесс конструирования индивидуальной идентичности представляется нам достаточно сложным. Кроме того что он является личностной рефлексией, он включает в себя также следующие компоненты:

— самоопределение личности мигранта, что всегда связано с личностным развитием и ростом, с формированием и развитием его индивидуальности;

— самореференция как операция, посредством которой «Я» (внутреннее) отличает себя от «Нечто» (внешнего);

— самовыражение, которое характеризует процесс проявления внутреннего мира личности вовне, в окружающий мир;

— самораскрытие как преднамеренное, т.е. сознательное и добровольное, открытие другим людям своих внутренних пси-

хических состояний, а также установление психологической, личностной и социальной дистанции;

— самопредъявление как намеренное конструирование собственного образа с целью оказания должного влияния на окружающих.

Следует отметить, что если для поддержания статуса члена цифровой этнонациональной общины и групповой солидарности мигранту достаточно быть представителем данного цифрового сообщества, что подтверждается используемыми соответствующими этнонациональными маркерами в жанрово-драматургической медийной схеме в оценке тех или иных реальных фактов, событий и отношений или виртуальных конструктов, отражающих эти факты и события в информационно-медийной сфере, то для конструирования индивидуальной идентичности требуется привлечение дополнительных ресурсов: социальных, социетальных, персонально-личностных и профессиональных. Эти ресурсы приобретаются в индивидуальной биографии мигранта, а не являются изначально предзаданными в связи с его принадлежностью к данной этнонациональной группе, представленной в цифровой диаспоре.

Следует отметить, что данный процесс конструирования идентичности мигранта в цифровой диаспоре, в сфере виртуальной реальности имеет целый ряд принципиально новых особенностей, что и открывает новые горизонты его социальной адаптации. Об одной из них уже шла речь: это то, что самопрезентация мигранта на платформе социальных сетей посредством медийных ресурсов социальных сетей трансформирует его самоопределение, самореференцию, самовыражение, самораскрытие, самопредъявление и в конечном счете конструирование идентичности его индивидуального «Я» из персонально-личностного процесса в процесс публичный. Это означает, что его индивидуальное «Я» становится элементом цифрового социума, виртуальным информационным фантомом, реальность которого выражается в локусе информационного внимания, информационного обсуждения и информационного взаимодействия.

Другая особенность конструирования идентичности мигранта в цифровой диаспоре как процесса социальной адаптации мигранта заключается в том, что информационно-технологические особенности платформы социальных сетей, характеризующиеся глобальной информационной унификацией использования медийных средств, предполагают унификацию способов информационного взаимодействия, а это связано универсальным языком программирования, операционных средств и способов общения. Исследователи называют этот феномен лингвистической унификацией, т.е. выходом за пределы этнонациональных маркеров и национального языка информационного взаимодействия. Отсюда даже делается вывод относительно условной деэтнизации этого процесса. На это указывают результаты исследований таких авторов, как Дж. Бринкерхофф, Э. Дикер¹, В.И. Дятлов, К. Леурс, М. Пренски [31–33]. Это согласуется с концепцией детрайбализации М. Маклюэна, согласно которому деэтнизация и сближение этнических общностей, рост взаимопонимания и всестороннего взаимодействия между ними, является естественно-историческим процессом в информационную эпоху [34].

По мнению И.П. Кужелевой-Саган с соавторами монографии о цифровых диаспорах, такой транснациональный подход основывается на том, что данный процесс является следствием процессов глобализации и выражается в создании транснациональных мигрантских сообществ (цифровых диаспор), в рамках которых формируется так называемая гибридная идентичность. Гибридность характеризуется амбивалентностью идентичности на групповом и персональном уровне. Пожалуй, сюда нужно добавить еще множественность идентичности мигранта, что определяется разным ролевым и жанровым участием в различных социальных сетях [35].

Следующими важными особенностями, характеризующими социальную адаптацию мигрантов в цифровой диаспоре, как отмечает исследователь А.П. Глухов, являются те особенности, которые определяются глобальными информационно-коммуникацион-

¹ Diker E. Social Media and Migration [Electronic resource] // Review of Political and Social research Institute of Europe. 2015. URL: <http://ps-europe.org/social-media-and-migration/> (accessed: 30.10.2016).

ными ресурсами. К таковым он относит следующие ресурсы:

— цифровая диаспора как виртуальное этно-национальное сообщество использует платформу социальных сетей как новую жанрово-драматургическую сценическую площадку, которая позволяет с помощью глобальных медиа-информационных средств (коммуникационных, тестовых, графических, видео- и аудиовыразительных возможностей) осуществлять социальную адаптацию мигрантов;

— медиа-информационные ресурсы социальных сетей дают возможность конструирования этнонациональной групповой и персонально-личностной идентичности;

— медиа-информационные ресурсы социальных сетей дают возможность управления впечатлениями, как о персональном «Я», так и о виртуальном сообществе с помощью персонального профайла, в котором мигрант конструирует свое персональное «Я»;

— социальные сети предоставляют для этой цели техническую, технологическую, программную, унификационно-лингвистическую и коммуникационно-организационную инфраструктуру;

— новые виды межличностной коммуникации, такие как вирта, френдинг, лайкинг, троллинг, виртуальное следование за другими (фолловинг), расширяют спектр информационно-коммуникационного взаимодействия, как внутри виртуального сообщества, так и между сообществами и с информационным обществом в целом [36; 37].

Исследователь С. В. Рзаева выделяет еще одно немаловажное обстоятельство, которое характеризует процесс медиа-адаптации мигранта через посредство цифровой диаспоры. Это, по ее мнению, связано с тем, что само сетевое этнонациональное сообщество, представляя собой сложившуюся совокупность информационно-коммуникационных практик взаимодействия, основывается на взаимном доверии, которое обусловлено этнонациональными корнями, родством, соседством, дружбой, землячеством и т.п. Это делает процесс социальной адаптации мигранта комфортным и безопасным [38].

Заключение. Устойчивость, позитивный и результативный характер информационно-

коммуникационных практик взаимодействия виртуальных этнонациональных сообществ является путем, который приводит их к превращению в социально значимые социальные институты медиа-социализации мигрантов. Эти социальные институты в полной мере можно рассматривать как важные элементы структуры информационного общества, которые расширяют горизонты социальной адаптации мигрантов.

Список источников

1. Аверьянов А. В. Миграционные процессы на Юге России за последние 25 лет: динамика и основные направления // Проблемы национальной стратегии. 2015. №6(33). С. 100–121.

2. Авксентьев В. А. и др. Этнополитические процессы на Юге России: от локальных к блоковым конфликтам / В. А. Авксентьев, С. Н. Зинев, Д. А. Лавриненко, О. И. Лепилкина, Э. Т. Майборода. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 202 с.

3. Аствацатурова М. А. Этническая миграция в контексте приоритетов человеческой безопасности // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтническом кавказском регионе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. 304 с.

4. Белозеров В. С. Трансформация миграционных процессов на Северном Кавказе // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов н/Д, 2008.

5. Васильева О. А., Гражданов Ю. Д. Миграционные процессы в контексте межэтнических отношений в Южном федеральном округе Российской Федерации // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. / под ред. А. А. Курапова. Астрахань: 2009. Вып. 1.

6. Демина А. В. Зарубежные концепции миграции // Молодой ученый. 2018. №14. С. 248–250.

7. Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации жизни // Век глобализации. 2016. №1–2. С. 26–43.

8. Морозова И. А., Сетямин И. В. Миграционные процессы на Юге России // Аудит и финансовый анализ. 2014. №3. С. 397–400.

9. Мукомель В. И. Миграционные исследования: социологическое измерение // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории на-

- циональной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений (г. Москва, 19 декабря 2017 г.) / под ред. В. А. Тишкова; сост. Б. А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. 315 с.
10. Global Migration Governance / Ed. by A. Betts. Oxford: Oxford University Press, 2011.
11. Deleva Z. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches // Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010. №04. P. 3–40.
12. Kobler B., Lattes P. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. International Migration Report. 2017.
13. Martinez S. International Migration and Human Rights: The Global Repercussions of U.S. Policy. Berkeley: University of California Press, 2009.
14. Massey D. S., Sanchez R. M. Brokreded Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti-Immigrant Times. New York: Russell Sage Foundation, 2010.
15. Solimano A. International Migration in the Age of Crisis and Globalization: Historical and Recent Experiences. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
16. Ананьина В. Т. Теория транснациональной миграции: концептуальные основы и возможности практического применения // Казанская наука. 2013. №12. С. 295–301.
17. Бычкова М. Н. Мигрантские этносообщества в Рунете (на примере социальной сети ВКонтакте) // Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности: (сборник материалов исследования). Томск, 2015. С. 53–61.
18. Глухов А. П. Ассалам а-like-ум: конструирование национальной идентичности посредством социальной сети (кейс-стади этносетей мигрантов из Средней Азии в России) // Визуальные коммуникации в новых медиа: эффекты, возможности, риски: междисциплинарный подход: материалы Международной научно-практической Интернет-конференции Connect-Universum-2014 (Томск, 20–22 мая 2014 г.). 2015. С. 82–86.
19. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Когнитивное конструирование реальности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 256 с.
20. Бергер Т., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
21. Токарева С. Б. Методология социального конструктивизма и социальный конструктивизм как методология // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 7. Философия. 2011. №2(14). С. 112–117.
22. Луман Н. Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. 280 с.
23. Аксютин Ю. М. Этнокультурная комплементарность и ценностные ориентации жителей регионов России: имперскость, советскость, современность // European Social Science Journal. 2014. №3-2(42). С. 333–338.
24. Мартыянов Д. С. Дискурсивные аспекты этнической идентичности в Интернете // Вестник СГУТиКД. 2012. №2(20).
25. Мокин К. С., Марцев Ю. П. Общественное восприятие миграции и мигрантов в Саратовской области под влиянием геополитических факторов // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. №1.
26. Мукомель В. И. Ксенофобия на Юге России: носители интолерантных установок // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. №5. С. 29–47.
27. Чернышов Ю. Г. Ксенофобия в условиях кризиса идентичности: к проблеме интеграции мигрантов // Дневник Алтайской школы политических исследований №30. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия): сборник научных статей / под ред. Ю. Г. Чернышова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 36–41.
28. Brinkerhoff J. M. Digital Diaspora. Identity and Transnational Engagement. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.
29. Демченко Е. В. К вопросу о формировании понятийного аппарата «цифровая диаспора». Краткий историографический обзор Journal of Humanities and Natural Sciences // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Новосибирск: ООО «Капитал», 2018. Т. 3. С. 29–36.
30. Искахова Л. Г. Цифровая диаспора: особенности структуры мигрантских сообществ в условиях информационного общества // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2016. №6(23).

31. Трансграничные миграции и принимающее общество: механизмы и практики взаимной адаптации: монография / науч. ред. проф. В.И. Дятлов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 396 с.

32. Leurs K. *Digital Passages: Migrant Youth 2.0*. Amsterdam University Press, 2015. 325 p.

33. Prensky M. *Digital Natives Digital Immigrants // On the Horizon*. MCB University Press, 2001. Vol. 9. №5.

34. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.

35. Кужелева-Саган И. П., Глухов А. П., Ахметова Л. В., Бычкова М. Н., Гужова И. В., Носова С. С., Окушова Г. А., Стаховская Ю. М. «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / науч. ред. И. П. Кужелева-Саган. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 168 с.

36. Глухов А. П. Виртуальная этнонациональная идентичность мигранта: отражение в зеркале российских социальных сетей // *Ceteris paribus*. 2015. №4. С. 142–144.

37. Глухов А. П. Terra incognita социальных сетей как новая платформа дискурса для мигрантов в России // *Научный альманах*. 2015. №10-4(12). С. 343–346.

38. Рзаева С. В. Этническая социальная сеть как механизм миграционных процессов и адаптация мигрантов в принимающем обществе: о понятии и устройстве // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. №395. С. 60–66.

References

1. Aver'janov A. V. Migracionnye processy na Juge Rossii za poslednie 25 let: dinamika i osnovnye napravlenija [Migration processes in the South of Russia over the past 25 years: dynamics and main directions]. *Problemy nacional'noj strategii* [Problems of the national strategy]. 2015; 6(33): 100–121. (In Russ.).

2. Avksent'ev V. A. et al. Jetnopoliticheskie processy na Juge Rossii: ot lokal'nyh k blokovym konfliktam [Ethnopolitical processes in the South of Russia: from local to block conflicts]. V. A. Avksent'ev, S. N. Zinev, D. A. Lavrinenko,

O. I. Lepilkina, Je. T. Majboroda. Rostov-on-Don: Izd-vo JuNC RAN, 2011. 202 p. (In Russ.).

3. Astvacaturova M. A. Jetnicheskaja migracija v kontekste prioritetov chelovecheskoj bezopasnosti [Ethnic migration in the context of human security priorities]. *Problemy migracii i opyt ee regulirovanija v polijetnicheskom kavkazskom regione* [Problems of migration and the experience of its regulation in the multiethnic Caucasus region]. Stavropol': Izd-vo SGU, 2008. 304 p. (In Russ.).

4. Belozarov B. C. Transformacija migracionnyh processov na Severnom Kavkaze [Transformation of migration processes in the North Caucasus]. *Vzaimodejstvie narodov i kul'tur na Juge Rossii: istorija i sovremennost'* [Interaction of peoples and cultures in the South of Russia: history and modernity]. Rostov-on-Don, 2008. (In Russ.).

5. Vasil'eva O. A., Grazhdanov Ju. D. Migracionnye processy v kontekste mezhetnicheskikh otnoshenij v Juzhnom federal'nom okruge Rossijskoj Federacii [Migration processes in the context of interethnic relations in the Southern Federal District of the Russian Federation]. *Astrahanskije kraevedcheskie chtenija: sb. st.* [Astrakhan regional studies readings: collection of articles] / pod red. A. A. Kurapova [In A. A. Kurapov (eds.)]. Astrahan': 2009. Issue 1. (In Russ.).

6. Demina A. V. Zarubezhnye koncepcii migracii [Foreign concepts of migration]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist]. 2018; (14): 248–250. (In Russ.).

7. Ivahnjuk I. V. Razvitie migracionnoj teorii v uslovijah globalizacii zhizni [Development of migration theory in the conditions of globalization of life]. *Vek globalizacii* [Century of globalization]. 2016; (1-2): 26–43. (In Russ.).

8. Morozova I. A., Setjamin I. V. Migracionnye processy na Juge Rossii [Migration processes in the South of Russia]. *Audit i finansovyj analiz* [Audit and financial analysis]. 2014; (3): 397–400. (In Russ.).

9. Mukomel' V. I. Migracionnye issledovanija: sociologicheskoe izmerenie [Migration studies: a sociological dimension]. *Nauchnye issledovanija v oblasti jetnichnosti, mezhnacional'nyh otnoshenij i istorii nacional'noj politiki*. Materialy sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam jetnichnosti i mezhnacional'nyh otnoshenij (g. Moskva, 19 dekabrja 2017 g.) [Scientific research in the field of ethnicity, interethnic relations and the history of national politics. Materials of the session of the Scientific

- Council of the Russian Academy of Sciences on complex problems of ethnicity and interethnic relations (Moscow, December 19, 2017)] pod red. V.A. Tishkova; sost. B.A. Sinanov [In V.A. Tishkov (eds.); comp. B.A. Sinanov]. Moscow: IJeA RAN, 2018. 315 p. (In Russ.).
10. Global Migration Governance / Ed. by A. Betts. Oxford: Oxford University Press, 2011.
 11. Deleva Z. Conceptualizing Migration in Europe: Selected Theoretical Approaches // Institute of European Studies and International Relations Faculty of Social and Economic Sciences Comenius University Working Paper. 2010. №04. P. 3–40.
 12. Kobler B., Lattes P. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. International Migration Report. 2017.
 13. Martinez S. International Migration and Human Rights: The Global Repercussions of U.S. Policy. Berkeley: University of California Press, 2009.
 14. Massey D. S., Sanchez R. M. Brokreded Boundaries. Creating Immigrant Identity in AntiImmigrant Times. New York: Russell Sage Foundation, 2010.
 15. Solimano A. International Migration in the Age of Crisis and Globalization: Historical and Recent Experiences. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
 16. Anan'ina V.T. Teorija transnacional'noj migracii: konceptual'nye osnovy i vozmozhnosti prakticheskogo primenenija [Theory of transnational migration: conceptual foundations and practical application possibilities]. *Kazanskaja nauka [Kazan Science]*. 2013; (12): 295–301. (In Russ.).
 17. Bychkova M.N. Migrantskie jetnosobshhestva v Runete (na primere social'noj seti VKontakte) [Migrant ethnic communities in Runet (on the example of the VKontakte social network)]. Social'nye seti kak ploshhadka jetnicheskoy kommunikacii i sredstvo predpisanija jetnonacional'noj identichnosti: (sbornik materialov issledovanija) [Social networks as a platform for ethnic communication and a means of prescribing ethnic and national identity: (collection of research materials)]. Tomsk, 2015. P. 53–61. (In Russ.).
 18. Gluhov A. P. Assalam a-like-um: konstruirovanie nacional'noj identichnosti posredstvom social'noj seti (kejs-stadi jetnosetej migrantov iz Srednej Azii v Rossii) [Assalam a-like-um: the construction of national identity through social media (a case study of ethnic networks Russian migrants from Central Asia in Russia)]. Vizual'nye kommunikacii v novyh media: jeffekty, vozmozhnosti, riski: mezhdisciplinarnyj podhod: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferencii Connect-Universum-2014 (Tomsk, 20–22 maja 2014 g.) [Visual communication in new media: the effects, opportunities, risks: an interdisciplinary approach: materials of the International scientific and practical Internet-conference Connect-Universum-2014 (Tomsk, 20–22 may 2014)]. 2015. P. 82–86. (In Russ.).
 19. Baksanskij O.E., Kucher E.N. Kognitivnoe konstruirovanie real'nosti [Cognitive construction of reality]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. 256 p. (In Russ.).
 20. Berger T., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, 1995. 323 p. (In Russ.).
 21. Tokareva S.B. Metodologija social'nogo konstruktivizma i social'nyj konstruktivizm kak metodologija [Methodology of social constructivism and social constructivism as a methodology]. *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Serija 7. Filosofija [Bulletin of the Volgogr. State University. Series 7. Philosophy]*. 2011; 2(14): 112–117. (In Russ.).
 22. Luman N. Obshhestvo obshhestva. Chast' II. Media kommunikacii [Society of Society. Part II. Media communications]. Moscow: Logos, 2005. 280 p. (In Russ.).
 23. Aksjutin Ju. M. Jetnokul'turnaja komplementarnost' i cennostnye orientacii zhitelej regionov Rossii: imperskost', sovetskost', sovremennost' [Ethnocultural complementarity and value orientations of residents of Russian regions: Imperialism, Sovietism, modernity]. *European Social Science Journal*. 2014; 3-2(42): 333–338. (In Russ.).
 24. Mart'janov D.S. Diskursivnye aspekty jetnicheskoy identichnosti v Internete [Discursive aspects of ethnic identity on the Internet]. *Vestnik SGUTiKD*. 2012; 2(20). (In Russ.).
 25. Mokin K.S., Marcev Ju. P. Obshhestvennoe vosprijatie migracii i migrantov v Saratovskoj oblasti pod vlijaniem geopoliticheskikh faktorov [Public perception of migration and migrants in the Saratov region under the influence of geopolitical factors]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija [Bulletin of the Volga Institute of Management]*. 2018; 18(1). (In Russ.).
 26. Mukomel' V.I. Ksenofobija na Juge Rossii: nositeli intol'erantnyh ustanovok [Xenophobia in

the South of Russia: carriers of intolerant attitudes]. *Gumanitarij Juga Rosii [Humanities of the South of Russia]*. 2017; 6(5): 29–47. (In Russ.).

27. Chernyshov Ju. G. Ksenofobija v uslovijah krizisa identichnosti: k probleme integracii migrantov [Xenophobia in the context of the identity crisis: on the problem of integration of migrants]. *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij №30. Sovremennaja Rossija i mir: al'ternativy razvitija (Transgranichnye migranty i obshhestvo strany prebyvanija: vzaimnoe vosprijatie i problemy mezhkul'turnogo vzaimodejstvija): sbornik nauchnyh statej [Diary of the Altai School of Political Studies №30. Modern Russia and the World: Development Alternatives (Cross-border migrants and host country Society: Mutual perception and problems of intercultural interaction): collection of scientific articles] / pod red. Ju. G. Chernyshova [In Yu. G. Chernyshov (eds.)]*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2014. P. 36–41. (In Russ.).

28. Brinkerhoff J. M. *Digital Diaspora. Identity and Transnational Engagement*. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.

29. Demchenko E. V. K voprosu o formirovanii ponjatijnogo apparata «cifrovaja diaspora». *Kratkij istoriograficheskij obzor Journal of Humanities and Natural Sciences [On the formation of the conceptual apparatus of the «digital diaspora». A brief historiographical review of the Journal of Humanities and Natural Sciences]. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]*. Novosibirsk: OOO «Kapital», 2018; 3: 29–36. (In Russ.).

30. Iskahova L. G. Cifrovaja diaspora: osobennosti struktury migrantских soobshhestv v uslovijah informacionnogo obshhestva [Digital Diaspora: features of the structure of migrant communities in the information society]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik [Kazan Socio-Humanitarian Bulletin]*. 2016; 6(23). (In Russ.).

31. Transgranichnye migracii i prinimajushhee obshhestvo: mehanizmy i praktiki vzaimnoj adaptacii: monografija [Cross-border migration and the host society: mechanisms and practices of

mutual adaptation: monograph]. Nauch. red. prof. V. I. Djatlov [In prof. V. I. Dyatlov (eds.)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. 396 p. (In Russ.).

32. Leurs K. *Digital Passages: Migrant Youth 2.0*. Amsterdam University Press, 2015. 325 p.

33. Prensky M. *Digital Natives Digital Immigrants // On the Horizon*. MCB University Press, 2001. Vol. 9. №5.

34. Makljujen M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding media: external human extensions]. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 464 p. (In Russ.).

35. Kuzheleva-Sagan I. P., Gluhov A. P., Ahmetova L. V., Bychkova M. N., Guzhova I. V., Nosova S. S., Okushova G. A., Stahovskaja Ju. M. Cifrovyje diaspori» migrantov iz Central'noj Azii: virtual'naja setevaja organizacija, diskurs «voobrazhaemogo soobshhestva» i konkurencija identichnostej [Digital diasporas of migrants from Central Asia: virtual network organization, discourse of «imaginary community» and competition of identities]. Nauch. red. I. P. Kuzheleva-Sagan [In I. P. Kuzheleva-Sagan (eds.)]. Tomsk: Izdatel'skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. 168 p. (In Russ.).

36. Gluhov A. P. Virtual'naja jetnonacional'naja identichnost' migranta: otrazhenie v zerkale rossijskikh social'nyh setej [Virtual ethnonational identity of a migrant: reflection in the mirror of Russian social networks]. *Ceteris paribus*. 2015; (4): 142–144. (In Russ.).

37. Gluhov A. P. Terra incognita social'nyh setej kak novaja platforma diskursa dlja migrantov v Rossii [Terra incognita of social networks as a new platform of discourse for migrants in Russia]. *Nauchnyj al'manah [Scientific Almanac]*. 2015; 10-4(12): 343–346. (In Russ.).

38. Rzaeva S. V. Jetnicheskaja social'naja set' kak mehanizm migracionnyh processov i adaptacija migrantov v prinimajushhem obshhestve: o ponjatii i ustrojstve [Ethnic social network as a mechanism of migration processes and adaptation of migrants in the host society: on the concept and structure]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*. 2015; (395): 60–66. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 28.09.2021.

The article was submitted on 16.09.2021; approved after reviewing on 25.09.2021; accepted for publication on 28.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Юрий Григорьевич — Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, научный руководитель Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Yury G. Volkov — Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Scientific Supervisor of Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Scientific Supervisor of the South Russian Branch of Science of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russia

Курбатов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Vladimir I. Kurbatov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Волков Ю. Г. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Курбатов В. И. — участие в разработке учебных программ; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Volkov Yu. G. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Kurbatov V. I. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-32-43

МОЛОДЕЖНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЮГЕ РОССИИ: СУБЪЕКТНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Андрей Владимирович Бедрик¹, Анастасия Андреевна Зайцева²,
Юлия Сергеевна Панфилова^{3✉}, Елена Львовна Щукина⁴

^{1, 2, 3, 4}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹avbedrik@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,

AuthorID РИНЦ: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²nas89043419793@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2923-0497,

AuthorID РИНЦ: 811880, Scopus AuthorID: 57195350584

³panfilovajulia@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6010-9719,

AuthorID РИНЦ: 786441, Scopus AuthorID: 57195918443

⁴elshukina@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-0157-6867,

AuthorID РИНЦ: 486164, Scopus AuthorID: 57190442072

Аннотация. *Цель исследования* — оценить социальную эффективность деятельности молодежных общественных объединений, занимающихся реализацией приоритетных направлений государственной национальной политики и степень их субъектности. Для достижения поставленной цели был использован метод глубинных интервью с субъектами реализации национальной политики (20 информантов) и лидерами молодежных общественных объединений (30 информантов) в Крыму, Краснодарском крае и Ростовской области.

Методологическая база исследования включает рассмотрение социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений с точки зрения структурно-функционального подхода, с позиции социального конструктивизма, а понимание социальной субъектности — в контексте теории Вал. А. Лукова.

Результаты исследования. *Говоря о социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений, участвующих в реализации государственной национальной политики, необходимо разделить это понятие на широкий и узкий смысл. В широком смысле деятельность этих объединений эффективной назвать можно не всегда, в первую очередь потому, что в нее вовлечен достаточно узкий сегмент молодежи. Если же говорить о работе с целевыми выборками аудитории, то здесь их деятельность эффективна: они выступают регуляторами отношений между молодежью диаспор, популяризируют культуру этносов среди студентов, выступают агентами социальной адаптации молодых мигрантов, работают как медиаторы и каналы социальной мобильности. Что касается субъектности этих объединений, то сегодня она находится на достаточно высоком уровне: инициация их создания идет «снизу», они имеют развитую сеть партнерских отношений, иницируют инновационные социальные проекты. При этом оценки перспектив развития субъектности данных объединений среди экспертов разнятся: часть видит в них большой потенциал, часть отмечает препятствия в развитии субъектности, связанные с наличием у них большого спектра проблем.*

Перспективы исследования: разработка комплекса рекомендаций для повышения эффективности деятельности молодежных общественных объединений в сфере реализации приоритетных направлений государственной национальной политики.

Ключевые слова: молодежные общественные объединения, социальная эффективность, субъектность, гражданское общество, государственная национальная политика, гармонизация межэтнических отношений, сохранение этнокультурного многообразия

Для цитирования: Бедрик А. В., Зайцева А. А., Панфилова Ю. С., Щукина Е. Л. Молодежные общественные объединения в реализации государственной национальной политики на Юге России: субъектность и социальная эффективность // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 32–43. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-32-43>.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект №21-011-31684 «Молодежные общественные объединения в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики на Юге России».

Original article

YOUTH ASSOCIATIONS IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE NATIONAL POLICY IN THE SOUTH OF RUSSIA: SUBJECTIVITY AND SOCIAL EFFECTIVENESS

Andrey V. Bedrik¹, Anastasiya A. Zaytseva², Yulia S. Panfilova³✉, Elena L. Shchukina⁴

^{1, 2, 3, 4}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹avbedrik@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7549-4629,

AuthorID RSCI: 817604, Scopus AuthorID: 56809251600

²nas89043419793@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2923-0497,

AuthorID RSCI: 811880, Scopus AuthorID: 57195350584

³panfilovajulia@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6010-9719,

AuthorID RSCI: 786441, Scopus AuthorID: 57195918443

⁴elshukina@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-0157-6867,

AuthorID RSCI: 486164, Scopus AuthorID: 57190442072

Annotation. *The purpose of the study* — to assess the social effectiveness of the activities of youth voluntary associations involved in the implementation of priority areas of State national policy and the degree of their subjectivity. To achieve the goal, the method of in-depth interviews used with subjects implementing national policy (20 informants) and leaders of youth public associations (30 informants) in Crimea, the Krasnodar Territory and the Rostov Region.

The methodological basis of the study includes a consideration of the social effectiveness of the activities of youth public associations from the point of view of a structural and functional approach, from the point of view of social constructivism, and an understanding of social subjectivity in the context of the theory of Val. A. Lukov.

Results of the study. Speaking about the social effectiveness of the activities of youth public associations participating in the implementation of state national policy, it is necessary to divide this concept into a wide and narrow meaning. In a broad sense, the activities of these associations cannot always be called effective, primarily because a rather narrow segment of youth is involved

in it. If we talk about working with targeted samples of the audience, then their activities are effective here: they act as regulators of relations between diaspora youth, popularize the culture of ethnic groups among students, act as agents of social adaptation of young migrants, work as mediators and channels of social mobility. As for the subjectivity of these associations, today it is at a fairly high level: the initiation of their creation is «from below», they have a developed network of partnerships, and initiate innovative social projects. At the same time, estimates of the prospects for the development of the subjectivity of these associations vary among experts: some see great potential in them, some note obstacles in the development of subjectivity associated with the presence of a large range of problems.

The prospects of the study are the development of a set of recommendations to increase the effectiveness of the activities of youth public associations in the implementation of priority areas of State national policy.

Keywords: youth social associations, social effectiveness, subjectivity, civil society, state national policy, harmonization of inter-ethnic relations, preservation of ethnocultural diversity

For citation: Bedrik A. V., Zaytseva A. A., Panfilova Yu. S., Shchukina E. L. Youth associations in the implementation of the state national policy in the South of Russia: subjectivity and social effectiveness // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 32–43. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-32-43>.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project №21-011-31684 «Youth public associations in the implementation of the priorities of the state national policy in the South of Russia».

Постановка проблемы. Межэтническая консолидация и сохранение культур народов нашей страны — важнейшие направления государственной национальной политики Российской Федерации¹. В ее реализации сегодня участвует широкий круг субъектов, в том числе и институты гражданского общества [2]. В поликультурных регионах, к числу которых относится Юг России, одним из таких субъектов являются молодежные общественные объединения [1; 3].

На предварительном этапе настоящего исследования коллективом ученых, осуществляющих проект «Молодежные общественные объединения в реализации приоритетных направлений государственной национальной политики на Юге России», был составлен реестр молодежных общественных объединений, которые исполняют те или иные направления государственной национальной политики в Ростовской области, Республике Крым и Краснодарском крае. Мы увидели, что их

перечень достаточно широк. В связи с этим у нас возникли вопросы: какова степень их субъектности и могут ли они действительно влиять на состояние межэтнических отношений в регионах.

В рамках настоящего исследования мы решили посмотреть на молодежные общественные объединения, участвующие в реализации государственной национальной политики, с двух ракурсов: с точки зрения других субъектов политики этого направления (органов государственной власти, местного самоуправления, институтов образования, СМИ) и с точки зрения лидеров самих молодежных объединений. Эта двойственность анализа поможет нам более полно оценить эффективность деятельности и перспективы развития субъектности последних.

Методология исследования. Социальная эффективность деятельности молодежных общественных объединений в сфе-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70184810/> (дата обращения: 8.09.2021).

ре реализации приоритетных направлений государственной национальной политики анализируется с точки зрения структурно-функционального подхода и понимается как возможность влиять на реальное состояние межэтнических отношений и охватывать целевую аудиторию [5–7]. Социальная субъектность в работе определяется в контексте теории Вал. А. Лукова [4] как способность общественных объединений выступать в качестве активного начала, инициировать конструктивные социальные практики, быть независимыми от других субъектов реализации государственной национальной политики.

Эмпирическая база и методика исследования. Для реализации поставленной задачи был использован метод глубинных интервью с субъектами реализации национальной политики (20 информантов) и лидерами молодежных общественных объединений (30 информантов) в Крыму, Краснодарском крае и Ростовской области. Несмотря на разный социально-профессиональный статус информантов, гайды интервью имели похожие блоки: оценка степени заинтересованности молодежи в участии в социально-политической жизни региона, доступных ей способов этого участия; оценка степени субъектности и автономности от государства; практики сотрудничества с государством и другими субъектами реализации государственной национальной политики; оценка эффективности деятельности молодежных общественных объединений региона; оценка востребованности деятельности у целевой аудитории; проблемы в реализации их деятельности. В настоящей работе мы постарались представить наиболее яркие цитаты, иллюстрирующие те или иные тезисы. Высказывания информантов выделены курсивом.

Результаты исследования. Прежде всего, мы попросили информантов оценить степень заинтересованности молодежи региона в решении его проблем, участии в общественной жизни. Здесь интересно отметить, что и управленцы, и лидеры объединений сошлись во мнении: инструменты для такого участия есть, но молодежь в своем большинстве сегодня остается достаточно пассивной. Пример высказывания: *«В целом, конечно,*

молодежь сегодня имеет возможности и для взаимодействия с властью, и для участия в решении многих вопросов. Но, опять-таки, это не сама молодежь, а группа активной молодежи, которая входит либо в какие-то объединения, либо в волонтерские организации. И есть молодежь пассивная, которая ничем не интересуется... По соотношению, я не могу утверждать точно, но на мой взгляд, количество активной молодежи в разы меньше. ... Было бы желание, возможностей достаточно» (женщина, руководитель отдела по регуляции межэтнических отношений администрации города).

По целям и характеру деятельности молодежные общественные объединения в регионах можно разделить на три основные группы. Первая — объединения, нацеленные на воспроизводство культурной идентичности среди представителей своего этноса. Это, конечно же, не значит, что они полностью закрыты от взаимодействия с другими этнокультурными объединениями; но, тем не менее, характер их проектов в основном направлен на «своих»: *«Я, в принципе, разделяю то, что написано в уставе, то есть поддержание армянской идентичности, знание своей культуры, своих ценностей, со всеми вытекающими»* (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса столицы субъекта).

Вторая группа — объединения, чья деятельность направлена преимущественно на популяризацию этнической культуры среди всех жителей региона (города): *«Все равно мы исполняем основную цель — гармонизировать через популяризацию нашей культуры, сформировать толерантное отношение к евреям и еврейскому населению»* (женщина, лидер объединения молодых представителей еврейского этноса столицы субъекта); *«Во-первых, это гармонизация межэтнических отношений, чтобы вообще знали, сколько народов живет у нас. ... Самая главная миссия — это диалог культур, чтобы было какое-то общение»* (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона).

Третья группа — объединения, основная цель которых — помощь в адаптации вновь прибывших в Россию представителей этнической группы: *«Я возглавляю женский коми-*

тет в нашей диаспоре. Мы проводим различные мероприятия в городе, по области, если нас приглашают. Занимаюсь более четырех лет благотворительностью, помогаю людям. Мы очень многих больных людей поддерживали; помогали в приобретении жилья женщинам одиноким, которые остались на улице; когда многие наши земляки здесь скончались, «Груз-200» мы отправляли на родину» (женщина, руководитель комитета таджикской диаспоры). Это разделение важно в том смысле, что группы объединений будут различаться в применении практик гармонизации межэтнических отношений и сохранения этнических культур, а также в отношении практик взаимодействия с государством [1].

Степень субъектности молодежных общественных объединений также несколько отличается. Первое, о чем хотелось бы сказать, — как утверждают представители органов государственной власти и муниципального управления — подобные объединения не создаются по инициативе государства: «Мы пытались инициировать создание молодежного отделения консультационного совета [по межэтническим отношениям]. У нас ничего не получилось. Не хотят они, когда сверху» (женщина, представитель правительства региона). Инициатива в этом случае, как правило, исходит от диаспор, и в этом смысле мы можем рассматривать молодежные общественные объединения, занимающиеся реализацией национальной политики, как институты гражданского общества. Второй важный момент — представители органов власти отмечают высокую способность таких объединений к самоорганизации.

Инициация деятельности этих объединений происходит следующими путями. Первый — объединение создается в рамках этнокультурной общины: «Мы является молодежным крылом нахичеванской общины» (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса столицы субъекта). Эти объединения получают основную материальную поддержку от лидеров общины, дополнительную — в форме грантов по итогам разных конкурсов. Представители объединений такого типа зачастую признают высокую роль руководства этнокультурного объединения в инициации проектов и новых направлений: «В основном сейчас это все де-

ржится на руководителях организации, т. е. все-таки не на молодежи. Да, безусловно, мы являемся активными представителями, но я понимаю сейчас, что, если я окажусь одна, просто открою свое молодежное движение, молодежный клуб, я не смогу гранты привлечь, потому что я буду физ. лицом, ну то есть это максимум «Росмолодежь», все. Все-таки для НКО больше возможностей, больше поддержки. Плюс все равно у нас нет таких связей, партнерских отношений, у нас нет пока что возможности выходить на уровень именно власти. А например, руководители НКО входят в члены консультативного совета [по межнациональным отношениям]» (женщина, лидер объединения молодых представителей еврейского этноса столицы субъекта).

Второй тип — выделение молодежного общественного объединения этнокультурной общины в самостоятельный субъект деятельности. Такие объединения существуют уже достаточно долго, имеют собственных партнеров, активно участвуют в грантовых конкурсах и становятся в определенной степени автономными по отношению к общине в целом: «У нас внутри организации отдельные направления — молодежное и общенациональное. Мы почему разделили — потому что сейчас больше ориентиров, больше программ и проектов именно молодежных. И мы выделили отдельный бренд» (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона).

Третий тип — молодежные объединения, которые работают в тесной связке с консульствами, получают от них различного рода поддержку, в первую очередь для помощи в адаптации представителей своего этноса в России: «Посольство в курсе, с нами работает. Я даже выхожу на связь. Консульство ближайшее в Краснодаре тоже работает, непосредственно Таджикистан тоже работает. Часто еще работаю с комитетом молодежи и спорта при нашем правительстве» (мужчина, руководитель объединения молодых представителей таджикского этноса в регионе).

Таким образом, назвать молодежные общественные объединения, реализующие государственную национальную политику, полностью автономными сегодня пока нельзя

(а по характеру деятельности, как отмечают представители органов государственной власти, их полное отделение от этнокультурных общин вряд ли возможно).

Несмотря на отличающийся характер деятельности и организации, практики сотрудничества с другими субъектами реализации государственной национальной политики у молодежных объединений аналогичны.

По поводу СМИ лидеры объединений высказывались похожим образом — они либо освещают мероприятия по собственной инициативе: *«Нет, через СМИ мы особо не работаем, СМИ сами решают, когда о нас говорить, когда не говорить»* (женщина, лидер молодежного объединения представителей азербайджанского этноса региона), либо к ним можно обратиться через органы государственной власти и муниципального управления: *«СМИ тоже на некоторые наши мероприятия из проектов приходят [название регионального канала] по приглашению правительства региона, то есть правительство предоставляет нам информационное обеспечение. Как это происходит? Мы пишем в организации им письмо о том, что, допустим, при поддержке президентского культурного фонда инициатив такого-то числа состоится открытие проекта, просим вас обеспечить нам информационное обеспечение, привлечь телеканал [название регионального канала]. Тогда они присылают представителей, снимают сюжет, который потом можно найти на их сайте»* (женщина, лидер молодежного объединения представителей еврейского этноса в регионе). В одном из интервью информант, представляющий региональный телевизионный канал, отметил, что сегодня в эфире отсутствуют регулярные передачи, цель которых — освещение деятельности этнокультурных объединений. Об этом упущении говорят и представители городской администрации: *«На мой взгляд, СМИ сейчас нам не помощники [в реализации государственной национальной политики]. Соответствующего регионального контента мало. Создание резонанса вокруг этнических конфликтов гораздо больше»* (мужчина, сотрудник отдела по регуляции межэтнических отношений городской администрации). Сотрудничество с органами федеральной власти происходит через сис-

тему грантовой поддержки, которой представители многих молодежных объединений достаточно активно пользуются. Это могут быть гранты на проведение мероприятий, создание музейных фондов, долгосрочные проекты. В то же время, говоря о подобной форме сотрудничества, некоторые лидеры молодежных объединений отмечают разовый характер такой помощи потому, что получать гранты многократно достаточно трудно в силу высокой конкуренции и растущих требований к заявкам: *«Еще одна проблема — нехватка компетенций, т.е. много вопросов, которые мы не можем охватить или работать в этом направлении, потому что у нас просто не хватает компетенций. Допустим, мы хотим получить грант, но нужен человек, который понимает в этом и может грамотно написать заявку. Не всегда это у нас получается, но мы учимся»* (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса столицы субъекта). Готовность помочь высказывают сотрудники городской администрации, ответственные за национальную политику, однако пока сотрудничество такого рода не стало широкой практикой.

Сотрудничество с региональной властью и органами местного самоуправления также сложилось. Вот что об этом рассказывает информант из администрации столицы субъекта: *«Интервьюер: “С какими вопросами, за какой помощью могут обратиться к вам представители этих молодежных объединений?” Информант: “Первое — они могут обратиться к нам за помощью в предоставлении помещений. Конечно, у нас своих помещений нет, но мы можем помочь, договориться на безвозмездной основе. ... Информационная поддержка — прежде всего через наш сайт, либо у нас в соц. сетях. Других возможностей у нас нет по полномочиям, например, через телевидение, это только правительство региона. ... Мы можем помочь с организацией, кого-то привлечь, что-то подсказать, как оформить, как распланировать то или иное мероприятие. ... Очень важно для них, что их работа не остается незамеченной администрацией. Тут мы тоже стараемся организовать”»* (женщина, сотрудник отдела по регуляции межэтнических отношений городской администрации).

Между тем некоторые лидеры молодежных объединений оценивают эти формы поддержки как недостаточные. Основная критика при этом сводится к отсутствию финансирования сферы этнокультурной политики со стороны муниципалитетов. Примеры высказываний: *«Честно говоря, финансируется культурная сфера не очень, не согласованно, ни тем более из городского бюджета»* (женщина, участник объединения молодежи узбекского этноса столицы субъекта); *«Нет поддержки администрации, помимо денег, именно поддержки, потому что есть разница — когда ты приходишь с улицы или когда там кто-нибудь из администрации за тебя молвит слово, это другое. Если бы люди были более информированы, чтобы нас анонсировали, заинтересовались нами на административном уровне...»* (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона). Таким образом, в этом направлении развитие сотрудничества требует диалога.

Отвечая на вопрос о партнерах, лидеры общественных объединений чаще всего называют вузы, библиотеки и другие диаспоры. Именно практики сотрудничества с ними называются как самые конструктивные и активные. Причем информантами назывались как региональные (вузы, региональные библиотеки, коворкинги, частные кинозалы), так и федеральные партнеры (Сириус, Сколково и др.). Что касается сотрудничества с другими диаспорами, то здесь чаще других упоминаются те, с кем есть общие культурные корни. Пример высказывания: *«Да тот же Новруз могу привести в пример, потому что этот Новруз празднуем не только мы, но и киргизы, казахи, азербайджанцы, турки... Ну, турки персидские, афганцы те же. Страны еще... Узбекистан, Азербайджан был, Сирия была, африканская одна страна была... Праздники, скажем, почти одинаковые, мы иногда проводим вместе»* (мужчина, руководитель объединения молодых представителей таджикского этноса в регионе).

Интересно отметить, что бизнес как партнер упоминается только в контексте поддержки от лидеров диаспор.

Таким образом, количество партнеров молодежных общественных объединений, занимающихся реализацией государственной

национальной политики, достаточно широкое (и это еще раз говорит нам об их субъектности), хотя и потенциал для развития практик сотрудничества еще велик.

Следующей задачей нашего исследования стала оценка социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений в реализации политики укрепления межэтнического согласия и сохранения культуры этносов.

Социальная эффективность деятельности изучаемых молодежных объединений оценивалась по следующим параметрам: оценка результатов деятельности в решении проблем по укреплению межэтнических отношений и сохранению этнических культур, степень охвата целевой аудитории, наличие обратной связи от аудитории [7; 8].

По первому параметру и сами представители молодежных объединений, и другие субъекты реализации государственной национальной политики говорят о высокой степени эффективности деятельности. Анализируя нарративы, можно отметить, что вклад объединений заключается в налаживании межкультурного диалога (в том числе и с местным населением), снижении латентной напряженности в межэтническом молодежном взаимодействии, привлечении внимания государства и общества к проблемам этнических меньшинств, публичном освещении истории этносов, создании и поддержке музейных фондов, адаптации мигрантов, помощи в социальной мобильности и многом другом. Конструктивные практики отмечает почти каждый информант. Приведем наиболее характерные высказывания: *«Сегодня эти объединения — наши помощники. Это видно, особенно когда начинаешь подводить итоги года. Во многих регионах не делается и половины того, что делают наши общественные организации, хотя наш регион далеко не самый проблемный в плане межэтнических отношений. На мой взгляд, именно молодежные крылья иницируют большинство проектов, которые потом подхватывают “взрослые” организации и реализуют на межрегиональном и общероссийском уровнях. Это важно. Это не просто попытки наладить взаимодействие, это способы решения конфликтов снижения скрытой напряженности»* (мужчина, представитель регионального

правления); *«Предоставляет право, даже не право, а возможность вести какую-то свою деятельность. Я считаю, это прекрасно, поскольку все остальное зависит от конкретных людей с конкретными идеями. Нам дано поле, мы сами решаем, что на нем сажать, как это взрастить и что с этого получить»* (мужчина, лидер объединения молодых армян региона); *«Я скажу, что до того, как я не работал, я не знал, что представители всех общин, официально зарегистрированных культурных национальных автономий, в таких теплых отношениях между собой. ... В целом люди двадцати разных национальностей могут сесть за один стол и проводить там мероприятия, т.е. это прям уровень, это реально уровень»* (мужчина, представитель объединения молодых корейцев города). Косвенное представление об эффективности используемых социальных технологий дают рассказы информантов о конкретных практиках гармонизации межэтнических отношений и сохранения этнических культур. Формат научной статьи не позволяет проанализировать подробно весь их спектр, однако стоит отметить, что эти практики начинаются с образовательных проектов и заканчиваются проектами в области международной мобильности, профессионального самоопределения и многого другого. Более того, значительная часть этих проектов имеет межрегиональный и международный характер.

В то же время по следующим критериям, связанным с охватом целевой аудитории и получением от нее обратной связи, дело обстоит менее однозначно. И представители органов власти, ответственных за реализацию национальной политики, и сами члены общественных объединений отмечают, что их деятельность охватывает только активную часть молодежи регионов, которая составляет меньшинство в общем массиве когорты: *«Я так понимаю, это не только наша проблема — молодежь вообще слабо интересуется всем этим, их интересует что-то более быстрое»* (мужчина, представитель молодежного объединения студентов из Китая регионального вуза); *«Если говорить откровенно, мне кажется, сложно, потому что не всем это важно»* (женщина, лидер азербайджанского этнокультурного объеди-

нения). Как результат — некоторые объединения переориентируют свою деятельность на представителей молодежи своего этноса. В этом случае и охват целевой аудитории выше, и обратная связь идет активнее. В то же время нельзя не сказать о том, что некоторые лидеры объединений, наоборот, подчеркивали, что проблем с привлечением аудитории нет: *«У нас есть и театральная студия внутри организации, и танцевальные коллективы, и не только поляки там участвуют, абсолютно нет. И дети сами, сами приходят, никто никого не заставляет. ... Вот у нас только в прошлые выходные был спектакль “Мораль Пани Дульской”, сами записывались и костюмы сами шили»* (женщина, лидер молодежного отделения польской национальной автономии региона). Но, надо признать, что в общем массиве мнений это скорее исключение, чем правило. Таким образом, если оценивать социальную эффективность деятельности молодежных объединений по данному критерию, то следует разграничивать понятие аудитории в узком и широком смыслах.

Еще один важный момент — это возрастной состав целевой аудитории. Большинство информантов отмечает, что основной ее массив составляют студенты вузов (в силу характера занятости студентов и развитости каналов коммуникации объединений с вузами). Несколько труднее работать со школьниками, хотя ряд позитивных практик есть и в этом направлении. Работающая же молодежь практически «вымывается» из состава целевой аудитории. Пример высказывания: *«Интервьюер: “Основная ваша аудитория — это студенты из Таджикистана?”. Информант: “Да, студенты, потому что тех, кто приезжает работать, мы можем приглашать, что и было на практике, но к участию привлечь их тяжело будет, потому что они приехали реально работать, зарабатывать, т.е. им некогда этим заниматься»* (мужчина, лидер объединения молодых представителей таджикского этноса в регионе).

Проблема охвата целевой аудитории — лишь одна из спектра тех, с которыми сегодня сталкиваются молодежные общественные объединения. Многие информанты, получающие поддержку от диаспор, тем не менее, говорят о необходимости разработки более

разнообразных форм помощи со стороны государства и особенно региона: «Почему может не получаться? Отчасти из-за ограничения по финансам. У нас есть какие-то идеи, которые мы хотели бы реализовать, и было бы проще, если бы у нас было достаточно денег на это» (мужчина, лидер объединения молодых греков региональной столицы). Есть проблемы и с грантовым обеспечением: «Интервьюер: “Вы в грантовых заявках не закладываете какие-то, например зарплатные, расходы для организаторов?”. Информант: “Я скажу так: их можно заложить, но такие заявки зачастую не выигрывают, потому что считается, что если ты подаешь заявку от организации, то организация сама и должна платить тебе зарплату”» (женщина, лидер молодежного объединения представителей еврейского этноса в регионе).

Еще одна проблема, отмечаемая самими лидерами объединений, — недостаток компетенций. Отсюда — запрос к государству на предоставление возможности их повышения: «Мне кажется, школа лидеров есть там... Как там называется программа? “Лидеры России” — да, это именно для лидеров, управленцев будущих. Вот если бы, допустим, особо выделить направления в межнаце, потому что на самом деле есть тонкости. Если бы этому обучали, не каким-то азам, а с погружением... Мне кажется, было бы здорово, если бы обратили на это внимание» (мужчина, лидер объединения молодых представителей армянского этноса в регионе).

Следующая проблема — нехватка добровольцев — актуальна для подавляющего большинства объединений: «Проблема — в нехватке кадров, именно добровольцев. Понятно, что ребята хотят всегда получать какой-то профит взамен. Когда его нет, они теряют интерес» (женщина, лидер объединения молодых представителей азербайджанского этноса в регионе).

В некоторых из обследуемых регионов актуальной остается проблема отсутствия помещения, так называемого дома национальностей, что, по признанию активистов, существенно затрудняет их работу: «Это в частности касается дома национальностей, дома дружбы. Когда встал вопрос: пре-

доставьте нам площадку, чтобы мы могли репетировать, могли встречаться, могли общаться, могли проводить проекты, к сожалению, нам отказали, сказали, у вас есть региональный дом народного творчества и все. А областной дом народного творчества просто так никого не пустит» (женщина, лидер молодежного объединения представителей еврейского этноса в регионе).

Еще один момент, на который важно обратить внимание: необходимость зарабатывать часто становится причиной, по которой молодые люди перестают активно работать в рамках объединения. По их признанию, эта проблема решилась бы в случае получения возможности платить заработную плату «костяку» объединения: «Я бы очень хотела, чтобы была организация, именно организация, официально где-то зарегистрированная, чтобы этим людям платили зарплату, чтобы эти люди свое дело делали, как по культурной части, так и по юридической... Если бы такая организация была, я с удовольствием пошла бы туда работать, потому что с каждым днем все больше и больше нуждаются в нашей помощи» (женщина, руководитель комитета таджикской диаспоры).

По мнению представителей органов государственной власти и вузов, в ближайшие годы практики сотрудничества с подобными объединениями будут расширяться, что, безусловно, требует внимания к тем проблемам, с которыми они столкнулись.

Выводы. Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты.

1. Говоря о социальной эффективности деятельности молодежных общественных объединений, участвующих в реализации государственной национальной политики, необходимо разделить это понятие на широкий и узкий смысл. В широком смысле деятельность этих объединений эффективной назвать можно не всегда, в первую очередь потому, что в нее сегодня вовлечен достаточно узкий сегмент молодежи. Об этом говорят как сами лидеры объединений, так и другие субъекты рассматриваемого направления политики. Данная ситуация типична для всех обследуемых регионов. Типична она, как отмечают представители органов власти и вузов, и для других направлений молодежной

политики. Если же говорить о работе молодежных объединений с целевыми выборками аудитории, то здесь мы можем сделать вывод, что их деятельность эффективна: они выступают регуляторами отношений между молодежью диаспор, популяризируют культуру этносов среди студенческой молодежи, выступают агентами социальной адаптации молодых мигрантов, часто работают как медиаторы и каналы социальной мобильности. Другими субъектами реализации приоритетных направлений государственной национальной политики их вклад в общее дело оценивается высоко.

2. По итогам исследования хотелось бы отметить достаточно высокий уровень субъектности подобных объединений. Инициация их создания сегодня идет «снизу», в этом смысле их можно назвать полноценными институтами гражданского общества. По отношению к государству они выступают партнерами. Они имеют развитую сеть партнерских отношений с вузами, региональными правительствами, местным самоуправлением, библиотеками и т.д. Важно отметить, что бизнес входит в число партнеров только в случае его связи с диаспорой, таким образом, это направление сотрудничества остается перспективным.

Сегодня молодежные объединения иницируют широкий ряд инновационных социальных практик гармонизации межэтнических отношений и сохранения этнических культур. Узвимым моментом является связь степени субъектности и финансовых возможностей, о которой так или иначе говорят почти все лидеры объединений. Оценки перспектив развития субъектности данных объединений среди экспертов разнятся: часть видит в них большой потенциал, часть отмечает препятствия в развитии субъектности, связанные с наличием достаточно большого спектра проблем. В то же время субъекты реализации национальной политики Юга России однозначно говорят о том, что в ближайшие годы практики сотрудничества с молодежными объединениями будут только усиливаться.

Список источников

1. Бедрик А.В., Сериков А.В. Крупный южнороссийский город как среда межэтни-

ческого взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2016. №11. С. 123–131.

2. Воденко К.В., Лубский А.В., Войтенко В.П. Институциональные практики межрелигиозного взаимодействия и укрепление общероссийской идентичности на Юге России // Социально-гуманитарные знания. 2018. №11. С. 42–52.

3. Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А. Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. №6. С. 171–187.

4. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2012. 528 с.

5. Лысенко Г.В. Общественные организации как субъекты гражданского общества // Философия права. 2011. №4. С. 82–86.

6. Попова С.Ю. Молодежные организации как субъект политики // Русская политология. 2020. №1(14). С. 36–42.

7. Родина О.А. Молодежные общественные объединения в современной России: социологический анализ эффективности: автореф. дисс. канд. соц. наук. Екатеринбург, 2006.

8. Серегин А.Н. Социальная эффективность управления формированием социальной активности студенческой молодежи вузов России // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. №4(20). С. 62–66.

References

1. Bedrik A. V., Serikov A. V. Krupnyj juzh-norossijskij gorod kak sreda mezhetniceskogo vzaimodejstvija (na primere g. Rostova-na-Donu) [A large Southern Russian city as an environment of interethnic interaction (on the example of Rostov-on-Don)]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2016; (11): 123–131. (In Russ.).

2. Vodenko K. V., Lubskij A. V., Vojtenko V. P. Institucional'nye praktiki mezhreligioznogo vzaimodejstvija i ukreplenie obshherossijskoj identichnosti na Juge Rossii [Institutional practices of interreligious interaction and strengthening of all-Russian identity in the South of Russia]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2018; (11): 42–52. (In Russ.).

3. Lubskij A. V., Vagina V. O., Mamina D. A. Molodezhnaja politika i grazhdanskije praktiki v molodezhnoj srede v sovremennoj Rossii [Youth policy and civic practices in the youth environment in modern Russia]. *Gumanitarnij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2019; 8(6): 171–187. (In Russ.).

4. Lukov V. A. Teorii molodezhi: Mezhdisciplinarnyj analiz [Theories of youth: Interdisciplinary analysis]. Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitacija», 2012. 528 p. (In Russ.).

5. Lysenko G. V. Obshhestvennye organizacii kak sub'ekty grazhdanskogo obshhestva [Public organizations as subjects of civil society]. *Filosofija prava* [Philosophy of Law]. 2011; (4): 82–86. (In Russ.).

6. Popova S. Ju. Molodezhnye organizacii kak sub'ekt politiki [Youth organizations as a subject of politics]. *Russkaja politologija* [Rus-

sian Political Science]. 2020; 1(14): 36–42. (In Russ.).

7. Rodina O. A. Molodezhnye obshhestvennye ob'edinenija v sovremennoj Rossii: sociologičeskij analiz jeffektivnosti: avtoref. diss. kand. soc. nauk [Youth public associations in modern Russia: sociological analysis of effectiveness: Ph. D. (Sociology) Thesis]. Ekaterinburg, 2006. (In Russ.).

8. Seregin A. N. Social'naja jeffektivnost' upravlenija formirovanijem social'noj aktivnosti studenčeskoj molodezhi vuzov Rossii [Social efficiency of management of formation of social activity of students of higher education institutions of Russia]. *Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura* [Ethnosocium and interethnic culture]. 2009; 4(20): 62–66. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.12.2021; одобрена после рецензирования 17.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.

The article was submitted on 14.12.2021; approved after reviewing on 17.12.2021; accepted for publication on 20.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бедрик Андрей Владимирович — кандидат социологических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Andrey V. Bedrik — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Зайцева Анастасия Андреевна — стажер-исследователь Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Anastasiya A. Zaytseva — Trainee Researcher, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Панфилова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Yulia S. Panfilova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Щукина Елена Львовна — кандидат исторических наук, доцент Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Elena L. Shchukina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Бедрик А. В. — методологический конструкт статьи; концептуализация выводов.

Зайцева А. А. — блоки о социальной эффективности.

Панфилова Ю. С. — блок о социальной субъектности.

Щукина Е. Л. — блок о проблемах.

Contribution of authors:

Bedrik A. V. — methodological construct of the article; conceptualization of conclusions.

Zaytseva A. A. — blocks on social efficiency.

Panfilova Yu. S. — a block on social subjectivity.

Shchukina E. L. — a block about problems.

Научная статья
УДК 32.019.5
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-44-54

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО ОБРАЗА РОССИИ СРЕДИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Алексей Дмитриевич Брагин

Институт демографических исследований

*Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, Россия*

alexbragin562@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4065-3546, AuthorID РИНЦ: 1092482

Аннотация. *Целью исследования* является выделение текущего образа Российской Федерации среди молодежи с последующим созданием инструментария по формированию перспективного образа страны.

Методологическую базу исследования представляют теоретические аспекты процесса формирования образа государства. За основу работы взяты социологические исследования настроений молодёжи и авторская серия очных глубинных интервью.

Результаты исследования. Несмотря на все имеющиеся условия для получения качественного высшего образования, построения успешной карьеры и создания семьи, существенная доля молодежи задумывается об эмиграции. В ходе разработки теоретико-методологической основы исследования определено, что основную роль в данном процессе играет образ страны, который формирует негативный имидж государства в глазах молодежи. Отрицательный образ страны способствует увеличению пессимистичных настроений молодого поколения россиян относительно их будущего, что влияет на становление определенной системы ценностей и взглядов. Таким образом, эмиграция начинает восприниматься как единственный способ улучшить свое социальное положение, что становится катализатором увеличивающихся эмиграционных настроений. В результате проведенного анализа выделен текущий образ Российской Федерации среди молодежи в области социально значимых вопросов, а также установлен механизм его формирования. Определен процесс влияния образа страны на эмиграционные настроения и основные источники информации, формирующие мнение молодежи. На основании полученных данных и с учетом теоретико-методологической основы исследования разработан инструментарий по формированию перспективного образа России среди молодого поколения.

Перспективы исследования заключаются в разработке инструментария по формированию перспективного имиджа государства среди молодого поколения, что впоследствии способствует снижению эмиграционной убыли и увеличению вклада молодёжи в социально-экономическое развитие России.

Ключевые слова: образ России, молодое поколение, эмиграция, молодежная политика, патриотизм, демография

Для цитирования: Брагин А.Д. Формирование перспективного образа России среди молодого поколения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 44–54. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-44-54>.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32099.

Original article

FORMATION OF A PROMISING IMAGE OF RUSSIA AMONG YOUNG GENERATION

Alexey D. Bragin

*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
alexbragin562@gmail.com, ORCID: 0000-0002-4065-3546, AuthorID RSCI: 1092482*

Abstract. *The purpose of the research is to highlight the current image of the Russian Federation among young people, followed by the creation of tools for the formation of a promising image of the country.*

The methodological basis of the research *is formed on theoretical aspects of the process of forming the image of the state. The work is based on sociological studies of the moods of young people and the author's series of personal in-depth interviews.*

Research result. *Despite all the available conditions for obtaining high-quality higher education, building a successful career and creating a family, a significant proportion of young people think about emigration. During the development of the theoretical and methodological basis of the study it was determined that the main role in this process is played by the image of the country which forms a negative image of the state among young people. The negative image of the country contributes to an increase in the pessimistic moods of the younger generation of Russians about their future which affects the formation of a certain system of values and views. Thus, emigration perceives as the only way to improve one's social situation which becomes a catalyst for increasing emigration sentiments. During analysis, the current image of the Russian Federation among young people in the field of socially significant issues was highlighted, as well as the mechanism of its formation was established. The process of the influence of the country's image on emigration sentiments, as well as the main sources of information that form the opinion of young people has been determined. Based on the data obtained and taking into account the theoretical and methodological basis of the study, a toolkit for the formation of a promising image of Russia among the young generation has been developed.*

The prospects of the research *are to develop a toolkit to change the perception of the image of the state among young generation, which subsequently contributes to a decrease in emigration losses and an increase in the contribution of young people to the socio-economic development of Russia.*

Keywords: *image of Russia, young generation, emigration, youth policy, patriotism, demography*

For citation: *Bragin A. D. Formation of a promising image of Russia among young generation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 44–54. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-44-54>.*

Funding: *the reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-32099.*

Введение. Сегодня молодое поколение является основным механизмом развития современного общества. Молодёжь способна улучшить демографическое положение, ускорить экономическое развитие государства, способствовать созданию и продвижению инноваций. Молодые спортсмены представляют свои страны на международных соревнованиях, а молодые ученые приносят новые идеи и открытия. В данной связи роли молодежи должно уделяться особое значение в вопросах социально-экономического и демографического развития России.

В то же время молодое поколение является одним из самых прогрессивных слоев современного общества. В силу быстрого развития информационных технологий, сопутствующего процессу становления поколения Z, у молодых людей сформировалась определенная модель понятийного мышления [2]. Отличительной чертой данной модели мышления стала гибкость обработки информации, способов ее получения, а также формирование новых ценностей и взглядов [5]. Более того, из-за открытых границ и полной свободы перемещения молодые люди стали по-другому видеть мир, что сделало их самой мобильной группой населения. Данные процессы привели к тому, что молодое поколение стало наиболее подвержено эмиграции, а это является неоспоримым вызовом для будущего развития Российской Федерации.

В данной связи выделим опрос «Эмиграционные настроения»¹, проведенный Левада-Центром в 2019 г. Он представляет репрезентативную всероссийскую выборку городского и сельского населения объемом 1601 человек в возрасте от 18 лет в 50 субъектах РФ и проводился методом очных интервью. Полученные на сентябрь 2019 года данные показывают, что 53% опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет хотели бы переехать за границу на постоянное место жительства. Данный показатель является максимальным за последние 10 лет наблюдений. Среди основных причин переезда на постоянное место жительства из РФ респонденты выделили «желание обеспечить детям достойное будущее

за рубежом» (45%) и «экономическую обстановку в России» (40%). Полученные данные вызывают беспокойство и свидетельствуют об определенном парадоксе. Несмотря на то что в Российской Федерации имеются все условия для получения качественного высшего образования, построения успешной карьеры и создания семьи, молодежь все равно склонна к эмиграции.

Необходимо отметить, что на эмиграционные настроения влияет множество причин, как социально-экономические факторы, так и информационное поле, созданное в рамках общества, где живет потенциальный эмигрант [3]. Образ страны может существенно повлиять на эмиграционные настроения путем создания негативного имиджа государства, не укладывающегося в рамки норм и ценностей индивида [12]. Таким образом, отрицательный имидж России способен играть важную роль в эмиграционных настроениях молодежи.

Целью данного исследования является разработка инструментария по формированию перспективного образа Российской Федерации среди молодого поколения. Это поможет снизить величину эмиграционной убыли и задействовать потенциал молодежи в развитии России. Для этого необходимо определить текущий образ России и механизм его формирования среди молодежи по отдельным направлениям общественной жизни, в результате чего будут выделены проблемные области текущего образа России. На основе полученных данных будет разработан инструментарий по формированию перспективного образа России среди молодого поколения. В основу данной работы положены результаты авторского социологического исследования, проведенного в рамках проекта «Формирование перспективного образа России среди молодого поколения».

Теоретико-методологическая основа. Главным исследовательским методом изучения настроений молодежи, а также сформировавшегося образа государства являются социологические опросы и интервью [4]. Со-

¹ Эмиграционные настроения [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 26.11.19. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 17.10.21).

гласно английскому ученому О. Робинсону, интервью способны в полной мере раскрыть настроения индивида относительно рассматриваемой проблематики [15]. В данной связи теоретико-методологическая основа исследования состоит из теоретической и практической части. В теоретической части анализируется механизм формирования образа страны, а также основа данного процесса. В практической части рассматриваются различные социологические исследования последних лет, максимально близкие к затронутой проблематике. Более того, основу практической части составляют результаты авторского исследования (серия очных глубинных интервью молодежи), проведенного в сентябре 2021 года.

Говоря об имидже государства, следует отметить, что он представляет собой стереотипный образ страны, существующий в массовом сознании населения [11]. Данный образ формируется под воздействием определен-

ных социокультурных процессов, характерных для текущего этапа развития общества [1]. Для последующего исследования образа страны нам необходимо определить место каждого из механизмов в процессе формирования имиджа России. Это поможет выделить исследовательскую структуру работы и направления по разработке инструментария. Ниже представлен рисунок 1, на котором на основании теоретико-методологической базы исследования [4; 12; 11; 15] визуализирован механизм формирования имиджа России среди молодого поколения и место эмиграции в данном процессе.

Как видно из рисунка 1, имидж формируется путем синергетики положительного и отрицательного образа страны, который является следствием социальных процессов. В роли социальных процессов может выступать влияние общества, семьи, СМИ, социальных сетей и т.д. Впоследствии уже сформировавшийся имидж страны формиру-

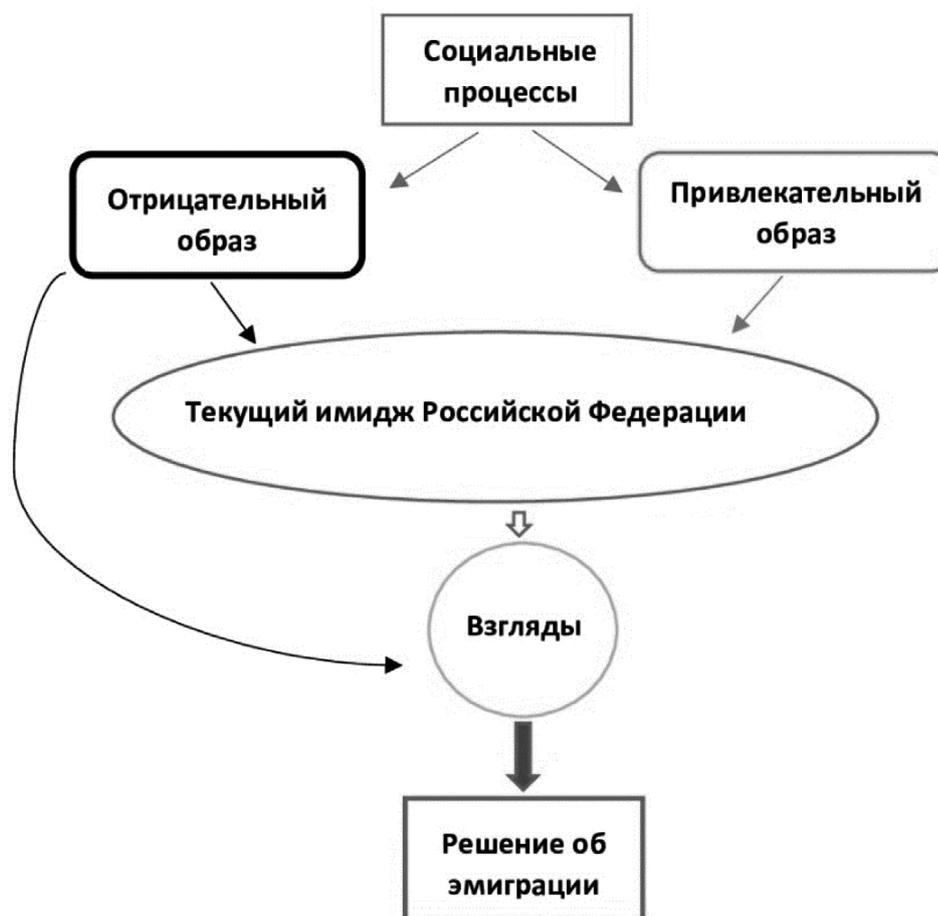

Рис. 1. Процесс формирования имиджа России и его роль в эмиграционных настроениях
Fig. 1. The process of forming the image of Russia and its role in emigration moods

ет систему ценностей и взглядов молодежи, которая влияет на процесс принятия решений об эмиграции. В данном процессе необходимо отметить прямое влияние отрицательного образа на формирование ценностной системы молодежи, в то время как положительный образ воздействует на систему ценностей лишь посредством вклада в общий имидж государства. Это происходит ввиду большего эффекта воздействия негативного образа на сознание людей [13]. В данной связи при составлении дальнейшего инструментария по формированию перспективного образа России среди молодого поколения мы должны учитывать тот факт, что минимизация отрицательного образа является приоритетной задачей, нежели увеличение привлекательного образа.

Так как аналитический раздел данной работы основывается на социологических исследованиях и на данных авторской серии очных глубинных интервью, необходимо подойти к этой части работы с позиции дедуктивной логики, т.е. со стороны уже сложившегося имиджа, который должен раскрыть причины, влияющие на отрицательный образ [10]. В данной связи целью аналитического раздела является выявление основы сформировавшегося имиджа страны и системы ценностей и взглядов молодежи, на основании которой необходимо определить причины, влияющие на формирование образа России. Далее представлена

таблица 1, на которой отмечены основные предметные области, которые следует раскрыть в следующих разделах. Так как в основе рассматриваемых интервью и опросов заложен дедуктивный метод познания, предметные области представлены от общих к частным.

Как видно из таблицы 1, всего обозначено 3 предметные области рассматриваемой темы. Первая — «Текущий образ России» — относится к уже сложившемуся имиджу страны и отношению к нему молодежи. Вторая — «Формирование образа России» — раскрывает основные факторы, воздействующие на данный процесс, а также источники информации, формирующие у молодежи представление о стране. Третья — «Эмиграция» — затрагивает влияние образа страны на эмиграционные настроения и выделяет настроения молодежи относительно своего будущего.

Практическая часть. В рамках практической части необходимо выделить несколько исследований, которые раскрывают текущую ситуацию с отношением молодежи к общественным процессам в России. Результаты данных исследований учитывались при составлении плана авторской серии очных глубинных интервью.

Начиная с 2007 г., ВЦИОМ проводит исследование отношения молодого поколения россиян к вопросам построения карьеры под названием «Карьера российской молодежи:

Таблица 1
Table 1

Предметные области образа России
Subject areas of the image of Russia

Предметная область	Задачи
Текущий образ России	1. Выявить, какой образ России сформирован среди молодежи
	2. Определить отношение молодого поколения к сложившемуся имиджу страны
Формирование образа России	1. Выявить причины, влияющие на формирование отрицательного и положительного образа России
	2. Определить основные источники формирования имиджа среди молодого поколения (СМИ, социальные сети и т.д.)
Эмиграция	1. Выявить взгляды молодежи относительно своего будущего в России
	2. Определить механизм влияния отрицательного имиджа России на эмиграционные настроения молодежи

перспективы и трудности»². Данное исследование направлено на выявление мнения молодежи относительно вероятности достижения профессионального успеха в таких сферах, как спорт, наука, творчество, бизнес, государственная служба и политика. Результаты свидетельствуют о том, что молодежь пессимистично настроена относительно возможности построения успешной карьеры в РФ. Так, во всех перечисленных специальностях доля молодежи, которая считает построение успешной карьеры возможным, составляет менее 50%. Более того, в 2019 году ответ «сложно» и «невозможно» был зафиксирован среди 77% респондентов в области бизнеса, 73% — в области государственной службы и политики и 64% респондентов в области науки.

В 2017 г. Фонд Общественное Мнение проводил телефонный опрос «Интерес молодежи к политике»³. Было опрошено 4000 жителей РФ от 17 до 34 лет включительно. Статистическая погрешность для общей выборки составила 1,9%. Полученные данные показали, что 50% молодежи интересуется политикой. Более того, интерес к политике за последние 2–3 года среди 17–23-летних студентов вырос на 42%. Также среди данной группы опрошенных 58% выразили заинтересованность в обсуждении политических вопросов в рамках вузов.

Также рассмотрим аналитический отчет «Гражданский активизм российской молодежи»⁴ (погрешность не более 3,4%), который основан на результатах общероссийского репрезентативного опроса населения в возрасте 16–34 лет (1014 человек), проживающих в 15 городах-миллионниках. Согласно опросу отличительной чертой сегодняшнего молодого поколения в РФ является положительное отношение к западным странам (около 60% опрошенных), несмотря на многочисленные санкции и напряженные политические отношения. Более того, молодежь оказалась политически активной группой населения. Так,

в области гражданской активности, т.е. действий, направленных на «изменения к лучшей жизни», 81% готовы принимать участие в выборах, 72% подписывать открытые письма и петиции, 65% обращаться в органы исполнительной власти, а 55% готовы принимать участие в работе общественных и политических организаций. Среди основного источника информации данная группа респондентов выделила интернет-ресурсы (социальные сети, блоги, YouTube и т.д.) — 65%.

Говоря о взглядах молодого поколения россиян, нельзя обойти стороной вопрос воспитания и ценностей, которые прививаются родителями. В данной связи необходимо отметить социологические исследования, проведенные сотрудниками Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. В ходе авторского социологического исследования «Семья и семейные поколения: взгляд поколений»⁵, проведенного в 2019 г., был произведен сравнительный анализ трансформации воспитательных стратегий российских семей. Объектом исследования стали родители и их дети в возрасте от 14 до 50 лет с объемом выборки в 1652 человека. Так, самым популярным ответом на вопрос «На ваш взгляд, воспитание детей в семье — это, прежде всего...?» стал «Воспитание у детей ответственности» — 52,8% от всех опрошенных, в то время как ответ «Воспитание достойных граждан страны» набрал лишь 7,5% [7]. Второй опрос — всероссийское социологическое исследование «Формирование позитивных жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе», которое проводилось в 2015–2016 гг. в 7 федеральных округах [6]. Объем выборки составил 2000 человек (члены молодых семей до 30 лет). Следует обратить внимание на вопрос «Что Вы считаете наиболее важным по отношению к ребенку сегодня?». Наибольшее количество респондентов ответили: «Дать хорошее образова-

2 Карьера российской молодежи: перспективы и трудности [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/karera-rossijskoj-molodezhi-perspektivu-i-trudnosti> (дата обращения: 14.10.21).

3 Интерес молодежи к политике [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Politika/13285> (дата обращения: 15.10.21).

4 Гражданский активизм российской молодежи [Электронный ресурс] // Левада-Центр. 01.10.20. URL: https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/#_ftn12 (дата обращения: 18.10.21).

5 Международное социологическое исследование «Семья и семейные поколения: взгляд поколений», 2019 г. Рук. — д. соц. н., профессор Т.К. Ростовская, д.э. н., профессор О.В. Кучмаева.

ние» (67%), а ответ «Привить национальную гордость» дали лишь 5%.

Отметим также международное социологическое исследование «Ценностные ориентации молодежи России и Казахстана», проведенное сотрудниками ИДИ ФНИСЦ РАН совместно с казахскими коллегами [8]. В период с октября 2017 по май 2018 года были проведены массовые опросы и глубинные интервью молодежи (14–30 лет). В России было опрошено 1302 представителя молодого поколения в пяти субъектах. Основным источником информации молодежь выделила социальные сети и блоги — 70% (90,3% приходится на ВКонтакте), на втором месте с большим отрывом оказались местные и региональные телеканалы — 36%. На вопрос «Как Вы считаете, можно ли современное общество, в котором Вы живете, считать культурным обществом?» 42,7% опрошенных ответили «Нет» и «Скорее нет». Среди наиболее важных жизненных ценностей 83,1% выделили «здоровье», 64,5% — «любовь», в то время как «служение родине» отметили лишь 4,7%. Более того, 55,5% российской молодежи уже сформировали четкие жизненные ценности на длительную перспективу. Интересно отметить, что значительная часть современной молодежи выступает за свободу выбора. Лишь 51,5% высказались за социально-нравственный контроль в СМИ, а суждение «Свобода — то, без чего человек теряет смысл» поддержали 84,6% опрошенных. Также молодое поколение является политически активным — 65,7% считают, что молодежь должна участвовать в политической жизни страны.

Результаты авторского исследования.

В рамках текущего исследовательского проекта в сентябре 2021 г. была проведена серия очных полуформализованных глубинных интервью молодого поколения россиян 18–25 лет. Так как основной целью интервью было глубинное исследование образа России, использовался качественный анализ развернутых ответов респондентов. В данной связи выборка была небольшой ($n = 11$), с интенсивным зондированием темы. Были опрошены 6 представительниц женского пола и 5 представителей мужского пола из г. Москвы. Все интервьюенты имели оконченное вы-

сшее образование или находились в процессе его получения, 6 человек работали, 2 состояли в браке.

Говоря о сложившемся образе России, большинство респондентов выделили, что он является отрицательным (7 из 11). Интересно отметить: даже те, кто назвал образ России положительным, согласились с тем, что среди их сверстников бытует мнение об отрицательном имидже России. Свои ответы респонденты объяснили тем, что текущий менталитет молодежи контрастирует с менталитетом политиков. Таким образом, молодое поколение не согласно с некоторыми политическими решениями, как на федеральном, так и на региональном уровне. По мнению респондентов, основные факторы, формирующие образ страны, — это действия России на международной арене, взаимоотношения с западными государствами, публичные высказывания политиков, а также внутренняя политика, которая непосредственно затрагивает права и свободы граждан (как в повседневной жизни, так и онлайн). Более того, отсутствие качественной социальной инфраструктуры в регионах также создает отрицательный имидж государства. Среди основных источников информации, формирующих имидж страны, интервьюенты отметили интернет-ресурсы, а также ближайшее окружение (родители, друзья).

В ходе интервью выяснялось отношение молодежи к созданию семьи, построению карьеры и получению высшего образования в РФ. Большинство респондентов (7 из 11) ответили, что в России проблематично построить успешную карьеру, при этом многие не имели трудового опыта. В вопросах создания семьи у молодежи прослеживается определенная неуверенность. Так, по мнению респондентов, комфортные условия есть только в крупных городах. Была также отмечена нехватка бесплатных муниципальных программ, как для беременных, так и для молодых родителей. В то же время практически все отметили перспективы получения высшего образования в России (9 из 11). По мнению респондентов, российское высшее образование не уступает по качеству европейскому.

В заключение лишь 4 респондента ответили, что видят свое будущее в России перспективным и многообещающим, также

больше половины респондентов задумывались об эмиграции. Среди основных факторов, влияющих на эмиграционные настроения, респонденты выделили неуверенность в будущем, низкий уровень поддержки государством молодежи, нестабильную экономическую обстановку, большую конкуренцию на рынке труда.

Заключение. На основании проанализированных данных социологических опросов и авторской серии глубинных интервью можно выделить негативный имидж России среди молодого поколения, который увеличивает эмиграционные настроения. Сложившийся образ страны создает у молодежи ложные представления о социально-экономической обстановке в стране. К примеру, большинство респондентов в авторской серии интервью были настроены пессимистично относительно построения успешной карьеры в России, хотя сами никогда не работали (следовательно, не могут в полной мере оценить обстановку на рынке труда). Более того, респонденты, не имеющие детей и не проживающие в регионах, считают, что там нет условий для комфортного рождения детей. Данные суждения являются следствием сложившегося информационного поля, которое формирует представления молодежи о социально-экономических и политических процессах внутри страны [14].

Говоря о среднестатистическом портрете представителя молодого поколения, можно сделать вывод, что он выглядит следующим образом: это политически и социально активный человек, готовый отстаивать свои права и свободы, он следит за повесткой дня, интересуется внутренней и внешней политикой, уделяет существенное внимание вопросам благополучия и своего будущего, основным источником информации для него являются интернет-ресурсы (социальные сети, новостные каналы, блоги).

В целом можно выделить несколько наиболее значимых факторов, влияющих на становление отрицательного образа России. Во-первых, между сегодняшней молодежью и государством в лице политиков и чиновников существует существенная пропасть (в понимании молодежи). Мы видим, что молодежь становится более вовлеченной в политические процессы внутри страны,

молодые люди хотят пробовать заниматься политикой, участвовать в политической повестке дня, вступать в партии и т.д., но у молодежи не так много возможностей заниматься политикой. Таким образом, создается искусственный барьер, отделяющий молодежь от государства. Молодые люди не чувствуют связь, что заставляет их воспринимать политиков как что-то далекое, нереальное. Такая связь воздействует на их восприятие происходящих политических процессов. Во-вторых, молодежь все время обращает внимание на действия государства, направленные на улучшение качества жизни. Это касается как создания различных бесплатных программ для молодых семей с детьми, так и реновации общественной инфраструктуры. В-третьих, молодежь уделяет особое внимание своим правам и свободам. Любое ограничение их действий (даже онлайн) воспринимается как негативное и враждебное, что формирует определенную картину.

На основании проведенного исследования разработаны рекомендации по формированию перспективного образа Российской Федерации среди молодого поколения:

1) необходимо усиливать вовлеченность молодежи в политику. Этого можно добиться путем увеличения молодежных программ сотрудничества среди органов законодательной и исполнительной власти. Молодые люди должны иметь доступную возможность стажироваться в любом заинтересовавшем их министерстве или политической партии с возможностью дальнейшего трудоустройства. Также должно быть увеличено число проводимых молодежных форум и конференций;

2) правительству следует уделять особое внимание развитию федеральных и муниципальных программ поддержки молодежи. Это должно касаться как молодых семей, так и студентов, и выпускников вузов. Молодое поколение должно ощущать поддержку государства;

3) важно развивать городскую среду и общественный транспорт во всех крупных городах и районных центрах. Это один из самых простых способов сформировать в сознании молодежи привлекательный образ своего места жизни и действий муниципальных властей, так как результат общественной реновации быстро заметен и воспринимается как прямое улучшение качества жизни;

4) государство должно контролировать высказывания политиков и чиновников. Необходимо создать определенный нормативный свод правил поведения государственных служащих. Иногда для повышения собственного рейтинга политик может сделать агрессивное заявление, не соответствующее действительности, или грубо высказаться по отношению к населению (часто в медийном пространстве). Молодежь очень восприимчива к такого рода риторике, и поведение отдельных политиков может сформировать представление о работе всего государственного аппарата;

5) необходимо по возможности ослабить ограничительные меры, затрагивающие цензуру СМИ и интернет-ресурсов. Молодежь обращает внимание на данные процессы, которые в свою очередь формируют картину тоталитарного государства в их представлении;

6) при донесении информации до молодых людей стоит уделять особое внимание интернет-ресурсам. Большинство молодежи не пользуется телевидением и радио. В данной связи сотрудничество государственных структур с известными блогерами и популярными группами в социальных сетях существенно повысит информационный охват и создаст положительный образ получаемой информации.

Вышеизложенные рекомендации сформулированы на основании проанализированных социологических опросов, авторской серии глубинных интервью и с учетом теоретико-методологической основы исследования. Так как данные пункты касаются непосредственно проблемных областей имиджа России (со слов самих респондентов), их реализация способна уменьшить отрицательный образ России в глазах молодого поколения россиян.

Список источников

1. Большаков С.Н., Бодрунова С.С. Формирование позитивного имиджа страны: политические метафоры, стереотипы и параллелизмы // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование. 2011. №6. С. 87–92.

2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Специфика критического мышления российской молодежи

в условиях цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. №9(1). С. 14–23.

3. Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. №12(2). С. 499–509.

4. Квале С. Исследовательское интервью // М.: Смысл, 2003. С. 301.

5. Климанова А.В. Представления о критическом мышлении в сознании современной молодежи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2016. №180. С. 51–58.

6. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Новые тенденции в формировании жизненных стратегий членов молодых семей в современном российском обществе (анализ Всероссийского социологического исследования) // Вестник Академии права и управления. 2016. №43(2). С. 113–124.

7. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи (по данным социологического исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т.6(2). С. 117–131.

8. Ростовская Т.К., Калиев Т.Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции // М.: РУСАЙНС, 2019. С. 228.

9. Розенберг Н.В. Влияние средств массовой информации на образ жизни молодежи // Наука. Общество. Государство. 2015. №3(1). С. 134–141.

10. Busetto L., Wick W., Gumbinger C. How to use and assess qualitative research methods // *Neurol. Res. Pract.* 2020. №2(14).

11. Hakala U., Lemmetyinen A., Kantola S.-P. Country image as a nation-branding tool // *Marketing Intelligence Samp Planning.* 2013. №31. P. 538–556.

12. Herz M., Arnegger J. Country image formation, stability, and change: a longitudinal assessment of consumers' image of Azerbaijan // *Journal of Travel & Tourism Marketing.* 2017. №34. P. 1–15.

13. Lopez C., Balabanis G. Country image appraisal: More than just ticking boxes // *Journal of Business Research.* 2020. №117. P. 764–779.

14. McPherson L., Vosz M., Gatwiri K., Parmenter N., Macnamara N., Mitchell J., Tuc-

ci J. What does research tell us about young people's participation in decision making in residential care? A systematic scoping review // *Children and Youth Services Review*. 2021. Vol. 122.

15. Robinson O. Sampling in Interview-Based Qualitative Research: A Theoretical and Practical Guide // *Qualitative Research in Psychology*. 2014. Vol. 11(1).

References

1. Bol'shakov S. N., Bodrunova S. S. Formirovanie pozitivnogo imidzha strany: politicheskie metafory, stereotipy i parallelizmy [The formation of a positive image of the country: political metaphors, stereotypes and parallelisms]. *Problemy analiz i gosudarstvennoe upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and state management design]. 2011; (6): 87–92. (In Russ.).

2. Brodovskaja E. V., Dombrovskaja A. Ju., Pyrma R. V., Azarov A. A. Specifika kriticheskogo myshlenija rossijskoj molodezhi v uslovijah cifrovizacii [Specificity of critical thinking of Russian youth in the conditions of digitalization]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Bulletin of the Financial University]. 2019; 9(1): 14–23. (In Russ.).

3. Ioncev V. A., Rjazancev S. V., Ionceva S. V. Novye tendencii i formy jemigracii iz Rossii [New trends and forms of emigration from Russia]. *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. 2016; 12(2): 499–509. (In Russ.).

4. Kvale S. Issledovatel'skoe interv'ju [Research interview]. Moscow: Smysl, 2003. P. 301. (In Russ.).

5. Klimanova A. V. Predstavlenija o kriticheskom myshlenii v soznanii sovremennoj molodezhi [Ideas about critical thinking in the minds of modern youth]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]. 2016; (180): 51–58. (In Russ.).

6. Kuchmaeva O. V., Rostovskaja T. K. Novye tendencii v formirovanii zhiznennyh strategij chlenov molodyh semej v sovremennom rossijskom obshhestve (analiz Vserossijskogo sociologicheskogo issledovanija) [New trends in the formation of life strategies of members of

young families in modern Russian society (analysis of the All-Russian sociological research)]. *Vestnik Akademii prava i upravlenija* [Bulletin of the Academy of Law and Management]. 2016; 43(2): 113–124. (In Russ.).

7. Rostovskaja T. K., Kuchmaeva O. V. Pokolencheskie i mezhstranovye razlichija vospitatel'nyh strategij sem'i (po dannym sociologicheskogo issledovanija) [Generational and cross-country differences in educational strategies of the family (according to sociological research)]. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologija i upravlenie* [Scientific result. Sociology and Management]. 2020; 6(2): 117–131. (In Russ.).

8. Rostovskaja T. K., Kaliev T. B. Cennostnye orientiry sovremennoj molodezhi: osobennosti i tendencii [Value orientations of modern youth: features and trends]. Moscow: RUSAJNS, 2019. P. 228. (In Russ.).

9. Rozenberg N. V. Vlijanie sredstv massovoj informacii na obraz zhizni molodezhi [Influence of mass media on the lifestyle of youth]. *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo* [Nauka. Society. State]. 2015; 3(1): 134–141. (In Russ.).

10. Busetto L., Wick W., Gumbinger C. How to use and assess qualitative research methods // *Neurol. Res. Pract.* 2020. №2 (14).

11. Hakala U., Lemmetyinen A., Kantola S.-P. Country image as a nation-branding tool // *Marketing Intelligence Samp Planning*. 2013. №31. P. 538–556.

12. Herz M., Arnegger J. Country image formation, stability, and change: a longitudinal assessment of consumers' image of Azerbaijan // *Journal of Travel & Tourism Marketing*. 2017. №34. P. 1–15.

13. Lopez C., Balabanis G. Country image appraisal: More than just ticking boxes // *Journal of Business Research*. 2020. №117. P. 764–779.

14. McPherson L., Vosz M., Gatwiri K., Parmenter N., Macnamara N., Mitchell J., Tucci J. What does research tell us about young people's participation in decision making in residential care? A systematic scoping review // *Children and Youth Services Review*. 2021. Vol. 122.

15. Robinson O. Sampling in Interview-Based Qualitative Research: A Theoretical and Practical Guide // *Qualitative Research in Psychology*. 2014. Vol. 11(1).

Статья поступила в редакцию 16.11.2021; одобрена после рецензирования 21.11.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted on 16.11.2021; approved after reviewing on 21.11.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брагин Алексей Дмитриевич — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6/1

Alexey D. Bragin — Junior Researcher, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.
6/1 Fotievoy st., Moscow, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-55-63

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Валерия Петровна Войтенко^{1✉}, Вадим Геннадьевич Пантелеев²

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия

¹teravpr@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0001-5727-4692, AuthorID РИНЦ: 757696

²pwg92@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8909-5744, AuthorID РИНЦ: 813954

Аннотация. Целью исследования является выявление коллективных представлений этнических групп, проживающих в Краснодарском крае, о социальной справедливости.

Методологическую базу исследования представляет определение респондентом предпочтительного им основания социальной справедливости посредством оценки суждений, характеризующих эти основания, способом выбора парной альтернативы (согласен / не согласен). В статье использовались такие научные методы, как каузальный анализ, сравнительный анализ, анализ статистики эмпирического социологического исследования.

Результаты исследования. В результате анализа и сопоставления эмпирических данных была выявлена специфика представлений о социальной справедливости этносов, проживающих на территории Краснодарского края — армян, русских, турок-мехетинцев, шапсугов. Главными основаниями социальной справедливости у армян оказались законность, помощь нуждающимся «всем миром», равные условия развития каждого, вознаграждение по заслугам. У русских такими основаниями оказались законность, равные условия развития каждого, вознаграждение по заслугам, помощь нуждающимся «всем миром». У турок-мехетинцев — равные условия развития каждого, помощь нуждающимся «всем миром», законность, отсутствие разделения на богатых и бедных. У шапсугов — равные условия развития каждого, помощь нуждающимся «всем миром», законность, вознаграждение по заслугам. Выявлены отличия представлений социальной справедливости по линии урбанизированности и религиозной принадлежности этносов.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем углублении изучения того, какие представления о социальной справедливости присущи тем или иным этническим группам. Результаты исследования могут быть использованы в разработке национальной политики по отношению к конкретным этническим группам.

Ключевые слова: социальная справедливость, коллективные представления, этнические группы, армяне, русские, турки-мехетинцы, шапсуги, Краснодарский край

Для цитирования: Войтенко В.П., Пантелеев В.Г. Социальная справедливость в коллективных представлениях этнических групп Краснодарского края // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 55–63. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-55-63>.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. по проекту «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России» (государственное задание Минобрнауки, внутренний номер Г30110/21-04-ПГ).

Original article

SOCIAL JUSTICE IN COLLECTIVE REPRESENTATIONS OF ETHNIC GROUPS OF KRASNODAR REGION

Valeriya P. Voytenko¹✉, Vadim G. Pantelev²

¹*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

¹*leravvp@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0001-5727-4692, AuthorID RSCI: 757696

²*pwg92@mail.ru*, ORCID: 0000-0001-8909-5744, AuthorID RSCI: 813954

Abstract. *The purpose of the research is to identify the collective perceptions of ethnic groups living in the Krasnodar Region about social justice.*

The methodological basis of the research is the determination by the respondent of his preferred basis of social justice by assessing the judgments characterizing these grounds, by the method of choosing a pair alternative (agree/disagree). The article used such scientific methods as causal analysis, comparative analysis, analysis of statistics of empirical sociological research.

Research result. As a result of the analysis and comparison of empirical data, the specificity of ideas about social justice of ethnic groups living on the territory of the Krasnodar Region — Armenians, Russians, Meskhetian Turks, Shapsugs — was revealed. The main foundations of social justice for the Armenians turned out to be legality, help to those in need «by the whole world», equal conditions for the development of everyone, remuneration according to merit. For Russians, such grounds turned out to be legality, equal conditions for the development of everyone, remuneration according to merit, help to those in need «by the whole world». The Meskhetian Turks have equal conditions for the development of everyone, help those in need «with the whole world», legality, and the absence of division into rich and poor. The Shapsugs have equal conditions for the development of everyone, help to those in need «by the whole world», legality, reward according to merit. The differences in the ideas of social justice in terms of urbanization and religious affiliation of ethnic groups are revealed.

The prospects of the research are in further deepening the study of what ideas about social justice are inherent in certain ethnic groups. The research results can be used in the development of national policy in relation to specific ethnic groups.

Keywords: social justice, collective representations, ethnic groups, Armenians, Russians, Meskhetian Turks, Shapsugs, Krasnodar Region

For citation: Voytenko V. P., Pantelev V. G. Social justice in collective representations of ethnic groups of Krasnodar Region // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 55–63. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-55-63>.

Acknowledgments. The article was prepared as part of the program of fundamental and applied scientific research on the topic «Ethno-cultural diversity of Russian society and the strengthening of all-Russian identity» 2020–2022 on the project «Social justice in ensuring the harmonization of interethnic relations and strengthening the all-Russian identity of the population in the South of Russia» (state assignment of the Ministry of Education and Science, internal number Г30110/21-04-ПГ).

Введение. В последнее время массовое сознание россиян захватила консервативная волна [1]. В результате массовое сознание россиян стало носить антиномичный характер: с одной стороны, в нем стали возрождаться консервативные архетипические представления и ценности, с другой — сохранились осознанные представления и ценности, сформировавшиеся в период либеральных преобразований [2]. В таких условиях особую роль в системе осознанных представлений и ценностей играет социальная справедливость, выступающая одним из главных индикаторов гражданской идентичности как самоотождествления россиян с российской нацией (многонациональным народом России).

В Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 года №1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» с изменениями и дополнениями от 06 декабря 2018 года социальная справедливость значится в качестве одной из единых ценностей, благодаря которым «на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов»¹.

В настоящее время растет запрос на социальную справедливость со стороны многочисленных социальных, в том числе и этнических, групп, который определяется наличием социальных неравенств и социальной несправедливости в различных сферах жизнедеятельности российского общества. В целом, по данным социологических исследований, проведенных ФНИСЦ РАН в текущем десятилетии, социальная справедливость относится к категории ценностей, максимально выражающей надежды о желаемом буду-

щем россиян (в 2012 году этот показатель составлял 45% [4], в 2014 году — 47% [5]), а по данным опроса 2019 года, проведенного РАНХиГС, три четверти россиян (74,1%) считают существующие социальные различия в стране несправедливыми².

Население южнороссийского макрорегиона отличается не только высоким уровнем этнокультурной мозаичности, но и накопленными различными историческими травмами в сфере межэтнических взаимодействий, которые обуславливают восприятие различных этнических групп сквозь призму социальной справедливости и социального неравенства. Основанием для восприятия неравных статусов является их численность, разные ландшафты их исторического расселения, различный путь присоединения к России, страдание от репрессивной политики и т.д. В фокусе нашего анализа — коллективные представления этнических групп Краснодарского края о социальной справедливости.

Обзор источников. Критический анализ современной научной литературы позволяет констатировать, что социальная справедливость рассматривается российскими исследователями в основном в качестве ценности. Признаками социальной справедливости, по мнению ученых, выступают: соответствие между ролью человека или социальной группой в обществе и их социальным положением, равенство социального положения людей (социальных групп) в обществе, соразмерность вознаграждения людей и различных объединений согласно их поступкам и вкладу в дело [9]. Исследуя справедливость в сфере межнациональных отношений, российские ученые выделяют

¹ Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. №1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями от 06 декабря 2018 г.). URL: <https://base.garant.ru/70284810/>.

² 74% россиян считают социальные различия несправедливыми. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/74-rossiyan-schitayut-socialnye-razlichiya-nespravedlivymi-20190916-131023/>.

в качестве основного индикатора равенство общественного положения этносов, обеспечивающее им равные возможности для утверждения или совершенствования социальных и этнических качеств, удовлетворения личных и национальных потребностей [9].

Проблема социальной справедливости затрагивалась российскими исследователями при изучении конфликтогенности в местах локального расселения этнических (в том числе мигрантских) групп. Так, в социологической литературе уже рассматривались следующие вопросы: социальная справедливость как фактор восприятия социальных позиций этнических групп с учетом исторических, этнокультурных и социально-экономических условий (Л.М. Дробижева) [3], в том числе применительно к адаптации различных групп мигрантов в российском обществе (В.И. Мукомель) [6]. Вместе с тем региональное измерение (межрегиональный и внутрирегиональный аспекты) социальной справедливости и анализ понимания социальной справедливости в представлениях людей разной этнической принадлежности проводились только среди местных жителей и приезжих Москвы, Московской, Астраханской и Калининградской областей [8], в представлениях жителей регионов Поволжья о процессах консолидации в современном обществе, о степени удовлетворенности российских граждан различными аспектами своей жизни в контексте взаимоотношений общества и власти [7]. Однако Юг России отличается от этих регионов не только этнокультурной спецификой, но и высоким конфликтогенным потенциалом накопленных проблем, сохранением элементов родовой структурной организации, которая позволяет обеспечить высокий уровень этномобилизации. При этом социальная справедливость в коллективных представлениях этнических групп Юга России, в том числе Краснодарского края, еще не стала предметом специальных социологических исследований.

Методы и эмпирические данные. Эмпирические данные, использованные для анализа в данной статье, получены методом анкетного опроса представителей этнических групп Краснодарского края, дифференцированным по социально-статусной позиции,

включающей исторический, виктимный и демографический аспекты. Анкетный опрос проведен в рамках реализации в 2021 году Государственного задания «Социальная справедливость в обеспечении гармонизации межэтнических отношений и укреплении общероссийской идентичности населения на Юге России».

При расчёте выборки каждая этническая группа рассматривалась как генеральная совокупность, структура которой должна быть воспроизведена в выборочной совокупности по ключевым параметрам: местность проживания (городская, сельская), пол респондента, возраст респондента (начиная с 18 лет). Таким образом, выборка исследования является стратифицированной, с выделением квот по ключевым параметрам. Пропорции по ключевым параметрам рассчитывались по данным Всероссийской переписи населения 2010 года.

Для определения количества респондентов, необходимого для опроса по каждому этносу, были выбраны следующие расчётные характеристики выборки: доверительная вероятность — 90%, доверительный интервал — 7%.

Таким образом, точность полученных ответов в рамках выборки составляет 90%. Разброс ответов от полученных статистических выкладок опроса составляет $\pm 7\%$. Выборка репрезентативна и обладает высокими параметрами точности.

Всего в Краснодарском крае было опрошено 606 человек, среди них армян — 150 человек, русских — 152 человека, тюркомехетинцев — 150 человек, шапсугов — 154 человека.

Среди армян опрошено 52% мужчин и 48% женщин, возраст от 18 до 24 лет — 10%, от 25 до 29 лет — 16%, от 30 до 39 лет — 19,3%, от 40 до 49 лет — 18%, от 50 до 59 лет — 18,7%, 60 лет и старше — 18%. Респонденты из городской местности составили 54%, из сельской местности — 46%.

Среди русских опрошено 44,7% мужчин и 55,3% женщин, возраст от 18 до 24 лет — 14,5%, от 25 до 29 лет — 8,6%, от 30 до 39 лет — 18,4%, от 40 до 49 лет — 17,8%, от 50 до 59 лет — 20,4%, 60 лет и старше — 20,4%. Респонденты из городской местности составили 52%, из сельской местности — 48%.

Среди турок-месхетинцев опрошено 50% мужчин и 50% женщин, возраст от 18 до 24 лет — 4,7%, от 25 до 29 лет — 10,7%, от 30 до 39 лет — 17,3%, от 40 до 49 лет — 18%, от 50 до 59 лет — 17,3%, 60 лет и старше — 32%. Респонденты из городской местности составили 20%, из сельской местности — 80%.

Среди шапсугов опрошено 50% мужчин и 50% женщин, возраст от 18 до 24 лет — 7,8%, от 25 до 29 лет — 9,1%, от 30 до 39 лет — 17,5%, от 40 до 49 лет — 16,9%, от 50 до 59 лет — 16,2%, 60 лет и старше — 32,5%. Респонденты из городской местности составили 21,4%, из сельской местности — 78,6%.

Цель статьи — выявить коллективные представления этнических групп Краснодарского края о социальной справедливости.

Задачи — определить степень согласия этнических групп со следующими основаниями социальной справедливости: 1) отсутствие разделения на богатых и бедных; 2) равные условия для развития каждого члена общества; 3) торжество закона, равенство всех перед законом; 4) оказание поддержки нуждающимся за счет налогов всех граждан; 5) зависимость дохода от трудового вклада; 6) равенство доходов независимо от трудового вклада.

Результаты. Рассмотрим то, как различные народы Краснодарского края определяют основания справедливого общества. Для того чтобы это выявить, респондентам были предложены суждения, которые характеризуют различные типы справедливого общества. Респонденты выражали с ними согласие или несогласие. Сопоставив все мнения о каждом суждении, можно составить обобщенное представление о социальной справедливости рассматриваемых этносов.

Первое суждение — справедливое общество такое, в котором отсутствует разделение на богатых и бедных. В наибольшей степени с этим суждением согласны турки-месхетинцы (86%), в наименьшей степени — армяне (60%), между этими двумя позициями находятся русские и шапсуги (64,5% и 64,3%), но все-таки ближе к мнениям респондентов-армян. Можно предположить, что такая высокая степень согласия с данным утверждением связана с недавним советским

прошлым, установки которого по инерции продолжают существовать в сознании различных народов. Однако и не согласных с данным утверждением достаточно много, что можно обусловить уже современными реалиями. Обращает на себя внимание высокий процент согласных с данным утверждением среди турок-месхетинцев. Возможно, сказываются исторические обстоятельства, связанные с депортацией, последующим исходом из Средней Азии, а именно: в тяжелых условиях в общности должен быть минимум разобщающих факторов.

Второе суждение — справедливым является такое общество, в котором созданы равные условия для развития каждого. Большинство опрошенных респондентов среди каждого этноса выразили согласие с данным утверждением: армяне — 82,7%, русские — 93,4%, турки-месхетинцы — 95,3%, шапсуги — 97,4%. В целом можно сказать, что подобные суждения характерны для современных представлений о справедливом устройстве общества. Однако респонденты-шапсуги выразили категорическое согласие с этим тезисом. Возможно, что это связано с тем, что численность этого народа невелика, и проживая в условиях доминирования русских (88,3% по Всероссийской переписи населения 2010 года), они хотели бы гарантии равных возможностей.

Третье суждение — справедливым является такое общество, в котором торжествует закон, все равны перед законом. В этом случае также большинство выразило согласие с этим тезисом: армяне — 92,7%, русские — 94,1%, турки-месхетинцы — 92%, шапсуги — 83,8%. В этом случае тоже можно отметить, что подобные представления характерны для современных обществ, однако предполагаем, что здесь можно выделить и этническую специфику. Наибольшая доля согласных наблюдается среди русских респондентов. Это можно объяснить тем, что русский народ оторван от собственных написанных представлений о справедливости, в его сознании таковая должна обеспечиваться законом. С другой стороны, среди шапсугов также большинство согласно с тезисом, однако 16,2% выразили несогласие. Тогда, наоборот, это явление можно связать с тем, что среди шапсугов сильны представления

о справедливости, связанные с их этнической традицией.

Четвертое суждение — справедливым является такое общество, в котором государство за счет налогов всех граждан оказывает поддержку социально незащищенным группам. И в этом случае большинство респондентов среди каждого этноса выразило согласие с утверждением: армяне — 87,3%, русские — 90,1%, турки-месхетинцы — 94%, шапсуги — 83,8%. Наиболее высокую степень согласия с утверждением демонстрируют турки-месхетинцы. Это опять же можно связать с историей этого народа в XX веке. Когда большая группа людей по этническому признаку помещена в тяжелые условия принудительного перемещения и жизни в чужом крае, внутри этой группы наверняка сложились определенные практики взаимопомощи. Вероятно, турки-месхетинцы продолжают следовать этому принципу. Хотя среди русских процент согласных большой, но есть и противники такого принципа. Возможно, это связано с тем, что русские являются основными налогоплательщиками (если исходить из доли в населении Краснодарского края). Вместе с тем выделяются армяне и шапсуги. Возможно, респонденты среди армян и шапсугов, не согласные с этим принципом, полагают, что они являются именно теми нуждающимися.

Пятое суждение — справедливым является такое общество, в котором его члены получают доходы в зависимости от уровня личного вклада, труда и ресурсов (накопленных и полученных по наследству). Различия между этносами при выражении согласия или несогласия с данным утверждением проявляются рельефнее. Так среди армян выразили согласие с суждением 75,3% респондентов, среди русских — 90,8%, среди турок-месхетинцев согласны с этим суждением 66%, среди шапсугов — 81,8%. Наибольший уровень согласия с этим утверждением выразили русские респонденты. Таким образом, русским Краснодарского края в наибольшей степени присущи представления о дистрибутивной справедливости. Шапсуги также демонстрируют высокую степень согласия с данным тезисом. Меньше всего согласных с данным суждением среди турок-месхетинцев. Возможно, в этом случае также наблюдается

фактор исторического прошлого: этническая группа, сплоченная под воздействием репрессивного перемещения, нацелена на сохранение общности, соответственно, поддержку необходимо было оказывать всем, независимо от вклада. Таким образом, дистрибутивная справедливость в меньшей степени присуща туркам-месхетинцам.

Шестое суждение — справедливым обществом является такое, в котором у его членов есть полное равенство в доходах, в экономическом положении, независимо от вклада, способностей, уровня образования. Здесь наблюдается наименьший уровень согласия по сравнению с другими суждениями. Среди респондентов-армян выразили согласие с этим утверждением 22,7%, среди русских с этим — 43,4%, среди турок-месхетинцев согласились с суждением 34,7%, среди шапсугов — всего 18,2%. Можно заключить, что большая часть респондентов уверена, что уровень доходов должен зависеть от вклада. Однако наблюдается и этническая специфика. Наибольшую степень согласия с этим суждением выразили русские, что можно объяснить инерцией представлений о социальной справедливости, которая тянется с советского времени. Среди турок-месхетинцев распространенность такого мнения также можно связать с особенностями их истории, о которых было не раз упомянуто. С другой стороны, у армян и шапсугов наблюдается наименьший уровень согласия с данным суждением. Вероятно, это можно связывать с тем, что они являются меньшинствами, особенно шапсуги. Видимо, чем меньше общность, тем труднее ее членам даются ресурсы. Конечно, это также может зависеть от того, какой уровень влияния могут иметь представители такой группы в обществе.

Если говорить об общей картине, то можно заключить, что в целом видна общая тенденция, когда респонденты всех этнических групп высказываются за определенные суждения: это равные условия развития для всех членов общества, торжество закона, равенство всех членов общества перед законом, государство организует помощь нуждающимся за счёт налогов всех граждан. Этническая специфика оснований представлений о социальной справедливости проявляется в следующих моментах: отсутствует разделение

на бедных и богатых, все люди живут примерно одинаково; члены общества получают доходы, независимо от трудового вклада, дохода, накоплений.

Заключение. Итак, для каждого рассмотренного этноса Краснодарского края можно зафиксировать особенности представлений о социальной справедливости. Расположение оснований социальной справедливости по степени согласия с суждениями позволит нагляднее продемонстрировать эту специфику.

Армяне. Социальная справедливость в представлениях армян зиждется на законности, помощи нуждающимся «всем миром», равных условий развития для каждого, а также зависимости доходов от трудового вклада индивида. В меньшей степени ассоциируются со справедливостью отсутствие разделения богатых и бедных и равенство доходов независимо от трудового вклада.

Русские. В представлениях русских социальная справедливость основывается на законности, создании равных условий развития для каждого члена общества, зависимости доходов от трудового вклада, а также помощи нуждающимся «всем миром». В наименьшей степени у русских социальная справедливость основывается на отсутствии разделения на богатых и бедных и равенстве доходов вне зависимости от трудового вклада.

Турки-месхетинцы. Первым основанием социальной справедливости у них выступает создание равных условий развития для каждого, затем помощь «всем миром» нуждающимся, далее торжество законности и, наконец, отсутствие разделения на богатых и бедных. В наименьшей степени социальная справедливость основывается на равенстве доходов независимо от трудового вклада.

Шапсуги. У этого этноса социальная справедливость в большей степени основывается на создании равных условий развития для каждого члена общества, помощи нуждающимся «всем миром», торжестве законности и получении доходов в зависимости от трудового вклада. В наименьшей степени социальная справедливость основывается на отсутствии разделения на богатых и бедных и равенстве доходов независимо от трудового вклада.

Таким образом, можно заключить, что различия в представлениях о справедливости проходят по линиям этнического большинства (русские), крупнейшего меньшинства (армяне) и этнических меньшинств (турки-месхетинцы и шапсуги). Этническое большинство и крупнейшее меньшинство урбанизированы, этнические меньшинства главным образом проживают в сельской местности. Наконец, этническое большинство и крупнейшее меньшинство — носители христианской или постхристианской культуры, меньшинства — носители мусульманской культуры.

Список источников

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 2. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф, 2016. 496 с.
2. Горшков М.К. «Русская мечта» в зеркале социологии // Гуманитарий Юга России. 2012. №2. С. 13–28.
3. Дробижеева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.
4. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
5. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков и др.; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. Институт социологии РАН. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.
6. Мукомель В.И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и Экономика. 2017. №6. С. 69–79.
7. Редя Г.П., Барсукова С.А. Представления о справедливости в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. №2(34). С. 129–136.
8. Фадеев П.В. Социальная справедливость как фактор, интегрирующий мигрантов в местное сообщество // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. №3. С. 117–134.
9. Файзуллин Ф.С. Справедливость как принцип гармонизации социальных отношений / Академия наук Республики Башкортостан.

тостан, Отделение социально-гуманитарных наук и технологий. Уфа: Гилем, 2017. 179 с.

References

1. Gorshkov M.K. Rossijskoe obshhestvo kak ono est': (opyt sociologicheskoy diagnostiki). V 2 t. T. 2. Izd. 2-e, pererab. i dop. [Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). In 2 vols. Vol. 2. Ed. 2nd, reprint. and add.]. Moscow: Novyj hronograf, 2016. 496 p. (In Russ.).
2. Gorshkov M.K. «Russkaja mehta» v zerkale sociologii [«Russian dream» in the mirror of sociology]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2012; (2): 13–28. (In Russ.).
3. Drobizheva L.M. Social'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v postsovetsoj Rossii [Social problems of interethnic relations in post-Soviet Russia]. Moscow: Centr obshhechelovecheskih cennostej, 2003. 376 p. (In Russ.).
4. O chem mechtajut rossijane: ideal i real'nost' [What Russians dream about: ideal and reality]. Pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tihonovoj [In M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonova (eds.)]. Moscow: Ves' Mir, 2013. 400 p. (In Russ.).
5. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaja [Russian society and challenges of the time. The first book]. M.K. Gorshkov i dr.; pod red. Gorshkova M.K., Petuhova V.V. [M. K. Gorshkov et al.; In Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (eds.)]. Institut sociologii RAN. Moscow: Ves' Mir, 2015. 336 p. (In Russ.).
6. Mukomel' V.I. Migranty na rossijskom rynke truda: zanjatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda [Migrants in the Russian labor market: employment, mobility, intensity and remuneration]. *Statistika i Jekonomika [Statistics and Economics]*. 2017; (6): 69–79. (In Russ.).
7. Redja G.P., Barsukova S.A. Predstavlenija o spravedlivosti v sovremennom rossijskom obshhestve [Representations of justice in modern Russian society]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki [News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences]*. 2015; 2(34): 129–136. (In Russ.).
8. Fadeev P.V. Social'naja spravedlivost' kak faktor, integrirujushhij migrantov v mestnoe soobshhestvo [Social justice as a factor integrating migrants into the local community]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika [Sociological science and social practice]*. 2016; 4(3): 117–134. (In Russ.).
9. Fajzullin F.S. Spravedlivost' kak princip garmonizacii social'nyh otnoshenij [Justice as a principle of harmonization of social relations]. Akademija nauk Respubliki Bashkortostan, Otdelenie social'no-gumanitarnyh nauk i tehnologij [Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Department of Social and Humanitarian Sciences and Technologies]. Ufa: Gilem, 2017. 179 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 29.11.2021.

The article was submitted on 19.11.2021; approved after reviewing on 23.11.2021; accepted for publication on 29.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Войтенко Валерия Петровна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Теоретическая социология и методология региональных исследований», Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Valeriya P. Voytenko — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of «Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies» chair, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Пантелеев Вадим Геннадьевич — младший научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 102

Vadim G. Panteleev — Junior Research Assistant, South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

102 Maksima Gorkogo st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Войтенко В. П. — введение; обзор источников; методы и эмпирические данные; заключение.

Пантелеев В. Г. — методы и эмпирические данные; результаты; заключение.

Contribution of the authors:

Voytenko V. P. — introduction; review of sources; methods and empirical data; conclusion.

Panteleev V. G. — methods and empirical data; results; conclusion.

Научная статья
УДК 316.3
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-64-70

РИСКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФАНТИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Анна Сергеевна Демиденко

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
ademidenko@sfedu.ru, AuthorID РИНЦ: 9360-6618*

Аннотация. *Цель исследования* — дать характеристику рискологической концепции российской молодежи с точки зрения изучения актуальной на современный день проблемы инфантилизации данной возрастной группы, выявить причины и сферы общественной жизни, наиболее подверженные рискам социальной инфантилизации молодежи.

Методологическая база исследования выстраивается на основе ряда теоретических концепций и подходов. Прежде всего, это идеи, положения и принципы социологических подходов, сложившихся в социологии молодежи и адекватно отражающих современные реалии и проблемы в области становления и развития молодежи как субъекта общественных отношений. С этой точки зрения приоритетные позиции занимает рискологическая концепция молодежи.

Результаты исследования. Для исследования социальной инфантильности молодежи в рамках социологии необходимо провести предварительную разработку его методологического конструкта. Изучением молодежи занимались зарубежные и отечественные ученые. Однако современная динамично развивающаяся социальная реальность требует пересмотра сложившихся подходов в социологии молодежи. На основе проанализированных выше научных методов и идей были выделены сферы, в которых наиболее выражены риски социальной инфантильности молодежи: профессионально-трудовая, образовательная, досуговая и семейная.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением рискологической концепции молодежи и более детальным выявлением рисков в профессионально-трудовой, образовательной, досуговой и семейной сферах.

Ключевые слова: социальная инфантильность, молодежь, риск, рискологическая концепция

Для цитирования: Демиденко А. С. Рискологическая концепция изучения социальной инфантильности российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 64–70. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-64-70>.

Original article

RISKOLOGICAL CONCEPT OF STUDYING THE SOCIAL INFANTILITY OF YOUTH

Anna S. Demidenko

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ademidenko@sfedu.ru, AuthorID RSCI: 9360-6618*

Annotation. *The purpose of the study* — to characterize the riskological concept of Russian youth from the point of view of studying the problem of infantilization of this age group, which is relevant today; to identify the causes and spheres of public life most susceptible to the risks of social infantilization of young people.

The methodological basis of the research is built on the basis of a number of theoretical concepts and approaches. First of all, these are the ideas, provisions and principles of sociological approaches that have developed in the sociology of youth and adequately reflect modern realities and problems in the field of the formation and development of youth as a subject of social relations. From this point of view, the priority positions are taken by the riskological concept of youth.

Research results. To study the social infantilism of youth within the framework of sociology, it is necessary to carry out a preliminary development of its methodological construct. The study of young people was carried out by foreign and domestic scientists. However, the modern dynamically developing social reality requires a revision of the existing approaches in the sociology of youth. Based on the scientific methods and ideas analyzed above, the areas in which the risks of social infantilism of urban youth are most pronounced were identified: professional and labor, educational, leisure and family.

Research prospects associated with the further study of the riskological concept of youth and a more detailed identification of risks in the professional and labor, educational, leisure and family spheres.

Keywords: social infantilism, youth, risk-based concept of risk

For citation: Demidenko A. S. Riskological concept of studying the social infantility of youth // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 64–70. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-64-70>.

Введение. Кардинальные перемены в различных сферах жизнедеятельности привели к изменению ценностно-смысловых установок молодого поколения. В наши дни мы можем наблюдать кризис социальных регуляторов, вследствие чего ряд социальных институтов перестает эффективно выполнять свои главные функции: семья — воспитывать, институт культуры — транслировать обществу подлинные ценности. И как результат — происходит нормализация многих видов девиантного поведения. Эти явления несут риски, которые связаны с нарушением социализации.

В современном социуме происходит постоянное увеличение количества информационных потоков, социально-экономические преобразования и кризисы различного плана. Сложившаяся картина будущего достаточно противоречива и приводит к тому, что молодежь предпочитает сохранить черты «детскости», в которой за их стабильную и надежную жизнь отвечают взрослые. Но с потерей ценности взросления теряется смысл существования.

Постановка проблемы. Социальная инфантильность современной российской мо-

лодежи отражается на многих аспектах жизнедеятельности и несет в себе существенные риски, которые Т.А. Хагуров называет рисками взросления [11]. Феномен социальной инфантильности чаще всего изучается в контексте исследования молодежной проблематики, т.к. периоды юности и ранней зрелости считаются наиболее благоприятными для формирования социальной зрелости или социальной инфантильности.

Интерес к изучению социальной инфантильности вызван естественной ситуацией пролонгирования детства и молодости, изменением границ возраста и «отодвиганием» наступления взрослого, социально зрелого, периода жизни.

Социальная инфантильность российской молодежи проявляется в различных сферах жизни: в общественной (отсутствие четкой гражданской позиции), учебной (смещение приоритетов — не получение знаний, а наличие диплома), профессионально-трудовой (отсутствие профессиональной самореализации, смена форм занятости и пр.), семейной (изменение типов семейных отношений и репродуктивных установок), досуговой (виртуализация досуга).

В наши дни доминирует модель принятия «взрослых привилегий» без принятия ответственности [12]. В итоге гедонистическая инфантильность является распространенной моделью поведения молодежи, большая часть которой не способна справиться с социальными или личностными трудностями, она постепенно маргинализируется и утрачивает свой потенциал развития. В российском обществе данные явления связаны с распространением массовой потребительской культуры, которая наполнена ценностями эмансипации и гедонизма.

Таким образом, вопросы изучения инфантильности становятся все актуальнее. Стоит отметить, что природа феномена инфантильности достаточно сложна, причин его возникновения великое множество, особенно велико влияние психологических и социальных факторов. Инфантильность не подвергалась комплексному изучению, а лишь находится на уровне исследования феномена в ограниченном контексте. Однако определенная лепта была внесена рядом ученых.

Степень научной разработанности.

Изучив и проанализировав научный материал, нами был сделан вывод, что инфантильность в рамках социологической науки мало изучена и представляет собой размытый конструкт. Необходимо проведение комплексного исследования данного феномена в молодежной среде, так как она является наиболее уязвимой социальной группой. В период социализации молодое поколение не только усваивает, но и достаточно активно формирует определенный набор ценностей [4].

Анализ современной реальности дает основания полагать, что это явление связано с нарушением сферы интересов, ответственности, мотивации, чувства долга, манеры поведения и т.д. И стоит согласиться с мнением ученых, что инфантилизм означает задержку становления личности как целого комплекса отношений [1].

Инфантилизм в самом общем понимании трактуется как результат разрыва между социокультурным и биологическим развитием, который напрямую связан с нарушением механизмов социализации и выражается в неприятии форм социальной активности и социальных обязательств.

Среди наиболее разработанных направлений, в которых фигурирует феномен социальной инфантильности, можно выделить те, в которых социальная инфантильность изучается как проблема «социализации» и «социальной зрелости» личности [3], как сохранение у взрослых психических и физических симптомов детства, как отставание социального взросления молодежи и задержка социального и нравственного созревания личности, как становление и развитие социальной зрелости в студенческой среде, социальная зрелость — баланс между адаптацией человека в обществе и обособления в нем же [9], политическая инфантильность как фактор, который формирует гражданскую позицию молодежи [10].

Проведя обзор многочисленной литературы, нами было дано авторское определение термина социальной инфантильности молодежи. Социальная инфантильность молодежи — это состояние, характеризующееся ценностными и поведенческими установками молодежи, не соответствующими социальным нормам и критериям, предъявляе-

мым со стороны обществом в соответствии с их социальным статусом и возрастом.

Методологическая база исследования. Особое место в исследовании инфантильности занимают работы, которые напрямую не посвящены проблеме социальной инфантильности молодежи, но при этом содержат информацию о ней. Особенно это касается тех работ, в которых изучается феномен риска в молодежной среде. Это труды Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова и работы Т. А. Хагурова [6, 7, 8, 11].

Исследование риска в молодежной среде является важным моментом в определении возможных форм проявления социальной инфантильности и ее последствий, поэтому особое внимание заслуживает рискологическая концепция Ю. А. Зубок [7], рассматривающая социальный риск как важнейший фактор социального развития и становления молодежи, а также интеграцию молодежи в социальную систему взаимодействия и ее адаптацию в условиях рискогенности и социальной неопределенности. В данной парадигме риск, рассматриваемый как группообразующий фактор молодежи, понимается как условие жизнедеятельности молодого поколения. Риск приобретает группообразующее свойство в переходные состояния молодости как фазы жизненного этапа, сопряженные с выбором собственной социальной позиции, влиянием различных типов культур и изменениями в этой связи процесса трансляции социального опыта между поколениями, а также радикальными изменениями механизмов социального взросления, которые обусловлены пролонгацией экономической и социальной маргинальности, а также увеличением социальной транзитуции. Основой рискологической парадигмы является концепция «потерянного поколения».

Риски социальной инфантилизации молодежи. Деятельность и реализация социальной субъектности российской молодежи происходит в условиях, наполненных разными рисками и угрозами. Современное общество динамично, проходя разные этапы модернизации, оно изменяет направления как экономического, так и социокультурного плана, в сторону неоднозначности и неопре-

деленности процессов. Следовательно, данная тенденция способствует усилению неопределенности в жизни молодежи, которая только лишь вступает на путь построения общественных отношений. Однако желание занять высокие статусные позиции в условиях быстро меняющейся социальной реальности приводит к рискам, которые будут отражаться во всех основных сферах жизни. Таким образом, мы приходим к выводу, что риск — один из существенных свойств молодежи и фактор социального развития поколения.

Сегодня молодежь находится в числе социально незащищенных социальных групп, вследствие чего остро возникает проблема реализации своей социальной субъектности в ходе интеграции в общество, которая напрямую зависит от статуса молодого человека в социальном воспроизводстве [5]. Кризисный социум, в котором отсутствует стабильная система механизмов социальной регуляции, выражается высокой степенью социальной неопределенности.

Описанная тенденция формирует крайне неблагоприятный фон для реализации социальной субъектности молодежи, которая адаптируется к условиям неопределенности через выбор путей и форм самореализации. Стоит понимать, что процесс реализации социальной субъектности подразумевает профессиональное, трудовое и семейное самоопределение личности.

В связи с ситуацией нестабильности молодежь вынуждена принять модель социального исключения, которая является итогом ранее сложившегося неравного доступа к главным жизненным ресурсам молодежи в основных сферах ее жизнедеятельности — образовательной, профессионально-трудовой, досуговой и семейной [7].

Подобные явления неизбежно влекут за собой различные разочарования молодежи, наступающие из-за отсутствия возможности реализации жизненных планов молодого поколения, нехватки социальной справедливости и пр.

Данная тенденция осложняет процесс смены жизненных миров — мира детства на мир взрослой жизни, что зачастую приводит к маргинализации молодого поколения, которое не смогло интегрироваться в систему социальных отношений [5].

Недостаточное внимание к этому аспекту развития социальных отношений молодежи приводит к росту рисков и угроз в различных важных сферах общественной жизни — профессионально-трудовой, семейной, образовательной, культурной, духовной, демографической.

Заключение. Изучив и проанализировав материал, можно сделать вывод, что инфантильность в рамках социологической науки мало изучена и представляет собой размытый междисциплинарный предмет научного дискурса. В связи с этим актуально комплексное исследование данного феномена в молодежной среде, так как она является наиболее уязвимой социальной группой. В период социализации молодое поколение не только усваивает, но и достаточно активно формирует определенный набор ценностей.

Мы считаем, что молодежь — важный субъект общественного развития и воспроизводства общества, поскольку ее социальное становление и развитие происходит в рамках общественных отношений.

Сегодня социальная реальность в нашей стране наполнена явлениями негативного характера, которые отражаются в свойствах функционирования основных социальных институтов, ответственных за воспитание, материальную поддержку, социализацию, образование и пр. Данные тенденции приводят к невозможности в полной мере молодым людям реализовывать свою социальную субъектность.

Исходя из этого, можно сказать, что решение научно-исследовательских задач, связанных с объяснением влияния факторов, определяющих формирование социальной инфантильности молодежи, важно основывать на рискологической концепции молодежи.

На базе проанализированных выше научных методов и идей нами были выделены сферы, которые наиболее сильно подвержены рискам инфантилизации: профессионально-трудовая, образовательная, досуговая и семейная.

Для более детального изучения рисков необходим глубокий эмпирический анализ выявленных сфер с точки зрения проблемы инфантилизации российской молодежи.

Список источников

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект-Пресс, 2004. 366 с.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд. доп. и исправл. М.: Институт социологии РАН, 2010. 592 с.
3. Давыдов Ю. Н. Социология контркультуры Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М.: Наука, 1980. 263 с.
4. Демиденко А.С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т.10. №3/1. С. 143–149.
5. Косинов С.С. Теоретические проблемы социологического изучения положения молодежи в условиях социальной поляризации и рискогенности современного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2012. №4. С.97–103.
6. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001. 161 с.
7. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. 288 с.
8. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008. 266 с.
9. Мудрик А.В. Воспитание как составная часть процесса социализации [Электронный ресурс] // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2008. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-kak-sostavnaya-chast-protsesssa-sotsializatsii> (дата обращения: 11.01.2018).
10. Степанищенко О.В. Политический инфантилизм современной молодежи как фактор искажения системы ценностных ориентаций [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. 2015. №110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-infantilizm-sovremennoy-molodezhi-kak-faktor-iskazheniya-sistemy-tsennostnyh-orientatsiy> (дата обращения: 11.01.2018).
11. Хагуров Т.А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной

России // Вестник Института социологии. 2013. №7. С. 156–158.

12. Хагуров Т.А., Остапенко А.А., Резник А.П., Войнова Е.А., Позднякова М.Е., Щипкова А.А., Рыбакова Л.Н., Хагурова Н.Е. Риски взросления в современной России // Концепции и факты. Опыт социологического анализа. М., Краснодар, 2013. 276 с.

References

1. Andreeva G.M. Social'naja psihologija [Social psychology]. Moscow: Aspekt-Press, 2004. 366 p. (In Russ.).

2. Gorshkov M.K., Sheregi F. Je. Molodezh' Rossii: sociologicheskij portret. 2-e izd. dop. i ispravl. [Youth of Russia: sociological portrait. 2nd ed. add. and corrected]. Moscow: Institut sociologii RAN, 2010. 592 p. (In Russ.).

3. Davydov Ju. N. Sociologija kontrkul'tury Infantilizm kak tip mirovosprijatija i social'naja bolezn' [Sociology of counterculture Infantilizm as a type of world perception and social disease]. Moscow: Nauka, 1980. 263 p. (In Russ.).

4. Demidenko A.S. Social'naja infantil'nost' rossijskoj molodezhi: specifika nauchnogo diskursa [Social infantilism of Russian youth: specificity of scientific discourse]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2018; 10(3/1): 143–149. (In Russ.).

5. Kosinov S.S. Teoreticheskie problemy sociologicheskogo izuchenija polozhenija molodezhi v uslovijah social'noj poljarizacii i riskogenosti sovremennoho obshhestva [Theoretical problems of sociological study of the situation of youth in conditions of social polarization and risk-taking of modern society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2012; (4): 97–103. (In Russ.).

6. Zubok Ju. A., Chuprov V.I., Uil'jams K. Molodezh' v obshhestve riska [Youth in a risk society]. Moscow: Nauka, 2001. 161 p. (In Russ.).

7. Zubok Ju. A. Fenomen riska v sociologii: Opyt issledovanija molodezhi [The phenomenon of risk in sociology: The experience of youth research]. Moscow: Mysl', 2007. 288 p. (In Russ.).

8. Zubok Ju. A., Chuprov V.I. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi [Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth]. Moscow: Academia, 2008. 266 p. (In Russ.).

9. Mudrik A.V. Vospitanie kak sostavnaja chast' processa socializacii [Education as an integral part of the process of socialization] [Jelektronnyj resurs]. *Vestnik PSTGU. Serija 4: Pedagogika. Psihologija* [Bulletin of the PSTSU. Series 4: Pedagogy. Psychology]. 2008; (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-kak-sostavnaya-chast-protsessy-sotsializacii> (date accessed: 11.01.2018). (In Russ.).

10. Stepanishhenko O. V. Politicheskij infantilizm sovremennoj molodezhi kak faktor iskazhenija sistemy cennostnyh orientacij [Political infantilism of modern youth as a factor of distortion of the system of value orientations] [Jelektronnyj resurs]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU [KubSAU Scientific Journal]*. 2015; (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskij-infantilizm-sovremennoj-molodezhi-kak-faktor-iskazheniya-sistemy-tsenostnyh-orientatsiy> (date accessed: 11.01.2018). (In Russ.).

11. Hagurov T.A. Deviacii, social'nyj kontrol' i riski vzroslenija v sovremennoj Rossii [Deviations, social control and risks of growing up in modern Russia]. *Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2013; (7): 156–158. (In Russ.).

12. Hagurov T.A., Ostapenko A.A., Reznik A.P., Vojnova E.A., Pozdnjakova M.E., Shhipkova A.A., Rybakova L.N., Hagurova N.E. Riski vzroslenija v sovremennoj Rossii [Risks of growing up in modern Russia]. *Koncepcii i fakty. Opyt sociologicheskogo analiza* [Concepts and facts. The experience of sociological analysis]. Moscow, Krasnodar, 2013. 276 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.12.2021; одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The article was submitted on 08.12.2021; approved after reviewing on 10.12.2021; accepted for publication on 18.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Демиденко Анна Сергеевна — преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Anna S. Demidenko — Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. 160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 316.47

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-71-78

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ И ПРИНИМАЮЩЕЕ СООБЩЕСТВО ВУЗА: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Екатерина Владимировна Карташевич¹, Галина Игоревна Чикарова^{2✉},
Павел Сергеевич Гаврилов³*

^{1,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия

¹*KartashevichEV@rambler.ru*, ORCID: 0000-0002-1281-5659, Author ID РИНЦ: 707210

²*galia201292@gmail.com✉*, ORCID: 0000-0002-7499-5472, Author ID РИНЦ: 947628

³*pgavrilov@srfedu.ru*, ORCID: 0000-0001-9694-5903, Author ID РИНЦ: 1129541

Аннотация. *Цель статьи:* выявить характер взаимоотношений между иностранными студентами — образовательными (учебными) мигрантами и представителями принимающего сообщества вуза, в котором они проходят обучение.

Эмпирическая база включает в себя результаты прикладного социологического исследования, проведенного коллективом Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН в 2021 году методом анкетного опроса иностранных студентов вузов Юга России.

Результаты. Несмотря на то, что для иностранных студентов, обучающихся в вузах ЮФО, характерно позитивное отношение к представителям принимающего сообщества на уровне социально-психологических установок, сформированных еще до прибытия в страну обучения и сохраняющихся в процессе обучения и непосредственного пребывания в новом для себя обществе, и сложившиеся эффективные практики взаимодействия учебных мигрантов с представителями принимающего сообщества посредством расширения внеучебной деятельности вузов, все же учебные мигранты ЮФО, ставшие участниками проводимого исследования, демонстрируют преобладание в поведении стратегии ограничения взаимодействий с принимающим сообществом, что может быть барьером на пути реализации миграционной политики РФ.

Перспективы исследования. Предложенное исследование подчеркивает необходимость рассмотрения образовательных (учебных) мигрантов как самостоятельной социальной группы в контексте изучения таких социальных процессов, как адаптация и интеграция мигрантов.

Ключевые слова: образовательная (учебная) миграция, иностранные студенты, принимающее сообщество, практики взаимодействия

Для цитирования: Карташевич Е. В., Чикарова Г. И., Гаврилов П. С. Иностранные студенты и принимающее сообщество вуза: особенности восприятия и практики взаимодействия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 71–78. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-71-78>.

Original article

FOREIGN STUDENTS AND THE HOST COMMUNITY OF THE UNIVERSITY: PECULIARITIES OF PERCEPTION AND PRACTICE OF INTERACTION

Ekaterina V. Kartashevich¹, Galina I. Chikarova²✉, Pavel S. Gavrilov³

^{1,3}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

²*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

¹*KartashevichEV@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-1281-5659, Author ID RSCI: 707210*

²*galia201292@gmail.com ✉, ORCID: 0000-0002-7499-5472, Author ID RSCI: 947628*

³*pgavrilov@sfedu.ru, ORCID: 0000-0001-9694-5903, Author ID RSCI: 1129541*

Abstract. *The purpose of the article is to reveal the nature of the relationship between foreign students — educational migrants and representatives of the host community of the university in which they are trained.*

The empirical base includes the results of an applied sociological study carried out by the team of the South-Russian branch of the FCTAS RAS in 2021 by the method of a questionnaire survey of foreign university students in the South of Russia.

Research result. *Despite the fact that foreign students studying at universities of the Southern Federal District are characterized by a positive attitude towards representatives of the host community at the level of socio-psychological attitudes formed even before arriving in the country of study and persisting in the process of studying and directly staying in a new society for themselves, and the established effective practices of interaction of educational migrants with representatives of the host community through the expansion of extracurricular activities of universities, still educational migrants of the Southern Federal District who have become participants in the study, demonstrate the predominance in behavior of the strategy of limiting interactions with the host community, which may be a barrier to the implementation of the migration policy of the Russian Federation.*

The prospect of the study. *The proposed study emphasizes the need to consider educational (educational) migrants as an independent social group in the context of studying such social processes as adaptation and integration of migrants.*

Keywords: *educational migration, foreign students, the host community, interaction practices*

For citation: *Kartashevich E. V., Chikarova G. I., Gavrilov P. S. Foreign students and the host community of the university: peculiarities of perception and practice of interaction // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 71–78. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-71-78>.*

Введение. В последние годы образовательные (учебные) мигранты все чаще становятся объектом исследования большого количества научно-исследовательских проектов, направленных на изучение миграционных процессов и самих мигрантов [4]. Данный факт позволяет говорить об учебных мигрантах как о самостоятельной социальной группе [3], имеющей свои особенности и требу-

ющей, с одной стороны, самостоятельного направления государственной политики, направленной на эффективную адаптацию и интеграцию учебных мигрантов в культурное, социально-экономическое и правовое пространство российского общества, а с другой — отдельного исследовательского внимания к изучению специфики адаптации и интеграции учебных мигрантов и выявлению

основных факторов, затрудняющих данные социальные процессы.

Важно учитывать, что для учебных мигрантов, как и представителей любого другого миграционного потока, может быть характерна как поведенческая линия, связанная с установками на адаптацию и дальнейшую интеграцию в новое для себя общество, так и стратегия сепарации (замыкание, ограничение взаимодействий с принимающим сообществом, поддержание контактов только с земляками) [2]. Цель данной работы — выявить характер взаимоотношений между иностранными студентами — образовательными (учебными) мигрантами и представителями принимающего сообщества вуза, в котором они проходят обучение.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую базу исследования составили результаты прикладного социологического исследования на тему «Проблемы интеграции и адаптации иностранных студентов в российских вузах», проведенного коллективом Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в 2021 году. Цель данного исследования заключалась в изучении специфики процесса адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве высшего учебного заведения. Исследуемая группа включала в себя иностранных студентов вузов Южного федерального округа (ЮФО). Предметом прикладного социологического исследования стала социально-психологическая адаптация иностранных студентов к условиям новой социокультурной среды.

Методом сбора эмпирической информации был выбран анкетный опрос. Учитывая особенность объекта исследования (иностранцы студенты), заключающуюся в разной степени владения иностранными студентами русским языком и создающую барьеры при проведении прикладного социологического исследования, препятствующие получению необходимой эмпирической информации, исследовательским коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН было принято решение проведения анкетного опроса по двум вариантам анкеты: русскоязычному инструментарию или англоязычному, в зависимости от уровня владения иностранным студентом — образовательным мигрантом — русским языком.

Что касается выборки проведенного исследования, то она была многоступенчатая квотная. Всего в ходе исследования было опрошено 1095 человек. Среди участников исследования были представители всех ступеней высшего образования: студенты, магистранты и аспиранты вузов ЮФО.

Особенности восприятия. Социально-психологические установки иностранных студентов относительно принимающего сообщества во многом являются фактором, обуславливающим эффективность социальной и культурной адаптации образовательных мигрантов. Многие из этих установок формируются еще до приезда в страну. В этой связи, поставив исследовательскую задачу изучить представления иностранных студентов о России в целом, а также особенностях русской культуры и народа, в данном исследовании важным было верифицировать те эмпирические индикаторы, которые связаны с установками мигрантов относительно принимающего сообщества, сформированными еще до приезда в Россию, а также попытаться установить траектории изменения этих установок во время обучения и факторы, определяющие направление этого изменения (в позитивную или негативную стороны).

В ходе исследования было установлено, что среди положительных черт русских людей, которые иностранные студенты называют, оказываются такие характеристики, как доброта, дружелюбие, радость при оказании помощи, отзывчивость, честность и гостеприимство. Данный набор характеристик сочетается с мнением принявших участие в исследовании иностранных студентов об отсутствии у русских людей таких отрицательных качеств, как расизм и нелюбовь к иностранцам. Всего 2,1 % и 2,4 % соответственно отметили данные характеристики при ответе на вопрос «Какие отрицательные черты, на Ваш взгляд, в наибольшей степени характерны для русских людей?». Это дает основание заключить, что у образовательных мигрантов еще до приезда в Россию складывается позитивный образ принимающего сообщества. И здесь очень важно, с исследовательской точки зрения, проследить, насколько устойчивыми оказываются эти конструктивные установки в процессе

непосредственного взаимодействия с местными жителями.

Относительно динамики трансформации социально-психологических установок иностранных студентов по отношению к принимающему сообществу нами было выявлено, что большинство респондентов (57,7%) отмечают позитивное изменение своих представлений о России за то время, которое они живут здесь. Вторая по величине группа учебных мигрантов — участников исследования (23,9%) демонстрирует устойчивость своих представлений. Данная позиция в сочетании с предыдущими позитивными коннотациями в отношении коммуникабельности и доброжелательности представителей принимающего сообщества может рассматриваться также как конструктивный фактор эффективной адаптации ученых мигрантов к новым условиям жизни и дальнейшей интеграции в правовое, социально-экономическое и культурное пространство принимающего общества (табл. 1).

Идентичные социологические данные были получены в ходе исследования и на вопрос относительно характера изменения отношения учебных мигрантов применительно не просто к стране, а непосредственно к русскому населению. Так, 58,3% респондентов ответили, что их отношение изменилось в лучшую сторону, 26,3% опрошенных отметили, что не изменилось. Весьма незначительной является группа учебных мигрантов — участников исследования, у которой отношение к русскому населению изменилось в худшую сторону. Таких в ходе исследования оказалось 6,7% (табл. 2).

Характеризуя в рамках данной статьи выявленные в ходе исследования особенности взаимного восприятия иностранных студентов и представителей принимающего сообщества, важно отметить, что образовательные мигранты ощущают доброжелательное отношение со стороны принимающего сообщества. Хорошее, дружелюбное отношение (62,6% участников исследования отметили,

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Изменились ли Ваши представления о России за время Вашего проживания здесь?»
Distribution of respondents' answers to the question «Have your ideas about Russia changed during your stay here?»

Вариант ответа	Валидный процент
Да, изменились в лучшую сторону	57,7
Да, изменились в худшую сторону	8,7
Не изменились	23,9
Затрудняюсь ответить	9,7

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Изменилось ли Ваше отношение к русскому населению за время Вашего проживания здесь?»
Distribution of respondents' answers to the question «Has your attitude towards the Russian population changed during your stay here?»

Вариант ответа	Валидный процент
Да, изменились в лучшую сторону	58,3
Да, изменились в худшую сторону	6,7
Не изменились	26,3
Затрудняюсь ответить	8,8

что большинство преподавателей вуза готово им помочь) характерно не только для представителей вузовского сообщества, в наибольшей степени заинтересованного в адаптации иностранных студентов, но и для представителей всего русского населения, с которым сталкиваются учебные мигранты в своей повседневной жизни вне образовательного учреждения (табл. 3). Данный тезис может рассматриваться как отличительная черта учебной миграции, так как социологические исследования, направленные на изучение отношения принимающего сообщества к трудовым мигрантам, фиксируют достаточно негативные установки со стороны принимающего сообщества.

При этом стоит отдельно подчеркнуть, что 41,8% респондентов охарактеризовали в ходе опроса отношение к себе со стороны представителей русского населения (как

в вузе, так и за его пределами) как спокойное, нейтральное, что может свидетельствовать все же о недостаточной заинтересованности представителей принимающего сообщества в образовательных мигрантах и их эффективной интеграции (табл. 4).

Практики взаимодействия иностранных студентов и представителей принимающего сообщества. Несмотря на установленную заинтересованность государства и российской системы высшего образования в привлечении все большего количества иностранных студентов [4], результатом которой во многом стала расширяющаяся линейка практик и проектов ведущих вузов страны, направленная на содействие в адаптации и последующей интеграции учебных мигрантов в пространство принимающего сообщества [5], вопрос, связан-

Таблица 3
Table 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, какое отношение к Вам как иностранному студенту сложилось у большинства преподавателей?»
Distribution of respondents' answers to the question «In your opinion, what is the attitude of most teachers towards you as a foreign student?»

Вариант ответа	Валидный процент
Хорошее отношение, они всегда готовы помочь	62,6
Нейтральное отношение	29,7
Негативное, предвзятое отношение	3,5
Затрудняюсь ответить	4,3

Таблица 4
Table 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы оценили отношение к себе со стороны представителей русского населения (как в вузе, так и за его пределами)»
Distribution of respondents' answers to the question «How would you assess the attitude of representatives of the Russian population (both at the university and beyond)»

Вариант ответа	Валидный процент
Хорошее, дружелюбное отношение	45,8
Спокойное, нейтральное отношение	41,8
Предвзятое отношение, проявления расовых предрассудков	5,5
Недоброжелательное, агрессивное отношение	1,8
Другое	1,6
Затрудняюсь ответить	3,4

ный с изучением предпочтительной модели поведения иностранных студентов с точки зрения соотношения характера и частоты взаимодействия с представителями своей же этнонациональной группы или населением страны, в которой они сейчас проходят обучение, не теряет своей исследовательской актуальности.

Результаты проведенного нами опроса зафиксировали, что, несмотря на успешные практики Южного федерального университета — ведущего вуза изучаемого региона, большое количество учебных мигрантов по всей выборочной совокупности (23,7%) столкнулось с затруднением при ответе на вопрос «Как Вы оцениваете работу органов студенческого самоуправления, направленную на помощь иностранным студентам?», что может расцениваться нами как незнание иностранных студентов о деятельности студенческого самоуправления в этом направлении. 24% опрошенных в ходе исследования отмечали, что органы студенческого самоуправления помогают только в решении вопросов, связанных с учебным процессом. Однако высок процент и тех иностранных студентов, которые сталкивались с помощью со стороны принимающего сообщества и во внеучебной сфере: 39,1% опрошенных отметили помощь органов студенческого самоуправления, 43,8% — кураторов группы.

В рамках данного исследования важным представляется обратить внимание на результаты исследования относительно установления соотношения поведенческих стратегий, связанных, с одной стороны, с установками на адап-

тацию и дальнейшую интеграцию в новое для себя общество, а с другой — с сепарацией (замыканием, ограничением взаимодействий с принимающим сообществом, поддержанием контактов только с земляками). Так, в ходе исследования было зафиксировано, что для учебных мигрантов, обучающихся в вузах ЮФО, характерно тяготение к своей этнонациональной группе (табл. 5), что может рассматриваться как барьер на пути эффективной адаптации и последующей интеграции в правовое, социально-экономическое и культурное пространство принимающего сообщества.

Резюме. Таким образом, можно сделать вывод, что для иностранных студентов, обучающихся в вузах ЮФО, характерно позитивное отношение к представителям принимающего сообщества на уровне социально-психологических установок, сформированных еще до прибытия в страну обучения и сохраняющихся в процессе обучения и непосредственного пребывания в новом для себя обществе. Также учебные мигранты, принявшие участие в исследовании, отмечают доброжелательное отношение к себе со стороны всего принимающего сообщества, выходящего за пределы пространства вуза, в котором проходит обучение иностранный студент. Это может свидетельствовать об определенной степени лояльности принимающего сообщества к учебным мигрантам, чего нельзя сказать о других категориях мигрантов, в частности трудовых, к которым среди россиян преобладает негативное отношение.

Таблица 5
Table 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Насколько часто Вы общаетесь со следующими группами студентов?»
Distribution of respondents' answers to the question
«How often do you communicate with the following groups of students?»**

Вариант ответа	Русские студенты	Студенты из моей страны	Иностранные студенты, приехавшие из других стран
Общаюсь постоянно	50	72	31,8
Общаюсь изредка	37,8	17,9	44
Не общаюсь	8,1	5	16,1
Затрудняюсь ответить	4,1	5,1	8,1

Установлено, что, несмотря на имеющиеся эффективные практики взаимодействия учебных мигрантов с представителями принимающего сообщества посредством расширения внеучебной деятельности вузов, все же учебные мигранты ЮФО, ставшие участниками проводимого исследования, демонстрируют преобладание в поведении стратегии сепарации (замыкание, ограничение взаимодействий с принимающим сообществом, поддержание контактов только с земляками), что в сочетании с выявленной в ходе этого же исследования низкой степенью ориентированности на трудоустройство в Российской Федерации [1] может быть барьером на пути реализации миграционной политики РФ.

Список источников

1. Асланов Я. А., Бинева Н. К., Магранов А. С. Особенности выбора страны и вуза учебными мигрантами (на примере иностранных студентов ЮФУ) // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 11. №5. С. 109–121.
2. Воеводин И. В., Пешковская А. Г., Галкин С. А., Белокрылов И. И. Социальная адаптация и психическое здоровье студентов-мигрантов в Сибири // Социологические исследования. 2020. №11. С. 157–161.
3. Пантелеев В. Г., Дьяченко А. Н., Ровая Т. А. Предметные аспекты социологических исследований международных мигрантов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 11. №5. С. 158–170.
4. Самофалова Е. И. Особенности изучения образовательной миграции в работах зарубежных авторов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. №1(29). С. 104–119.
5. Чикарова Г. И., Гаврилов П. С. Международная студенческая миграция: наметившиеся тренды и новые вызовы // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №5. С. 188–198.
6. Kamalova L. A., Umbetova M. Zh., Putulyan N. S. Technologies and practices of linguistic and sociocultural adaptation of foreign students during

their studies at the university // Contemporary Educational Technology. 2021. 13(1). Pp. 1–14.

References

1. Aslanov Ja. A., Bineeva N. K., Magranov A. S. Osobennosti vybora strany i vuza uchebnymi migrantami (na primere inostrannykh studentov JuFU) [Features of the choice of a country and a university by educational migrants (on the example of foreign students of SFedU)]. *Gumanitarnij Juga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia]. 2021; 11(5): 109–121. (In Russ.).
2. Voevodin I. V., Peshkovskaja A. G., Galkin S. A., Belokrylov I. I. Social'naja adaptacija i psihicheskoe zdorov'e studentov-migrantov v Sibiri [Social adaptation and mental health of migrant students in Siberia]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2020; (11): 157–161. (In Russ.).
3. Panteleev V. G., D'jachenko A. N., Rovava T. A. Predmetnye aspekty sociologicheskikh issledovanij mezhdunarodnykh migrantov v Rostovskoj oblasti [Subject aspects of sociological research of international migrants in the Rostov region]. *Gumanitarnij Juga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia]. 2021; 11(5): 158–170. (In Russ.).
4. Samofalova E. I. Osobennosti izuchenija obrazovatel'noj migracii v rabotah zarubezhnykh avtorov [Features of the study of educational migration in the works of foreign authors]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political scienc]. 2015; 1(29): 104–119. (In Russ.).
5. Chikarova G. I., Gavrilov P. S. Mezhdunarodnaja studencheskaja migracija: nametivshiesja trendy i novye vyzovy [International student migration: emerging trends and new challenges]. *Gumanitarnij Juga Rossii* [Humanitarians of the South of Russia]. 2020; 9(5): 188–198. (In Russ.).
6. Kamalova L. A., Umbetova M. Zh., Putulyan N. S. Technologies and practices of linguistic and sociocultural adaptation of foreign students during their studies at the university // Contemporary Educational Technology. 2021. 13(1). Pp. 1–14.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 21.12.2021; принята к публикации 25.12.2021.

The article was submitted on 20.12.2021; approved after reviewing on 21.12.2021; accepted for publication on 25.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карташевич Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Теоретическая социология и методология региональных исследований», Институт социологии и регионоведения ЮФУ, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Ekaterina V. Kartashevich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Чикарова Галина Игоревна — ученый секретарь Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Galina I. Chikarova — Scientific Secretary, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Гаврилов Павел Сергеевич — аспирант Института социологии и регионоведения ЮФУ, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Pavel S. Gavrillov — Postgraduate Student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Карташевич Е. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Чикарова Г. И. — разработка инструментария исследования; проведение исследования; обработка результатов.

Гаврилов П. С. — проведение исследования; обработка результатов.

Contribution of the authors:

Kartashevich E. V. — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Chikarova G. I. — development of tools for sociological research; conducting research; processing results.

Gavrillov P. S. — conducting research; processing the results.

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-79-86

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ МАКРОРЕГИОНА

Людмила Владиславовна Клименко^{1✉},
Анна Владимировна Верещагина², Зуриет Анзауровна Жаде³

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹lucl@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-7696-7830,

AuthorID РИНЦ: 9360-6618, Scopus AuthorID: 57191992471

²anrietta25@mail.ru, ORCID: 00000003-0045-7468,

AuthorID РИНЦ: 287431, Scopus AuthorID: 56584492400

³zhadezura@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7888-8885,

AuthorID РИНЦ: 493818, Scopus AuthorID: 57190442726

Аннотация. Цель исследования — проанализировать возрастные особенности социальной идентичности населения многосоставного Юга России. Эмпирической базой анализа выступают результаты этносоциологических исследований, проведенных в 2021 г. в Ростовской области, Адыгее и Дагестане.

Методологическая база исследования включает рассмотрение идентичности с позиции социального конструктивизма, выделение типологических (личная и групповая) и структурных (гражданская, региональная и этническая) компонент.

Результаты исследования. Эмпирические замеры выявляют несовпадение этнотерриториальных и возрастных подгрупп населения Юга России по таким социальным компонентам идентификации, как близость или дистанция с общегражданскими, этническими и региональными сообществами, что сопряжено с рисками дезинтеграции и устойчивости многосоставного макрорегиона. Зафиксирована более высокая значимость общегражданской идентичности для жителей Ростовской области, а для населения северокавказских республик — этнических (чаще в Адыгее), республиканских и религиозных (более выражено в Дагестане) идентификаций. На этом фоне представители старшего поколения чаще указывают на близость с региональными общностями, а молодое поколение более ориентировано на общегражданские мы-группы.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением динамики содержательных компонент идентичности полиэтничного региона.

Ключевые слова: социальная идентичность, возрастная специфика, Юг России, полиэтничный макрорегион, республики Северного Кавказа, социальная интеграция, мы-идентификация

Для цитирования: Клименко Л. В., Верещагина А. В., Жаде З. А. Возрастные особенности идентичности полиэтничного населения Юга России в контексте интеграции макрорегиона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 79–86. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-79-86>.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-00270.

Original article

AGE FEATURES OF THE IDENTITY OF THE MULTIETHNIC POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE INTEGRATION OF THE MACROREGION

Lyudmila V. Klimenko¹, Anna V. Vereshchagina², Zurieta A. Zhade³

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

³*Adyghe State University, Maykop, Russia*

¹*lucl@yandex.ru*, ORCID: 0000-0001-7696-7830,

AuthorID RSCI: 9360-6618, Scopus AuthorID: 57191992471

²*anrietta25@mail.ru, ORCID: 00000003-0045-7468,*

AuthorID RSCI: 287431, Scopus AuthorID: 56584492400

³*zhadezura@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7888-8885,*

AuthorID RSCI: 493818, Scopus AuthorID: 57190442726

Annotation. *The purpose of the study is to analyze the age characteristics of the social identity of the population of the multi-component South of Russia. The empirical basis of the analysis is the results of ethnosociological studies conducted in 2021 in the Rostov region, Adygea and Dagestan.*

The methodological basis of the research *includes a consideration of identity from the standpoint of social constructivism, highlighting typological (personal and group) and structural (civic, regional and ethnic) components.*

Research results. *Empirical measurements reveal the discrepancy between ethno-territorial and age subgroups of the population of the South of Russia in such societal components of identification as proximity or distance with general civil, ethnic and regional communities, which is associated with the risks of disintegration and stability of a multi-component macroregion. A higher significance was recorded for the inhabitants of the Rostov region of civil identity, and for the population of the North Caucasian republics — ethnic (more often in Adygea), republican and religious (more pronounced in Dagestan) identifications. Against this background, representatives of the older generation more often point to closeness with regional communities, and the younger generation is more focused on common civic we-groups.*

Research prospects *are associated with further study of the dynamics of the content components of the identity of a polyethnic region.*

Key words: *social identity, age specificity, South of Russia, polyethnic macroregion, republics of the North Caucasus, societal integration, we are identification*

For citation: *Klimenko L. V., Vereshchagina A. V., Zhade Z. A. Age features of the identity of the multiethnic population of the South of Russia in the context of the integration of the macroregion // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 79–86. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-79-86>.*

Acknowledgment: *The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project №19-011-00270.*

Постановка проблемы. Многолетние исследования социальной идентификации показывают многофакторную и подвижную природу идентичности людей. Чаще всего данный феномен определяют как «совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т.д.» [1, с. 46]. С одной стороны, идентичность может быть как индивидуальная, так и групповая, с другой стороны, формируется она только во взаимодействии с другими людьми [2]. Проблемы групповой идентификации населения наиболее актуальны в условиях многосоставных макрорегионов. Этническое многообразие может выступать фактором разобщенности региональных социумов [3], когда в сознании различных этнокультурных общностей доминируют разные идентификационные комплексы, маркирующие конкурентные стратегии социального взаимодействия. Еще одним фактором, который может определять несовпадение социальных ценностей и содержание идентификационных стратегий, выступает возрастная принадлежность [4; 5].

Характер социальной идентичности местных жителей является одним из показателей степени интеграции/дезинтеграции населения региона на разных уровнях общности — локальной, региональной и социальной [6]. Социальная практика показывает, что одним из эффективных оснований солидарности населения поликультурных территорий выступает формирование общегражданской идентичности. Такая идентичность обладает надэтническими характеристиками, базирующимися на конструкте наднационального/многонационального гражданства [7]. Причем в научно-исследовательской литературе и публицистике используются различные соотношения терминов «национальное» и «этническое», мы же относим понятие «национальное» как близкое к этнокультурному и не тождественное общегражданскому.

В этой связи обратимся к анализу особенностей идентичности возрастных подгрупп населения южно-российского макрорегиона в контексте его интеграции.

Эмпирическая база и методика исследования. Наш анализ основывается на результатах этносоциологического исследова-

ния жителей трех субрегионов Юга России. В 2021 г. в опросе приняли участие 329 жителей Адыгеи (92% представителей титульного этноса), 400 человек, проживающих в Ростовской области (91% русских), 413 респондентов из Дагестана (29% аварцев, 20% лезгин, 17% даргинцев, 15% кумыков, 9% лакцев, 4% табасаранцев). Опрашивались жители столиц республик и областных центров. Выборка опроса — квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Социологическое измерение идентичности включало анализ следующих компонентов: 1) гражданские, региональные и этнические отождествления; 2) личные и групповые идентификации. В рамках данной статьи остановимся на рассмотрении групповой идентичности населения Юга России с помощью методики анализа мы-идентификаций. Эта методика представлена в работах В. А. Ядова [8], Е. Н. Даниловой [9] и других авторов и предполагает анализ соотношения людей с разными типами общностей. В методике анализируются показатели дистанции или, наоборот, взаимопонимания и близости с различными людьми и социальными общностями. В частности, во время проведения этносоциологического опроса с целью анализа особенностей групповой идентичности жителям Юга России задавался вопрос: «Мы часто встречаем различных людей. С одними мы быстро находим взаимопонимание, другие нам представляются скорее чужими. О каких группах Вы можете сказать: “Это мы”? К каким группам людей вы себя чаще всего относите?».

Результаты исследования. Количественные материалы исследования показывают, что опрошенные жители Ростовской области чаще всего отождествляют себя с поколенческими, гражданскими и профессиональными общностями. На этом фоне среди респондентов в возрасте 18–29 лет и 30–44 года на первом месте по числу указаний находится чувство близости с гражданами России (53% и 56%), на втором месте — с людьми своего поколения (56% и 50%), и на третьем — с людьми своей профессии (44% и 49%). Для представителей более старших возрастных групп — 45–60 лет и старше 60 лет — в мы-идентичность чаще

попадают поколенческие общности (от 62% до 70%). На второе место в этих возрастных сегментах выходят отождествления по профессиональному (62% и 41%), а на третье — по гражданскому (49% и 38%) основаниям. Ожидаемо, что степень распространенности профессиональной идентичности ниже в самом молодом и самом старшем возрастных сегментах, а выше всего — среди населения от 30 до 60 лет (рис. 1).

Необходимо отметить, что в самой старшей возрастной категории респондентов третье место в рейтинге упоминаемости занимает отождествление с жителями Ростовской области (41%). Региональная идентификация с населением своей области в остальных возрастных подгруппах набирает от 21% до 30%. Близость с жителями Юга России отмечают еще от 17% до 26% опрошенных. К жителям Северного Кавказа относит себя не больше 7% респондентов. В целом разные уровни региональной идентичности чаще встречаются в самой старшей возрастной группе жителей Ростовской области (в сумме 67%) (рис. 1).

Опрошенные жители Адыгеи чаще всего указывают на близость с группами повсед-

невного общения: поколенческими (от 70% до 74% в разных возрастных группах) и профессиональными (от 46% до 62%, за исключением сегмента старше 60 лет). Обращает на себя внимание, что третье место по количеству упоминаний собирает идентификация по этнической принадлежности. Больше всего она выражена среди старших возрастных групп 45–60 лет (60%) и старше 60 лет (43%). Среди жителей Адыгеи в возрасте 30–44 года этническая идентичность собирает уже меньшее число ответов — 30%, но все равно выходит на третье место в рейтинге, тогда как самая молодая часть респондентов в возрасте 18–29 лет чаще указывает в качестве мы-групп граждан России (25% и третье место). Однако в целом среди жителей Адыгеи общегражданская идентичность распространена заметно меньше, чем у соседей из Ростовской области. Среди населения республики в возрасте 30–44 года данная позиция занимает шестое место, в сегменте 45–60 лет — седьмое место и среди людей старше 60 — пятое место (рис. 2).

Региональный компонент групповой идентичности больше выражен у жителей Адыгеи, чем среди населения Ростовской об-

Рис. 1. Структура групповой идентичности жителей Ростовской области (в %)
 Fig. 1. The structure of the group identity of residents of the Rostov region (in %)

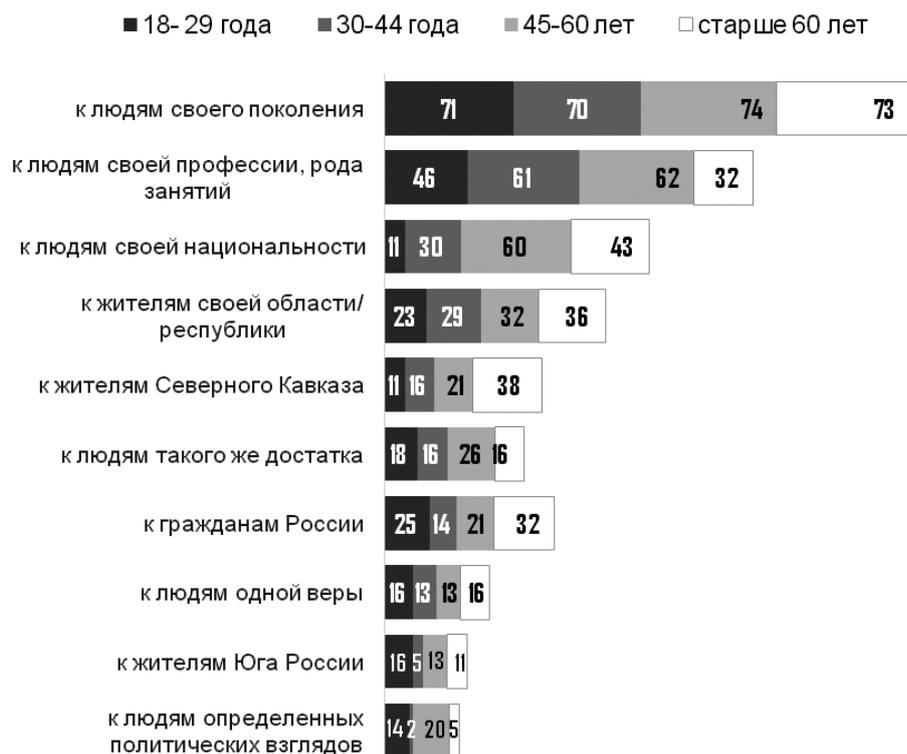

Рис. 2. Структура групповой идентичности жителей Республики Адыгея (в %)
Fig. 2. Structure of group identity of residents of the Republic of Adygea (in %)

Рис. 3. Структура групповой идентичности жителей Республики Дагестан (в %)
Fig. 3. Structure of group identity of residents of the Republic of Dagestan (in %)

ласти, причем от молодежи к старшему поколению степень выраженности региональных компонентов мы-идентичности нарастает. От 23% до 36% опрошенных отмечают близость к жителям своей республики. От 11% до 38% респондентов в качестве мы-групп называют жителей Северного Кавказа (рис. 2).

Поколенческая идентичность доминирует и среди опрошенного населения Дагестана (от 60% до 74% во всех возрастных сегментах). В других же компонентах идентичности проявляется этнотерриториальная специфика. В сегменте респондентов в возрасте 18–29 лет второе и третье места по частоте указаний занимают региональные сообщества — жители Северного Кавказа (38%) и жители своей республики (32%). Этническая идентичность собирает еще 32% опрошенных, и столько же набирает надэтническая гражданская идентификация — 32%. Жители Дагестана в возрасте от 33 до 44 лет на второе место выносят северокавказскую мы-идентичность (56%), на третье — республиканскую (45%) и на четвертое — этническую (40%) (рис. 3).

В возрастном сегменте 45–60 лет в качестве мы-групп чаще называют людей своей этнической принадлежности (52% и второе место), жителей Северного Кавказа (43% и третье место), население Дагестана (41% и четвертое место). В свою очередь, среди респондентов старше 60 лет этническая идентичность также выходит на второе место по степени распространенности (56%), далее следуют религиозные и профессиональные отождествления (по 44%), потом республиканская (40%) и северокавказская (32%) идентификации. Необходимо также отметить, что среди опрошенных жителей Дагестана более распространенной является религиозная идентичность, нежели среди жителей других сравниваемых субрегионов Юга России. В республике чувство близости к людям одной веры нарастает от молодого поколения к людям более старшего возраста (от 25% до 44%) (рис. 3).

Выводы. Потребность интеграции жителей полиэтнического Юга России на социальном уровне определяет необходимость анализа особенностей групповой идентификации населения. Результаты исследования

показывают несовпадение структуры многоуровневой идентичности жителей поликультурного региона. В целом на фоне преобладания поколенческих общностей в качестве мы-групп у большинства населения Юга России фиксируется более высокая значимость общегражданской идентичности для жителей Ростовской области, а для опрошенного населения северокавказских республик важнее являются этнические (чаще в Адыгее), республиканские и религиозные (более выражено в Дагестане) идентификации.

Возрастные особенности идентичности проявляются в том, что представители старшего поколения чаще указывают на близость региональных общностей. Но если в Ростовской области помимо локального уровня территориальной идентичности выраженными являются отождествления с южно-российским макрорегионом, то в Адыгее и Дагестане более значима республиканская и северокавказская идентичность. В адыгейском сегменте респонденты от 45 лет и старше в большей степени причисляют себя к группам людей одной этнической принадлежности, тогда как более молодые жители Адыгеи чаще отождествляют себя с общностью граждан России. Население Дагестана чаще, чем респонденты других субрегионов, указывает на близость с людьми одной с ними веры, и показатели значимости религиозной идентичности нарастают от молодого поколения к людям более старшего возраста.

Таким образом, зафиксированное несовпадение этнотерриториальных и возрастных подгрупп населения Юга России по социальным компонентам идентификации: общегражданским, этническим и региональным — сопряжено с рисками дезинтеграции и устойчивости многосоставного макрорегиона.

Список источников

1. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. №3. С. 45–61.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызов национальной американской идентичности. Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
3. Laurence J., Bentley L. Does Ethnic Diversity Have a Negative Effect on Attitudes To-

wards the Community? A Longitudinal Analysis of the Causal Claims Within the Ethnic Diversity and Social Cohesion Debate // *European Sociological Review*. 2016. №32(1). Pp. 54–67.

4. Емельянова Т.П. Социальные представления. История, теория и эмпирические исследования. М.: Когито-Центр, 2016. 476 с.

5. Пищик В.И. Типологические и идентификационные признаки поколений // *Российский психологический журнал*. 2018. Т. 15. №2. С. 215–236.

6. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // *Социологические исследования*. 2013. №7. С. 25–34.

7. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020. №8. С. 37–50.

8. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // *Мир России*. 1993. №3–4. С. 167–174.

9. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // *Социологический журнал*. 2000. №3/4. С. 76–86.

References

1. Simonova O.A. K formirovaniyu sociologii identichnosti [Towards the formation of the sociology of identity]. *Sociologicheskij zhurnal* [The Sociological journal]. 2008; (3): 45–61. (In Russ.).

2. Hantington S. Kto my? Vyzov nacional'noj amerikanskoj identichnosti. Per. s angl. A. Bashkirova [Who are we? The challenge of national American identity. Translated from the English by A. Bashkirov]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo АСТ»: ООО «Tranzitkniga», 2004. 635 p. (In Russ.).

3. Laurence J., Bentley L. Does Ethnic Diversity Have a Negative Effect on Attitudes Towards the Community? A Longitudinal Analysis of the Causal Claims Within the Ethnic Diversity and Social Cohesion Debate // *European Sociological Review*. 2016. №32(1). Pp. 54–67.

4. Emel'janova T.P. Social'nye predstavlenija. Istorija, teorija i jempiricheskie issledovanija [Social representations. History, theory and empirical research]. Moscow: Kogito-Centr, 2016. 476 p. (In Russ.).

5. Pishhik V.I. Tipologicheskie i identifikacionnye priznaki pokolenij [Typological and identification signs of generations]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal]. 2018; 15 (2): 215–236. (In Russ.).

6. Denisova G.S., Klimenko L.V. Osobennosti regional'noj identichnosti naselenija Juga Rossii [Features of the regional identity of the population of the South of Russia]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2013; (7): 25–34. (In Russ.).

7. Drobizheva L.M. Rossijskaja identichnost': poiski opredelenija i dinamika rasprostraneniya [Russian identity: the search for definition and dynamics of distribution]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2020; (8): 37–50. (In Russ.).

8. Jadov V.A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovaniya social'noj identichnosti lichnosti [Social and socio-psychological mechanisms of formation of a person's social identity]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 1993; (3-4): 167–174. (In Russ.).

9. Danilova E.N. Izmeneniya v social'nyh identifikacijah rossijan [Changes in social identifications of Russians]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. 2000; (3/4): 76–86. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted on 28.10.2021; approved after reviewing on 15.11.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клименко Людмила Владиславовна — доктор социологических наук, профессор Высшей школы бизнеса, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. 23-я Линия, 43

Lyudmila V. Klimenko — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Graduate School of Business, Southern Federal University.

43 23rd Liniya st., Rostov-on-Don, Russia

Верещагина Анна Владимировна — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Anna V. Vereshchagina — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Жаде Зуриет Анзауровна — доктор политических наук, профессор юридического факультета, Адыгейский государственный университет.

Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

Zuriyet A. Zhade — Doctor of Political Sciences, Professor of the Law Faculty, Adyghe State University.

208 Pervomayskaya st., Maykop, Russia

Вклад авторов:

Клименко Л. В. — научное руководство; концепция, программа и социологический инструментарий исследования; анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Верещагина А. В. — анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Жаде З. А. — анализ результатов исследования; итоговые выводы.

Contribution of authors:

Klimenko L. V. — scientific guidance; concept, program and sociological research tools; analysis of research results; final conclusions.

Vereshchagina A. V. — analysis of research results; final conclusions.

Zhade Z. A. — analysis of research results; final conclusions.

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-87-93

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СЛУЖАЩИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Максим Евгеньевич Козловский

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X, AuthorID РИНЦ: 176.59.64.12*

Аннотация. *Целью исследования* является постановка проблемы профессионального и управленческого развития муниципальных служащих в условиях современной управленческой реальности российского общества. Высокая социальная и научная актуальность данной темы определяется низкими показателями эффективности деятельности муниципальной службы и управленческой отчужденностью ее служащих.

Методологическую базу исследования составляет комплекс теоретических взглядов и позиций, сформировавшихся в социально-гуманитарном знании относительно проблемы профессионального развития муниципальных служащих и самой природы муниципальной службы в России, а также проблем в области муниципального управления.

Результаты исследования позволили обосновать точку зрения о необходимости целостной и эффективной системы управления профессиональным развитием муниципальных служащих с учетом специфики данной социально-профессиональной группы, а также особенностей исторически сложившейся системы муниципального управления в России.

Перспективу исследования составляет дальнейшее научное изучение данной проблематики, в частности в направлении, связанном с исследованием социокультурной траектории становления и динамики института муниципального управления. Такой анализ позволит выявить перспективные направления его модернизации, реформирования с тем, чтобы не имплементировать те модели муниципального управления и организации муниципальной службы, которые заведомо не принесут ожидаемого эффекта.

Ключевые слова: муниципальная служба, муниципальные служащие, муниципальное управление, местное самоуправление, профессиональное развитие, профессионализм

Для цитирования: Козловский М. Е. Муниципальные служащие и проблемы их профессионального и управленческого развития в современной России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №6. С. 87–93. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-87-93>.

Original article

MUNICIPAL EMPLOYEES AND THE PROBLEMS OF THEIR PROFESSIONAL AND MANAGERIAL DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

Maxim E. Kozlovsky

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X, AuthorID RSCI: 176.59.64.12*

Annotation. *The purpose of the study is to formulate the problem of professional and managerial development of municipal employees in the conditions of modern managerial reality of Russian society. The high social and scientific relevance of this topic is determined by the low performance indicators of the municipal service and the managerial alienation of its employees.*

The methodological basis of the research is a set of theoretical views and positions formed in the socio-humanitarian knowledge regarding the problem of professional development of municipal employees and the very nature of municipal service in Russia, as well as problems in the field of municipal management.

The results of the study made it possible to substantiate the point of view about the need for a holistic and effective management system for the professional development of municipal employees, taking into account the specifics of this socio-professional group, as well as the features of the historically established system of municipal management in Russia.

The perspective of the research is the further scientific study of this problem, in particular in the direction related to the study of the socio-cultural trajectory of the formation and dynamics of the institute of municipal management. Such an analysis will make it possible to identify promising areas for its modernization and reform in order not to implement those models of municipal management and organization of municipal service that obviously will not bring the expected effect.

Keywords: *municipal service, municipal employees, municipal administration, local self-government, professional development, professionalism*

For citation: *Kozlovsky M. E. Municipal employees and the problems of their professional and managerial development in modern Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 87–93. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-87-93>.*

Введение. Распад СССР и упразднение Советов как органов местного самоуправления ознаменовали переход к новому государственному строительству российского государства и формированию новой системы местного самоуправления. Эта система призвана была стать основой основ масштабного демократического строительства в постсоветском российском обществе. Но вошедшие в жизнь россиян новые понятия, такие как «муниципальный район», «муниципальное образование», «муниципальная систе-

ма», «муниципальная служба», с которыми ассоциируется иной уровень управления, наделенный в соответствии с формальными нормами независимостью от органов государственной власти, во многом так и остались словами, поскольку фактически органы муниципального управления не смогли реализовать свой потенциал «независимости» и функционировать самостоятельно [1].

Причин этому много. Одна из них кроется в самой истории формирования этого социального института — института местного

самоуправления, который оформлялся в условиях постсоветского общества, пережившего серьезную социокультурную травму и находящегося в сложнейших социально-экономических условиях. Не стоит забывать о резкой смене социально-политического порядка, который с переходом к демократическим принципам априори не мог сразу стать таковым, поскольку запрос на демократические преобразования и готовность к ним — явления разного порядка.

Прошло 30 лет, но по-прежнему перед страной остро стоят вопросы социально-политического самоопределения, формирования гражданского общества и правового государства и проблема демократизации в целом, однако происходит это уже в несколько иных условиях — условиях сворачивания демократических проектов и четко выраженного инерционного характера развития системы государственного управления, активно использующей прежние (советские) формы и методы управления [2].

Таким образом, на современном этапе проблема эффективного развития местного самоуправления в России по-прежнему остро стоит перед обществом и государством, и среди ключевых проблем, демонстрирующих неэффективный формат его функционирования, можно выделить низкий уровень доверия населения к органам местного самоуправления, снижение активности местного населения как субъектов управленческой деятельности МСУ, кадровый вопрос, связанный с обеспечением органов муниципально-го управления профессиональными кадрами и условиями их профессионального роста, экономическую несостоятельность муниципалитетов, постоянную нехватку финансовых ресурсов МСУ.

Самым, пожалуй, ярким проявлением кризиса института местного самоуправления в России является его имитационный характер, рост управленческой отчужденности муниципальных служащих, что на фоне низкой гражданской активности муниципального населения [3] актуально ставит вопрос о перспективах дальнейшего развития органов местного самоуправления и муниципальной службы в частности.

Стоит согласиться с мнением специалистов, весьма критично оценивающих сложив-

шуюся в современной России организацию муниципальной службы и указывающих на ее неадекватность современным реалиям и потребностям общества, что находит выражение в высоких показателях уровня неудовлетворенности населения результатами деятельности муниципальных служащих. Главной причиной сложившейся ситуации, с точки зрения Э.И. Забневой, является отсутствие социальной модели профессионализма муниципальных служащих в виде концептуальной системы теоретических взглядов, идей и принципов [4].

Сами муниципальные служащие зачастую невысоко оценивают результаты своей деятельности, ссылаясь на ряд существенных проблем, которые препятствуют более высокому уровню реализации профессиональных функций этой категории служащих. Чаще всего называются проблемы кадрового обеспечения, системы профессионального становления и продвижения муниципальных служащих, дефицит финансовых ресурсов и, соответственно, хроническая финансовая зависимость МСУ от органов региональной власти [5–6].

Какие бы проблемы ни перечислялись в контексте анализа любой сферы деятельности, любых управленческих органов, первый вопрос, который возникает и требует рассмотрения, — это вопрос о профессионализме и профессиональном развитии субъектов профессиональной деятельности. И в данной работе именно на нем мы сосредоточим свое внимание.

Проблемы профессионального развития муниципальных служащих в фокусе научных исследований. Итак, одной из составляющих организационных основ системы местного самоуправления выступает муниципальная служба, которую можно рассматривать в двух аспектах: объективном и субъективном [7]. Первый аспект связан с нормативно-правовым полем, регулирующим деятельность муниципальной службы и определяющим характер назначения на должность, прохождение муниципальной службы, систему поощрений и т.д., в то время как второй (субъективный) отсылает непосредственно к характеристикам профессиональной деятельности лиц, состоящих

на муниципальной службе и реализующих свои профессиональные права и обязанности. Именно во втором аспекте муниципальные служащие предстают как социально-профессиональная группа, которая осуществляет профессиональную деятельность на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта)¹.

Под профессиональной управленческой деятельностью муниципальной службы учеными понимается «...совокупность социально значимых действий муниципальных служащих для достижения определенного результата. Она носит осознанный, активный, коллективный характер. В связи с этим деятельность в органах местного самоуправления связана с наличием и реализацией профессиональных управленческих знаний, умений и навыков. А деятельность муниципальных служащих связана с осуществлением муниципального управления, выполнением исполнительно-распорядительных, административно-хозяйственных, информационно-аналитических, координационных функций» [8, с. 112].

Муниципальные служащие как социально-профессиональная группа характеризуются наличием своих профессиональных установок, потребностей, интересов, мотиваций, целей, реализация которых происходит в определенных социальных условиях, которые могут как способствовать профессионализации кадров муниципальной службы, так и блокировать их профессиональное развитие и продвижение.

Г.М. Шамарова выделила целый ряд профессиональных характеристик, которые необходимы современному муниципальному служащему для эффективной деятельности в системе местного самоуправления²:

— характеристики нравственно-интеллектуального содержания;

— характеристики образовательного содержания, формирующие способность субъекта деятельности к непрерывному развитию и образованию;

— характеристики аналитического свойства, определяющие способность и готовность к стратегическому планированию и аналитике;

— характеристики коммуникативного характера, крайне важные для выстраивания эффективного диалога с людьми, трансляции информации, убеждения и моделирования определенного поведения;

— характеристики адаптационного свойства, определяющие способность к адекватной реакции на изменяющиеся условия внешней и внутренней среды;

— характеристики психологического содержания, связанные со способностью к самоконтролю и самоуправлению;

— характеристики управленческого содержания, необходимые для принятия и реализации управленческих решений;

— характеристики физического характера, связанные со способностью и готовностью к постоянному укреплению физического состояния, своего здоровья, важные для сохранения высокого уровня работоспособности и показателей конкурентоспособности.

Таким образом, с точки зрения указанного автора, муниципальных служащих, характеризующихся высоким профессиональным уровнем, отличают такие признаки, как целеустремленность, наблюдательность, интуиция, стремление проникнуть в суть дела, выстроить причинно-следственные связи и в обычном увидеть необычное, умение общаться с людьми, положительно влиять на них и подавать своим поведением пример. Эти качества личности муниципального служащего являются определяющими для успешной профессиональной карьеры в сфере муниципальной службы³.

Другие ученые, солидаризируясь с указанной выше позицией в целом, отмечают, что содержание профессиональной деятельности муниципальных служащих на современном этапе значительно усложнилось, так как в ней теперь, во-первых, преобладает работа с информацией, а, во-вторых, в ней все более выраженной становится творческая со-

1 Федеральный закон от 02.03.2007 г. №25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: www.base.consultant.ru.

2 Шамарова Г.М. Комплексная оценка профессиональной компетентности кадров органов местного самоуправления [Электронный ресурс] // Мудрый Экономист. URL: <https://wiseeconomist.ru/poleznoe/51786-kompleksnaya-ocenka-professionalnoj-kompetentnosti-kadrov-organov-mestnogo>.

3 Там же.

ставляющая. Однако проведенное среди этой социально-профессиональной группы исследование позволило выявить их представления об образе профессионала, в котором лидируют такие качества, как «знание законодательства и умение применять на практике полученные навыки, а также ответственность, честность, работоспособность, умение организовать и планировать свой труд, исполнительность; ориентация на социальные гарантии и устойчивый заработок» [9, с. 36].

Следует учитывать, что профессиональное развитие кадров муниципальной службы является необходимым для функционирования всей системы муниципального и в целом государственного управления. Только в пространстве взаимодействия управленческих механизмов и практик, потребностей системы управления, ее нормативно-правовых принципов и профессиональных интересов и способностей каждого служащего происходит синергетический эффект, определяющий характер и направленность профессионального развития муниципальных служащих как продукта определенной профессиональной и управленческой среды.

Следовательно, вопрос о профессионализме муниципальных служащих — это, по сути, вопрос ко всей системе муниципального управления, подчиненной логике развития управленческих процессов во всем российском обществе, ко всей концепции и логике выстраивания взаимодействия в системе «общество — власть».

Не может в этом свете не затронуть вопрос о реформе в сфере муниципального управления, реализующейся с 2015 года в РФ и связанной с внедрением практики сити-менеджмента. Глубокий социологический анализ эффективности внедрения этой практики на Юге России позволил ученым прийти к выводу о том, что поставленных целей инициированная федеральной властью реформа муниципального управления на юге страны своих целей в целом не достигла, хотя у исходной менеджеристской модели были позитивные перспективы и при иных условиях ее реализация могла бы быть эффективной, но «сама исходная концепция реформы имела внутренние изъяны, связанные с существенными различиями между институциональной средой США («экспортера» института)

и России («импортера» данного института)» [10, с. 75].

Заключение. Очевидно одно — процессом профессионального развития муниципальных служащих необходимо грамотно управлять, учитывая специфику этой социально-профессиональной группы, которая, прежде всего, выражается в неэкономическом и публичном характере деятельности в сфере муниципальной службы.

Реформирование системы муниципального управления должно проводиться с учетом социокультурной специфики российского общества и его истории формирования органом местного самоуправления. Любые зарубежные западные модели управления, имплементированные в российскую среду, неминуемо будут порождать эффект отторжения и имитации. Следовательно, более пристальное внимание следует обратить на исторические корни становления и развития местного самоуправления в российском государстве, на его природную основу, которая если и в состоянии модернизироваться, то только в пределах определенного вектора, заданного самой историей государства российского. Любые внезапные и кардинальные реформы на неподготовленной социокультурной почве будут иметь обратный эффект.

Список источников

1. Долгов В.М., Долгова Г.Н. Политические проблемы местного самоуправления в современной России // *Власть*. 2012. №8. С. 56.
2. Vereshchagina A., Gnatyuk M., Pechkurov I. V., Kulikov S., Osipova N. Social Inertia as a Destructive Factor in the Development of the Innovative Economic System in the Russian Federation. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2018. Vol. XII. №5(59). P. 1393–1408.
3. Рысаев И.Ш., Хабибрахманова Э.Х. Участие социальных субъектов в принятии решений как основа преодоления социально-управленческого отчуждения в местном самоуправлении // *Власть*. 2010. №8. С. 68.
4. Забнева Э.И. Профессионализм муниципальных служащих: социально-философский анализ. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2019. 42 с.

5. Маленькая М.А. Особенности осуществления реформ в муниципальном управлении // *Власть*. 2010. №7.

6. Шуба К.Д. Местное самоуправление в современной России: достижения и проблемы // *Власть*. 2010. №8. С. 65–67.

7. Москалев А.В. Муниципальная служба: понятие, признаки, принципы // *Вестник Пермского университета*. 2012. №2. С. 64–70.

8. Мухаметжанова В.С. Муниципальная служба как профессиональная деятельность // *Вестник РУДН, серия Социология*. 2010. №2. С. 110–115.

9. Костина С.Н., Банных Г.А., Зайцева Е.В. Социально-профессиональные характеристики муниципальных служащих в структуре их профессиональной идентичности: результаты социологического исследования // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2017. №3. С. 31–36.

10. Дятлов А.В., Ковалев В.В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России // *Социологические исследования*. 2021. №3. С. 66–77.

References

1. Dolgov V.M., Dolgova G.N. Politicheskie problemy mestnogo samoupravlenija v sovremennoj Rossii [Political problems of local self-government in modern Russia]. *Vlast' [Power]*. 2012; (8): 56. (In Russ.).

2. Vereshchagina A., Gnatyuk M., Pechkurov I.V., Kulikov S., Osipova N. Social Inertia as a Destructive Factor in the Development of the Innovative Economic System in the Russian Federation. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2018. Vol. XII. №5(59). P. 1393–1408.

3. Rysaev I. Sh., Habibrahmanova Je. H. Uchastie social'nyh sub'ektov v prinjatii reshenij kak osnova preodolenija social'no-upravlencheskogo otchuzhdenija v mestnom samoupravlenii [Participation of social subjects in decision-making as a basis for overcoming social and managerial alienation in local self-government]. *Vlast' [Power]*. 2010; (8): 68. (In Russ.).

4. Zabneva Je. I. Professionalizm municipal'nyh sluzhashhih: social'no-filosofskij analiz. Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk [Professionalism of municipal employees: socio-philosophical analysis. Dr. Sci. (Philosophy) Thesis]. Chita, 2019. 42 p. (In Russ.).

5. Malen'kaja M.A. Osobennosti osushhestvlenija reform v municipal'nom upravlenii [Features of the implementation of reforms in municipal management]. *Vlast' [Power]*. 2010; (7). (In Russ.).

6. Shuba K.D. Mestnoe samoupravlenie v sovremennoj Rossii: dostizhenija i probleme [Local self-government in modern Russia: achievements and problems]. *Vlast' [Power]*. 2010; (8): 65–67. (In Russ.).

7. Moskaev A.V. Municipal'naja sluzhba: ponjatie, priznaki, principy [Municipal service: concept, signs, principles]. *Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University]*. 2012; (2): 64–70. (In Russ.).

8. Muhametzhanova V.S. Municipal'naja sluzhba kak professional'naja dejatel'nost' [Municipal service as a professional activity]. *Vestnik RUDN, serija Sociologija [Bulletin of the RUDN, Sociology series]*. 2010; (2): 110–115. (In Russ.).

9. Kostina S.N., Bannyh G.A., Zajceva E.V. Social'no-professional'nye harakteristiki municipal'nyh sluzhashhih v strukture ih professional'noj identichnosti: rezul'taty sociologicheskogo issledovanija [Socio-professional characteristics of municipal employees in the structure of their professional identity: results of a sociological study]. *Municipalitet: jekonomika i upravlenie [Municipality: economics and management]*. 2017; (3): 31–36. (In Russ.).

10. Djatlov A.V., Kovalev V.V. Transformacija instituta siti-menedzhmenta v municipal'nom upravlenii juga Rossii [Transformation of the Institute of City Management in municipal management of the South of Russia]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2021; (3): 66–77. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted on 24.12.2021; approved after reviewing on 25.12.2021; accepted for publication on 27.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козловский Максим Евгеньевич — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maxim E. Kozlovsky — Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Научная статья
УДК 316.346.32-053.6:314.74
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-94-103

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УЧЕБНЫХ МИГРАНТОВ КАК ФАКТОР ИХ АДАПТАЦИИ К НОВОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ЮФУ)

Алексей Сергеевич Магранов^{1✉}, Илья Васильевич Печкуров², Чжао Дань³

^{1,3}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

*^{1,2}Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия*

¹alex_daredevil@mail.ru✉, AuthorID РИНЦ: 671150

²yurfisran@gmail.com, ORCID: 0000-0003-4551-6062, AuthorID РИНЦ: 911507

³zd1219@foxmail.com, ORCID: 0000-0002-7466-4091

Аннотация. *Целью данной статьи является анализ представлений иностранных студентов, обучающихся в Южном федеральном университете, о России в целом, русской культуре и особенностях менталитета русского народа.*

Эмпирическую базу исследования составили данные прикладного социологического исследования, реализованного в 2021 году сотрудниками ЮРФ ФНИСЦ РАН. В рамках реализации данного исследовательского проекта было проведено анкетирование студентов и аспирантов вузов Юга России, в том числе и Южного федерального университета.

Результаты исследования. В ходе проведенного опроса иностранных студентов ЮФУ были получены данные, отражающие их ожидания и представления о России до приезда сюда. Также были выделены основные положительные и отрицательные черты, характерные, по мнению молодых иностранцев, для русских людей. Была рассмотрена динамика мнений иностранных студентов ЮФУ о России и русском населении за время обучения в нашей стране. Определены различия в восприятии образа России у представителей разных групп стран. Отмечено, что особую роль в адаптации иностранных студентов и формировании у них положительного образа России играет общение с преподавателями и русскими студентами.

Ключевые слова: учебная миграция, иностранные студенты, образ России, адаптация, Южный федеральный университет, русская культура

Для цитирования: Магранов А. С., Печкуров И. В., Чжао Дань. Образ России в представлениях учебных мигрантов как фактор их адаптации к новой социокультурной среде (на примере иностранных студентов ЮФУ) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 94–103. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-94-103>.

Original article

**THE IMAGE OF RUSSIA IN THE REPRESENTATIONS
OF EDUCATIONAL MIGRANTS AS A FACTOR OF THEIR ADAPTATION
TO THE NEW SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT
(ON THE EXAMPLE OF FOREIGN STUDENTS OF SFEDU)**

Aleksey S. Magranov¹, Ilya V. Pechkurov², Zhao Dan³

^{1,3}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

^{1,2}*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

¹*alex_daredevil@mail.ru*, AuthorID RSCI: 671150

²*petrov@yandex.ru*, ORCID: 0000-0003-4551-6062, AuthorID RSCI: 911507

³*zd1219@foxmail.com*, ORCID: 0000-0002-7466-4091

Abstract. *The purpose of this article is to analyze the ideas of foreign students studying at the Southern Federal University about Russia as a whole, Russian culture and the peculiarities of the mentality of the Russian people.*

The empirical base of the study was made up of data from an applied sociological study implemented in 2021 by employees of the SRB — FCTAS RAS. As part of the implementation of this research project, a survey of students and postgraduates of universities in the South of Russia, including the Southern Federal University, was conducted.

The results of the study. In the course of the survey conducted by foreign students of SFedU, data were obtained reflecting their expectations and ideas about Russia before coming here. Also, the main positive and negative features characteristic of Russian people, according to young foreigners, were highlighted. The dynamics of opinions of foreign students of the SFedU about Russia and the Russian population during their studies in our country was considered. The differences in the perception of the image of Russia among representatives of different groups of countries are determined. It is noted that communication with teachers and Russian students plays a special role in the adaptation of foreign students and the formation of their positive image of Russia.

Keywords: *educational migration, foreign students, image of Russia, adaptation, Southern Federal University, Russian culture*

For citation: *Magranov A. S., Pechkurov I. ., Zhao Dan. The image of Russia in the representations of educational migrants as a factor of their adaptation to the new socio-cultural environment (on the example of foreign students of SFedU) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 94–103. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-94-103>.*

Введение. Развитие системы высшего образования и достижение высоких показателей в этой области на мировом уровне является одной из важнейших и приоритетных целей, стоящих перед современной Россией. Данная цель приобрела нормативный характер пос-

ле подписания в 2020 году Указа Президента РФ (от 21 июля 2020 г. №474) «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹. В условиях глобализации всё большее значение приобретает интернационализация образования, сопро-

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации №30 от 27 июля 2020 года, ст. 4884.

вождающаяся увеличением потоков учебной миграции. Увеличение числа иностранных студентов выступает одним из главных определяющих критериев вхождения российских университетов в ведущие мировые рейтинги наряду с количеством статей, индексируемых в мировых системах цитирования, и выпускниками вуза — лауреатами престижных премий и наград [2].

Обучение иностранных студентов в России — стране с отличающимися культурными обычаями и традициями, другим языком, непривычными климатическими условиями — подразумевает необходимость их адаптации к условиям новой социокультурной среды, причем от них требуется приспособиться к новым условиям жизни в достаточно короткие сроки. Успешная адаптация позволяет учащимся вузов, приехавшим из других стран, быстрее и проще включаться в образовательный процесс, а также повысить качество их профессиональной подготовки, что обуславливает важность преодоления проблем, возникающих в ходе приспособления к новым условиям [3].

Перед российскими вузами как принимающей стороной стоит задача содействия упрощению жизни и процесса обучения иностранных студентов с целью их успешной адаптации к новой социокультурной среде. Однако даже при благоприятных условиях, созданных для приобщения к чужой культуре, у иностранных студентов нередко возникают проблемы, связанные с недостатком знаний о стране пребывания, а также стереотипами и негативными предубеждениями. Посредством наиболее распространенных стереотипов о России, таких как «медведь», «водка», «русская мафия», происходит оценка специфики образа нашей страны в глазах иностранных студентов, что приводит к формированию у них искаженных представлений: от мнений о тотальном пьянстве и невозможности демократии до зачастую абсурдных («медведи на улицах») [1; 4]. Наличие подобных фактов может весьма негативно сказаться на процессе адаптации учебных мигрантов. В связи с этим становится очевидной необходимость анализа образа нашей страны, сложившегося в представлениях молодых мигрантов, прибывших в Россию для получения высшего образования.

Методология исследования. В первой половине 2021 года было реализовано социологическое исследование «Проблемы интеграции и адаптации иностранных студентов в российских вузах». Данное социологическое исследование было проведено Южно-Российским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮРФ ФНИСЦ РАН) с целью изучения специфики процесса адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве высшего учебного заведения. Среди задач данного социологического исследования было обозначено в том числе изучение представлений и мнений учебных мигрантов о России, её культуре и основных чертах характера русских людей. В ходе реализации исследования был проведен анкетный опрос иностранных студентов всех курсов обучения и аспирантов вузов Южного федерального округа (ЮФО). Выборка — многоступенчатая квотная. Общее количество опрошенных — 1095 человек. Проанализируем данные опроса учебных мигрантов, обучающихся в Южном федеральном университете (ЮФУ), представляющем собой один из ведущих вузов Юга России.

Результаты исследования. Прежде всего, обратимся к анализу ассоциаций с образом России, которые были у иностранных студентов ЮФУ перед приездом в нашу страну. В анкету исследования был включен открытый вопрос, в котором респондентам было предложено назвать пять наиболее ярких ассоциативных образов и представлений. Результаты исследования показали, что образ России в представлениях молодых иностранцев связан, в первую очередь, с климатическими условиями страны — 12,4% опрошенных, покидая родину, считали, что едут в холодную страну. Вдобавок 1,9% ожидали увидеть снег, а у 1,6% Россия ассоциировалась с зимой. Таким образом, достаточно распространенный стереотип о стране, где «всегда зима», по-прежнему присутствует в сознании иностранцев. Также каждый десятый респондент (10%) знал, что будет учиться в большой стране. Стоит отметить, что среди иностранных студентов ЮФУ достаточно распространены и весьма положительные образы. Так, у 5,5% опро-

шенных при переезде возникали ассоциации с богатейшим наследием русской культуры. Практически столько же (5,4%) указали, что для них отличительной чертой России является хорошее образование. Этот факт нашел свое дальнейшее подтверждение в результатах нашего исследования: именно высокое качество образования послужило главным мотивом выбора вуза и страны для иностранных студентов ЮФУ (55,8%).

Помимо этого, молодые люди из других государств имели представления и о внешней привлекательности нашей страны: 4,6% считали Россию красивой страной даже до переезда с целью получения высшего образования. Еще 1,4% указали, что нравится русская природа, а 2% респондентов пришли по душе леса. Также было зафиксировано присутствие ассоциации России с ее столицей: 1,3% при упоминании нашей страны вспомнили Москву, 2,1% вспомнили неизменный символ — Красную площадь, а 0,5% — Кремль. Стоит добавить, что у 2,3% основной ассоциацией с Россией выступает личность Президента РФ В. В. Путина.

Тем не менее, как показали полученные данные, в сознании молодых иностранцев до их приезда в Россию присутствовали и стереотипные образы (при этом достаточно распространенные). Так, у 4,3% опрошенных при упоминании России сразу появлялась ассоциация «медведь», а 4% назвали вариант «водка». Помимо этого, 1,5% и 1,4% соответственно вспомнили такие символы, как «матрешка» и «березы». Еще по 0,5% респондентов вспомнили балалайку и борщ.

Стоит заметить, что у заметного количества учебных мигрантов были, скорее, абстрактные образы относительно страны, в которой им предстоит провести несколько лет. 2,5% иностранных студентов ЮФУ отметили, что у них были просто «хорошие» ассоциации с Россией. Иными словами, на момент переезда они не обладали какими-либо конкретными представлениями, но были настроены оптимистично либо слышали хорошие отзывы о жизни в нашей стране. Для 2,3% опрошенных Россия представлялась «страной возможностей», где они в будущем смогут реализовать свой потенциал. Стоит отметить, что 5,8% указали, что не имели вообще никаких ассоциаций с Россией, а 4,9%

затрудились ответить на этот вопрос, написав «не знаю», т.е. для заметного количества иностранцев Россия по-прежнему остается неизведанной страной.

Представляет интерес распределение ответов молодых иностранцев в зависимости от страны, из которой они приехали. Согласно полученным данным, «холодной» Россию чаще остальных перед переездом считали студенты ЮФУ из латиноамериканских (25,5%) и арабских стран (15,2%). Тогда как среди молодых европейцев данный показатель оказался равен нулю. Во многом это объясняется тем, что среди представителей данной категории учащихся достаточно много молодых людей, приехавших из Украины, ЛНР и ДНР. Именно поэтому среди студентов ЮФУ, приехавших из Европы, оказалось больше всего тех, кто считает Россию «страной возможностей» — 10,8%. Вероятнее всего, они планируют остаться здесь после окончания своего обучения. Помимо этого, представители европейских стран чаще других указывали ассоциации «большая страна» (20,4%), а также «многонациональность» (6,5%), что в данном случае абсолютно неудивительно. Среди представителей стран Восточной и Юго-Восточной Азии наиболее популярными ассоциациями оказались «красивая страна» (10,4%), «дружелюбные люди» (8,3%) и «Москва» (3,1%). При этом для студентов ЮФУ из стран Азии и Латинской Америки русский язык представлялся наиболее сложным — 3,1% и 4,1% соответственно. Как показали полученные данные, у молодых людей, приехавших из арабских стран, чаще остальных фиксировались стереотипные образы: «водка» (12,1%), «снег» (12,1%), «медведь» (7,6%), «матрешка» (7,6%) и «березы» (4,5%). Однако у представителей данной категории учащихся, а также студентов из латиноамериканских стран оказалась наиболее выражена ассоциация «хорошее образование» (9,1% и 9,7% соответственно). Студенты ЮФУ, приехавшие из стран Африки, испытывали волнение от того, что место их учебы будет далеко от дома (4,1%), а также боялись, что здесь будет опасно (6,1%) и могут быть проявления расизма (2%). Но в то же время они больше остальных ассоциировали с Россией престижность вуза, в котором им предстояло проходить обучение (4,1%).

Интересен анализ данных проведенного исследования, касающийся представлений иностранных студентов ЮФУ о русских людях, их чертах характера, которые так или иначе показались необычными для иностранцев. В анкете исследования были заданы открытые вопросы, в которых респондентам было предложено написать положительные и отрицательные черты русского народа. Согласно результатам проведенного исследования, молодые иностранцы чаще всего отмечают, что среди положительных качеств русским людям в наибольшей степени присущи доброта (27,5%), дружелюбие (10,1%), готовность помочь (7,3%) и отзывчивость (6,1%). Также иностранные студенты ЮФУ считают русских честными (5,9%), гостеприимными (5,3%), умными (4,4%), общительными (4,2%) и трудолюбивыми (3,5%). Стоит отметить, что каждый десятый респондент просто написал, что русские — «хорошие» (10,6%). Столь положительное общее восприятие русского народа иностранными студентами ЮФУ прослеживается и в их ответах на вопрос об отрицательных чертах. Самым популярным ответом на него оказался вариант «никаких» — 13,8%, а 7,4% указали, что затрудняются назвать какие-то конкретные отрицательные черты (напомним, вопрос был открытым и не подразумевал вариантов ответа на выбор). Однако учебным мигрантам всё же доводилось сталкиваться с проявлениями грубости (7,7%) и злости (3%). Достаточно заметными оказались претензии, высказанные иностранцами, относительно вредных привычек: 6,8% указали пьянство, а 3,5% — курение. Еще 3,2% опрошенных считают русских людей излишне серьезными, а 2,5% — ленивыми.

Возникает вполне закономерный вопрос, изменяются ли представления иностранных студентов о России за время их пребывания в нашей стране? Согласно полученным данным, большинство иностранных студентов ЮФУ (58,1%) изменили свое мнение о России в лучшую сторону. У четверти опрошенных (24%) образ нашей страны, сформированный у них до приезда сюда, остался неизменным. Только 8,5% респондентов изменили свое мнение о жизни в России к худшему, а 9,5% затруднились дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Схожим образом

выглядит динамика мнений молодых иностранцев о русском народе. Отношение к русскому населению изменилось в лучшую сторону у 58,4% иностранных обучающихся ЮФУ, а 26,3% отметили, что их мнение о русских людях не изменилось. 8,5% не смогли однозначно сказать, изменились ли их представления о русских; в худшую сторону изменили свое мнение 6,9% опрошенных. Стоит отметить, что мнение о России и российском народе у иностранных студентов ЮФУ из европейских стран осталось в своем большинстве неизменным — 53,8% и 61,3% соответственно, что вполне объясняется их лучшей осведомленностью о нашей стране, её культуре и особенностях менталитета. Представления о России за время обучения здесь больше всего улучшились у молодых людей из среднеазиатских стран (63,5%), а также государств Восточной и Юго-Восточной Азии (65,6%). А вот свое мнение о русском народе в наибольшей степени улучшили представители африканских (65,3%) и арабских стран (63,6%) (табл. 1).

Наличие тенденций положительного изменения образа России в глазах иностранных студентов ЮФУ за время их обучения здесь напрямую связано с их адаптацией к условиям новой социокультурной среды. Во многом этому способствует налаживание коммуникаций с преподавателями и русскими сверстниками, с которыми они вместе проходят обучение. Как показал корреляционный анализ, учебные мигранты, у которых во время обучения в ЮФУ сложились хорошие дружеские отношения с русскими студентами, а также налажился живой личный контакт с представителями профессорско-преподавательского состава, в своем большинстве меняют сложившийся у них образ России на более положительный (табл. 2).

Особую роль в формировании образа России и успешной адаптации иностранных студентов играет знание культуры и обычаев нашей страны. Согласно полученным данным, каждый пятый (21%) учебный мигрант, обучающийся в ЮФУ, считает, что отлично знаком с русской культурой, знает все основные традиции и обычаи. Более половины опрошенных (52,3%) ответили, что успели хорошо ознакомиться с культурой новой для них страны, но им еще многое нужно узнать.

По мнению 23,7% иностранных студентов ЮФУ, они очень мало знают о культуре и истории России. При этом большинство молодых иностранцев демонстрируют готовность, желание и интерес к дальнейшему изучению новой для них культуры — 62,7%. Еще 18,4% относятся к этому более прагматично и готовы более углубленно изучать русскую культуру, если это будет полезно в дальнейшем, в том числе и для жизни в другой стране. 10,2% опрошенных достаточно уже имеющих у них знаний. Лишь 4,7% указали, что изучение русской культуры не представляет для них интереса. Стоит заметить, что иностранные студенты ЮФУ отвечали на эти вопросы достаточно уверенно — затруднившихся с ответом на оба вопроса было только

около 3%. Лучше всего с культурой и обычаями России ожидаемо оказались молодые европейцы — 76,3%. По этой причине среди них оказалось весьма много тех, кому достаточно уже имеющихся знаний — 36,6% (тем не менее, 46,2% среди представителей данной категории было бы интересно узнать больше о русской культуре). Наименьшую осведомленность о русской культуре и истории продемонстрировали студенты ЮФУ, приехавшие из Африки — 38,8% ответили, что знают в этой области немного. Однако они стремятся поближе познакомиться с русской культурой — 71,4% представителей данной категории обучающихся указали, что им это было бы очень интересно; помимо этого интерес и желание изучить русские тра-

Таблица 1
 Table 1

Динамика представлений иностранных студентов ЮФУ из разных государств о России и русском населении (в % к числу опрошенных)
Dynamics of perceptions of foreign students of SFedU from different countries about Russia and the Russian population (in % of the number of respondents)

		Группы стран					
		Европа	Африка	Арабские страны	Средняя Азия	Восточная Азия и ЮВА	Южная и Центральная Америка
Изменились ли Ваши представления о России за время Вашего проживания здесь?	Да, изменились в лучшую сторону	28,00%	49,00%	57,60%	63,50%	65,60%	55,20%
	Да, изменились в худшую сторону	8,60%	12,20%	12,10%	5,80%	8,30%	14,50%
	Не изменились	53,80%	20,40%	16,70%	22,80%	22,90%	15,90%
	Затрудняюсь ответить	9,70%	18,40%	13,60%	8,00%	3,10%	14,50%
Изменилось ли Ваше отношение к русскому населению за время Вашего проживания здесь?	Да, изменилось в лучшую сторону	32,30%	65,30%	63,60%	61,90%	61,50%	60,00%
	Да, изменилось в худшую сторону	2,20%	0%	9,10%	6,80%	5,20%	11,00%
	Не изменилось	61,30%	18,40%	22,70%	24,20%	22,90%	16,60%
	Затрудняюсь ответить	4,30%	16,30%	4,50%	7,20%	10,40%	12,40%

Таблица 2
 Table 2

**Динамика представлений иностранных студентов ЮФУ о России и русском населении
 в зависимости от личных отношений с русскими студентами и преподавателями
 (в % к числу опрошенных)**

**Dynamics of representations of foreign students of SfedU
 about Russia and the Russian population depending
 on their personal relationships with Russian students and teachers
 (in % of the number of respondents)**

		Можете ли Вы сказать, что у Вас есть друзья среди русских студентов?			Есть ли среди преподавателей те, кого Вы можете назвать своими наставниками?	
		Да, их много	Да, могу назвать друзьями 1–2 человек	Друзей среди русских студентов нет	Да	Нет
Изменились ли Ваши представления о Рос- сии за время Вашего проживания здесь?	Да, изменились в лучшую сторону	64,50%	57,60%	43,90%	62,00%	51,00%
	Да, изменились в худшую сторону	4,30%	9,70%	14,60%	8,40%	8,60%
	Не изменились	23,70%	24,20%	24,20%	22,60%	26,50%
	Затрудняюсь ответить	7,50%	8,40%	17,20%	7,00%	13,80%
Изменилось ли Ваше отношение к рус- скому населению за время Вашего про- живания здесь?	Да, изменились в лучшую сторону	65,60%	59,70%	36,90%	63,30%	49,30%
	Да, изменились в худшую сторону	4,80%	7,60%	9,60%	7,00%	6,60%
	Не изменились	23,70%	25,30%	35,70%	22,60%	33,40%
	Затрудняюсь ответить	5,90%	7,40%	17,80%	7,10%	10,70%

диции и обычаи демонстрирует абсолютное большинство студентов ЮФУ, приехавших из арабских стран, — 83,3%.

Заключение. В процессе принятия решения о выборе России в качестве страны для получения высшего образования огромное значение имеет образ нашей страны, сложившийся в сознании представителей других государств. На формирование положительного имиджа страны в значительной степени оказывает влияние то, что увидят здесь инст-

ранные студенты [5]. Результаты проведенного социологического исследования показали, что образ России в глазах иностранных студентов Южного федерального университета весьма своеобразен и отчасти противоречив, однако имеет, скорее, положительную окраску. Поступая в российский вуз, они знают, что едут в страну, занимающую огромную территорию, и во многих случаях готовятся к постоянным условиям холодного климата (что, пожалуй, неудивительно, если вспомнить, к примеру, образ «страны с вечной зимой»,

демонстрируемый в большинстве западных фильмов). К сожалению, стереотипные образы из связки «водка-медведь-матрешка» также присутствуют (и в целом распространены). Но при этом перед переездом в Россию иностранные студенты знают, что получают качественное высшее образование в престижном вузе. Часть молодых людей, в основном из европейских стран, считают Россию «страной возможностей», с которой они могут связать свое будущее. Некоторые студенты перед поступлением обладают просто «хорошими» представлениями о России, что во многом может быть обусловлено положительными отзывами их знакомых, уже обучавшихся здесь. Действительно, миграционные потоки с целью получения образования в России за последние годы значительно увеличились, и число иностранных студентов в русских вузах (в том числе и в ЮФУ) выросло в разы. Однако значительная часть иностранцев приезжает в Россию, не имея четких представлений о ней, и формирование образа страны у них происходит «с чистого листа». Также были зафиксированы и отличия в представлениях о России у молодых людей, принадлежащих к разным группам стран.

Тем не менее, учебные мигранты демонстрируют интерес к русской культуре и готовность изучать наши традиции, обычаи и историю. Причем количество тех, кто хотел бы изучать русскую культуру, исходя только из прагматических целей, заметно меньше, чем молодых людей, которым действительно просто интересна культура и история другого государства. Особую роль в адаптации иностранных студентов и формировании у них положительного образа России играют представители профессорско-преподавательского состава, а также их сокурсники. Установление живого личного контакта с преподавателями и дружеских отношений с русскими студентами помогает молодым иностранцам не только преодолеть проблемы, связанные с обустройством в чужой стране, но и лучше понять русскую культуру.

Список источников

1. Алешина Л. Н., Зайцева И. А., Манукян Г. В. Из страны «медведя с балалайкой» в мир русской культуры (разрушение сте-

реотипов с помощью внеаудиторной работы с иностранными слушателями подготовительного факультета) // Муниципальная академия. 2017. №2. С. 13–17.

2. Антонова Н. Л. Рейтинг вуза как фактор привлекательности для иностранных студентов // Теория и практика общественного развития. 2018. №11(129). С. 12–15.

3. Комарова М. Н., Сошников Е. А., Глебов В. В. Культурно-социальная и психологическая адаптация иностранных студентов // Успехи современного естествознания. 2013. №8. С. 49–51.

4. Моднов С. И., Ухова Л. В. Особенности адаптации иностранных студентов в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. №2. Т. I (Гуманитарные науки). С. 111–115.

5. Мухаева В. А., Оразмурадова А. М. Образ России в представлениях иностранных студентов (на примере ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет») // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. №4(20). С. 36–41.

References

1. Aleshina L. N., Zajceva I. A., Manukjan G. V. Iz strany «medvedja s balalajkoj» v mir russoj kul'tury (razrushenie stereotipov s pomoshh'ju vneauditornoj raboty s inostrannyimi slushateljami podgotovitel'nogo fakul'teta) [From the country of the «bear with a balalaika» to the world of Russian culture (the destruction of stereotypes through extracurricular work with foreign students of the preparatory faculty)]. *Municipal'naja akademija [Municipal Academy]*. 2017; (2): 13–17. (In Russ.).

2. Antonova N. L. Rejting vuza kak faktor privlekatel'nosti dlja inostrannyh studentov [University rating as a factor of attractiveness for international students]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija [Theory and Practice of Social Development]*. 2018; 11(129): 12–15. (In Russ.).

3. Komarova M. N., Soshnikov E. A., Glebov V. V. Kul'turno-social'naja i psihologicheskaja adaptacija inostrannyh studentov [Cultural, social and psychological adaptation of foreign students]. *Uspehi sovremennogo estestvoznaniija [Successes of modern natural science]*. 2013; (8): 49–51. (In Russ.).

4. Modnov S.I., Uhova L.V. Osobennosti adaptatsii inostrannykh studentov v tehničeskom universitete [Features of adaptation of foreign students at a technical university]. *Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*. 2013; 1(2) (Gumanitarnye nauki): 111–115. (In Russ.).

5. Muhaeva V.A., Orazmuradova A.M. Obraz Rossii v predstavlenijah inostrannykh studentov

(na primere FGBOU VO «Penzenskij gosudarstvennyj universitet») [The image of Russia in the representations of foreign students (on the example of the Penza State University)]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Penza State University]*. 2017; 4(20): 36–41. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.09.2021; одобрена после рецензирования 25.09.2021; принята к публикации 28.09.2021.

The article was submitted on 15.09.2021; approved after reviewing on 25.09.2021; accepted for publication on 28.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Магранов Алексей Сергеевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116, корп. 3, каб. 136

Aleksey S. Magranov — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Center for Socio-political studies, Southern Federal University; Leading Researcher, South Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

116 Dneprovsky ln., bld. 3, office 136, Rostov-on-Don, Russia

Печкуров Илья Васильевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Ilya V. Pechkurov — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Чжао Дань — соискатель, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Zhao Dan — Applicant, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.
160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Магранов А. С. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Печкуров И. В. — участие в разработке учебных программ; доработка текста; итоговые выводы.

Чжао Дань — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Magranov A. S. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Pechkurov I. V. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Zhao Dan — revision of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-104-112

ГЕНЕЗИС ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ В КОНЦЕПЦИЯХ ЛЕНИНИЗМА И ВЕБЕРИАНСТВА

Игорь Николаевич Макаров

*Российская академия кадрового обеспечения агропромышленного комплекса,
Москва, Россия*

makarov_i_n@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1111155, SPIN-код: 1434-5425

Аннотация. *Цель исследования:* выявление генезиса, основных направлений эволюции, социальной роли, состава, интересов и деятельности государственной бюрократии, представленных в работах В. И. Ленина и М. Вебера.

Методологическую основу исследования составил историко-социологический анализ ленинской и вебериянской концепций феномена бюрократии как административно-управленческой группы общества с позиций социолого-управленческого подхода. Использованы элементы монографического и типологического методов.

Результаты исследования. Сравнительный теоретический анализ текстов первоисточников и критических статей в целом позволил дать самостоятельную авторскую трактовку особенностей исследований и принципиальных различий в характеристиках бюрократических моделей и практик в трудах Ленина и Вебера. Кроме того, исследование богатой источниковедческой базы предоставило возможность сформировать корректное представление о социологических взглядах Ленина, впервые четко разграничить три этапа эволюции его идей о бюрократии как социальном феномене. Автор приходит к выводу, что современный социологический дискурс сформировался не в последнюю очередь благодаря полемике между двумя ведущими социологическими школами — марксистской и вебериянской.

Перспективы исследования. Проблема генезиса государственной бюрократии как историко-социального феномена в контексте альтернативных социолого-управленческих концепций конца XIX — начала XX веков все еще недостаточно исследована. Перспектива дальнейшего развития отечественной социологии управления, с точки зрения автора, неразрывно связана с теоретическим их осмыслением.

Ключевые слова: государственная бюрократия, российское чиновничество, социолого-управленческая концепция, марксизм, ленинизм, вебериянство

Для цитирования: Макаров И. Н. Генезис историко-социального феномена государственной бюрократии в концепциях ленинизма и вебериянства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 104–112. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-104-112>.

Original article

THE GENESIS OF THE HISTORICAL AND SOCIAL PHENOMENON OF STATE BUREAUCRACY IN THE CONCEPTS OF LENINISM AND WEBERIANISM

Igor N. Makarov

*Russian Academy of Personnel Support of the Agro-industrial Complex, Moscow, Russia
makarov_i_n@mail.ru, AuthorID RSCI: 1111155, SPIN: 1434-5425*

Annotation. *The purpose of the study:* identification of the genesis, main directions of evolution, social role, composition, interests and activities of the state bureaucracy, presented in the works of V.I. Lenin and M. Weber.

The methodological basis of the study was the historical and sociological analysis of the Leninist and Weberian concepts of the phenomenon of bureaucracy as an administrative and managerial group of society from the standpoint of the socio-managerial approach. Elements of monographic and typological methods are used.

The results of the study. A comparative theoretical analysis of the texts of primary sources and critical articles in general allowed us to give an independent author's interpretation of the features of research and fundamental differences in the characteristics of bureaucratic models and practices in the works of Lenin and Weber. In addition, the study of a rich source base provided an opportunity to form a correct idea of Lenin's sociological views, to clearly distinguish for the first time the three stages of the evolution of his ideas about bureaucracy as a social phenomenon. The author comes to the conclusion that the modern sociological discourse was formed not least due to the polemic between the two leading sociological schools — Marxist and Weberian.

Research prospects. *The problem of the genesis of state bureaucracy as a historical and social phenomenon in the context of alternative socio-managerial concepts of the late XIX — early XX centuries is still insufficiently investigated. The prospect of further development of the national sociology of management, from the author's point of view, is inextricably linked with their theoretical understanding.*

Keywords: *state bureaucracy, Russian officialdom, socio-managerial concept, Marxism, Leninism, Weberianism*

For citation: *Makarov I. N. The genesis of the historical and social phenomenon of state bureaucracy in the concepts of Leninism and Weberianism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 104–112. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-104-112>.*

Введение. Исследование генезиса и эволюции, а также социальной роли, состава, интересов и деятельности бюрократии как административно-управленческой прослойки общества является одним из наиболее актуальных направлений современной социологии управления. Представляется плодотворной адаптация некоторых аспектов социолого-управленческих концепций, предложенных в работах крупнейших теоретиков

марксизма конца XIX — начала XX веков, к условиям и потребностям современного научного поиска.

В настоящей статье содержится попытка сравнительного анализа трактовок феномена бюрократии — одного из ключевых понятий социологии управления — в социальных теориях Владимира Ленина и Макса Вебера, наиболее ярких представителей конкурирующих и одновременно взаимодополняющих

социологических школ. Как точно отметил в данной связи Б.Ю. Кагарлицкий, «если Вебер всячески замалчивал влияние Маркса на свои труды, то марксисты платят ему той же монетой» [9, с. 80]. Именно поэтому мы полагаем, что рассмотрение проблем бюрократии и бюрократизации государственно-административного аппарата с марксистской точки зрения было бы неполным без учета тех сторон учения Вебера, которые оказали опосредованное влияние как на марксизм в целом, так и на научные разработки Ленина в частности. Более того, заочная полемика Ленина с Вебером сыграла, на наш взгляд, некоторую роль в формировании современной социолого-управленческой парадигматики.

Однако, если веберизанство общепризнано и по консолидированному мнению научного сообщества переживает в настоящее время своеобразный «ренессанс» [3], то адекватная оценка вклада В.И. Ленина в развитие отечественного и общемирового социологического знания представляется пока проблематичной. По-прежнему весьма распространены не только упрощение, но и прямая фальсификация его аутентичных взглядов. Типичным примером такого упрощения является следующее утверждение, допущенное Р.Г. Валиевым и И.Г. Горбачевым в фундаментальном исследовании «Бюрократия и бюрократизм (политико-правовые аспекты)»: «До революционных событий 1917 г. В.И. Ленин, как и К. Маркс, не проводил особого различия между бюрократией и буржуазным государством, рассматривая их орудиями классового господства буржуазии» [1, с. 34]. Более того, по их мнению, в основе марксистского понимания бюрократии и бюрократизма якобы «лежит противоположность классовых интересов бюрократии (или отдельных бюрократов) и трудящихся» [1, с. 27].

Напомним: в целом ряде своих работ сами основоположники учения — К. Маркс и Ф. Энгельс — развивали ту мысль, что государственную бюрократию вовсе не следует рассматривать в качестве отдельного общественного класса, поскольку как «проводник» воли властвующей элиты и социальный носитель исполнительно-распорядительных функций она в том или ином виде существует при всех антагонистических общественно-экономических формациях. Что же касает-

ся В.И. Ленина, то его идеи о бюрократии в процессе научной и общественно-политической деятельности претерпевали заметную эволюцию, которая обычно недооценивается или попросту упускается исследователями из виду. О ней и пойдет речь далее.

Результаты исследования. Одним из первых, кто обратился к рассматриваемой здесь проблеме, был Ю.Н. Давыдов. Однако по не вполне ясной причине он построил свой анализ исключительно на ленинских работах послеоктябрьского периода. Такое «выборочное» прочтение Ленина неизбежно приводит к некорректному умозаключению о том, что в основе его теории и практики якобы всегда «лежало представление о “временности” бюрократии, подлежащей немедленному устранению в ходе социалистической революции» [5, с. 55].

Между тем в становлении Ленина-социолога бюрократии можно выделить три этапа. Первоначальная его трактовка данного социального феномена дана в статьях «Экономическое содержание народничества» (1894) и «Задачи русских социал-демократов» (1897). В ходе их анализа нами установлено, что исходное ленинское представление о бюрократии совпадает с веберовским. Подобно Веберу, который считал повсеместное утверждение бюрократической организации, приходящей на место аграрной архаики, объективацией новых индустриально-капиталистических отношений, Ленин в тот период также полагал, что «всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя **чисто и исключительно** (выделено мной — И. М.) буржуазное учреждение» [11, т. 1, с. 440]. На то, что оба мыслителя приходили к идентичным выводам независимо друг от друга, указывает, в частности, лишь однократное упоминание о М. Вебере в полном собрании сочинений В.И. Ленина [11, т. 30, с. 324–325], хотя последнему даже в самых жестких дискуссиях с идейными оппонентами всегда была свойственна предельная научная добросовестность.

Выделяя второй этап в развитии ленинской концепции бюрократии, относящийся, с нашей точки зрения, к 1899–1917 годам, можно отметить, что он представляет собой

диалектическое отрицание прежнего вывода. Развертывание данного этапа происходило по мере интеллектуального проникновения Ленина в «социальную ткань» страны, накопления богатого эмпирического материала, его обобщения в таких работах, как «Развитие капитализма в России», «Капитализм в сельском хозяйстве», «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», «Исторический смысл внутривластной борьбы в России», «О статистике стачек в России», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидации», «Язык цифр», набросках к брошюре «Статистика и социология» и ряде других.

В тот же исторический период рождается труд М. Вебера «Хозяйство и общество», в котором формулируется определение бюрократии, пополнившее «фонд» классики социологической мысли [2]. Все больше набирающая популярность веберовская концепция различала два исторически сложившихся типа бюрократии: традиционный («патримониальный»), основанный на персональной власти и ресурсах конкретного должностного лица, и модерный («рациональный») — обезличенный и базирующийся на мотивациях выгоды и материальной заинтересованности. Среди определяющих признаков, на основании которых Вебером создавался социальный тип современного «идеального бюрократа», назывались, прежде всего, «встроенность» в определенную иерархическую организационную структуру, наличие четко очерченного и «прозрачного» для общества круга обязанностей и прав, получение адекватного вознаграждения за службу, стремление к усовершенствованию методов управления, меритократические принципы подбора на управленческие должности. Веберу, помимо прочего, принадлежит и ключевая (в контексте его сопоставления с Лениным) мысль о том, что «современный чиновник постоянно и непременно в возрастающей степени профессионализируется и специализируется соответственно рациональной технике современной жизни» [5, с. 178].

Применение веберовской типологии к социальному исследованию российского «служилого сословия» царского времени весьма затруднительно. Неслучайно и Ленин в рассматриваемый период уже четко

отделяет западноевропейскую бюрократию от «всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тушедающего русского чиновничества» [11, т. 2, с. 456]. И по своим количественным и качественным характеристикам, и по своей социально-исторической роли оно кардинально отличалось от прослойки госслужащих в экономически развитых странах. Согласно архивным материалам, опубликованным П. А. Зайончковским, если в 1796 году при населении империи в 36 млн. человек число чиновников составляло около 16 тыс. (один чиновник приходился на 2250 жителей), то в 1903 году чиновников было уже примерно 385 тыс., а населения — 129 млн. человек (один чиновник приходился на 335 человек) [8, с. 221]. Таким образом, приходим к выводу, что за век численность отечественной бюрократии увеличилась почти в семь раз. Соответствующими были и масштабы всякого рода служебных злоупотреблений — от банального взяточничества и казнокрадства до неприкрытой торговли государственными должностями и «доходными местами» в административном аппарате.

Отметим и другую тенденцию: начиная с реформ 1860-х годов существенно трансформируется не только численный, но и социальный состав государственно-административного аппарата самодержавной России. Через промышленную и банковскую деятельность и отчасти земство в управленческие структуры постепенно интегрируются представители самых разных «этажей» социально-сословной «лестницы». Но определяющего влияния на принятие управленческих решений чиновники данного типа не оказывали. По меткому замечанию Ленина, они «становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве “ходатайствуют” об интересах своего сословия, своей группы, своего слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего класса» [11, т. 21, с. 295].

Проанализировав ряд современных исследований, акцентируем противоположную точку зрения. Н. Г. Чевтаева считает, что вовсе «не дворянство являлось основным двигателем бюрократической машины, оно составляло особое чиновничье “сословие” со своими навыками и бытом. Главным и наиболее

работоспособным элементом были дети канцеляристов и лиц духовного звания» [17, с. 91]. Однако в той же статье автор, по сути, дезавуирует свое же собственное утверждение следующим высказыванием царского премьер-министра П. А. Столыпина, основанным, надо полагать, на его личном богатом административном опыте: «Чиновники и землевладельцы — часто одни и те же лица. Сегодня он помещик, завтра — чиновник». К тому же «анализ имущественного положения чиновничества в начале XX века не дает прямых оснований для утверждения о буржуазном перерождении какой-то его части» [8, с. 223].

Еще одной типологической чертой дореволюционного административного аппарата было отсутствие в нем механизмов профессиональной «фильтрации», в частности необходимого образовательного ценза для чиновников. Экзамен на государственный чин все еще был необходим для производства лишь в самый низший, XIV класс «Табели о рангах». Как следствие, отмечал Н. П. Ерошкин, «в противоположность бюрократии западноевропейских капиталистических государств верхний слой российской ... бюрократии имел невысокий уровень управленческой специализации, которая явно отставала от установившейся еще с начала века более четко выраженной отраслевой специализации отдельных звеньев государственного аппарата» [7, с. 66].

Все отмеченное позволяло Ленину обобщить свой социологический анализ российского чиновничества начала XX века выводом о том, «получая мотивы для своей деятельности в значительной степени от верхов буржуазии, бюрократия дает чисто крепостническое, *исключительно* (выделено мной — И. М.) крепостническое направление и облик буржуазной деятельности» [11, т. 21, с. 57–58]. Следовательно, наряду с М. М. Ковалевским, Н. И. Кареевым, А. А. Исаевым, В. Н. Хвостовым и другими видными отечественными социологами первого десятилетия XX века В. И. Ленин приходит к выводу отнюдь не о «временном», вопреки утверждению Ю. Н. Давыдова, характере бюрократии, а, напротив, о глубочайшей укорененности бюрократической традиции в историческом развитии институтов российской власти. Но если для Вебера бюрократизация

государства имеет в большей степени рационально-правовую природу, то для Ленина это социальная патология, своего рода «наследственное заболевание» государственного аппарата управления. Во всяком случае, и сам он, и другие представители русского марксизма, в частности М. С. Ольминский [13], неоднократно показывали, что бюрократическую систему управления не стоит увязывать лишь с наступившей капиталистической эпохой.

В ходе проведенного исследования нами очерчен третий и главный этап эволюции теоретических воззрений В. И. Ленина на бюрократию, охватывающий 1918–1923 годы. Он знаменует собой своего рода синтез выработанных ранее идей. Решающее влияние на его формирование, безусловно, оказал опыт Октябрьской революции 1917 года и последующего советского строительства. Поначалу Ленин декларирует и практически реализует программные установки К. Маркса и Ф. Энгельса не просто о сломе существующей «бюрократической машины», но и об упразднении бюрократического администрирования как специализированной профессиональной деятельности привилегированного меньшинства населения вообще. Но вскоре признает, что социальному авангарду страны неизбежно придется осваивать передовые методы управления, так или иначе предполагающие осуществление бюрократических процедур, но уже в их «рационализированном» (по терминологии М. Вебера) виде. Поэтому он весьма нетривиальным образом увязывает некоторые популярные на Западе идеи «отца научного управления» Ф. Тэйлора с марксистским видением по-новому организованного государственного аппарата.

Вместе с тем, проведя критический обзор корпуса ленинских текстов постреволюционных лет, приходим к следующим результатам.

1. Если в период «военного коммунизма» Ленин считает, что «в России уже вполне разрушены твердыни бюрократизма» [11, т. 38, с. 93], то уже в 1922 году он констатирует, что государственный аппарат «заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром» [11, т. 45, с. 357]. Данный итог довольно ярко иллюстрируют данные П. А. Сорокина: на 130 млн. граждан в то время приходилось 35 млн. служащих, или 27% всего населения страны [15].

2. По своему социальному составу ранне-советский аппарат управления представлял собой уже качественно иной феномен, что позволяет говорить о кардинальном изменении всей административной среды. При том, что высшие звенья управленческой вертикали составляло все еще довольно значительное количество прежних чиновников, низовые уровни госаппарата вбирали в себя в основном выходцев из крестьянства — самого многочисленного социального класса России. По состоянию на конец 1923 года в исполкомах (исполнительно-распорядительных органах государственной власти) волостных советов РСФСР числились 7,1% рабочих, 13,6% служащих и 79,3% крестьян [10].

3. У Ленина обнаруживаются основы социологического анализа стремительно формирующейся советской номенклатуры. Он вовсе не исключает возможности социально-экономического, а затем и политического реванша «того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ» [11, т. 45, с. 357].

Новейшая политическая история России служит наглядным подтверждением обоснованности такого допущения. Ее кризисное течение находит свое объяснение в подмеченной Лениным еще в самом начале XX столетия тенденции — двойственном положении многомиллионного крестьянства: «обнаруживается внутренне противоречивое классовое строение этой массы, ее мелкобуржуазность, антагонизм хозяйских и пролетарских тенденций внутри нее» [11, т. 3, с. 13–14]. Несомненно, все крупнейшие достижения СССР — от беспрецедентной социально-экономической модернизации до более чем сорокалетнего геополитического доминирования на планете — осуществлены руками вчерашних крестьян. Но столь же бесспорно и другое: могильщиком «советского проекта» выступила партийно-советская номенклатура, вышедшая преимущественно из крестьянской среды. Л. Н. Мазур, посвятившая одну из своих работ рассмотрению эволюции сельской бюрократии в советский период, справедливо отмечала своеобразный, сохранявшийся на протяжении десятилетий, «дуализм» этой социальной прослойки. С одной стороны, она была теснее связана с сельским социумом,

более открыта и подотчетна «общественному мнению», с другой — в гораздо большей степени, чем городское чиновничество, подвержена влиянию патриархальных, авторитарных тенденций. Не случайно «руководители колхозов и совхозов ... нередко чувствовали и вели себя как помещики в своих владениях» [12, с. 156]. Пессимистический взгляд на советскую перспективу был свойственен и М. Веберу. Ни Февральскую, ни тем более Октябрьскую революцию 1917 года он не принял. Если первая была им охарактеризована как псевдodemократический переворот, установивший «господство бюрократии и офицерского корпуса» [14, с. 408], то вторая — как бунт деклассированных элементов, обреченный в конечном счете на «чисто военную диктатуру, и при этом не диктатуру генералов, а диктатуру капралов» [6, с. 91]. Важное методологическое значение в этой связи имеет состоявшаяся в самом начале 1917 года заочная полемика Ленина с Вебером относительно движущих сил и итогов первой русской революции 1905–1907 годов. Назвав веберовское толкование революционных событий «нелепой словесной уверткой», Ленин подчеркивал, что вместо конкретно-исторического анализа соотношения классов и социальных групп, базирующегося на статистических и иных эмпирических данных, «“высокоученый” господин профессор» [11, т. 30, с. 324] смог воздвигнуть лишь очередную умозрительную теоретическую конструкцию. По мнению некоторых современных авторов, веберовская метатеория вообще не приспособлена «для эмпирических социологических исследований социальной структуры» [16, с. 181–182].

Выводы. Обобщая результаты нашего исследования, необходимо отметить влияние длящегося уже более века противостояния марксистского и веберовского подходов на формирование современного социологического дискурса.

Как М. Вебер в построении своей концепции бюрократии не миновал формулы Маркса о бюрократическом управлении при капитализме в соответствии с точным планом государственной централизации как на фабрике, так и творческий марксизм не мог не принимать во внимание ряда положений и выводов «понимающей социологии». Все это вполне уклады-

ваются в нынешние представления о полипарадигмальности социологического знания.

Российское чиновничество конца XIX — начала XX веков, имеющее ряд черт «патримониальной бюрократии», все же не поддается веберовской типологизации. Теория и методология Вебера, не применимые для эмпирических исследований социальной структуры общества, также не способны объяснить возникновение и дальнейшую трансформацию советской бюрократии.

В.И. Ленин стал одним из тех немногих российских мыслителей, кто, рассматривая конкретный исторический материал через призму марксистского анализа, давал собственное оригинальное истолкование этого социального феномена. Ленинские взгляды на бюрократию не были статичными. За три десятилетия они претерпели заметную эволюцию — от фактического совпадения с веберизмом до формирования альтернативной ему социолого-управленческой концепции, своеобразно сочетающей марксизм с элементами тэйлоризма.

При этом Ленин не стремился подвести реальный социальный феномен под некие «идеальные типы», хотя и считал отечественное чиновничество разновидностью бюрократии вообще. В то же время он выделил целый ряд его отличительных черт, определил социально-историческую роль. Более того, у Ленина можно обнаружить основы социологического анализа стремительно формирующейся советской номенклатуры. В целом ленинизм, понимаемый в данном случае не как идейно-политическая доктрина, а как научная концепция, знаменовал существенный шаг вперед на пути преодоления двух крайностей современного ему общественно-научного знания: как абстрактно-теоретизирования, так и узкого эмпиризма.

Научно-теоретическая и в особенности практическая деятельность Ленина представляется нам попыткой вывести российское общество из «лабиринта» веками складывавшихся институциональных матриц, придать стране новый импульс развития, радикально модернизировать всю систему государственного управления на принципах инклюзивности, научной обоснованности, экономичности и эффективности — соответствия не интересам бюрократии, а реальным социальным потребностям.

Список источников

1. Валиев Р.Г., Горбачев И.Г. Бюрократия и бюрократизм (политико-правовые аспекты). Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2008. С. 34.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4-х т. Т. 4. М.: Дом Высшей школы экономики, 2017. 544 с.
3. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006. 367 с.
4. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. Проблема бюрократии у Макса Вебера // Вопросы философии. 1991. №3. С. 174–182.
5. Давыдов Ю.Н. Вебер и Ленин: кто прав? // Диалог. 1991. №15. С. 53–60.
6. Дмитриев Т.А. Русская революция как опытное опровержение социализма: версия Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. №3. С. 87–110.
7. Ерощкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. С. 66.
8. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.
9. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, 2005. С. 80.
10. Ларин Ю. Советская деревня. М.: Экономическая жизнь, 1925. С. 32.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1967–1975.
12. Мазур Л.Н. Особенности эволюции сельской бюрократии в Советской России // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. Т. 17. №2(139). С. 146–159.
13. Ольминский М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. 222 с.
14. Рожков В.П. Субъект власти в концепциях революций В.И. Ленина и М. Вебера: историко-философский аспект // Известия Саратовского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 405–409.
15. Сорокин П.А. Социология революции / Сост. В.В. Сапов. М.: РОССПЭН, 2010. С. 271.

16. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: Теории и реальность. М.: Новый хронограф: Институт социологии РАН, 2014. 408 с.

17. Чевтаева Н.Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие // Мир России. 2009. №3. С. 85–113.

References

1. Valiev R.G., Gorbachev I.G. Bjurokratija i bjuokratizm (politiko-pravovye aspekty) [Bureaucracy and bureaucracy (political and legal aspects)]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. P. 34. (In Russ.).

2. Veber M. Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii. V 4-h t. [Economy and society: essays of understanding sociology. In 4 vol.]. Vol. 4. Moscow: Dom Vyshey shkoly jekonomiki, 2017. 544 p. (In Russ.).

3. Gajdenko P.P., Davydov Ju. N. Istorija i racional'nost': Sociologija Maksa Vebera i veberovskij renessans [History and rationality: Max Weber's Sociology and the Weber Renaissance]. Moscow: KomKniga, 2006. 367 p. (In Russ.).

4. Gajdenko P.P., Davydov Ju.N. Problema bjuokratii u Maksa Vebera [The problem of bureaucracy in Max Weber]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1991; (3): 174–182. (In Russ.).

5. Davydov Ju. N. Veber i Lenin: kto prav? [Weber and Lenin: who is right?]. *Dialog*. 1991; (15): 53–60. (In Russ.).

6. Dmitriev T.A. Russkaja revoljucija kak opytное oproverzhenie socializma: versija Maksa Vebera [The Russian Revolution as an experimental refutation of socialism: Max Weber's version]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2017; 16(3): 87–110. (In Russ.).

7. Eroshkin N.P. Krepostnicheskoe samodержavie i ego politicheskie instituty: (pervaja polovina XIX veka) [Serfdom autocracy and its political institutions: (the first half of the XIX century)]. Moscow: Mysl', 1981. P. 66. (In Russ.).

8. Zajonchkovskij P.A. Pravitel'stvennyj aparat samodержavnoj Rossii v XIX v. [The government apparatus of autocratic Russia in the XIX century]. Moscow: Mysl', 1978. 288 p. (In Russ.).

9. Kagarlickij B. Ju. Marksizm: ne rekomendovano dlja obuchenija [Marxism: not recommended for training]. Moscow: Algoritm, 2005. P. 80. (In Russ.).

10. Larin Ju. Sovetskaja derevnja [The Soviet village]. Moscow: Jekonomicheskaja zhizn', 1925. P. 32. (In Russ.).

11. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. v 55 t. [Full collection of works in 55 vol.]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1967–1975. (In Russ.).

12. Mazur L.N. Osobennosti jevoljucii sel'skoj bjuokratii v Sovetskoj Rossii. Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 2 [Features of the evolution of rural bureaucracy in Soviet Russia. Proceedings of the Ural Federal University. Series 2]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities]. 2015; 17(2(139)): 146–159. (In Russ.).

13. Ol'minskij M. S. Gosudarstvo, bjuokratija i absoljutizm v istorii Rossii [The state, bureaucracy and absolutism in the history of Russia]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 222 p. (In Russ.).

14. Rozhkov V.P. Sub'ekt vlasti v koncepcijah revoljucij V.I. Lenina i M. Vebera: istoriko-filosofskij aspekt [The subject of power in the concepts of revolutions of V.I. Lenin and M. Weber: historical and philosophical aspect]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija «Filosofija. Psihologija. Pedagogika»* [News of Saratov University. The series «Philosophy. Psychology. Pedagogy»]. 2017; 17(4): 405–409. (In Russ.).

15. Sorokin P.A. Sociologija revoljucii [Sociology of Revolution]. Sost. V.V. Sapov. Moscow: ROSSPJeN, 2010. P. 271. (In Russ.).

16. Tihonova N.E. Social'naja struktura Rossii: Teorii i real'nost' [The social structure of Russia: Theories and Reality]. Moscow: Novyj hronograf: Institut sociologii RAN, 2014. 408 p. (In Russ.).

17. Chevtaeva N.G. Sociologija chinovnichestva v Rossii: dorevoljucionnoe nasledie [Sociology of Officialdom in Russia: pre-revolutionary legacy]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2009; (3): 85–113. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.0119.2021; одобрена после рецензирования 27.11.2021; принята к публикации 08.12.2021.

The article was submitted on 22.11.2021; approved after reviewing on 27.11.2021; accepted for publication on 08.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаров Игорь Николаевич — старший научный сотрудник Российской академии кадрового обеспечения агропромышленного комплекса.

Россия, г. Москва, ул. Оренбургская, 15б

Igor N. Makarov — Senior Researcher, Russian Academy of Personnel Support of the Agro-industrial Complex.

15b Orenburgskaya st., Moscow, Russia

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-113-122

БАРЬЕРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ ЮГА РОССИИ

Дарья Александровна Мамина¹✉,
Владимир Иванович Мареев², Рашид Думаличевич Хунагов³

¹Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия

¹dasha.mamina.96@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0001-8739-5129, AuthorID РИНЦ: 1060117

²mareev@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-1072-012X, AuthorID РИНЦ: 185237

³khunagov-rd@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8151-5206, AuthorID РИНЦ: 70383

Аннотация. Цель данного исследования заключается в выявлении барьеров, препятствующих социокультурной адаптации иностранных студентов в южно-российских вузах.

Методологическая база исследования основана на эмпирических данных, полученных в результате проведения социологического исследования среди иностранных обучающихся вузов Юга России. В процессе проведения исследования был применен метод анкетного опроса.

Результаты исследования. В последние годы международная студенческая мобильность значительно увеличивается, а Россия становится все более популярным направлением. При этом студенты из других стран сталкиваются с рядом проблем в процессе адаптации в новой социокультурной и образовательной среде. Анализ данных, полученных в результате проведенного социологического исследования, позволил выявить следующие барьеры социокультурной адаптации иностранных обучающихся в вузах Юга России: 1) языковой барьер; 2) трудности в принятии русской культуры, норм и правил поведения; 3) стереотипные представления и ложные ассоциации с российским государством и народом; 4) отношения между принимающим сообществом и иностранными студентами.

Перспективы исследования. Полученные в результате исследования данные могут быть в дальнейшем использованы при разработке методологических рекомендаций для преодоления трудностей в процессе социокультурной адаптации иностранных обучающихся в вузах Юга России.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, социокультурное пространство Юга России, студенческая мобильность, миграция, интеграция

Для цитирования: Мамина Д. А., Мареев В. И., Хунагов Р. Д. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в вузах Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 113–122. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-113-122>.

Original article

BARRIERS TO SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN UNIVERSITIES OF THE SOUTH OF RUSSIA

Darya A. Mamina¹✉, Vladimir I. Mareev², Rashid D. Khunagov³

¹*South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia*

²*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

³*Adyge State University, Maykop, Russia*

¹*dasha.mamina.96@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-8739-5129, AuthorID RSCI: 1060117*

²*mareev@sfnedu.ru, ORCID: 0000-0002-1072-012X, AuthorID RSCI: 185237*

³*khunagov-rd@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8151-5206, AuthorID RSCI: 70383*

Abstract. *The purpose of this study is to identify barriers hindering the socio-cultural adaptation of foreign students to South Russian universities.*

The methodology of the study is based on empirical data obtained as a result of a sociological study among foreign students in universities in the South of Russia. In the course of the research, the method of a questionnaire survey was applied.

Research results. *International student mobility has increased significantly in recent years, and Russia is becoming more and more popular destination. At the same time, students from other countries face a number of problems in the process of adaptation in a new socio-cultural and educational environment. The analysis of the data obtained as a result of the conducted sociological research revealed the following barriers to the socio-cultural adaptation of foreign students in the universities of the South of Russia: 1) the language barrier; 2) difficulties in accepting Russian culture, norms and rules of behavior; 3) stereotypes and false associations with the Russian state and people; 4) the relationship between the host community and international students.*

The prospect of the study. *The data obtained as a result of the study can be further used in the development of methodological recommendations for overcoming difficulties in the process of socio-cultural adaptation of foreign students in universities of the South of Russia.*

Keywords: *sociocultural adaptation, sociocultural space of the South of Russia, student mobility, migration, integration*

For citation: *Mamina D. A., Mareev V. I., Khunagov R. D. Barriers to socio-cultural adaptation of foreign students in universities of the South of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 113–122. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-113-122>.*

Введение. В последние три десятилетия международная студенческая мобильность стала наиболее активно развивающимся трендом, вовлекающим все большее число молодых студентов, желающих получить образование за рубежом. С каждым годом число студентов, выбирающих Российскую Федерацию для получения высшего образования, увеличивается, причем иностранцы отправляются на учебу не только в «центры высшего

образования» (Москва и Санкт-Петербург), но и активно выбирают вузы в регионах. В этом плане Юг России не исключение: значительное число иностранных студентов из стран Средней и Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южной Америки получают высшее образование в ростовских, калмыцких, краснодарских вузах.

Оказавшись в совершенно непривычной для себя социокультурной среде, иностран-

ные студенты сталкиваются с рядом проблем, препятствующих их адаптации в образовательном сообществе. В первую очередь трудности доставляет языковой барьер, сложности в восприятии и принятии новой культуры, отношение со стороны принимающего сообщества. В данном исследовании мы задались целью на основе исследования, проведенного сотрудниками Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, выявить барьеры, препятствующие социокультурной адаптации студентов-иностранцев в вузах Юга России, в частности в вузах Ростовской области.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- 1) рассмотреть международную студенческую мобильность в регионах Юга России;
- 2) проанализировать данные, полученные в результате исследования, и выделить барьеры социокультурной адаптации студентов-иностранцев.

Критический анализ литературы.

Вопросу адаптации иностранных студентов в образовательном и социокультурном пространстве принимающего сообщества уделяется значительное внимание в современной исследовательской среде. Российскими учеными рассматриваются факторы, способствующие/препятствующие адаптации иностранных обучающихся, особенности и региональная специфика адаптации студентов-иностранцев [6], а также различные типы адаптации (социокультурная, психологическая, психосоциальная, языковая и т. д.).

Значительный вклад в изучение проблемы адаптации иностранных обучающихся в российских вузах внесли А. Н. Ромеро, которая в своих исследованиях рассматривала проблемы социокультурной адаптации иностранных обучающихся в Астраханской области [5], О. В. Алдакимова, занимающаяся комплексным изучением проблемы адаптации иностранных студентов [1; 2], О. А. Береговая, С. С. Лопатина и Н. В. Отургашева, которые занимались исследованием барьеров социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах, в качестве примера ими в исследовании был взят г. Новосибирск [3]. Интересно также исследование, проведенное сотрудниками Кубанского государственного технического

университета среди студентов подготовительного факультета, показавшее основные трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты при первичной адаптации, а также особенности адаптации иностранных обучающихся [4].

Методологическая и эмпирическая база исследования. В период весна-лето 2021 года сотрудниками Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН было проведено исследование «Проблемы интеграции и адаптации иностранных студентов в российских вузах». Метод проведения исследования — анкетирование, тип выборки — многоступенчатая квотная. В опросе приняли 1095 иностранных студентов из нескольких регионов Юга России, в частности из Ростовской области.

Результаты исследования. В последние годы Россия становится все более популярной страной для получения высшего образования, российские дипломы для многих зарубежных работодателей, особенно в странах Африки, Ближнего Востока и Южной Америки являются гарантом высокого профессионализма и компетентности специалиста. Иностранные студенты, прибывающие в Россию, с первых дней сталкиваются с необходимостью адаптации в новой образовательной и социокультурной среде, некоторые с легкостью могут привыкнуть к новому укладу жизни, новому языку, традициям и обычаям, но значительная часть иностранцев сталкивается с трудностями адаптации в новом для себя сообществе. Именно изучению барьеров социокультурной адаптации иностранных студентов в южно-российских вузах и посвящена настоящая статья.

Под социокультурной адаптацией понимается процесс приспособления индивида к новой социокультурной среде, включающей новый образ жизни, нормы поведения, формы и способы коммуникации, ценности и традиции, принятые в данном обществе. Успешное освоение и принятие вышеперечисленных компонентов социокультурной среды иного общества способствуют быстрому включению иностранца в принимающее сообщество, в том числе и образовательное.

За последние годы численность иностранцев, приезжающих в Россию для получения образовательных услуг, значительно увеличилась. Так, если в 2014–2015 гг. число студентов из других стран, обучающихся в России, составляло 183 тыс. человек, то в 2019–2020 гг. это число возросло до 315 тыс. человек¹. Юг России, конечно, уступает по числу студентов-иностранцев столичным регионам, однако данные, полученные от приемных комиссий ведущих вузов Юга России, показывают, что в последнее время южное направление набирает популярность среди иностранцев. Регионом-лидером по числу иностранных обучающихся является Ростовская область, где обучаются около 10 тыс. иностранных студентов; среди вузов явным лидером является Южный федеральный университет, в который только в 2020 учебном году поступило около 6 тыс. заявок на обучение от иностранцев.

География студентов, прибывающих учиться в вузы Юга России, разнообразна и обширна: помимо студентов из стран СНГ, здесь обучаются граждане Китая, Кореи, Сирии, Ирака, Египта, Эквадора, Колумбии. Соответственно, такое страновое разнообразие говорит о культурном и языковом различии, которое наиболее заметно в самом начале обучения, когда иностранный студент оказывается в совершенно новой среде, где обучение ведется на другом языке, а языковые компетенции, как со стороны студента-иностранца, так и его однокурсников и преподавателей, становятся серьезным барьером на пути интеграции в российскую образовательную среду.

Иностранцам студентам приходится адаптироваться к новой языковой, социальной и культурной среде. В российских вузах развита практика привлечения иностранных студентов к различным активностям, в частности связанным с изучением российской истории и традиций. Однако зачастую этого бывает недостаточно, и некоторые студенты сами предпринимают попытки узнать больше информации о России и регионе пребывания, но случается и такое, что иностранные сту-

денты никак не могут влиться в новую среду, они сталкиваются с рядом социокультурных трудностей в адаптации к принимающему сообществу.

На основе данных, полученных в результате исследования, проведенного сотрудниками Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, постараемся выявить барьеры, препятствующие социокультурной адаптации иностранных студентов в вузах Юга России, в частности Донского региона.

Для начала необходимо сказать, что существенное значение в процессе адаптации иностранных обучающихся в любом принимающем сообществе имеет состояние межнациональных отношений. Благоприятная среда способствует социокультурной адаптации иностранных студентов, а напряженная — ведет к росту уровня конфликтности в обществе, затрудняет возможность быстрой и успешной адаптации к новой социокультурной среде.

Согласно данным, полученным в результате исследования, ситуация в сфере межнациональных отношений в вузах Юга России благоприятная, что говорит о готовности принять иностранных обучающихся в образовательное сообщество.

Необходимо отметить, что одна из главных трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты, прибывающие на учебу в Россию, — новая языковая среда. Действительно, незнание или недостаточный уровень владения русским языком препятствуют успешной адаптации и интеграции иностранца в российское общество, так как в таком случае иностранный студент не может нормально взаимодействовать с представителями принимающего сообщества, у него возникают трудности в образовательном процессе по той причине, что обучение проводится преимущественно на русском языке. Если говорить о студентах вузов Юга России, то получается следующая картина: большинство студентов (44,5 %) владеют русским языком хорошо, но иногда испытывают трудности в общении, при этом

¹ Рекордное количество иностранных студентов выбрали Россию в 2020 году [Электронный ресурс] / Официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов «Study in Russia». URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/>.

примечательно, что почти четверть опрошенных владеют только базовыми знаниями русского языка.

Подобную ситуацию можно объяснить, во-первых, тем, что иностранные обучающиеся не имеют достаточного времени для того, чтобы выучить русский язык на высоком уровне, во-вторых, многие иностранные студенты предпочитают общество своих соотечественников русским студентам, с кото-

рыми можно практиковать язык, поэтому они оказываются в состоянии «изоляции».

Помимо языкового барьера существенное влияние на успех социокультурной адаптации иностранных обучающихся оказывает знание культуры, традиций и обычаев принимающей страны. Действительно, в Россию приезжают студенты из разных стран мира с совершенно иной культурой, нормами морали и поведения. Неспособность или же нежелание понять

Таблица 1
Table 1

Ситуация в сфере межнациональных отношений в вузе в целом, %
The situation in the field of interethnic relations in the University in general, %

Как Вы оцениваете ситуацию в сфере межнациональных отношений в Вашем вузе в целом?	Валидный процент
Благополучная, дружеская	44,6
Спокойная обстановка	39,8
Напряженная, но прямых конфликтов нет	8,6
Конфликтная	1,9
Затрудняюсь ответить	5,1

Таблица 2
Table 2

В какой степени Вы владеете русским языком?
To what extent do you speak Russian?

Как Вы считаете, в какой степени Вы владеете русским языком?	Валидный процент
Владею свободно, не испытывая трудностей в общении	28,7
Владею хорошо, но иногда бывают трудности в общении	44,5
Владею только базовыми знаниями, часто бывают трудности в общении	23
Затрудняюсь ответить	3,8

Таблица 3
Table 3

Степень знакомства с русской культурой, традициями и историей, %
Familiarity with Russian culture, traditions and history, %

На Ваш взгляд, насколько хорошо Вы знакомы с русской культурой, обычаями, традициями и историей страны?	Валидный процент
Отлично знаком, знаю все основные традиции и обычаи	22,2
Хорошо знаком, но мне ещё нужно многое изучить	51,1
Я очень мало знаю о культуре и истории России	23,7
Затрудняюсь ответить	3

и принять новую культуру могут породить серьезные трудности в процессе адаптации к новой среде и взаимодействия с представителями принимающего сообщества.

Данные проведенного исследования показывают, что больше половины респондентов (51,1%) хорошо знакомы с русской культурой и историей страны, но при этом им еще необходимо многое изучить, 23,7% опрошенных очень мало осведомлены о культуре и истории России. Трудности в знакомстве и понимании русской культуры, обычаев и традиций можно объяснить тем, что рассматриваемый регион (Юг России) характеризуется широким разнообразием народов и культур, а также недостатком мероприятий, раскрывающих особенности русской культуры. Исследование также показало, что большинство иностранных студентов (61,2%) изъявляют желание узнать больше о культуре и истории России.

Вследствие переезда в другую страну для иностранца изменяется практически все: новая пища, новые нормы поведения, особенности коммуникации, специфика региона проживания, новая среда для жизни и обучения, новый круг общения. Несомненно, огромное влияние на процесс адаптации иностранных обучающихся оказывает отношение с принимающим сообществом, желание/нежелание взаимодействовать с сокурсниками, преподавателями и заводить друзей или знакомых среди российских граждан. Достаточно часто происходит так, что иностранные студенты «сбиваются» в группы со своими соотечественниками и мало взаимодействуют с представителями других наций. В результате языковой и культурный барьеры не исчезают, адаптация в принимающем со-

обществе происходит медленно и со значительными сложностями.

Опрос студентов-иностранцев на Юге России показал, что в большинстве своем они действительно предпочитают общаться со своими соотечественниками (72%), однако с русскими студентами на постоянной основе общается половина респондентов, при этом стоит отметить, что изредка с русскими студентами общаются 37,8% опрошенных. Полученные данные свидетельствуют о следующем: несмотря на то, что в общении иностранные обучающиеся предпочитают общаться со студентами из своей страны, при этом они также стремятся к общению с русскими студентами. Следовательно, постепенно круг общения студентов-иностранцев на Юге России расширяется, в него вовлекаются представители принимающего сообщества, что в свою очередь способствует адаптации иностранных обучающихся.

Хотелось бы отметить, что немаловажное значение в процессе адаптации имеет восприятие российского общества и имеющиеся стереотипы. Стереотипизация может выступать в качестве фактора, тормозящего и затрудняющего адаптацию иностранных студентов в том смысле, что, имея определенные представления о принимающем сообществе, иностранцы, во-первых, могут бояться вступить в коммуникацию с русскими сокурсниками, ожидая в ответ какую-либо холодность, предвзятость или даже агрессию. В результате, когда иностранный студент оказывается среди своих русских сокурсников, он либо не пытается вступить с ними в коммуникацию, либо находится в состоянии постоянного напряжения, поскольку опасается, что на него могут напасть или как-то

Таблица 4
Table 4

Частота общения с другими студентами, %
Frequency of communication with other students, %

Скажите, пожалуйста, насколько часто Вы общаетесь с другими студентами	Русские студенты	Студенты из моей страны
Общаюсь постоянно	50,00%	72,00%
Общаюсь изредка	37,80%	17,90%
Не общаюсь	8,10%	5,00%
Затрудняюсь ответить	4,10%	5,10%

оскорбить. Во-вторых, иностранные студенты могут выбрать неправильную модель поведения в российском обществе, а это может привести к тому, что они будут неправильно поняты и восприняты членами принимающего сообщества, соответственно, эти студенты будут испытывать значительные сложности в процессе общения, в образовательном процессе, и им придется перестраиваться под новые социокультурные реалии.

В целом исследование показывает, что большинство иностранных студентов (57,7%), приезжающих на территорию России, имеют с российским государством и народом отличные от реальности ассоциации и представления, что зачастую может иметь последствием нежелание иностранных студентов вступать в коммуникацию с их российскими сокурсниками, а также стремление к изоляционизму (преимущественное взаимодействие с соотечественниками или гражданами соседних государств).

В заключение необходимо сказать, что иностранные студенты в вузах Юга России сталкиваются с рядом разнообразных трудностей, препятствующих успешной социокультурной адаптации, что в свою очередь может привести к сложностям в процессе получения образования, взаимодействия с принимающим сообществом на бытовом и межличностном уровнях. Поэтому необходимо разрабатывать новые и улучшать имеющиеся программы по адаптации иностранных обучающихся с учетом проблем и трудностей, с которыми сталкиваются иностранные студенты в вузах Юга России.

Заключение. Таким образом, на основе анализа данных проведенного исследования

можно выделить ряд основных барьеров, которые препятствуют успешной социокультурной адаптации иностранных обучающихся на Юге России. Во-первых, отмечается наличие языкового барьера, который становится серьезным препятствием на пути адаптации в принимающем сообществе: возникают трудности в общении с русскими студентами, в образовательном процессе, так как иностранному студенту сложно заниматься учебной деятельностью на том же уровне, что и русские студенты.

Во-вторых, зачастую у иностранных студентов возникают серьезные трудности с принятием иной культуры, норм и правил поведения, особенно если иностранный обучающийся даже не имеет представления о том, что принято в российском обществе и как себя в нем правильно вести. Для многих культур, например, южноамериканских, свойственна непунктуальность, это может вызвать серьезные трудности как с учебой, так и в общении с друзьями и знакомыми. Бывают случаи, когда иностранные обучающиеся вообще не стремятся к познанию русской культуры и норм поведения, так как считают, что временное нахождение в России (на время обучения) их к этому не обязывает.

В-третьих, результатом языкового и культурного барьеров является изоляционизм, когда иностранные обучающиеся не стремятся коммуницировать с русскими сокурсниками, а предпочитают держаться обособленно или же взаимодействовать исключительно со своими соотечественниками, что приводит к тому, что иностранные студенты не ощущают связи с обществом, в котором они находятся, у них возникают сложности в плане бытовых и межличностных отношений. Ис-

Таблица 5
Table 5

**Изменение представлений иностранных студентов о России, %
Change in foreign students' perceptions of Russia, %**

Изменились ли Ваши представления о России за время Вашего проживания здесь?	Валидный процент
Да, изменились в лучшую сторону	57,7
Да, изменились в худшую сторону	8,7
Не изменились	23,9
Затрудняюсь ответить	9,7

следование показало, что 72% иностранных обучающихся предпочитают общение с соотечественниками, следовательно, имеется высокая вероятность усиления изоляционистских настроений в вузах Юга России.

В-четвертых, отношения между иностранными студентами и членами принимающего сообщества имеют огромное влияние на процесс успешной адаптации в этом сообществе. При этом хотелось бы отметить, что устоявшиеся стереотипы и неверные ассоциации, которые имеют иностранные обучающиеся о российском государстве и народе, могут оказать серьезное воздействие на поведение иностранного студента, а также вызвать трудности в процессе адаптации.

Несомненно, вузы Юга России разрабатывают различные методологические рекомендации и проводят мероприятия, направление на преодоление барьеров, которые мешают процессу социокультурной адаптации. Однако не всегда иностранные студенты бывают осведомлены о подобных мероприятиях, поэтому в вузах необходимо расширять сети взаимодействия между русским студенчеством и их иностранными сокурсниками.

Список источников

1. Алдакимова О. В. Функции социокультурной адаптации иностранных студентов к образовательной среде вуза / В сборнике: Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. Материалы XVII международной конференции. Под редакцией В. П. Галенко, Н. А. Лобанова. 2019. С. 11–14.

2. Алдакимова О. В., Волобуева Н. А., Костенко А. А. Анализ зарубежного опыта кросс-культурной адаптации иностранных студентов // Гуманитарный научный вестник. 2020. №5. С. 54–59.

3. Береговая О. А., Лопатина С. С., Отургашева Н. В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. Социологические науки. 2019. №2(38). С. 108–118.

4. Муха В. Н., Можяева Е. Ю., Лысенко А. И. Особенности первичной адаптации иностранных студентов в российском вузе (на примере КубГТУ) // Историческая и со-

циально-образовательная мысль. Социологические науки. 2018. Т. 10. №2/2. С. 120–126.

5. Ромеро А. Н. Некоторые проблемы социокультурной адаптации иностранного студенческого социума на юге Российской Федерации (г. Астрахань, АГТУ, ПФ для ИГ): проблемы. Поиски решения / В сборнике: Преподавание русского языка как иностранного в системе высшего образования на этапе предвузовской подготовки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Астрахань, 2020. 145 с.

6. Pyrkova K. V. Features of International Students' Adaptation (on the Basis of a Russian Higher Education Institution) // IEJME — Mathematics Education. 2016. Vol. 11. №4. Pp. 611–621.

References

1. Aldakimova O. V. Funkcii sociokul'turnoj adaptacii inostrannyh studentov k obrazovatel'noj srede vuza [The functions of the socio-cultural adaptation of foreign students to the educational environment of the university]. V sbornike: *Obrazovanie cherez vsju zhizn': nepreryvnoe obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitiya. Materialy XVII mezhdunarodnoj konferencii. Pod redakciej V. P. Galenko, N. A. Lobanova* [In the collection: Education throughout life: life-long education in the interests of sustainable development. Materials of the XVII International Conference. In V. P. Galenko, N. A. Lobanova (eds.)]. 2019: 11–14. (In Russ.).

2. Aldakimova O. V., Volobueva N. A., Kostenko A. A. Analiz zarubezhnogo opyta krosskul'turnoj adaptacii inostrannyh studentov [Analysis of foreign experience of cross-cultural adaptation of foreign students]. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik [Humanitarian scientific bulletin]*. 2020; (5): 54–59. (In Russ.).

3. Beregovaja O. A., Lopatina S. S., Oturgasheva N. V. Bar'ery sociokul'turnoj adaptacii inostrannyh studentov v rossijskih vuzah [Barriers to the sociocultural adaptation of foreign students in Russian universities]. *Perspektivy nauki i obrazovanija. Sociologicheskie nauki [Prospects for Science and Education. Sociological sciences]*. 2019; 2 (38): 108–118. (In Russ.).

4. Muha V. N., Mozhaeva E. Ju., Lysenko A. I. Osobennosti pervichnoj adaptacii inostrannyh studentov v rossijskom vuze (na primere KubGTU) [Features of the primary adapta-

tion of foreign students in a Russian university (on the example of KubSTU)]. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. Sociologicheskie nauki [Historical and socio-educational thought. Sociological sciences]*. 2018; 10(2/2): 120–126. (In Russ.).

5. Romero A.N. Nekotorye problemy sociokul'turnoj adaptacii inostrannogo studentcheskogo sociuma na jube Rossijskoj Federacii (g. Astrahan', AGTU, PF dlja IG): problema. Poiski reshenija [Some problems of socio-cultural adaptation of foreign student society in the south of the Russian Federation (Astrakhan, ASTU, PF for IG): problems. Search for a solu-

tion]. V sbornike: Prepodavanie russkogo jazyka kak inostrannogo v sisteme vysshego obrazovaniya na jetape predvuzovskoj podgotovki. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [In the collection: Teaching Russian as a foreign language in the system of higher education at the stage of pre-university training. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Astrahan', 2020. 145 p. (In Russ.).

6. Pyrkova K. V. Features of International Students' Adaptation (on the Basis of a Russian Higher Education Institution) // IEJME — Mathematics Education. 2016. Vol. 11. №4. Pp. 611–621.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted on 11.11.2021; approved after reviewing on 25.11.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мамина Дарья Александровна — младший научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Darya A. Mamina — Junior Researcher, South-Russian branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Мареев Владимир Иванович — доктор педагогических наук, профессор, советник ректора по развитию педагогического направления, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Vladimir I. Mareev — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Advisor to the Rector for the Development of Pedagogical Direction, Southern Federal University.

105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Хунагов Рашид Думаличевич — доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем, Адыгейский государственный университет.

Россия, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208

Rashid D. Khunagov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Research Institute for Complex Problems, Adyge State University.

208 Pervomayskaya st., Maikop, Russia

Вклад авторов:

Мамина Д. А. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Мареев В. И. — участие в разработке учебных программ; доработка текста; итоговые выводы.

Хунагов Р. Д. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Mamina D. A. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Mareev V. I. — participation in development of curricula and their implementation; follow-on version of the text; final conclusions.

Khunagov R. D. — revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 316.43
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-123-128

ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Ирина Анатольевна Петрулевич

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
iapetrulevich@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-8314-8857*

Аннотация. *Цель исследования:* рассмотреть сложившийся в России институт общественного контроля, определить степень его развития и установить перспективы и практическую полезность его изучения в предметном поле социологии.

Методологическая база. *Методологической основой исследования выступает не-оинституциональное понимание общественных институтов как нормативно закрепленных правил поведения, которым индивиды следуют, опираясь на наиболее рациональный и одобренный обществом выбор. В эмпирическую базу исследования вошли исследования, проведенные ВЦИОМ и Мониторингом состояния гражданского общества.*

Результаты исследования. *Институт общественного контроля, если рассмотреть его в плоскости социологической предметности, достаточно противоречив и требует серьезного научного осмысления. На эффективность его работы влияет готовность жителей России применять его инструменты на практике. На это, соответственно, оказывают влияние два фактора: прогнозируемая эффективность и общественное одобрение применяемых действий. Результаты исследования показывают, что прогнозируемая эффективность низка, так как население не принимает инструменты общественного контроля, а его неприятие отчасти связано с непопулярностью в общественном мнении людей с активной гражданской позицией.*

Перспективы исследования. *В дальнейшем планируется провести количественные и качественные эмпирические исследования, направленные на верификацию представленных данных. Формат — массовый анкетный опрос по репрезентативной всероссийской выборке, экспертные и глубинные интервью с гражданскими активистами и представителями государственной власти.*

Ключевые слова: *общественный контроль, гражданское общество, общественное мнение, общественные организации, доверие к власти*

Для цитирования: *Петрулевич И. А. Институт общественного контроля в современной России: перспективы социологического изучения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 123–128. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-123-128>.*

Original article

THE INSTITUTE OF SOCIAL CONTROL IN CONTEMPORARY RUSSIA: SOCIOLOGICAL RESEARCH PROSPECTS

Irina A. Petrulevich

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
iapetrulevich@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-8314-8857*

Abstract. *The purpose of the study: to examine the institution of social control that has emerged in Russia, to determine the degree of its development and to establish the prospects and practical benefits of its study in the subject field of sociology.*

The methodological basis of the research. *The methodological basis of the study is the neo-institutional understanding of social institutions as normatively fixed rules of behavior that individuals follow, based on the most rational and socially approved choices. The empirical basis of the study included research conducted by VCIOM and the Monitoring of the State of Civil Society.*

Research results. *The institution of social control, if we consider it in the plane of sociological subject matter, is quite contradictory and requires serious scientific understanding. The effectiveness of its work is influenced by the readiness of Russian residents to apply its tools in practice. This, accordingly, is influenced by two factors: predicted effectiveness and public approval of the applied actions. The results of the study show that the predicted effectiveness is low, as the population does not approve of public control instruments, and its low approval is associated with unpopularity in public opinion of people with an active civic position and public organizations.*

Prospects of the study. *Quantitative and qualitative empirical research aimed at verifying the data presented will be conducted in the future. The format is a mass questionnaire survey on a representative all-Russian sample, expert and in-depth interviews with civic activists and officials.*

Keywords: *Public control, civil society, public opinion, public organizations, trust in government*

For citation: *Petrulevich I.A. The institute of social control in contemporary Russia: sociological research prospects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 123–128. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-123-128>.*

Введение. Институт общественного контроля и степень его развития детерминируется, в первую очередь, правовой культурой, определяющей принципы и границы правового поведения [2]. Если смотреть на институт гражданского контроля через призму социологической предметности, то можно прийти к выводу о том, что устоявшиеся правовые практики диктуют правовое поведение индивидов. Из этого следует, что применение инструментов социологической науки для осмысления паттернов взаимодействия россиян в правовом поле позволит не только выявить

его особенности, но и определить препятствия, не позволяющие этому институту получить серьезное развитие в Российской Федерации. В рамках этой работы мы предпримем попытку рассмотреть сложившийся в России институт общественного контроля, определить степень его развития и установить перспективность и практическую пользу от его изучения в предметном поле социологии.

Начнем с анализа научного дискурса, представленного публикациями об институте общественного контроля в России. Очевидным является то, что он, являясь юридичес-

ким термином, пришедшим из ФЗ-212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», наиболее часто становится объектом исследования в юридических науках. Общественный контроль рассматривается как элемент гражданского общества [1], классифицируется по видам [6] и анализируется с точки зрения перспектив его развития [3]. Достойными упоминания являются работы Т. Н. Михеевой и Д. С. Михеева, посвященные формам общественного контроля [5] и законодательным способам его совершенствования [4]. Анализ научной литературы приводит нас к выводу о том, что общественный контроль находится, в основном, в поле юридических наук, а попытки его социологического осмысления при помощи эмпирических исследований применяются редко. В рамках этой работы мы предпримем попытку подготовить фундамент для социологического изучения общественного контроля в Российской Федерации.

Методология. Мы будем опираться на неоинституциональное понимание общественных институтов. Оно подразумевает трактовку институтов как нормативно закреплённых правил поведения, которым индивиды следуют, опираясь на наиболее рациональный и, как это часто бывает на практике, одобренный обществом выбор. В контексте общественного контроля это работает следующим образом: применение россиянами инструментов общественного контроля зависит от того, воспринимают ли они их как эффективные и допустимые. Эффективность напрямую связана с вероятностью успеха совершаемого актором действия, а социальное одобрение в свою очередь – с инстинктивной боязнью нарушить сложившиеся общественные (правовые) нормы. Таким образом, мы будем рассматривать общественный контроль со стороны рационального выбора индивидов, а основными индикаторами оценки будут выступать предполагаемая (субъективно прогнозируемая акторами) эффективность и принятие этого института с позиции социального одобрения. В этой работе, опираясь

на труды исследователей, посвященных общественному контролю, мы сформулируем гипотезу, которая ляжет в основу количественных и качественных эмпирических социологических исследований, направленных на выявление эффективности института общественного контроля в современной России.

В эмпирическую базу исследования вошли исследования, проведенные ВЦИОМ и Мониторингом состояния гражданского общества.

Результаты. В современной России наблюдается достаточно интересная ситуация, когда общественный запрос на общественный контроль за работой органов власти высок как никогда, но, с другой стороны, фактическая работа в этом направлении носит неудовлетворительный характер. Согласно социологическому опросу Всероссийского центра исследования общественного мнения (далее ВЦИОМ), проведенному в 2021 году, 72% россиян полагают, что следует усилить контроль граждан и их объединений за выполнением органами власти своих обязательств¹.

Высокий запрос общества на контроль за работой власти свидетельствует о неудовлетворенности граждан ее результативностью, а этот запрос, в свою очередь, должен конвертироваться в реальные действия со стороны социальных акторов, если инструменты и практики, созданные институтом общественного контроля, приносят реальные результаты. Однако реальная ситуация, сложившаяся в отечественной социальной реальности, говорит о том, что инструменты общественного контроля не только неэффективны, но и не востребованы обществом. Объяснить это можно следующим образом: общественный контроль по замыслу должен осуществляться сегментами гражданского общества и быть результатом прямой инициативы граждан, а также деятельности общественных организаций. При этом согласно исследованиям, проведенным ВЦИОМ, 13% жителей России считают, что общественные организации пользы не приносят, а 49% ничего о них не

¹ Большинство россиян выступают за усиление общественного контроля за властями [Электронный ресурс]/ Интерфакс Россия. URL: https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/bolshinstvo-rossiyan-vystupayut-za-usilenie-obshchestvennogo-kontrolya-za-vlastyami?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

знают. 85% граждан считают, что общественные организации должны стать объектом поддержки государства². Таким образом, общественный контроль, исходящий от сегментов гражданского общества, не воспринимается населением как эффективный из-за простой логики: «Если общественные организации поддерживаются государством, то они не смогут контролировать его работу». Иными словами, важность общественных организаций для россиян низка, и их нельзя считать акторами, имеющими потенциал осуществления эффективного общественного контроля.

Если говорить об общественном контроле, непосредственно иницируемом гражданами, то здесь препятствием выступает высокая степень недоверия органам власти.

Россияне часто считают, что государство существует не для того, чтобы делать жизнь людей лучше и поддерживать их, а для того, чтобы их контролировать. Исследования ВЦИОМ демонстрируют отрицательную динамику рейтингов доверия политикам³, что в свою очередь, может быть интерпретировано как недоверие институтам власти как таковым. Столь низкое и постоянно снижающееся доверие означает, что готовность пользоваться инструментами, предоставленными властью для контроля самой власти, будет низка, что и наблюдается в реальной практике применения общественного контроля в России. Таким образом, институт общественного контроля полагается на инструменты и механизмы, подготовленные представителями власти, которые по замыслу граждане и общественные организации должны применять для осуществления контроля над ними. При этом недоверие к чиновникам и представителям власти детерминирует непопулярность этих инструментов.

Следующий фактор, оказывающий влияние на готовность населения применять инструменты общественного контроля на практике, напрямую вытекает из предыдущего и

связан с общественным одобрением. Согласно исследованию, проведенному «Мониторингом состояния гражданского общества», 38% респондентов сказало, что быть социально активным человеком в России скорее трудно, а 27% заявили о том, что это безусловно трудно. К людям с активной гражданской позицией относятся скорее неодобрительно в 40% случаев. Самыми главными проблемами, стоящими перед ними, выступают неверие в возможность оказывать влияние на принятие решений (38%) и индивидуализм (идеология «каждый за себя») (33%)⁴.

Обсуждение. Таким образом, постоянно снижающееся доверие населения к институтам власти и всем инициативам, проявляемым ей, вкупе с непопулярностью общественной активности и низкой социально-политической потенциальностью общественных организаций позволяет прийти к выводу о том, что институт общественного контроля в России работает неэффективно, сталкивается с проблемами и препятствиями, не позволяющими ему приобрести популярность у значимых социальных акторов. Мы считаем, что основной причиной является диссонанс реальных управленческих практик, наблюдаемых в органах власти, и того образа, который они хотят создать. Современная власть в России стремится к вертикализации и консолидации капиталов в своем портфеле, но пытается позиционировать себя как открытую, современную, демократическую и опирающуюся на верховенство права. Для поддержания этого образа, предположительно, и был институционализирован общественный контроль. Фактически это привело к распространению формализованных и малоприменимых на практике инструментов контроля за собственной деятельностью. Очевидно, что в ситуации, когда население воспринимает работу Правительства как антинародную (пенсионная реформа, рост цен, коллапс медицинской системы, принуждение к вакцинации), не стоит рассчитывать на

2 Страна равнодушных. [Электронный ресурс] / ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-neravnodushnykh>.

3 Доверие политикам [Электронный ресурс] / ВЦИОМ Новости. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/>.

4 Общественная активность россиян [Электронный ресурс] / Мониторинг состояния гражданского общества. URL: <https://www.hse.ru/monitoring/mcs/informmcs>.

то, что россияне начнут активно пользоваться инструментами, направленными на контроль над властью, применяющей все силы для укрепления собственного положения и поддержания статуса-кво.

Выводы. Как видно из вышеописанного, институт общественного контроля, если рассмотреть его в плоскости социологической предметности, достаточно противоречив и требует серьезного научного осмысления. В рамках этой статьи мы попытались привести аргументы, говорящие в пользу высокой научной актуальности изучения этого института именно с позиции социологической науки. Юридические науки, хоть и позволяют глубоко понять проблемы и препятствия правоприменения общественного контроля, не дают возможности проанализировать мотивы, определяющие социальное поведение россиян, стоящих перед выбором «применять инструменты общественного контроля или нет?». В этой ситуации необходимо понять, какие именно проблемы видит население и как их можно решить. Для этого мы планируем провести количественные и качественные исследования, направленные на выявление отношения к этому институту, анализ рисков и других факторов, влияющих на готовность индивидов прибегать к общественному контролю над работой органов власти в современной России.

Список источников

1. Казаков В. Н., Евсиков К. С., Беляткина К. А. Институт общественного контроля в Российской Федерации как элемент гражданского общества // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. №3-2.

2. Константинова Е. В. Правовая культура субъектов общественного контроля в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. №4.

3. Матвеева Е. В., Митин А. А., Алагоз А. В. Институт общественного контроля в региональном политическом пространстве: современное состояние и перспективы развития // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. №43.

4. Михеев Д. С. К вопросу о формах общественного контроля // Вестник Марийс-

кого государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. №1(13).

5. Михеева Т. Н. Законодательное совершенствование общественного контроля // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. №1(9).

6. Рыбкина К. В. Общественный контроль: виды и значение // Отечественная юриспруденция. 2018. №1(26).

References

1. Kazakov V. N., Evsikov K. S., Beljatkina K. A. Institut obshhestvennogo kontrolja v Rossijskoj Federacii kak jelement grazhdanskogo obshhestva [Institute of public control in the Russian Federation as an element of civil society]. *Izvestija TulGU. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki* [Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences]. 2017; (3-2). (In Russ.).

2. Konstantinova E. V. Pravovaja kul'tura sub'ektov obshhestvennogo kontrolja v Rossii [Legal culture of subjects of public control in Russia]. *Pravovaja politika i pravovaja zhizn'* [Legal policy and legal life]. 2019; (4). (In Russ.).

3. Matveeva E. V., Mitin A. A., Alagoz A. V. Institut obshhestvennogo kontrolja v regional'nom politicheskom prostranstve: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiija [Institute of public control in the regional political space: the current state and prospects for development]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2018; (43). (In Russ.).

4. Miheev D. S. K voprosu o formah obshhestvennogo kontrolja [To the question of the forms of social control]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki»* [Bulletin of Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»]. 2018. №1(13). (In Russ.).

5. Miheeva T. N. Zakonodatel'noe sovershenstvovanie obshhestvennogo kontrolja [Legislative improvement of public control]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta.*

Serija «Istoricheskie nauki. Juridicheskie nauki»
[Bulletin of Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»]. 2017; 1(9).
(In Russ.).

6. Rybkina K. V. *Obshhestvennyj kontrol': vidy i znachenie* [Public control: types and meaning]. *Otechestvennaja jurisprudencija* [Domestic jurisprudence]. 2018; 1(26). (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 26.12.2021.

The article was submitted on 24.12.2021; approved after reviewing on 25.12.2021; accepted for publication on 26.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Петрулевич Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Irina A. Petrulevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

105/42 B. Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья
УДК 316.44
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-129-140

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРОБЛЕМ И БАРЬЕРОВ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС

Тамара Керимовна Ростовская^{1✉}, Елена Евгеньевна Письменная²

^{1,2}Институт демографических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

¹rostovskaya.tamara@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-1629-7780,

AuthorID РИНЦ: 767943, Scopus Author ID: 57192987864

²nikitar@list.ru, ORCID: 0000-0002-0401-2071,

AuthorID РИНЦ: 124770, Scopus Author ID: 8731444800

Аннотация. *Цель исследования:* выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации в целом и в условиях коронавирусной инфекции в частности.

Методологическую основу исследования составили концептуальные подходы социологии образования в области формирования и развития академической мобильности. Методом экспертного опроса специалистов, отвечающих за реализацию научно-образовательной политики в образовательных и научных организациях, собраны экспертные оценки о проблемах и барьерах развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации.

Результаты исследования. В статье представлен анализ Всероссийского социологического исследования «Выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации». Использование метода экспертного опроса специалистов по научно-образовательной политике в шести федеральных округах Российской Федерации: Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском — позволило выявить проблемы и сформулировать меры регулирования академической мобильности молодых ученых на различных уровнях.

Ключевые слова: академическая мобильность молодых ученых, проблемы и барьеры развития академической мобильности, эксперты по научно-образовательной политике

Для цитирования: Ростовская Т. К., Письменная Е. Е. Выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации: экспертный опрос // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 129–140. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-129-140>.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-29-15043МК.

Original article

IDENTIFICATION OF PROBLEMS AND BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF ACADEMIC MOBILITY OF YOUNG SCIENTISTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: EXPERT SURVEY

Tamara K. Rostovskaya^{1✉}, Elena E. Pismennaya²

^{1,2}*Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Financial University under the Government of the Russia, Moscow, Russia*

¹*rostovskaya.tamara@mail.ru ✉, ORCID: 0000-0002-1629-7780,*

AuthorID RSCI: 767943, Scopus Author ID: 57192987864

²*nikitar@list.ru, ORCID: 0000-0002-0401-2071,*

AuthorID RSCI: 124770, Scopus Author ID: 8731444800

Annotation. *The purpose of the study:* to identify problems and barriers to the development of academic mobility of young scientists of the Russian Federation in general, and in the conditions of coronavirus infection in particular.

The methodological basis of the study was the conceptual approaches of the sociology of education in the field of formation and development of academic mobility. By the method of expert survey of specialists responsible for the implementation of scientific and educational policy in educational and scientific organizations, expert assessments on the problems and barriers to the development of academic mobility of young scientists of the Russian Federation have been collected.

The results of the study. The article presents an analysis of the All-Russian sociological study «Identification of problems and barriers to the development of academic mobility of young scientists of the Russian Federation». Using the method of expert survey of specialists in scientific and educational policy in six federal districts of the Russian Federation: Central, Northwestern, Southern, North Caucasian, Ural and Siberian, allowed to identify problems and formulate measures to improve the regulatory legal regulation of academic mobility of young scientists at various levels.

Keywords: *academic mobility of young scientists, problems and barriers to the development of academic mobility, experts on scientific and educational policy*

For citation: Rostovskaya T. K., Pismennaya E. E. Identification of problems and barriers to the development of academic mobility of young scientists of the Russian Federation: expert survey // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 129–140. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-129-140>.

Acknowledgments: *The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project №18-29-15043MK.*

Введение. В последние годы наука вышла в ранг ключевых национальных приоритетов. Для ее поддержки и развития был создан отдельный национальный проект. По результатам реализации нацпроекта «Наука», рассчитанного на 2019–2024 годы, Россия должна войти в пятерку мировых

научных лидеров по приоритетным направлениям, уменьшить отток ученых за границу и повысить привлекательность мест работы для иностранных ученых. Для того чтобы совершить технологический рывок и дать мощную поддержку науке на федеральном уровне, принято решение о про-

ведении в 2021 году в России Года науки и технологий.

Задача Года науки — привлечь талантливую молодежь в сферу науки и технологий, повысить вовлеченность профессионального сообщества в реализацию Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, а также сформировать у граждан нашей страны четкое представление о реализуемых сегодня государством и бизнесом инициативах в области науки и технологий.

В условиях глобализации российские системы образования и науки стали более открытыми миру и контактам с зарубежными партнерами. В этой связи следует отметить роль академической мобильности как важнейшего фактора формирования и развития мирового научно-образовательного пространства [1; 2; 3]. Анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации показал, что эффективная система мер, направленных на государственную поддержку академической мобильности молодых ученых, до настоящего времени не создана, поддержка носит несистемный или эпизодический характер. На развитие академической мобильности оказывает влияние целый ряд законодательных барьеров и ограничений. Также отрицательно повлияла на развитие академической мобильности молодых ученых работа российских университетов в период карантина и в постпандемический период. Пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на ситуацию в высшем образовании во всем мире, поскольку большинство университетов не работали в результате карантинных ограничений, а страны закрыли свои границы.

Следует согласиться с авторской позицией в том, что сегодня необходимо принимать оперативные, конструктивные решения, способствующие росту академической мобильности молодых ученых Российской Федерации [4].

В этой связи актуальными являются результаты авторского социологического исследования, проведенного методом экспертного опроса 56 специалистов по научно-образовательной политике в шести федеральных округах с целью выявления проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации.

Результаты исследования. В статье представлены результаты Всероссийского социологического исследования «Выявление проблем и барьеров развития академической мобильности молодых ученых Российской Федерации», проведенного с апреля по июль 2021 года, исследовательским коллективом под руководством доктора социологических наук, профессора Т.К. Ростовской.

Исследование было проведено с апреля по июль 2021 года методом экспертного опроса 56 специалистов по научно-образовательной политике в шести федеральных округах Российской Федерации: Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Уральском и Сибирском.

Поиск респондентов для проведения экспертного опроса осуществлялся по следующим критериям: наличие высшего образования и пребывание в занимаемой должности не менее года. Разработанный инструментарий — гайд бланка полуформализованного интервью — включает в себя 12 вопросов, которые условно можно разделить на четыре блока: 1) оценка роли академической мобильности в научно-образовательной политике Российской Федерации и ее масштабов; 2) мотивы, проблемы и степень влияния мобильности на активность научной деятельности молодых ученых; 3) меры совершенствования нормативно-правового регулирования академической мобильности молодых ученых на различных уровнях; 4) влияние пандемии на данный вид мобильности молодых ученых. Для представления результатов выбран способ дословного воспроизведения высказываний респондентов.

Анализ исследования позволил констатировать, что существует региональное различие в части реализации программ академической мобильности молодых ученых. Так, 2/3 экспертов при ответе на первый вопрос «Какова, на Ваш взгляд, роль академической мобильности молодых ученых в научно-образовательной политике Российской Федерации?» считает, что эта роль «очень большая» и «большая», при этом 1/3 часть опрошенных определяют ее «низкой» и «очень низкой».

При ответе на второй вопрос «Сколько человек у вас в вузе, научной организации было охвачено программами академической мобильности молодых ученых за последние

3 года?» эксперты в своих представлениях разделились ровно на две группы: на тех, кто смог назвать примерные цифры, и тех, кто затруднился ответить на этот вопрос или отметил ноль участников. При этом можно выделить существенное различие между региональными и столичными высшими образовательными учреждениями. Так, представители столичных вузов указали диапазон цифр в границах от 6 до 200 человек или отвечали «довольно много» по участникам программ академической мобильности: «Аспиранты, ППС имеют возможность участия в программах академической мобильности, главным образом, в форме посещения и прохождения международных конференций и семинаров, а также участия в международных проектах типа Erasmus+. Конечно, многое зависит от активности кафедр и самого ученого». Представители же региональных вузов чаще всего отмечают, что таких людей у них за последние три года не было совсем. Особняком из региональных вузов стоит только Новосибирский государ-

ственный университет: «По всем программам академической мобильности приняли участие более 150 преподавателей и студентов вуза. Считается, что ФИЯ является ведущим факультетом в области программ академической мобильности (на факультете около 50 преподавателей и студентов выезжали по программам академической мобильности). Пандемия резко сократила возможности мобильности, однако продолжают приезжать студенты из Казахстана. Конкретно по программам академической мобильности молодых ученых сказать сложно, в вузе не более 35–40».

При этом представители экспертного научного сообщества отмечают ряд проблем развития академической мобильности молодых ученых в своих вузах. Если расположить их по частоте упоминания, то получится следующий рейтинг (см. табл. 1).

Как видно из представленных в таблице данных, больше всего волнует экспертов «отсутствие финансовых средств на реализацию академической мобильности». На это

Таблица 1
 Table 1

Рейтинг проблем развития академической мобильности молодых ученых, по мнению экспертов в высших учебных заведениях России
Rating of problems of development of academic mobility of young scientists, according to experts in higher educational institutions of Russia

Место по частоте упоминания	Проблемы развития академической мобильности молодых ученых в своих вузах	Частота ответов
1 место	Отсутствие финансовых средств на реализацию академической мобильности	40
2 место	Отсутствие мотивации у молодых ученых	19
	Отсутствие опыта организации академической мобильности у молодых ученых	17
	Отсутствие опыта организации академической мобильности в структурных подразделениях вуза	17
3 место	Бюрократия в вузе по организации академической мобильности	13
	Отсутствие соглашений между партнерскими организациями за рубежом	13
	Отсутствие информации о программах академической мобильности	12
4 место	Проблемы с публикацией результатов	8
	Бюрократия в вузе, научной организации по сдаче отчетности	8
	Отсутствие соглашений между учебными и научными организациями	7

указывают 2/3 респондентов. Вторая проблема по частоте упоминания связана с отсутствием мотивации у молодых ученых и отсутствием опыта организации академической мобильности у самих молодых ученых и в структурных подразделениях вуза. Третье место среди актуальных проблем развития академической мобильности молодых ученых, по мнению экспертов, разделили по частоте упоминания бюрократия в вузе по организации академической мобильности и отсутствие соглашений между партнерскими организациями за рубежом. Отсутствие информации о программах академической мобильности также волнует экспертов и занимает устойчивое 3 место в данном рейтинге. В меньшей степени но все же вызывают беспокойство проблемы с публикацией результатов, бюрократия по сдаче отчетности. На отсутствие соглашений между учебными и научными организациями указывают в основном представители экспертного сообщества из региональных вузов.

Среди прочего эксперты указали следующие проблемы: «отсутствие необходимой нормативно-правовой базы», «отсутствие молодых ученых», «внешнеполитическая и санитарно-эпидемиологическая ситуации», «языковые барьеры». Отметим эксперты и такую проблему, как сложности в обучении по основной программе или работе в вузе: *«Отрыв от работы или учебы, объем заданий, которые надо выполнить, здесь не уменьшается. Это серьезная проблема как для студентов, так и для преподавателей. Съездил на конференцию, там отработал, а пары если пропали — необходимо их вернуть»*. При этом респонденты отмечают, что существует *«достаточно большой информационный фон, и как следствие — возникают сложности с поиском нужной информации»*, *«большинство программ нацелено на членов Евросоюза, что сокращает возможности»*. Существует и отраслевая специфика высшего образовательного учреждения, которая, по мнению экспертов, определяет мобильность и интерес партнеров: *«специфика вуза (пед. образование), географическое положение региона»* и *«ограниченное количество тем, в рамках которых возможно реализовать потенциал обучающихся педагогического направления подготовки»*.

При ответе на вопрос «В какой степени мобильность влияет на активность научной деятельности молодых ученых?» мнения экспертов также разделились: одни эксперты отмечают, что *«не способствует, вредит для данной организации, так как мобильность подталкивает к смене места жительства и работодателя»*, или говорят, что *«прямой связи нет, но в определенной степени мобильность стимулирует публикационную активность»*.

Другие, напротив, считают, что мобильность способствует *«развитию научных связей и контактов»*, *«созданию совместных проектов, публикаций»*, а также *«увеличению активности, в том числе академического туризма»*, *«из 10 — 10 баллов, научная деятельность возрастает»*.

При этом представители региональных вузов отметили, что академическая мобильность *«повышает мотивацию в научной деятельности»*, *«мотивирует участие молодых ученых в научных исследованиях, в том числе междисциплинарных»*, благодаря чему, на их взгляд, *«происходит обмен идеями и знаниями, ученые знакомятся с лучшими практиками»*, *«позволяет в дальнейшем развиваться и сотрудничать»*.

«Молодые ученые, участвующие в программах мобильности, показывают высокие результаты в научной деятельности (хотя возможна противоположная причинно-следственная связь), как правило, в программах международной мобильности охотно и успешно участвуют высокомотивированные и успешные в своей научной области молодые профессионалы».

«Возможность академической мобильности является одним из ключевых условий для активизации научной деятельности молодых ученых, т.к. она позволяет построить новые научные связи, улучшить качество применяемых методов и разнообразить подходы, получить научный опыт от зарубежных коллег в условиях постоянно меняющегося мира, а также в целом повысить интеллектуальный потенциал научных кадров».

«Значительно мотивирует. Иностранцы обладают более открытым менталитетом и большей заинтересованностью, само общение с ними способно мотивировать на повышение научной активности».

«Активирует мотивацию овладения новыми методами исследования, расширяет взаимодействие с коллегами других вузов, исследовательских центров, партнеров, производственных площадок, позволяет проводить работу совместно с зарубежными коллегами, совместно искать новые пути решения научных проблем».

«Мобильность мотивирует молодых ученых на проведение дальнейших исследований, повышает их активность и стремление в приобретении лингвистических компетенций, навыков кросс-культурной коммуникации».

«Международная мобильность и мобильность в пределах страны в очном формате по теме научного исследования — это одна из основных мотиваций к продолжению обучения на других степенях, таких как магистратура и аспирантура».

«Опыт участия в программах мобильности позволяет изучить опыт, сформировать источниковую базу исследования, способствует расширению кругозора и налаживанию научных контактов».

«Влияние оказывается в значительной степени, так как это способствует обмену лучшими практиками, позиционированию молодых ученых в международном научном и академическом пространстве».

Однако определенная доля скептицизма в высказываниях экспертов прослеживается, и они либо затрудняются отвечать на этот вопрос, либо указывают на то, что многие мо-

лодые ученые, которые занимаются научной деятельностью, «не имеют свободного времени на участие в таких программах, а участники не всегда показывают результат после прохождения. Тем не менее, молодые ученые, участвующие в данной деятельности, заинтересованы в своем развитии как личности и как ученого». Было высказано мнение, что в молодом возрасте тяжело совместить научную деятельность и семейную и человек всегда стоит перед выбором: «Чтобы он что-то делал, нужно время, которое в молодом возрасте не хочется тратить на науку. У молодых ученых выбор: или семья, или наука, поэтому чаще в науку идут те, кто не смог выстроить семейные отношения или расстался или расстанется, если будет заниматься наукой, исходя из примеров, которые на глазах».

По результатам экспертного интервью был составлен рейтинг основных мотивов академической мобильности молодых ученых (см. табл. 2). Как видно из таблицы, самый популярный ответ — «совместная работа над научно-исследовательским проектом с зарубежными партнерами» — его отметили практически все эксперты.

«Установление научных связей» — второй по популярности мотив, а такой мотив, как «расширение научного кругозора», по частоте ответов можно поставить на третье место в экспертном рейтинге. При этом мотивы «знакомство и работа на объектах исследовательской инфраструктуры» и «изу-

Таблица 2
Table 2

Рейтинг основных мотивов академической мобильности российских молодых ученых, по мнению экспертов
Rating of the main motives of academic mobility of Russian young scientists, according to experts

Место по частоте упоминания	Мотивы академической мобильности молодых ученых	Частота ответов
1 место	Совместная работа над научно-исследовательским проектом с зарубежными партнерами	41
2 место	Установление научных связей	37
3 место	Расширение научного кругозора	34
4 место	Знакомство и работа на объектах исследовательской инфраструктуры	25
5 место	Изучение возможности уехать работать за рубеж в перспективе	24

чение возможности уехать работать за рубеж в перспективе» также набрали достаточное количество голосов — каждый второй эксперт указал на эти мотивы, что, на наш взгляд, не может не вызывать опасения и может стать предметом отдельного изучения.

При ответе на вопрос «Что необходимо сделать для развития академической мобильности молодых ученых в Вашем вузе, научной организации?» эксперты указывают на необходимость повышения информированности и снижения бюрократии в вузе, создания понятной и логичной структуры в вузе, консолидации информации о возможностях через существующие партнерства, а также расширение партнерства в данной сфере, создание прозрачной системы отъезда и возвращения ученых, регулярное и устойчивое финансирование научной деятельности в России.

«Активная подача заявок на соискание грантов для осуществления мобильности, курсы английского языка для молодых ученых».

«Сделать доступной информацию о возможностях академической мобильности молодых ученых. Увеличить активность публикаций и выездов на международные конференции за счет стимуляционных выплат для активных молодых ученых. Сформировать площадку для обучения и помощи с поиском организаций, участвующих в академической мобильности, и оформлением соответствующих документов».

«Подписать соглашения между партнерскими организациями за рубежом, финансирование реализации академической мобильности».

«Проведение языковых школ, научных стажировок».

«Необходимо предавать еще большей огласке возможности академической мобильности университета».

«Создать систему внутренних грантов на покрытие расходов, связанных с мобильностью молодых ученых. Усовершенствовать жилищный фонд для размещения приглашенных молодых ученых».

«Формирование системы финансовой поддержки мобильности молодых ученых».

«Увеличить финансирование, материальную составляющую, в том числе путем поддержки филиалов головной организацией, пробовать использовать механизмы грантовой поддержки».

«Для начала необходима заинтересованность руководства и структурных подразделений, затем разработка необходимых документов, поиск вузов-партнеров, подписание соглашений и т. д.».

«Постоянно доводить до людей информацию и потенциальные перспективы».

«Сформировать программу академической мобильности и подкрепить ее финансовой, информационной компонентами».

«Расширение спектра направлений, по которым с зарубежными университетами и научными организациями заключаются договоры о партнерстве».

«Информационная политика должна быть более широкой и доступной. Разработка новых образовательных программ по обмену. Повышение мотивированности студентов заниматься научной деятельностью».

«Выстроить четкую централизованную систему организации академической мобильности и найти смежные направления подготовки среди зарубежных вузов».

«Заключить соглашения, согласовать темы исследований. Оптимизировать процесс согласования документов. Проработать финансовые механизмы поддержки молодых ученых. Увеличить количество часов по иностранному языку на всех уровнях обучения».

«Стимулировать мотивацию молодых ученых, языковую подготовку, опыт выполнения научных исследований, опыт представления собственных научных результатов, финансирование академической мобильности».

«Сотрудничество не только с вузами, но и с организациями, где можно применять свои разработки».

«Расширение административного ресурса, который занимался бы координацией организации академической мобильности на уровне аспирантуры и пост-доков. Выделение финансирования для адресной грантовой поддержки мобильности на уровне аспирантуры и пост-доков».

«Иметь источники финансирования академической мобильности».

«Продолжать делать то, что мы делаем. Поддерживать существующие формы академической мобильности и искать новые интересные направления. Активизировать участие кафедр как самостоятельных еди-

ниц в международных проектах — не все кафедры активны. И решить проблему с нагрузкой в домашнем вузе».

«Обеспечить механизмы возврата в организации, например, имущественный залог, денежный залог, иные обязательства по возврату».

Таким образом, обобщая мнения экспертов, авторы делают вывод, что необходимо поддерживать молодых ученых, стимулировать их желание остаться и работать в вузе — на уровне вузов можно рекомендовать разработать систему стимулирующих надбавок данной категории сотрудников, создать систему выделения университетских тревел-грантов, упростить процедуру согласования командировок и стажировок за счет вуза, уменьшить голосовую нагрузку преподавателей, научить работать с фондами и организациями, выделяющими гранты для молодых ученых.

Вместе с тем и без того сложная в реализации программа академической мобильности молодых ученых с наступлением коронавирусной инфекции оказалась в новых нестандартных условиях, что сразу привело к ряду последствий. На вопрос «Как пандемия повлияла на масштабы и эффективность академической мобильности молодых ученых в вашем вузе, научной организации?» все эксперты единодушно ответили, что *«отрицательно, масштабы академической мобильности резко снизились»* или *«существенно ее ухудшила»: «резко сократилась физическая мобильность»* и *«она была заменена на виртуальную, которая менее привлекательна»*. Были и такие эксперты, которые это влияние оценивают негативно, *«поскольку пропала возможность очного обучения и трансфера человеческих ресурсов»*. Однако незначительная часть экспертного сообщества призналась, что пандемия на масштабы и эффективность академической мобильности молодых ученых *«никак не повлияла, т.к. у нас ее нет»*, и считает, что *«сложно влиять на то, что отсутствует»*. Но прозвучало и такое мнение, что хотя *«масштабы сведены к нулю, эффективность академической мобильности повысилась — эффект для мест постоянной работы вырос»*.

Такой масштабный и стремительный переход в онлайн-среду, с одной стороны, открыл *«новые возможности работы с исполь-*

зованием онлайн-технологий», а с другой, как отметили респонденты, повлек за собой *«меньшую вовлеченность из-за отсутствия личного контакта»*. При этом экспертным сообществом был определен и ряд трудностей, с которыми молодым ученым пришлось столкнуться в этот период при организации учебно-научной деятельности. Так, среди них названы коммуникационные затруднения *«в координации между службами вуза»*, стало *«сложнее завести новые контакты»*, *«отсутствие личных контактов»* и *«отсутствие возможности личного общения»*, *«увеличение периода времени, отведенного на организацию деятельности»*.

Представители региональных вузов отметили технические трудности: *«проблему технической оснащенности, ограниченность ресурсов в техническом плане, сбои в программном обеспечении, ошибки в работе сайтов»*, *«отсутствие надлежащего харда, нелицензионный софт, не пускающий новые программы, отсутствие цифровых навыков тоже необходимо отметить»*. При этом была упомянута и *«неготовность массового использования интернет-ресурсов»* молодыми учеными.

Эксперты отметили, что новые ограничения заморозили исследования из-за *«невозможности проведения ряда исследований в дистанционном формате»*, некоторые направления исследований предусматривают *«практические занятия непосредственно на специальном оборудовании и программах, что делает необходимым личное присутствие»*. Трудности были связаны, в первую очередь, *«с доступом к архивам и базам проведения исследований: музеям, библиотекам, домам народного творчества, etc. В связи с этим требовалось трансформировать планы научно-исследовательской деятельности»*.

Среди трудностей участники опроса называли также *«несовпадение часового пояса с другими участниками»*, загруженность другими проектами и занятость в нескольких местах. В период пандемии учебная нагрузка на профессорско-преподавательский состав сильно *«увеличилась, что снизило полевые научные изыскания, в то же время увеличилась возможность участия в различного рода конференциях»*. *«Экспедиции все были отложены на неопределенный срок, все исследования перешли в формат кабинетных»*. *«Возросла на-*

грузка в части преподавания, сильная нагрузка временная на мероприятия — одновременно приходилось «участвовать» в нескольких с разных гаджетов, соответственно качество работы сразу упало».

Но пандемия открыла и возможности для академической мобильности молодых ученых в вузе, научной организации. В частности, по мнению экспертов, стали более эффективными «кабинетные исследования, так как, например, в вузе открылись новые возможности по использованию различных библиотечных ресурсов, в том числе иностранных», «стали больше внимания уделять онлайн-курсам, проводить конференции в онлайн-формате», легче «поддерживать уже существующие контакты», существенная экономия «времени на мобильность (переезд) — возможность участия в один день в мероприятиях в разных регионах». Новая реальность в виде виртуальной академической мобильности эффективна «в обмене преподавательским опытом, в участии в конференциях, в обучении (например, повышение квалификации, онлайн-курсы)» и может быть эффективной только в «гибридной форме: теория в онлайн, практика — только офлайн» и только «при условии высокой степени самоорганизации молодых ученых». Закрытые границы стимулируют «более активное использование кураторства, удаленного взаимодействия с ведущими исследователями».

Вместе с тем представители экспертного сообщества указали на то, что такая виртуальная форма мобильности стимулирует «в некоторой степени самостоятельно заниматься английским языком». Это позволяет в определенной степени использовать возможности и «ресурсы лингвистических кафедр для устранения языкового барьера, сопровождения выступлений на научных мероприятиях, перевод докладов и пр. (волонтерская помощь преподавателей-лингвистов с переводом). Однако это может быть лишь кратковременным решением, поскольку продолжение сотрудничества возможно лишь при непосредственном контакте исследователей».

Отмечают респонденты в качестве положительных последствий отложенной физической мобильности из-за ограничительных мер и «повышение публикационной активности», и «расширение доступа к научным

ресурсам, учебно-методическим материалам», в том числе «доступ к онлайн-курсам ведущих университетов мира, ... к электронным библиотекам многих стран», «создание платформы онлайн-курсов, в т.ч. на английском языке, создание виртуальных совместных образовательных программ». При этом виртуальная мобильность расширила возможности для «оперативного взаимодействия с партнерами» и для «более интенсивной коммуникации в рамках международного научного сообщества, отчасти облегчила барьеры входа для участия в международных мероприятиях (конференциях, симпозиумах и др.)».

Виртуальная или дистанционная форма научного взаимодействия «позволяет вести научное сотрудничество с меньшими рисками для здоровья и затратами». При этом академическая мобильность стала «доступна большому количеству групп потребителей, включая работающих людей и людей с ограниченными физическими возможностями», появилась возможность «пригласить к дистанционному участию большее количество молодых ученых других стран». Указывают эксперты и на «повышение комфорта в общении и повышение свободы мысли для гениев-интровертов». Увеличилась готовность молодых ученых «принять участие в программах внутрирегионального обмена», то есть актуальной стала внутривосточная академическая мобильность, появилась возможность «заинтересовать студентов в дальнейшей совместной работе», тем самым побуждать молодежь заниматься научной деятельностью, «стало легче привлекать молодых ученых к проведению занятий среди студентов иностранных вузов-партнеров».

Как отметили эксперты, «значительно расширились границы виртуальной академической мобильности, деловое общение через социальные сети, внедрены новые IT-технологии взаимодействия, которые можно назвать прорывными за период пандемии». Чтобы развивалась виртуальная академическая мобильность, должна «развиваться особая форма культуры цифрового общения, которая предполагает повышенную открытость, объединение цифровой личности и реальной. В России данные свойства субъектов необходимо формировать и развивать».

Таким образом, можно согласиться с Т.К. Ростовской, которая отметила, что в условиях пандемии COVID-19 российские образовательные и научные организации в целом справились с задачей ускоренной цифровизации, что повлияло в том числе и на развитие виртуальной академической мобильности путем проведения различных научно-образовательных мероприятий в онлайн-формате¹ [5; 6; 7].

Выводы. Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что мобильность молодых ученых, с точки зрения экспертов, несомненно положительно влияет на их научную активность: расширяет кругозор, развивает коммуникационные способности, стимулирует сотрудничество с другими организациями, повышает профессиональные компетенции, способствует развитию языковых навыков, поднимает публикационную активность, повышает профессиональный статус молодых ученых — они становятся примером для студентов, которые с удовольствием включаются в работу с ними, а потом идут в аспирантуру. Вместе с тем эксперты отмечают следующие проблемы, которые требуют решения на различных уровнях:

— академическая мобильность в основном рассматривается в узком смысле, только как международное сотрудничество, а в контексте всероссийского взаимодействия на уровне регионов, вузов и взаимодействие между филиалами одного вуза практически не учитывается;

— отсутствует четкий механизм регулирования данного процесса в образовательных учреждениях: высокая аудиторная нагрузка ППС, затрудняющая совмещение преподавательской деятельности и мобильности, бюрократия в вузах, низкий уровень знания иностранных языков;

— обращается внимание на формальные возрастные ограничения для молодых ученых, которые требуют расширения.

Таким образом, барьеров развития академической мобильности молодых ученых Рос-

сийской Федерации названо много, но, как замечают эксперты, «все эти барьеры решаемы, если иметь широкий кругозор и хорошую команду, но вот санкции нам жизнь портят очень сильно». Однако можно высказать предположение, что открывшиеся возможности по совмещению дистанционных технологий в процессе преподавания, переход на смешанный формат обучения расширят перспективы реализации программ академической мобильности, так как позволят совместить преподавателю-ученому выполнение учебной нагрузки при отсутствии на рабочем месте офлайн, но для этого нужны простые и четкие нормативно-правовые механизмы.

Список источников

1. Афанасьева И.И., Ушаков Д.С. Международная образовательная миграция в эпоху современных глобальных трансформаций // Вестник Академии знаний. 2019. №4(33). С. 34–42.
2. Краснова Г.А., Байков А.А., Арапова Е.Я. Модель экспорта образования: онлайн-обучение // Аккредитация в образовании. 2018. №3(103). С. 17–19.
3. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И. Академическая мобильность как важнейший инструмент формирования единого образовательного пространства для молодых ученых // Современные подходы к правовому оформлению общественных отношений в сфере образования: коллективная монография. М.: Федеральный центр образовательного законодательства, 2021. С. 112–144.
4. Ростовская Т.К., Золотарева О.А. Тенденции академической мобильности в России: статистическая аналитика и прогнозика // Интеграция образования. 2021. Т. 25. №3(104). С. 421–439.
5. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И. Правовые аспекты образовательной миграции в контексте вызовов пандемии // Миграционное право. 2021. №2. С. 3–7.
6. Тарасенко А.И. Об особенностях организации образовательного процесса для

¹ Effective Social Media Campaigns in Higher Education, February 5th, 2018 [Electronic resource] / Information portal QS. URL: <https://www.qs.com/effective-social-media-campaigns-higher-education/> (date accessed: 01.03.2021). COVID-19 Impact on International Higher Education: Studies & Forecasts, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.daad.de/en/information-services-for-higher-education-institutions/centre-of-competence/covid-19-impact-on-international-higher-education-studies-and-forecasts/> (date accessed: 01.02.2021).

иностранных обучающихся в период распространения новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] / Материалы науч.-практ. конференции «Экспорт образования как основа экономического развития Российской Федерации: российский и международный опыт» от 20.11.2020 г. URL: <http://conf.rudn.ru/conf/vice-rector-2020/data/tarassenko.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

7. Joel T. Schmidt, Min Tang. Digitalization in Education: Challenges, Trends and Transformative Potential, 2020 [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-658-28670-5_16 (date accessed: 01.02.2021)

8. Seres L., Pavlicevic V., Tumbas P. Digital transformation of higher education: Competing on analytics // Conference proceedings, INTED 2018 Conference (5–7 March 2018, Valencia). URL: <https://library.iated.org/publications/INT-ED2018> (date accessed: 01.02.2021).

References

1. Afanas'eva I. I., Ushakov D. S. Mezhdunarodnaja obrazovatel'naja migracija v jepohu sovremennyh global'nyh transformacij [International educational migration in the era of modern global transformations]. *Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge]*. 2019; 4(33): 34–42. (In Russ.).

2. Krasnova G. A., Bajkov A. A., Arapova E. Ja. Model' jeksporta obrazovanija: onlajn-obuchenie [Model of education export: online learning]. *Akkreditacija v obrazovanii [Accreditation in education]*. 2018; 3(103): 17–19. (In Russ.).

3. Rostovskaja T. K., Skorobogatova V. I. Akademicheskaja mobil'nost' kak vazhnejshij instrument formirovanija edinogo obrazovatel'nogo prostranstva dlja molodyh uchenyh. Sovremennye podhody k pravovomu oformleniju obshhestvennyh otnoshenij v sfere obrazovanija: kollektivnaja monografija [Academic mobility as the most important tool for the formation of a unified educational space for young scientists. Modern approaches to

the legal formalization of public relations in the field of education: collective monograph]. Moscow: Federal'nyj centr obrazovatel'nogo zakonodatel'stva, 2021. P. 112–144. (In Russ.).

4. Rostovskaja T. K., Zolotareva O. A. Tendencii akademicheskoy mobil'nosti v Rossii: statisticheskaja analitika i prognostika [Trends of academic mobility in Russia: statistical analytics and prognostics]. *Integracija obrazovanija [Integration of education]*. 2021; 25 (№3 (104)): 421–439. (In Russ.).

5. Rostovskaja T. K., Skorobogatova V. I. Pravovye aspekty obrazovatel'noj migracii v kontekste vyzovov pandemii [Legal aspects of educational migration in the context of pandemic challenges]. *Migracionnoe pravo [Migration law]*. 2021; (2): 3–7. (In Russ.).

6. Tarasenko A. I. Ob osobennostjah organizacii obrazovatel'nogo processa dlja inostrannyh obuchajushhihsja v period rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii [On the peculiarities of the organization of the educational process for foreign students during the spread of a new coronavirus infection] [Elektronnyj resurs]. Materialy nauch.-prakt. konferencii «Jeksport obrazovanija kak osnova jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt» ot 20.11.2020 g. [Materials of the scientific and practical conference «Export of education as the basis of economic development of the Russian Federation: Russian and international experience» dated 20.11.2020]. URL: <http://conf.rudn.ru/conf/vice-rector-2020/data/tarassenko.pdf> (data obrashhenija: 01.03.2021). (In Russ.).

7. Joel T. Schmidt, Min Tang. Digitalization in Education: Challenges, Trends and Transformative Potential, 2020 [Electronic resource]. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-658-28670-5_16 (date accessed: 01.02.2021)

8. Seres L., Pavlicevic V., Tumbas P. Digital transformation of higher education: Competing on analytics // Conference proceedings, INTED 2018 Conference (5–7 March 2018, Valencia). URL: <https://library.iated.org/publications/INT-ED2018> (date accessed: 01.02.2021).

Статья поступила в редакцию 08.11.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 27.11.2021.

The article was submitted on 08.11.2021; approved after reviewing on 23.11.2021; accepted for publication on 27.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Письменная Елена Евгеньевна — доктор социологических наук, доцент, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского центра Российской академии наук.

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Elena E. Pismennaya — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Financial University under the Government of the Russia, Chief Scientific Officer, Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Ростовская Т. К. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Письменная Е. Е. — сбор информации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Rostovskaya T. K. — scientific leadership; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Pismennaya E. E. — collection of information; revision of the text; final conclusions.

Научная статья
УДК 338.48
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-141-148

ЦИФРОВАЯ МОЛОДЕЖЬ И РОЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПРЕОДОЛЕНИИ РИСКОВ ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Липа Исаевна Саидова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
lipa-ch1enti@mail.ru*

Аннотация. *Целью исследования является постановка проблемы рисков социализации молодежи в условиях цифровой среды и возможностей их преодоления с помощью экологического туризма. Социальная актуальность данной темы определяется уходом молодежи в цифровой, виртуальный мир, отчуждением от естественной природной среды и снижением социального здоровья.*

Методологическую базу исследования *составляют подходы и концепции, точки зрения и идеи, сформировавшиеся в современном научном дискурсе относительно таких понятий и явлений, как «цифровое общество», «цифровая среда», «цифровая молодежь», «цифровое поколение», а также положения функционального подхода, позволяющие раскрыть социальные функции экологического туризма как подсистемы/вида туризма, оказывающего социализационное влияние на молодое поколение цифровой эпохи.*

Результаты исследования *позволили обосновать точку зрения о противоречивом характере цифровой социализации современной молодежи, для которой цифровая среда является, с одной стороны, естественной, гармоничной и необходимой для жизненной самореализации, а, с другой — рискогенной, так как она способствует отчуждению молодых поколений и от социального окружения, и от окружающей природы, которая все больше утрачивает в восприятии цифровой молодежи характер естественной среды обитания человека.*

В данных обстоятельствах экологический туризм привлекает внимание как мощный ресурс социализационного воздействия на молодежь. Этот вид туризма позволит не противостоять цифровым (виртуальным, сетевым) практикам коммуникации, формирования связей и отношений, а формировать сбалансированный характер социальных практик, производных от разных миров — виртуального, цифрового (искусственного) и реального, природного (естественного). Такой механизм позволит блокировать ряд рисков социализации в цифровой среде, связанных со страхами оказаться вне Сети, вне цифрового пространства и без средств цифровой коммуникации; раскроет перед молодежью другой мир с необходимостью его защиты, сохранения от негативного воздействия человеческой деятельности, в том числе и туристической.

Перспективу исследования *составляет дальнейшее научное изучение данной проблематики, которая может быть представлена в более широком тематическом и концептуальном контексте, связанном с оперированием понятием «экологизация». Речь может идти об экологизации туристских практик молодежи и других возрастных групп, об экологизации сознания и поведения молодежи, о формировании ее экологической культуры.*

В любом случае, реализация этой задачи, связанной с экологизацией цифровой молодежи, предполагает обращение к потенциалу экологического туризма, к разработке методологического и эмпирического инструментария для проведения глубоких социологических исследований и разработке на их основе рекомендаций соответствующим структурам, организациям, институтам.

Ключевые слова: *молодежь, цифровая молодежь, туризм, экологический туризм, цифровизация, цифровая среда, социализация, риски социализации, природа*

Для цитирования: *Саидова Л. И. Цифровая молодежь и роль экологического туризма в преодолении рисков ее социализации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 141–148. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-141-148>.*

Original article

DIGITAL YOUTH AND THE ROLE OF ECO-TOURISM IN OVERCOMING THE RISKS OF ITS SOCIALIZATION

Lipa I. Saidova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
lipa-chlenti@mail.ru

Abstract. *The purpose of the study is to pose the problem of the risks of socialization of young people in a digital environment and the possibilities of overcoming them with the help of eco-tourism. The social relevance of this topic is determined by the departure of young people into the digital, virtual world, alienation from the natural environment and a decrease in social health.*

The methodological basis of the research *consists of approaches and concepts, points of view and ideas formed in the modern scientific discourse regarding such concepts and phenomena as «digital society», «digital environment», «digital youth», «digital generation», as well as the provisions of the functional approach, allowing to reveal the social functions of ecotourism as a subsystem/type of tourism that has a socializing influence on the younger generation of the digital era.*

The results of the study *allowed us to substantiate the point of view about the contradictory nature of digital socialization of modern youth, for whom the digital environment is, on the one hand, natural, harmonious and necessary for life self-realization, and, on the other hand, risky, since it contributes to the alienation of young generations from both the social environment and the surrounding nature, which is increasingly losing the nature of the natural human environment in the perception of digital youth.*

In these circumstances, eco-tourism attracts attention as a powerful resource of socialization impact on young people. This type of tourism will allow not to resist digital (virtual, network) practices of communication, formation of connections and relationships, but to form a balanced nature of social practices derived from different worlds — virtual, digital (artificial) and real, natural (natural). Such a mechanism will allow blocking a number of risks of socialization in the digital environment associated with fears of being offline, outside the digital space and without means of digital communication; it will open up another world to young people with the need to protect it, preserve it from the negative impact of human activity, including tourism.

The perspective of the research *is the further scientific study of this problem, which can be presented in a broader thematic and conceptual context associated with the operation of the*

concept of «ecologization». We can talk about the greening of tourist practices of youth and other age groups, about the greening of consciousness and behavior of youth, about the formation of its ecological culture. In any case, the implementation of this task related to the greening of digital youth involves addressing the potential of eco-tourism, developing methodological and empirical tools for conducting in-depth sociological research and developing recommendations based on them to relevant structures, organizations, institutions.

Keywords: youth, digital youth, tourism, eco-tourism, digitalization, digital environment, socialization, risks of socialization, nature

For citation: Saidova L. I. Digital youth and the role of eco-tourism in overcoming the risks of its socialization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 141–148. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-141-148>.

Введение. Практически каждый второй житель Земли подключен к Интернету. Согласно данным Глобального института McKinsey (MGI), через 20 лет в мире порядка 50% рабочих операций могут быть автоматизированы, и по своим масштабам данный процесс можно будет рассматривать с точки зрения исторического сравнения с промышленной революцией XVIII–XIX веков¹. Россия активно включена в процесс цифровой революции, и с ней связывают надежды на прорыв нашей страны в экономике, а также на то, что Россия займет достойное место среди лидеров мировой экономики современного мира, так как обладает для этого необходимыми социальными ресурсами и возможностями использования потенциала цифровой экономики [1].

С точки зрения экономической целесообразности и перспектив экономического прорыва цифровизация как процесс глобальной социальной революции не вызывает столько вопросов, сколько вызывает проблема социокультурной динамики и безопасного развития общества, социализации молодых поколений, которым предстоит строить будущее страны. Именно молодежь является наиболее активным потребителем информационной продукции, именно она наиболее активно вовлечена в глобальный процесс цифровизации, охвативший все сферы общественной жизни, начиная от сферы общения и заканчивая рынком труда и профессии, динамично меняющимся и формирующим многочисленные риски профессионализации, прежде всего молодежи [2].

В данном контексте ученые, говоря о цифровизации современного общества, совершенно справедливо поднимают вопрос о рисках, формирующихся в цифровом обществе [3], о проблемах образования в цифровом обществе и угрозах информатизации, цифровизации, онлайнизации системы образования [4], о рискогенности цифровой среды как продукта меняющегося опыта человечества [5]. Но, пожалуй, самый значительный дискурс возник вокруг цифрового поколения как ключевого следствия цифровизации современного мира, как основного субъекта нового мира, вступившего в третье тысячелетие [6].

Цифровая молодежь в фокусе научного дискурса. Современное молодое поколение социализируется в среде, которую с полным основанием можно назвать цифровой. Цифровая среда как основа цифрового общества является многомерной, порождая как перспективы эволюции человечества, развития свободы, так и риски, прежде всего связанные с новыми формами зависимости и отчуждения [5].

Последние исследования говорят о том, что сама молодежь, как школьная, так и студенческая, признает остроту проблемы зависимости молодежи от цифровых устройств, гаджетов². Информационно-цифровая цивилизация — это новый мир, в котором социализируется молодежь, воспринимая органично процесс цифровизации общественной жизни и саму цифровую Вселенную с собственной логикой развития и принципами коммуника-

¹ Цифровая Россия: новая реальность. Июль, 2017. [Электронный ресурс] // Digital McKinsey. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf>.

ции. И в этом плане стоит согласиться с мнением тех исследователей, которые связывают с информационно-цифровой цивилизацией определенные перспективы развития человечества, которые стали возможны именно в информационном пространстве [7].

Цифровая молодежь, которую зачастую также называют экранной, сетевой, виртуальной, компьютерной и т.д., характеризуется, прежде всего, тем, что ее становление и жизнедеятельность происходит в мире сверттехнологизированном. В этом мире сама социальность уже представляется не иначе, как антропотехногенная. Естественным образом эта реальность накладывает свои отпечатки в виде не только надежд, связываемых с цифровой молодежью, но и рисков, угрожающих безопасному развитию молодых поколений и, соответственно, будущему общества в перспективе цифровой динамики современного мира [8].

Так, С. А. Кравченко говорит о травмирующем сознание молодежи влиянии цифровизации, которая вырывает молодое поколение из формата и контекста традиционных социальных связей и отношений и задает вектор его развития в тенденциях фрагментации, индивидуализации, трансформации и искажении представлений о справедливости и счастье, справедливости [9]. Но, с другой стороны, как отмечает Н. С. Быстракова, цифровая молодежь характеризуется наличием таких качеств, как «информированность, тотальная креативность, инновационность, многозадачность как способность решать несколько когнитивных задач одновременно» [10]. Более того, оказаться за пределами цифровой среды, цифрового пространства для современной молодежи означает то же, что для человека в традиционном обществе оказаться изгнанным из общины, профессионального сообщества и родственного круга, т. е. оказаться в полной изоляции. Нельзя не согласиться с мнением, что «для представителей цифрового поколения отказ от цифрового пространства — это риск оказаться на периферии, лишиться друзей и общения, ограничить свою потребность в экспериментальной, исследовательской и творческой деятельности» [10].

Иными словами, на фоне рисков зависимости, фрагментированности, дегуманизации ценностей вырисовываются иные риски цифровизации молодежи — риски «выпасть» из общего тренда, перестать шагать в ногу со временем и соответствовать духу нового времени в случае нахождения за пределами цифрового пространства. И, конечно же, такая ситуация порождает необходимость принятия цифровой реальности, цифровой среды как естественной среды социализации молодежи и необходимого пространства ее жизненной самореализации, а этот посыл, в свою очередь, ставит на повестку дня самым острым образом вопрос об обеспечении безопасного — в духовном и физическом смыслах — развития цифровой молодежи. Этот вопрос сразу же отсылает нас к проблеме социализации молодежи, к тем социализационным ресурсам и механизмам, которые можно использовать с целью минимизации рисков и угроз цифровой среды социализации молодых поколений.

Экологический туризм как пространство социализации российской молодежи. Итак, современная социальность, детерминируемая процессом глобальной цифровизации, наполнена многочисленными рисками, и один из них является самым опасным для человечества — это риск здоровью молодежи. В этой связи самым актуальным образом встает вопрос о создании таких условий, при которых молодое поколение, уже по факту цифровое, рожденное в эпоху господства Интернета, сможет развиваться без рисков для духовного и физического здоровья. Такая среда должна сформироваться в противовес техногенной, чтобы создать необходимый баланс природного и техногенного. Для этого необходимо использовать потенциал тех видов деятельности, которые позволяют оторваться от экранов мониторов, увидеть мир не сквозь призму экранных сюжетов, а собственными глазами, и прочувствовать его.

Исследователи совершенно справедливо обращаются к социализационному потенциалу туризма, в пространстве которого молодежь осваивает разнообразные нормы

2 Поколение Z и гаджеты: как цифровизация влияет на современное общество [Электронный ресурс] // РИА «Новости». Социальный навигатор. URL: <https://sn.ria.ru/20191216/1562426094.html>.

и роли, вступает в коммуникации, приобщается к культурным ценностям, формирует собственное отношение к миру, с которым непосредственно взаимодействует посредством туристских практик [11]. Туризм позволяет сохранить физическое и духовное здоровье молодежи, способствует профилактике девиантных установок и моделей поведения, экстремизму в молодежной среде. Последний стремительно распространяется среди российской молодежи в условиях социально-экономического неблагополучия общества, нерешенности ряда острых социальных проблем, роста рисков жизненной самореализации молодежи, которая в указанных обстоятельствах жизненной неустроенности и ограничений социальной мобильности не видит иного выхода, кроме как противостояния сложившейся социальной ситуации в рамках участия в экстремистском движении.

Туризм обладает мощным социализационным потенциалом, особенно тот, который получил название экологического туризма, весьма активно развивающегося во всем современном мире [12]. Экологический туризм — явление многогранное и полифункциональное. До сих пор исследователи не могут четко определиться с интерпретацией этого вида туризма, ввиду чего сложились различные направления его изучения, но в большинстве случаев под экотуризмом понимаются целевые поездки в рекреационно-привлекательные места, отличающиеся относительно нетронутой (дикой) природой, а также сохранностью традиционной культуры местного населения [13]. Среди важнейших функций экотуризма специалисты выделяют такие, как рекреационная, просветительская, экономическая и природоохранная [14].

В целом, обобщая сложившиеся подходы и концепции экотуризма, можно сказать, что он имеет двойственную функциональную природу: с одной стороны, в его рамках реализуются сугубо экологические задачи, связанные с сохранением природы, культуры народов, восстановлением природного ландшафта, разрушающегося в результате деятельности человека, а с другой, он решает целый ряд важных социальных задач, связанных с экономическим развитием отдельных регионов и, что самое главное, с воспитанием молодых поколений цифрового общества.

В ходе туристских практик экологической направленности формируются и закрепляются экологические ценности молодежи, экологическая этика, включающая определенное (бережное, душевное) отношение к родной природе, к родному краю, к окружающей природной среде в целом, а также осознание тесной связи человека с природой, обусловленность природного и социального.

Итак, сила экотуризма, если речь идет о социализации цифровой молодежи, заключается, прежде всего, в том, что с его помощью можно успешно преодолеть или нивелировать негативные явления, риски, производные от цифровой среды социализации молодежи, а именно: информационную перегруженность; интернет-зависимость или сетевую зависимость как стремление быть в любое время на связи, в сети, в виртуальном пространстве; глубокое погружение в виртуальную реальность и/или уход в нее, что лишает возможности индивида жить реальной жизнью; тревогу неподключенности к сети или потери средства связи (мобильного телефона), которая может перерасти в большой страх, в панику, к психическим расстройствам [10].

В совокупности факторов негативного влияния цифровой среды на молодежь формируется серьезная зона риска здоровью цифрового поколения, и в этой связи экотуризм следует рассматривать в качестве важнейшего способа гармонизации жизненности мира молодежи, в котором будет соблюден баланс искусственной (виртуальной, цифровой среды) обитания и естественной (природной). По мере того, как человечество погружается в мир искусственных технологий, меняя представления о социальности и сам ее тип [15], растет внимание к миру естественному, природному, и на примере экологического туризма это хорошо заметно.

Более того, специалисты говорят о необходимости экологизации туризма в целом [16], независимо от его вида, типа, как магистральном направлении развития туристической индустрии, значительно нарушающей принципы гуманизма в отношении природы и разрушающей ее в ходе реализации туристских практик. Сам же экотуризм концептуально содержит в себе установки, отличающие этот вид туризма от остальных, связан-

ные с положительным влиянием на природу, с созданием условий для сохранения всего многообразия природных ресурсов и устойчивое развитие природных территорий. Именно экотуризм гармонично и эффективно сочетает в себе баланс экологических, социокультурных и социо-экономических воздействий туристической деятельности [17].

Заключение. Таким образом, экологический туризм имеет все основания для своего динамичного развития в современном мире, осознавшем потребность в сохранении связи с природой, с естественной средой человеческой цивилизации. Цифровизация общества и выход на арену социокультурной динамики цифровых поколений также актуализировали проблему развития экотуризма, в том числе и в российском обществе, но, по свидетельству отечественных ученых, процесс институционализации экологического туризма в России еще не завершен, так как недостаточно разработана правовая база; уровень подготовки туристических кадров для реализации экотуристских практик также является недостаточным; отсутствует адекватная целям и задачам развития экотуризма система экологического воспитания и просвещения, крайне важная для формирования экологических ценностей и установок на экотуризм в молодежной среде [18].

Список источников

1. Минаков А. В., Евраев Л. О. Потенциал и перспективы развития цифровой экономики регионов России [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. №3(63). URL: <https://eee-region.ru/article/6318/>.
2. Мухина К. С. Профессиональное становление российской молодежи в фокусе социологического дискурса // *Caucasian Science Bridge*. 2019. Т. 2. №4. С. 29–35.
3. Воденко К. В., Боровая Л. В., Ефимов А. В. Российское образование в условиях глобальной информатизации и цифровизации: социально-философский дискурс // *Гуманитарий Юга России*. 2020. Т. 9. №3. С. 36–44.
4. Верещагина А. В., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И. Ценностный кризис современного образования в исторической проекции

и динамике модернизации его парадигмальных оснований в условиях вызовов информационной эпохи // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2016. №2. С. 74–91.

5. Орлов М. О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 155–161.

6. Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

7. Кугай А. И., Михайлова В. В. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // *Управленческое консультирование*. 2019. №7. С. 90–99.

8. Бештоков М. В. Социализация молодежи в компьютерно-интерактивной социальной системе: социальные институты и риски коммуникации // *Caucasian Science Bridge*. 2021. Т. 4. №1. С. 46–51.

9. Кравченко С. А. Цифровые риски, метаморфозы и центробежные тенденции в молодежной среде // *Социологические исследования*. 2019. №10. С. 48–57.

10. Быстракова Н. С. Цифровое поколение в проекции жизненного самоопределения [Электронный ресурс]. 7 с. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/26299/1/nito_2018_1_23.pdf.

11. Степановский Е. П., Складаров А. В. Социализация в туристском пространстве // *Научный вестник ЮИМ*. 2015. №4. С. 48–52.

12. Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Концепт «экологического туризма» в мировой и российской практике: компаративный анализ и кейсы // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2017. №4. С. 7–26.

13. Чибилева В. П., Филимонова И. Ю. Значение экологического туризма в формировании экологической культуры студентов и школьников // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17. №5. С. 57–62.

14. Шестакова Е. С., Рудык А. Н., Бутова Т. Г. Функции экологического туризма // *Сервис в России и за рубежом*. 2016. Т. 10. №2(63). С. 239–252.

15. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. «Искусственный интеллект», «онлайн-культура», «искусственная социальность»: определение понятий [Электронный ресурс] // *Монито-*

ринг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №6. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>.

16. Галимова Г.В., Панченко О.Л. Экологическая политика как фактор развития туризма: анализ потребительских предпочтений // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3. №2. С. 193–200.

17. Лапочкина В.В., Косарева Н.В., Адашова Т.А. Экологический туризм в России: тенденции развития [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №5 (47). Ч. 1. С. 100–105. URL: <https://research-journal.org/economical/ekologicheskij-turizm-v-rossii-tendencii-razvitiya/>.

18. Жуков П.В. Экотуризм как подсистема социального института туризма // Сетевой журнал «Научный результат». Серия «Технологии бизнеса и сервиса». 2016. Т. 2. №1(7). С. 8–11.

References

1. Minakov A. V., Evraev L. O. Potencial i perspektivy razvitiya cifrovoj jekonomiki regionov Rossii [Potential and prospects for the development of the digital economy of the regions of Russia] [Jelektronnyj resurs] // Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2020; 3(63). URL: <https://eee-region.ru/article/6318/>. (In Russ.).

2. Muhina K. S. Professional'noe stanovlenie rossijskoj molodezhi v fokuse sociologicheskogo diskursa [Professional formation of Russian youth in the focus of sociological discourse]. *Caucasian Science Bridge*. 2019; 2(4): 29–35. (In Russ.).

3. Vodenko K. V., Borovaja L. V., Efimov A. V. Rossijskoe obrazovanie v uslovijah global'noj informatizacii i cifrovizacii: social'no-filosofskij diskurs [Russian education in the conditions of global informatization and digitalization: socio-philosophical discourse]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2020; 9(3): 36–44. (In Russ.).

4. Vereshhagina A. V., Nechipurenko V. N., Samygin S. I. Cennostnyj krizis sovremennogo obrazovanija v istoricheskoj proekcii i dinamike modernizacii ego paradigmal'nyh osnovanij v uslovijah vyzovov informacionnoj jepohi [The value crisis of modern education in the historical projection and dynamics of modernization of its

paradigmatic foundations in the context of challenges of the information age]. *Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy about the world and man]*. 2016; (2): 74–91. (In Russ.).

5. Orlov M. O. Mnogomernost' cifrovoj sredy v obshhestve riska [The multidimensionality of the digital environment in the risk society]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika [News of Saratov university. Nov. ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy]*. 2019; 19(2): 155–161. (In Russ.).

6. Radaev V. V. Millenialy: kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2019. 224 p. (In Russ.).

7. Kugaj A. I., Mihajlova V. V. «Cifrovoe pokolenie»: ugrozy i nadezhdy v jepohu informacionno-cifrovoj civilizacii [«Digital generation»: threats and hopes in the era of information and digital civilization]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Managerial consulting]*. 2019; (7): 90–99. (In Russ.).

8. Beshtokov M. V. Socializacija molodezhi v komp'juterno-interaktivnoj social'noj sisteme: social'nye instituty i riski kommunikacii [Socialization of youth in a computer-interactive social system: social institutions and risks of communication]. *Caucasian Science Bridge*. 2021; 4(1): 46–51. (In Russ.).

9. Kravchenko S. A. Cifrovyje riski, metamorfozy i centrobezhnye tendencii v molodezhnoj srede [Digital risks, metamorphoses and centrifugal tendencies in the youth environment]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*. 2019; (10): 48–57. (In Russ.).

10. Bystrakova N. S. Cifrovoe pokolenie v proekcii zhiznennogo samoopredelenija [Digital generation in the projection of life self-determination] [Jelektronnyj resurs]. 7 p. URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/26299/1/nito_2018_1_23.pdf. (In Russ.).

11. Stepanovskij E. P., Skljarov A. V. Socializacija v turistskom prostranstve [Socialization in the tourist space]. *Nauchnyj vestnik JuIM [Scientific Bulletin of the YUIM]*. 2015; (4): 48–52. (In Russ.).

12. Afanas'ev O. E., Afanas'eva A. V. Koncept «jekologicheskogo turizma» v mirovoj i rossijskoj praktike: komparativnyj analiz i kejsy [The concept of «ecological tourism» in world and Russian practice: comparative analysis and

cases]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. 2017; (4): 7–26. (In Russ.).

13. Chibileva V.P., Filimonova I. Ju. Znachenie jekologicheskogo turizma v formirovanii jekologicheskoy kul'tury studentov i shkol'nikov [The importance of ecological tourism in the formation of ecological culture of students and schoolchildren]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015; 17(5): 57–62. (In Russ.).

14. Shestakova E.S., Rudyk A.N., Butova T.G. Funkcii jekologicheskogo turizma [Functions of ecological tourism]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. 2016; 10(2(63)): 239–252. (In Russ.).

15. Rezaev A. V., Tregubova N. D. «Iskusstvennyj intellekt», «onlajn-kul'tura», «iskusstvennaja social'nost'»: opredelenie ponjatij [«Artificial intelligence», «online culture», «artificial sociality»: definition of concepts] [Jelektronnyj resurs]. Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye pereмены [Monitoring public opinion: Economic

and social changes]. 2019; (6). URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.03>. (In Russ.).

16. Galimova G. V., Panchenko O. L. Jekologicheskaja politika kak faktor razvitija turizma: analiz potrebitel'skih predpochtenij [Environmental policy as a factor of tourism development: an analysis of consumer preferences]. *Kazanskij vestnik molodyh uchenyh* [Kazan Herald of young scientists]. 2019; 3(2): 193–200. (In Russ.).

17. Lapochkina V. V., Kosareva N. V., Adashova T. A. Jekologicheskij turizm v Rossii: tendencii razvitija [Ecological tourism in Russia: development trends] [Jelektronnyj resurs]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2016; 5(47): 100–105. URL: <https://research-journal.org/economical/ekologicheskij-turizm-v-rossii-tendencii-razvitiya/>. (In Russ.).

18. Zhukov P. V. Jekoturizm kak podsystema social'nogo instituta turizma [Ecotourism as a subsystem of the social institute of tourism]. *Setevoj zhurnal «Nauchnyj rezul'tat». Serija «Tehnologii biznesa i servisa»* [Online journal «Scientific result». The series «Business and Service Technologies»]. 2016; 2(1(7)): 8–11. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 23.12.2021; принята к публикации 26.12.2021.

The article was submitted on 20.12.2021; approved after reviewing on 23.12.2021; accepted for publication on 26.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саидова Липа Исаевна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, старший преподаватель кафедры «Туризм и индустрия гостеприимства» Чеченского государственного университета.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Saidova Lipa Isaevna — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), a Senior Lecturer at the Department of Tourism and Hospitality Industry of the Chechen State University.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья
УДК 330; 338.44; 622.276
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-149-158

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НЕФТЕСЕРВИСНЫХ КОМПАНИЙ

Алексей Васильевич Белошицкий

*Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра
Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН), Апатиты, Россия
bel@bngf.ru, ORCID: 0000-0001-6586-3884*

Аннотация. *Целью исследования является сравнение бизнес-моделей зарубежных и российских компаний, что может определить критерии технологического развития, дающие конкурентные преимущества каждой из сторон.*

Методологическую базу исследования *представляют основные теоретические понятия о природе формирования бизнес-моделей предприятия и принципы их функционирования на базе «ценностного» и «процессного» подходов. Признается первостепенность таких параметров, как привлекательность продукта компании для клиентов и партнеров, а также механизмов создания стоимости и извлечения прибыли. Отмечено, что такой элемент бизнес-модели, как новое технологическое предложение, способен обеспечить преимущество на нефтесервисном рынке. Названы основные модели инновационного развития (эндогенная, сетевая и экзогенная), их отличия и характеристики. Изучены особенности развития корпораций «Halliburton» и «Schlumberger», обеспечившие успех и технологическое лидерство в мировой нефтесервисной отрасли.*

Результаты исследования. *Установлено, что обновление производственных мощностей российских нефтесервисных предприятий возможно на основе любой из трех представленных моделей стимулирования инновационной активности или их комбинации. Предполагается, что способная к устойчивому развитию инновационная бизнес-модель российской нефтесервисной компании в условиях современной изменчивой рыночной ситуации должна отличаться гибкостью, способностью к оптимизации затрат, адаптивностью и быстрой реакцией на требования/предпочтения рынка.*

Перспективы исследования *заключаются в детальном анализе характера и особенностей взаимоотношений между нефтяной компанией-заказчиком и нефтесервисным подрядчиком, что представляет значительную и важную область исследований отраслевого бизнеса.*

Ключевые слова: *бизнес-модель, нефтесервисная компания, инновации, технологичность, конкурентное преимущество, устойчивое развитие*

Для цитирования: Белошицкий А. В. Сравнительный анализ бизнес-моделей зарубежных и отечественных нефтесервисных компаний // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 149–158. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-149-158>.

Original article

COMPARATIVE ANALYSES OF THE RUSSIAN AND FOREIGN BUSINESS MODELS OF OILFIELD SERVICES COMPANIES

Alexey V. Beloshitskiy

*Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre
«Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS), Apatity, Russia
bel@bngf.ru, ORCID: 0000-0001-6586-3884*

Abstract. *The purpose of research is the comparison of Russian and foreign oilfield services company models which can determine the criteria for financing technological development providing competitive advantages for each of the parties.*

The methodological basis of the research is the main theoretical concepts about the nature of business model companies forming together with the principles of their functioning on the basis of value-based and processing approaches. The priority of such parameters as the attractiveness of company's product for customers and partners is recognized as well as mechanisms of value creation and profit extraction. It is noted such key element of business model as new technological offer is able to provide the advantage on the oilfield services market. Main models as follows: endogenous, exogenous and network are called as well as their differences and characteristics. Some specifics of development of «Halliburton» and «Schlumberger» corporations which provide success and technological leadership in worldwide oilfield services industry are studied.

Research results. *It is established that product facility renovation of Russian oilfield services companies is possible on basis any of three presented models of innovation activity stimulation or their combination. It is supposed that the innovation business model of Russian oilfield services company capable of sustainable development should be flexible, adaptive, capable of cost optimization and quick to respond to market requirements.*

The prospects of the research *are in a detailed analysis of the nature and features of the relationship between the oil company-the customer and the oilfield services contractor which is a significant and important area of industry business research.*

Keywords: *business model, oilfield services company, innovation, technologies, competitive advantage, sustainable development*

For citation: *Beloshitskiy A. V. Comparative analyses of the Russian and foreign business models of oilfield services companies // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 149–158. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-149-158>.*

Введение. Успешность функционирования нефтесервисного бизнеса непосредственно связана с ключевыми факторами, определяющими экономическую эффективность нефтяной индустрии в целом — востребованностью углеводородных ресурсов глобальной экономикой и соответствующим развитием добычи нефти и газа компаниями-производителями, которые являются заказчиками услуг нефтесервиса как на этапе разведки месторождений полезных ископаемых, так и при их эксплуатации. Одновременно нельзя не учитывать влияние таких внутренних факторов отраслевого бизнеса, как порядок взаимодействия нефтегазовой компании с нефтесервисным предприятием и характерные особенности выбранной последним для экономического развития бизнес-модели деятельности, учитывающей специфику нефтесервисного производства [7].

Одними из основных качеств, обеспечивающими конкурентоспособность и рыночную привлекательность нефтесервиса, являются инновационность и технологичность услуг, и отрасль не случайно заслужила репутацию «драйвера технологий» в нефтегазовой индустрии. При этом универсальных рецептов формирования бизнес-модели российского нефтесервисного предприятия, способного быть востребованным в долгосрочном периоде за счет названных конкурентных преимуществ, до настоящего времени не существует. Также на отечественном рынке присутствуют крупные транснациональные сервисные компании, которые по финансовым показателям находятся в числе лидеров мировой экономики.

Следовательно, цель настоящего исследования — определение конкурентных преимуществ бизнес-моделей западных нефтесервисных корпораций в сравнении с организационными структурами аналогичных российских предприятий. Достижение заявленной цели предполагается решением следующих последовательных задач:

— выявление принципов обеспечения инновационной технологичности отраслевого бизнеса;

— ретроспективный сравнительный анализ организации и деятельности зарубежных и отечественных нефтесервисных предприятий;

— возможность формирования инновационной бизнес-модели, способной к устойчивому экономическому развитию.

Теоретические основы и методология исследования. В экономической теории существует множество трактовок понятия «бизнес-модель», так или иначе описывающих основные принципы функционирования организации, где общим является понимание важности ее наличия для успешной работы и что правильный выбор бизнес-модели деятельности предприятия одновременно означает выбор оптимальной стратегии устойчивого развития, с наибольшей вероятностью позволяющей достичь заявленных целей [11].

«Отцом» бизнес-моделирования по праву считается Майкл Портер, на чьих теоретических построениях выросло не одно поколение менеджеров, мыслящих концепциями «пяти сил»: анализа угрозы появления новых продуктов и рыночных игроков, рыночной власти поставщиков и потребителей, уровня конкурентной борьбы [9]. Глубокий анализ названных категорий дает возможность сформировать лучшее на отраслевом рынке «ценностное предложение», обеспечивает компании оптимальную позицию и конкурентное преимущество. В ряду приверженцев теории «ценностного подхода» такие выдающиеся ученые, как Александр Остервальдер и Ив Пинье, М. Роджер, М. Джонсон, А. Сливотски, В. Гусаков, В. Котельников и другие, каждый из которых дал свое определение бизнес-модели, исходя из собственных теоретических представлений о важности того или иного структурного элемента экономической системы — ценности продукта и способов его доставки потребителю, формулы прибыли, производительных ресурсов, рынков сбыта и работы с клиентами, взаимоотношений с партнерами, организации внутренней цепочки создания стоимости, поступления выручки от продаж, структуры издержек и системы управления, корпоративной культуры и иных ключевых составляющих [6; 8; 13].

В теории «процессного подхода» внимание уделяется логической взаимосвязи основных и вспомогательных бизнес-процессов компании на этапе создания стоимости, в значительной степени зависящей от ее масштабов. Здесь необходимо отметить тру-

ды Дона Дебелака и В.В. Бердникова, которые представляли бизнес-модель фирмы как механизм извлечения дохода, где принципы построения организационной структуры и соответствующие системы управления предприятием, организация взаимодействия с потребителями, целеполагание и последовательность способов достижения целей рассматриваются как совокупность операционной, инвестиционной и финансовой составляющих, основанных на формировании ключевых компетенций, соответствующих состоянию активов компании и способных вызывать синергетический эффект при взаимодействии [2; 5].

И в том, и в другом подходах признается первостепенность следующих ключевых параметров, участвующих в построении бизнес-модели:

1) привлекательность продукта компании для клиентов и партнеров;

2) механизмы создания стоимости и извлечения прибыли [3; 12].

Как уже отмечено, нефтесервисный бизнес отличается высоким уровнем использования инновационных технологий и методов

управления производством, следовательно, организационная структура предприятий отрасли должна стимулировать постоянное внедрение новых методов работы. Представляя бизнес-модель нефтесервисной компании в виде четырех объемных ключевых рыночных элементов (клиент, ценностное предложение, цепочка создания стоимости, механизм извлечения прибыли), следует понимать, что инновационное преобразование модели потребует изменения по меньшей мере двух из них (рисунок 1).

Обновление одного из четырех структурных элементов нефтесервисной компании, например ценностного предложения, приводит к появлению только дополнительной инновационной услуги в процессах обеспечения экономики углеводородным сырьем. В условиях благоприятной конъюнктуры нефтяного рынка этого может быть достаточно для успешной деятельности сервисного предприятия, поэтому первым ограничением настоящего исследования будет изучение принципов обеспечения инновационной активности нефтесервиса в рамках сохранения общей структуры бизнеса.

Рис. 1. Модель основных рыночных элементов бизнеса¹
Fig. 1. The model of the main market elements of the business

¹ Борьба за выживание на мировом рынке. Аналитический материал ЦДУ топливно-энергетического комплекса [Электронный ресурс]. URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/1/696/ (дата обращения: 03.09.2021).

В отрасли существует множество способов стимулирования технологического развития и появления инноваций, среди которых наиболее популярны следующие модели:

- эндогенная (локальная);
- сетевая (гибкая);
- экзогенная (внешняя).

В первом случае локальное инновационное развитие обеспечивается собственными ресурсами нефтесервисного предприятия, организующего проведение НИОКР в специально созданных лабораториях и научных центрах. Это очень дорогой способ технологического развития, который могут позволить себе только крупные, как правило, транснациональные либо государственные корпорации.

Экзогенная модель является прямой противоположностью и часто называется внешней в силу того, что нефтесервисная компания покупает имеющиеся на рынке технологии, оборудование, приборы и аппаратуру для обеспечения производства. Несмотря на премию за использование авторских прав, включенную в стоимость предоставленных продуктов, такая модель менее затратна для большинства нефтесервисных предприятий, которые в силу масштабов не способны самостоятельно обеспечить технологическое развитие, но не позволяет получить уникальные конкурентные преимущества.

Сетевая инновационная модель предполагает временное объединение финансовых возможностей относительно небольших нефтесервисных предприятий для решения насущных технологических проблем нефтесервиса, привлекая для этого независимые НИИ и крупные высшие учебные заведения соответствующего профиля. Такая модель эффективна и широко используется в условиях дефицита финансовых ресурсов нефтесервисных компаний.

Характерным примером эндогенных принципов инновационного развития служат истории создания и становления мировых лидеров нефтесервисного рынка, транснациональных корпораций, получивших название «Большая четверка»: «Halliburton», «Schlumberger», «Baker Hughes» и «Weatherford».

Крупнейшая из них, «Halliburton», образованная в 1919 году талантливым химиком

и инженером-изобретателем Эрлом Палмером Халлибертоном (США), начинала свою деятельность с авторских способов цементирования нефтяных скважин и извлечения сторонних жидкостей. Запатентованные автоматические агрегаты по приготовлению цементных растворов для закрепления стволов скважин, рецепты смесей и способы их доставки на глубину в различных природно-климатических зонах обеспечили выдающийся успех компании, впоследствии значительно расширившей сферу бизнес-интересов (повышение нефтеотдачи, гидроразрыв) и ставшей пионером внедрения компьютерных методов управления процессами добычи углеводородов (1956 год). Первые научно-исследовательские лаборатории «Halliburton Inc.» открыла в 1930-х годах, а сегодня в структуре корпорации четыре крупнейших R&D центра с широким спектром научных интересов.

Компания «Schlumberger» была основана в 1926 году и так же названа по имени ее основателей — двух братьев, французских горных инженеров Конрада и Марселя Шлюмбергер. Начав с рудной электроразведки, где при поисках полезных ископаемых использовался изобретенный братьями потенциометр измерения электрических сопротивлений горных пород, изначально европейская компания перебазировалась в США, переключилась на нефтяные услуги и к середине прошлого века стала одной из самых известных в мире компаний в области передовых методов каротажа, используя преимущественно самостоятельно разработанные технологии. Сегодня в сфере деловых интересов «Schlumberger Inc.», помимо прорывных каротажных методов, такие виды бизнеса, как электроника, буровые технологии, телеметрия, счетчики коммунальных услуг и многое другое. Во многих из перечисленных отраслей «Schlumberger» — мировой лидер инноваций, крупнейший исследовательский центр находится в г. Хьюстон (Техас, США), множество научных отраслевых лабораторий расположены в других странах, включая Россию [1].

Общим в истории обеих компаний является широкое использование запатентованных уникальных авторских продуктов для поисков, освоения и разработки месторождений углеводородов. В результате успешного применения эндогенной модели инновационного развития

компании «Большой четверки» сегодня занимают более половины мирового нефтесервисного рынка, а в отдельных областях (бурение и ГИРС) и высоко рискованных проектах добычи их доля превышает 80% [4; 10].

При анализе модели отечественного нефтесервисного рынка и составляющих его компаний с позиции стимулирования инновационной активности необходимо разделять периоды развития нефтегазовой индустрии на до и после рыночного реформирования: если раньше министерство топлива и энергетики в масштабах страны можно было образно представить как одну гигантскую корпорацию с единым бизнес-планом освоения нефтегазовых месторождений при полном отсутствии рыночной борьбы, то с последнего десятилетия прошлого века в России наблюдается конкуренция среди вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК) и значительно более жесткая — среди нефтесервисных предприятий. Технологическое развитие в СССР обеспечивалось специально созданными отраслевыми НИИ и заводами специального машино- и приборостроения, условия финансирования которых позволяли поддерживать, а в отдельных областях опережать мировой уровень нефтяной индустрии того времени. Территориально организованные добывающие и сервисные предприятия снабжались и работали по утвержденным общим вышестоящим руководством планам, соревнуясь друг с другом за счет эффективности использования внутренних, чаще всего управленческих, ресурсов. Иными словами, действующую в Советском Союзе инновационную модель можно было назвать эндогенной с единой, «раздутой» до невероятных размеров, государственной корпорацией.

Ситуация радикально изменилась в конце прошлого века: если добывающие и большинство сервисных компаний были изначально интересны частным инвесторам, то многие основные отраслевые научно-производственные предприятия остались без денег. Немногие оставшиеся «на плаву» могли только поддерживать ранее достигнутый технологический уровень, с каждым годом все более отставая от ушедшей вперед мировой отраслевой науки. Несмотря на сформированный в постперестроечный период рынок технологий, оборудования, приборов и аппаратуры для не-

фтяной индустрии, его технический уровень сегодня значительно отстает от современных мировых образцов. Текущая инновационная модель развития российской нефтесервисной отрасли близка к экзогенной, так как большинство функционирующих в настоящее время научно-производственных центров являются самостоятельными коммерческими организациями, предлагающими свои разработки любым производственным предприятиям нефтегазовой сферы на рыночных условиях.

Сетевые принципы инновационного развития на российском нефтесервисном рынке стали хорошо заметны в последнее десятилетие, когда конкуренция между участниками рынка обрела цивилизованные формы и взаимное уважение. Значительную роль в разработке новых технологий начали играть различные формы государственной поддержки, появившиеся после 2014 года в связи с вводом санкционных ограничений со стороны ведущих индустриальных стран Запада. В совокупности это позволило отечественным нефтесервисным предприятиям обеспечить реальное импортозамещение в отдельных, пока, к сожалению, небольших, профильных секторах (каротаж в процессе бурения, отдельно-раздельная добыча, ПАВ-полимерное стимулирование продуктивных пластов и некоторые другие).

Настоящее исследование не будет полным, если не упомянуть используемые при реализации любой их названных моделей организации инновационной активности инструменты управления и регулирования экономическими процессами, такие, например, как государственная и протекционистская защита национальных нефтесервисных рынков. Действительно, нетарифные и иные способы ограничения конкуренции на начальных этапах формирования отрасли способны стимулировать национальную науку и производство, используя лучшие мировые нефтесервисные практики как образец для подражания. При этом важно понимать, что такие методы ограничены во времени применения и не подменяют трех основных принципов развития инновационной активности.

Результаты и дискуссия. Учитывая, что современный российский нефтесервисный рынок очень динамичен в части M&A сделок,

логично сделать вывод, что преобладающий сегодня экзогенный способ технологического развития отечественных нефтесервисных компаний будет уступать место гибким и эндогенным схемам. Посильное российскому нефтесервису совместное финансирование научных разработок в совокупности с государственными формами поддержки бизнеса (гранты, СПИК и прочее) получает все более широкое развитие. Острый интерес ряда российских ВИНК («Роснефть», «Газпром Нефть») к консолидации нефтесервисных активов, наблюдаемый в последние годы, способствует формированию эндогенной модели технологического развития: каждая из названных компаний активно финансирует отраслевые научные исследования, а сохранивший историческое название «Сургут-нефтегаз» изначально оставил нефтесервис в своей структуре.

Следовательно, такое конкурентное преимущество западных транснациональных корпораций, как преобладающая эндогенная форма организации инновационных технологических процессов, со временем будет нивелироваться российским нефтесервисным производством. Важнейшим принципом развития также остается конкуренция между компаниями, и практика формирования российского нефтесервисного рынка этому не противоречит — даже с учетом текущих процессов консолидации отечественные ВИНК открывают разрабатываемые ими месторождения для независимого нефтесервиса, руководствуясь приоритетами качества и стоимости. Ограничение доступа отечественно-

го бизнеса к западным источникам капитала в составе введенных санкций существенно осложнило возможности финансирования отраслевых научных разработок на современном этапе развития российского нефтесервиса. Тем не менее, уже упомянутые меры государственной поддержки инновационной активности обеспечивают нефтегазовой индустрии достаточно комфортные условия экономической деятельности, даже несмотря на кризис перепроизводства углеводородного сырья, совпавший по времени с пандемией коронавируса, что вызывало временное падение биржевых цен до отрицательных значений. Сегодня глобальный нефтяной рынок быстро восстанавливается и уже находится выше уровня докризисных цен. Осторожный оптимизм в прогнозах сокращения текущего российского технологического отставания от передового уровня мирового нефтесервиса на основании критериев, представленных в таблице 1, может быть вполне оправдан.

Технологическое обновление производственных мощностей российских нефтесервисных предприятий возможно на основе любой из трех представленной и рационально выбранной модели стимулирования инновационной активности либо их комбинации. Помимо названных финансовых критериев, перспективная инновационная бизнес-модель российского нефтесервисного предприятия на современном этапе развития внутреннего рынка должна отвечать следующим требованиям:

— способность к оптимизации затрат на основе поиска наиболее эффективного на-

Таблица 1
Table 1

Сравнительные критерии финансирования технологического развития российских и зарубежных нефтесервисных компаний
Comparative criteria for financing technological development of Russian and foreign oilfield service companies

Компания	Наименование и значение критерия: +++ высокое; ++ среднее; + низкое; отсутствует			
	Собственные ресурсы компании	Заемные ресурсы (любые)	Государственное участие (полное или частичное)	Участие ВИНК (полное или частичное)
«Большая четверка»	+++	+++	отсутствует	отсутствует
Российские компании	+	+	++	+++

бора и последовательности производственных операций;

— простота и гибкость организационной структуры для быстрой адаптации к изменениям условий работы, тендерных процедур, рыночной ситуации;

— возможность реализации различных сценарных взаимоотношений с заказчиком нефтесервисных услуг в части финансирования научных разработок на компенсационной основе или на правах совместного владения полученными результатами.

Детальный анализ характера и особенностей взаимоотношений между нефтяной компанией-заказчиком и нефтесервисным подрядчиком представляет значительную и важную область исследований отраслевого бизнеса и остается за рамками настоящей работы, так же как и оценка собственного ресурсного потенциала нефтесервисной компании, влияющего на технологическое развитие, а равно определение теоретических принципов и формы построения инновационной бизнес-модели.

Заключение. В работе рассмотрены основные теоретические представления «ценностного» и «процессного» подходов к формированию бизнес-моделей и особенности инновационного развития нефтесервисной отрасли и составляющих компаний. Установлено, что:

1) эндогенная модель стимулирования инновационной активности, присущая крупнейшим транснациональным нефтесервисным компаниям — технологическим лидерам, обеспечивает конкурентное преимущество и превосходство на рынке;

2) обеспечение технологического развития, сохранение и усиление конкурентоспособности российского нефтесервиса возможно за счет целевой государственной поддержки отрасли и особых партнерских отношений между нефтяной компанией-заказчиком и нефтесервисным подрядчиком;

3) консолидация нефтесервисных активов и вероятное появление на российском рынке национального «суперподрядчика» не должно приводить к ограничению конкуренции — главному стимулирующему фактору инновационного развития, обеспечения высокого качества и разумной стоимости услуг;

4) инновационная бизнес-модель российского нефтесервисного предприятия, способная обеспечить устойчивое экономическое развитие в условиях современной изменчивой рыночной ситуации, должна отличаться гибкостью организационной структуры и использованием внутренних ресурсов, способностью к оптимизации затрат, адаптивными отношениями с заказчиками услуг и возможностью быстрой реакции на требования/предпочтения рынка.

Список источников

1. Белошицкий А. В. Отдельные аспекты сравнения организационного развития нефтесервисных рынков России и мира // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. №6-1. С. 26–31.

2. Бердников В. В. Аналитические механизмы разработки бизнес-моделей // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. №9. С. 146–151.

3. Бирюкова В. В. Производительность хозяйственных систем и факторы ее роста // В сборнике: Актуальные вопросы экономики и управления российскими предприятиями. Сборник научных трудов. Омск: Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ), 2009. С. 14–19.

4. Гассман О. Бизнес-модели: 55 лучших шаблонов / Гассман О., Франкенбергер К., Шик М. М.: Альпина-паблишер, 2016. 233 с.

5. Дебелак Д. Бизнес-модели: принципы создания процветающей организации. М.: Гребенников, 2009. 253 с.

6. Котельников В. Ю. ТЕН3: новые бизнес-модели для новой эпохи быстрых перемен, движимых инновациями. Сер. Бизнес-коуч. М.: Эксмо, 2007. 90 с.

7. Крюков В. А., Токарев А. Н. Особенности пространственного развития нефтегазового сервиса: глобальные тенденции и уроки для России // Регион: экономика и социология. 2017. №3(95). С. 189–214.

8. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей. М.: Альпина-паблишер, 2010. 330 с.

9. Портер М. Конкурентная стратегия. Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина-паблишер, 2015. 453 с.

10. Cherepovitsyn A., Tsvetkova A., Komentantova N. Approaches to Assessing the Stra-

tegic Sustainability of High-Risk Offshore Oil and Gas Projects. *J. Mar. Sci. Eng.* 2020. №8. P. 995. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.3390/jmse8120995> (date accessed: 01.10.2021).

11. Hicks J.R. Value and capital. An inquiry into some fundamental principles of economic theory. 2nd ed. Oxford, 1946. 360 p.

12. Samuelson P.A. A note on the pure theory of consumer's behaviour // *Economics, New Series*. 1938. Vol. 5. №17. P. 61–71.

13. Slywotzky A., Morrison D.J. *The Profit Zone: How Strategic Business Design Will Lead You to Tomorrow's Profits*, 2002. 352 p.

References

1. Beloshickij A.V. Otdel'nye aspekty sravnenija organizacionnogo razvitija nefteservisnyh rynkov Rossii i mira [Some aspects of comparing the organizational development of oilfield service markets in Russia and the world]. *Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*. 2021; (6-1): 26–31. (In Russ.).

2. Berdnikov V.V. Analiticheskie mehanizmy razrabotki biznes-modelej [Analytical mechanisms of business model development]. *Sovremennye tendencii v jekonomike i upravlenii: novyj vzgljad [Modern trends in economics and management: a new look]*. 2011; (9): 146–151. (In Russ.).

3. Birjukova V.V. Proizvoditel'nost' hozjajstvennyh sistem i faktory ee rosta [Productivity of economic systems and factors of its growth]. V sbornike: Aktual'nye voprosy jekonomiki i upravlenija rossijskimi predpriyatijami. Sbornik nauchnyh trudov [In the collection: Topical issues of economics and management of Russian enterprises. Collection of scientific papers]. Omsk: Sibirskaja gosudarstvennaja avtomobil'no-dorozhnaja akademija (SibADI), 2009. Pp. 14–19. (In Russ.).

4. Gassman O. *Biznes-modeli: 55 luchshih shablonov [Business models: 55 best templates]*.

Gassman O., Frankenberger K., Shik M. Moscow: Al'pina-publisher, 2016. 233 p. (In Russ.).

5. Debelak D. *Biznes-modeli: principy sozdanija procvetajushhej organizacii [Business models: principles of creating a prosperous organization]*. Moscow: Grebennikov, 2009. 253 p. (In Russ.).

6. Kotel'nikov V. Ju. *TEN3: novye biznes-modeli dlja novoj jepohi bystryh peremen, dvizhimyh innovacijami. Ser. Biznes-kouch [TEN3: new business models for a new era of rapid change driven by innovation. Ser. Business coach]*. Moscow: Jeksmo, 2007. 90 p. (In Russ.).

7. Krjukov V.A., Tokarev A.N. Osobennosti prostranstvennogo razvitija neftegazovogo servisa: global'nye tendencii i uroki dlja Rossii [Features of spatial development of oil and gas service: global trends and lessons for Russia]. *Region: jekonomika i sociologija [Region: Economics and Sociology]*. 2017; 3(95): 189–214. (In Russ.).

8. Osterval'der A., Pin'e I. *Postroenie biznes-modelej [Building business models]*. Moscow: Al'pina-publisher, 2010. 330 p. (In Russ.).

9. Porter M. *Konkurentnaja strategija. Metodika analiza otraslej i konkurentov [Competitive strategy. Methods of analyzing industries and competitors]*. Moscow: Al'pina-publisher, 2015. 453 p. (In Russ.).

10. Cherepovitsyn A., Tsvetkova A., Komendantova N. Approaches to Assessing the Strategic Sustainability of High-Risk Offshore Oil and Gas Projects. *J. Mar. Sci. Eng.* 2020. №8. P. 995. [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.3390/jmse8120995> (date accessed: 01.10.2021).

11. Hicks J.R. Value and capital. An inquiry into some fundamental principles of economic theory. 2nd ed. Oxford, 1946. 360 p.

12. Samuelson P.A. A note on the pure theory of consumer's behaviour // *Economics, New Series*. 1938. Vol. 5. №17. P. 61–71.

13. Slywotzky A., Morrison D.J. *The Profit Zone: How Strategic Business Design Will Lead You to Tomorrow's Profits*, 2002. 352 p.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 24.11.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted on 18.11.2021; approved after reviewing on 24.11.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белошицкий Алексей Васильевич — кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела экономики природопользования на Европейском Севере, Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук (ИЭП КНЦ РАН).

Россия, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а

Alexey V. Beloshitskiy — Candidate of Economic Sciences, Researcher at the Department of Environmental Economics in the European North, Luzin Institute for Economic Studies — Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences» (IES KSC RAS).

24a Fersmana st., Apatity, Russia

Научная статья
УДК 330
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-159-169

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ФАКТОР,
ОТРАЖАЮЩИЙ КАЧЕСТВО УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

*Максим Александрович Бондарев¹✉, Екатерина Евгеньевна Яковлева²,
Марина Леонидовна Альпидовская³*

^{1, 2, 3}Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

¹bondarr2001@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-8684-6020, SPIN-код: 6806-3079

²prostoekaterinayakovleva@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2693-4058, SPIN-код: 1468-6000

³morskaya67@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9075-9683, SPIN-код: 1958-7585

Аннотация. *Целью исследования является проведение анализа эффективности использования имеющихся ресурсов для обеспечения устойчивой социально-экономической политики государства. Достижение поставленной цели потребовало решения комплекса задач: сформировать понимание ключевых особенностей функционирования социально-экономической системы, проанализировать агрегированную статистическую информацию на основе различных источников, обосновать взаимосвязь между показателями доходов и расходов граждан, а также темпов инфляции с одной стороны и уровнем жизни населения — с другой.*

Методология исследования. *В данной статье использованы традиционные методы исследования: системный анализ, дедукция, индукция, ситуационный анализ, аналогия и диалектика.*

Результаты исследования. *Базовыми факторами, определяющими уровень благосостояния населения, которые в свою очередь отражают качество проводимой в стране социально-экономической политики, являются уровень доходов населения, а также демографическая статистика. Было доказано, что главная задача социально-экономической политики государства — это обеспечение уверенности граждан в завтрашнем дне. Она должна представлять собой комплекс мер, обеспечивающих исполнение естественных прав человека за счёт реального сектора экономики и перераспределения имеющихся средств.*

Перспективу исследования *на сегодняшний день составляет проблема регулирования и обеспечения социально-экономической политики государства. Она имеет первостепенное значение с точки зрения дальнейших перспектив повышения уровня жизни населения. Данная работа представляет научный интерес для широкого круга специалистов и аналитиков. Помимо этого, информация, представленная в статье, может выступать научной базой для моделирования и прогнозирования приоритетных направлений социально-экономического развития страны.*

Ключевые слова: *социально-экономическая политика, уровень благосостояния населения, среднедушевые доходы населения, демографическая статистика, коэффициент дисконтирования, суммарный коэффициент рождаемости*

Для цитирования: *Бондарев М. А., Яковлева Е. Е., Альпидовская М. Л. Социально-экономическое развитие как фундаментальный фактор, отражающий качество уровня жизни населения: проблемы и пути решения // Вестник Южно-Российского*

государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 159–169. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-159-169>.

Original article

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AS FUNDAMENTAL FACTOR REFLECTING THE QUALITY OF THE STANDART OF LIVING OF THE POPULATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Maxim A. Bondarev¹✉, Ekaterina E. Yakovleva², Marina L. Alpidovskaya³

^{1, 2, 3}Financial University under the Government of Russia, Moscow, Russia

¹bondarr2001@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0001-8684-6020, SPIN: 6806-3079

²prostoeekaterinayakovleva@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2693-4058, SPIN: 1468-6000

³morskaya67@bk.ru, ORCID: 0000-0001-9075-9683, SPIN: 1958-7585

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the use of available resources to ensure a sustainable socio-economic policy of the state. Achieving this goal required solving a set of tasks: to form an understanding of the key features of the functioning of the socio-economic system, to analyze aggregated statistical information based on various sources, to substantiate the relationship between the indicators of income and expenses of citizens, as well as inflation rates on the one hand and the standard of living of the population on the other.*

Research methodology. This article uses traditional research methods: system analysis, deduction, induction, situational analysis, analogy and dialectics.

The results of the study. *The basic factors determining the level of well-being of the population, which in turn reflect the quality of the socio-economic policy pursued in the country, are the level of income of the population, as well as demographic statistics. It has been proved that the main task of the socio-economic policy of the state is to ensure the confidence of citizens in the future. It should be a set of measures ensuring the fulfillment of natural human rights at the expense of the real sector of the economy and the redistribution of available funds.*

The perspective of the study today is the problem of regulating and ensuring the socio-economic policy of the state. It is of paramount importance from the point of view of further prospects for improving the standard of living of the population. This work is of scientific interest to a wide range of specialists and analysts. In addition, the information presented in the article can serve as a scientific basis for modeling and forecasting priority areas of socio-economic development of the country.

Keywords: *socio-economic policy, level of well-being of the population, average per capita income of the population, demographic statistics, discount coefficient, total fertility rate*

For citation: *Bondarev M. A., Yakovleva E. E., Alpidovskaya M. L. Socio-economic development as fundamental factor reflecting the quality of the standart of living of the population: problems and solutions // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 159–169. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-159-169>.*

Введение. Основным фактором, обеспечивающим устойчивое развитие экономики государства, выступает совокупность количественных и качественных показателей,

определяющих уровень жизни населения. К таким показателям относят: уровень дохода домашних хозяйств, который позволяет им приобретать те или иные товары и услуги;

объём сбережений, находящихся в распоряжении домохозяйств; показатель расходов населения и объём потребления материальных благ и услуг; дифференциацию доходов населения; уровень границ бедности; социально-демографическую статистику и т.д. Рассмотрим некоторые из перечисленных показателей на примере Российской Федерации.

Доходы населения. Прежде всего, структуру доходов населения составляют: заработная плата наёмных работников и доходы предпринимателей; доходы, получаемые от использования и распоряжения собственностью; социальные выплаты, включающие пенсии, стипендии и т.д.; доходы от инвестиционной деятельности и т.п.

На основе данных официальной статистики рассмотрим следующий график (рис. 1)¹.

В ходе анализа представленного графика можно заметить восходящую линию тренда

среднедушевых доходов населения. Её можно будет увидеть и при детальном рассмотрении среднедушевого дохода населения по субъектам РФ. Однако прежде чем давать какие-либо комментарии касательно роста доходов населения, проведём некоторые расчёты. В экономической статистике часто используется такой показатель, как дисконтирование (приведение всех данных к определённому моменту времени). Таким образом, возможно рассчитать эквивалент текущих доходов граждан их доходам, например, в 2013 году (табл. 1)².

Уровень инфляции показывает, на сколько процентов обесценивается каждый рубль за год. Таким образом, чтобы приобрести товар в конце 2013 года (без учёта снижения его стоимости за счёт устаревания и т.п.), нам понадобится сумма на 6,45% больше, чем в начале года. На основе этого суждения рассчитаем коэффициент дисконтирования путём перемножения сумм ставок инфляции и единицы:

Таблица 1
Table 1

Уровень инфляции в РФ по годам, %
Inflation rate in the Russian Federation by year, %

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
6,45	11,36	12,91	5,38	2,52	4,27	3,05	4,91

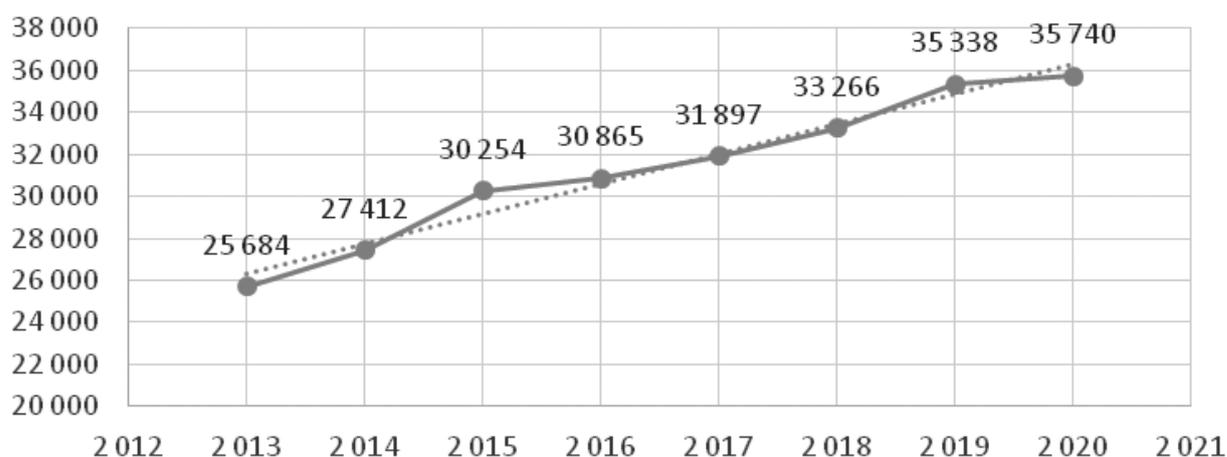

Рис. 1. Среднедушевые доходы населения РФ по годам, руб.

Fig. 1. Average per capita income of the population of the Russian Federation by year, rub.

¹ Среднедушевой доход населения: динамика, расчёт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/srednedushevoj-dohod/> (дата обращения: 09.10.2021).

² Инфляция в России. Таблицы уровня инфляции [Электронный ресурс]. URL: <https://уровень-инфляции.рф/таблицы-инфляции> (дата обращения: 09.10.2021).

$$(1 + 0,0645) \times (1 + 0,1136) \times (1 + 0,1291) \times \\ \times (1 + 0,0538) \times (1 + 0,0252) \times (1 + 0,0427) \times \\ \times (1 + 0,0305) \times (1 + 0,0491) = 1,63004.$$

Значит, рубль обесценился с 2013 по 2020 год в 1,63004 раза. Таким образом, эквивалент среднедушевой заработной платы за 2020 год к 2013 году составит:

$$35740 / 1,63004 = 21925,84 \text{ руб.}$$

Выходит, что среднедушевой доход населения с учётом инфляции сократился. Такая тенденция вызвана влиянием множества факторов. На сокращение эквивалентного дохода существенное влияние оказала внезапно возникшая пандемия 2019-го года, вызвавшая прирост уровня инфляции в 2020 году, а также массовое банкротство множества организаций. Помимо этого, на уровень доходов граждан за эти годы влияли сокращение спроса на отдельные виды продукции РФ в связи с неустойчивой политической ситуацией и рядом направленных против нашей страны санкций, относительно высокая волатильность цен на нефть и нефтепродукты и т.д.

Также хотелось бы отметить, что, хотя рассмотренный выше показатель и признан одним из основных отражающих текущие доходы граждан, на наш взгляд, приведённые значения весьма условны, ведь среднедушевой доход населения рассчитывается путём деления годового объёма денежных доходов на среднегодовую численность населения. Так, например, рассмотрим значения этого показателя не по РФ в целом, а по федеральным округам (рис. 2)³.

Невооружённым взглядом можно заметить, что доходы в Центральном ФО и, например, Приволжском ФО отличаются почти в 2 раза. Так, расчёт среднего значения дохода по стране становится в значительной мере округлённым и весьма неточным.

Расходы населения. По структуре расходов населения можно определить уровень его благосостояния. Основываясь на многократно подтверждённом на практике законе Энгеля, который гласит: «...чем беднее семья, тем выше доля расходов на продовольствие...» и, соответственно, наоборот: «...чем богаче семья, тем выше доля расходов на ценные блага...», проанализируем следующую таблицу (см. табл. 2)⁴.

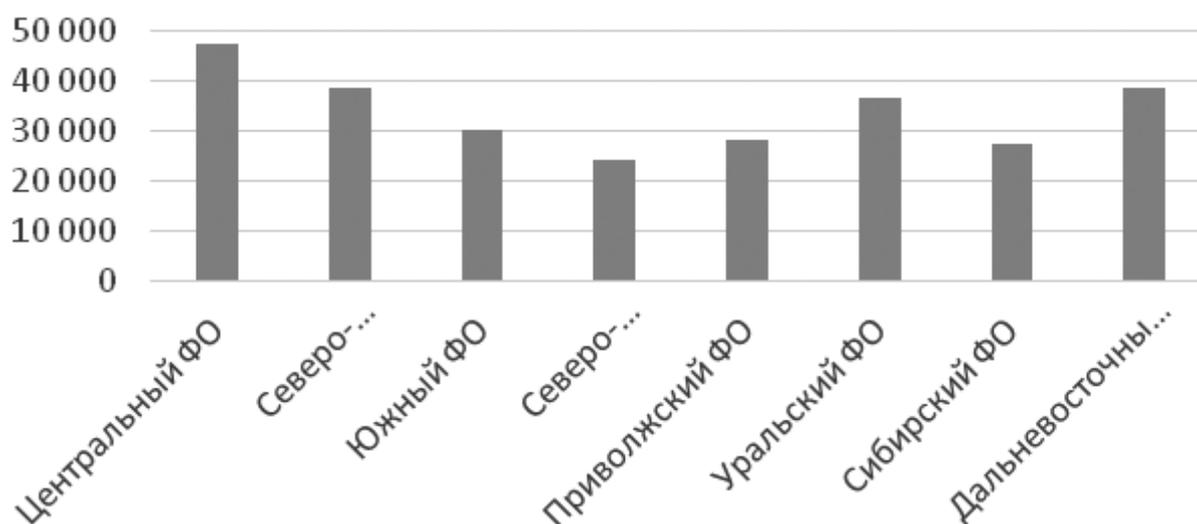

Рис. 2. Среднегодовой доход населения по федеральным округам, руб.

Fig. 2. Average annual income of the population by federal districts, rub.

3 Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации (новая методология) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения: 09.10.2021).

4 Федеральная служба государственной статистики. Уровень жизни. Доходы и расходы домашних хозяйств на потребление, уровень и структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств различных социально-экономических категорий [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 09.10.2021).

Таблица 2
 Table 2

Структура потребительских расходов домашних хозяйств в зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов по годам, %
Structure of household consumer spending depending on the level of per capita disposable resources by year, %

Расходы на:	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
	Доля расходов в общей её структуре							
продукты питания и безалкогольные напитки	27,7	28,5	32,1	32,3	31,6	30,7	29,7	33,2
организацию отдыха и культурные мероприятия	7,2	7,1	6,7	6,7	7	7,8	8,4	5,8

Как видно из данных таблицы, расходы на продукты питания возросли на 4,6 процентных пункта в период с 2013 по 2016 годы, что объясняется валютным кризисом 2014–2015 годов, в ходе которого населению было свойственно сохранять денежные средства в качестве сбережений в целях обеспечения своих трат в будущем. В последние же годы доля расходов на продукты первой необходимости имеет тенденцию к снижению. В свою очередь, доля затрат на организацию досуга постепенно возрастает последние 5 лет (не считая 2020 год с установленными локдаунами и ограничениями и, как следствие, банкротство большого количества предприятий и временную потерю многими домашними хозяйствами основных источников доходов, а также ограничения в сфере туризма). Всё это может служить основой для вывода о том, что уровень благосостояния населения нашей страны постепенно возрастает, граждане могут позволить себе тратить больше средств на отдых и приобретение ценных благ.

Стоит отметить, что такая тенденция вызвана отнюдь не ростом доходов граждан, а лишь увеличением объёма выданных кредитов [1]. Причём общая сумма займов за первый квартал 2021 года увеличилась по сравнению с аналогичными периодами 2019 и 2020 годов и составила около 20,8 трлн. рублей, что является рекордным пока-

зателем. Известное аналитическое агентство Frank RG провело подсчёты и выяснило, что за первые месяцы 2021 года физическим лицам было выдано почти 4,2 трлн. руб. займов (на 50% больше, чем в 2020 и 2021 годы), причём в апреле был установлен новый месячный рекорд — 1,3 трлн. руб., что на 178% больше, чем в апреле 2020 года⁵. При этом, по заявлению Национального бюро кредитных историй, высокими темпами растёт и объём просроченных потребительских кредитов. Таким образом, проблема закредитованности населения с каждым годом всё ухудшается.

Эти и многие другие показатели в той или иной мере отражают уровень благосостояния населения, однако важной также является и оценка самим населением своего финансового положения (табл. 3)⁶.

Данные таблицы 3 позволяют делать вывод о том, что в целом последние 4–5 лет финансовое положение населения улучшается. Это обусловлено резким ростом доли домохозяйств, которые способны позволить себе приобретение товаров длительного пользования (на наш взгляд, именно эта категория граждан и составляет средний класс), и устойчивым сокращением доли граждан, которым не хватает денег даже на пропитание (часть населения, которая находится за чертой бедности). Однако, несмотря на улучшение

⁵ Новостной портал «Московский Комсомолец». Установлен новый рекорд закредитованности россиян [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/05/24/ustanovlen-novyy-rekord-zakreditovannosti-rossiyan.html> (дата обращения: 07.10.2021).

⁶ Федеральная служба государственной статистики. Уровень жизни. Доходы, расходы и сбережения населения [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения: 12.10.2021).

Таблица 3
Table 3

**Оценка своего финансового положения домашними хозяйствами,
в % ко всем домохозяйствам
Assessment of their financial situation by households, in % to all households**

Домохозяйства, оценившие свое финансовое положение следующим образом:	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Не хватает денег даже на еду	1,2	1,1	1,2	1	0,9	0,7	0,4	0,2
Затруднительно покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги	18,9	18,8	19,4	20,5	19,2	14,6	13,1	12,5
Не могут позволить покупку товаров длительного пользования	45,3	45	45,3	47,6	49,5	48,3	48,6	48,1
Не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры	30,7	32	29,7	26,7	26,6	32,5	34,4	36,4
Средств достаточно, чтобы купить все, что считают нужным	3,2	2,6	2,4	3	2,9	3,2	2,9	2,6
Затруднились ответить	0,8	0,5	2	1,2	0,9	0,7	0,5	0,2

ние отдельных показателей, мы можем также наблюдать и относительно неизменный уровень показателя, отражающего долю населения, которое уже способно обеспечить себя самым необходимым, но при этом не может позволить приобретение товаров длительного потребления.

Демографическая статистика. К иным исследуемым показателям социально-экономического развития относят демографическую статистику (её можно определить как соотношение рождаемости и смертности, а также миграционными процессами) [3]. Известно, что в большинстве стран Европы популярно такое движение, как «чайлдфри» (childfree), когда люди сознательно выбирают свободу личности вместо рождения детей [4].

В то же время увеличился процент малышей, рождённых в неполных семьях, возросло число нетрадиционных браков, что по своей природе не приводит к воспроизводству

населения, в результате чего формируется демографическое старение. Подчеркнём, что Интернет, телевидение и СМИ как средства формирования массовой культуры оказали огромное влияние на восприятие человеком окружающего мира, в том числе молодого поколения. Вместе с тем кинематографический образ нарушает традиционные ценности человеческой жизни. Данный шаблон поведения был навязан давным-давно и России.

По данным Росстата, на 2019 г. численность населения нашей страны достигла 146 млн. 780 тыс. чел., за 2020 г. этот показатель снизился до 146 млн. 238 тыс. чел. и составил на 1 января 2021 г. 146 млн. 238 тыс. чел. (табл. 4)⁷.

При этом в ряде регионов Северо-Западного, Центрального, Уральского, Северо-Кавказского федерального округов численность населения возросла главным образом за счёт миграционных процессов (табл. 5)⁸.

Стоит подчеркнуть, что уменьшение численности сельского населения напрямую свя-

⁷ Демография и уровень жизни в России по годам с 1897–2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/782-obshchaya-chislenost-naseleniya-rossii/> (дата обращения: 05.10.2021).

⁸ Рейтинг регионов по демографии — 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200421/630168368.html/> (дата обращения: 05.10.2021).

Таблица 4
 Table 4

Численность населения России по годам
Population of Russia by year

Годы	Численность населения России, млн. человек	В том числе, млн. чел.		В общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское
2015	146 267 288 ↑	108,3	38	74%	26%
2016	146 544 710 ↑	108,6	37,9	74%	26%
2017	146 804 372 ↑	109	37,8	74%	26%
2018	146 880 432 ↑	109,3	37,6	74%	26%
2019	146 780 720 ↓	109,5	37,3	75%	25%
2020	146 745 098 ↓	109,6	37,2	75%	25%
2021	146 238 185 ↓	109,3	36,9	75%	25%

Примечание. Данные по общей численности населения России приведены за 2015 г. и последующие годы с учетом численности населения Республики Крым и г. Севастополя. 2021 год — это предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2021 г. по расчету от 25.01.2021 г.

Таблица 5
 Table 5

Рейтинг регионов по демографии
Rating of regions by demography

Регион	Миграционный прирост
Москва	257,3 тыс. чел
Санкт-Петербург	106,8 тыс. чел
Московская область	298,7 тыс. чел
Тюменская область	46,9 тыс. чел
Республика Татарстан	11,7 тыс. чел

зано с увеличением миграции и низким уровнем рождаемости. К примеру, до революции в России были распространены крестьянские многодетные семьи. Дети помогали не только по хозяйству, но и являлись крепкой опорой в старости. При капиталистических отношениях женщина была впервые взята из семьи [2]. Она принимала активное участие в общественных делах наравне с мужчинами. Детский и женский труд в XVII–XIX вв. стали использовать чаще, т.к. появились первые механические станки [7], на них женщины и подростки выполняли работу быстрее

и лучше и при этом за свой труд просили немного. В то время натуральное хозяйство сменяется частной собственностью, поэтому стало намного выгоднее приобретать необходимые вещи, нежели изготавливать их самим. К тому же мужчин-рабочих не становится меньше, они переходят в другие отрасли. Таким образом, некоторые виды производства становятся исключительно женскими, например, швейное или кружевное.

В наши дни женщина на первое место ставит карьеру, также нельзя исключить важность получения образования и самореализа-

цию в жизни. Следует отметить, что от репродуктивного возраста женщины зависит число родившихся детей. Обращаясь к демографическому словарю, можно заметить, что его границы устанавливаются от 15–49 лет, но для государств с низким уровнем рождаемости — от 15–44 лет [6].

Благодаря данным федеральной службы государственной статистики, мы можем увидеть тенденцию суммарного коэффициента рождаемости (СКР). Таким образом, возраст женщины при рождении первого ребёнка достигает 30 лет и выше, в связи с чем сокращается уровень естественного прироста населения (рис. 3).

Например, суммарный коэффициент рождаемости в 2000 году составил 1,29%, в 2011 году он вырос до 1,58%, на протяжении последующих лет не уменьшался, достиг максимального уровня в 2015 году, но в 2018 году уменьшился до 1,58%.

Второй момент, на который следует обратить внимание: женщины старшего возраста имеют более высокий риск рождения детей с генетической патологией. Основным фактор — старение яйцеклеток. В результате этого каждое последующее поколение менее здорово, чем родительское.

Безусловно, демографический кризис — опасная проблема, которая может привести к непоправимым последствиям, однако выход для нашей страны есть. Важно перестроить систему, направленную на социально-экономическое развитие человека. К сожалению, сегодня теоретическая концепция достойного уровня жизни далека от совершенства. Такой наш вывод подтверждается неравенством доходов, высоким уровнем бедности, устойчивым ростом цен на потребительские товары, низким качеством медицинского обслуживания и т. п.

Выводы. Таким образом, на основе проведённого анализа массива данных, отражающих основные показатели благосостояния населения, можно подвести краткие итоги. Несмотря на то, что общий уровень жизни граждан вырос за последние годы, значительная часть населения всё ещё нуждается в социальной поддержке, а также в поддержке со стороны государства (различные социальные пособия, пенсии и т. п.). Для решения данной проблемы необходимо проводить политику, направленную на повышение уровня доходов граждан, особенно малообеспеченных семей. Для этого следу-

Рис. 3. Рождаемость в России, общее количество и коэффициент СКР [5]
 Fig. 3. Birth rate in Russia, total number and TFR coefficient

ет установить минимальный размер оплаты труда на уровне 50% от средней зарплаты (в РФ эта сумма составляет 25% средней з/п), следует увеличить пособие по безработице в 2,5–3 раза, а сумма пенсии должна составлять около 40–50% от полной з/п. Данные нормы устанавливаются Международной организацией труда и приняты в большинстве развитых и развивающихся стран с уровнем средних доходов, аналогичным РФ. При этом повышение уровня доходов и пенсий граждан возможно за счёт свободных средств предприятий, так как их финансовый результат за последние годы увеличился на 70%. Данные меры позволят избежать чрезмерных потерь бюджета и повысить уровень жизни населения.

Заключение. Стоит отметить, что главная задача социально-экономической политики государства — это обеспечение уверенности граждан в завтрашнем дне. Она должна представлять собой комплекс мер, обеспечивающих исполнение естественных прав человека за счёт реального сектора экономики и перераспределения имеющихся средств.

Список источников

1. Альпидовская М.Л. Записки о новой реальности: постижение глобальных замыслов: монография. М.: Прометей, 2021. 172 с.
2. Альпидовская М.Л., Соколов Д.П. Современные противоречия современной системы «хозяйствования» // Вестник ВолГУ. Сер. 3. Экономика. Экология. 2019. Т. 21. №2. С. 6–18.
3. Валентей Д.И. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1985. 607 с.
4. Голубова Т.Н., Махкамова З.Р., Литвиненко А.И. Феномен «чайлдфри» и проблемы рождаемости в современной России // Таврический медико-биологический вестник. 2016. Т. 19. №4. С. 18–22.
5. Казенин К.И. Рождаемость в России в 2020 г.: региональная динамика // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. №3. С. 50–54.
6. Медков В.М. Словарь демографических терминов. Демография. М., 2004. 575 с.

7. Михеичева В.Л. Условия труда фабрично-заводских рабочих в Российской империи в последней четверти XIX в. // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. №2. С. 47–50.

References

1. Al'pidovskaja M.L. Zapiski o novoj real'nosti: postizhenie global'nyh zamyslov: monografija [Notes on a new reality: comprehension of global ideas: monograph]. Moscow: Prometej, 2021. 172 p. (In Russ.).
2. Al'pidovskaja M. L., Sokolov D. P. Sovremennye protivorechija sovremennoj sistemy «hozjajstvovanija» [Modern contradictions of the modern system of «management»]. *Vestnik VolGU. Ser. 3. Jekonomika. Jekologija* [Bulletin of the Volga. Ser. 3. Economy. Ecology]. 2019; 21(2): 6–18. (In Russ.).
3. Valentej D.I. Demograficheskiy jenciklopedicheskiy slovar' [Demographic Encyclopedic dictionary]. Moscow: Sov. Jenciklopedija, 1985. 607 p. (In Russ.).
4. Golubova T.N., Mahkamova Z.R., Litvinenko A. I. Fenomen «chajldfri» i problemy rozhdaemosti v sovremennoj Rossii [The phenomenon of «childfree» and problems of fertility in modern Russia]. *Tavrisheskiy mediko-biologicheskiy vestnik* [Tauride medico-biological Bulletin]. 2016; 19(4): 18–22. (In Russ.).
5. Kazenin K.I. Rozhdaemost' v Rossii v 2020 g.: regional'naja dinamika [Birth rate in Russia in 2020: regional dynamics]. *Jekonomicheskoe razvitie Rossii* [Economic development of Russia]. 2021; 28(3): 50–54. (In Russ.).
6. Medkov V.M. Slovar' demograficheskikh terminov. Demografija [Dictionary of Demographic terms. Demography]. Moscow, 2004. 575 p. (In Russ.).
7. Miheicheva V.L. Uslovija truda fabrichno-zavodskih rabochih v Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XIX v. [Working conditions of factory workers in the Russian Empire in the last quarter of the XIX century]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaja nauka»* [International scientific journal «Innovative Science»]. 2016; (2): 47–50. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 04.12.2021; принята к публикации 08.12.2021.
The article was submitted on 28.11.2021; approved after reviewing on 04.12.2021; accepted for publication on 08.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарев Максим Александрович — студент 3-го курса по программе бакалавриата, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, ул. Керченская, 1А, корп. 2

Maxim. A. Bondarev — 3rd year student in the Bachelor's degree program, Financial University under the Government of the Russian Federation.

1A Kerchenskaya st., bld. 2, Moscow, Russia

Яковлева Екатерина Евгеньевна — студент 3-го курса по программе бакалавриата, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Россия, г. Москва, ул. Петрозаводская, 11, корп. 1, кв. 23

Ekaterina E. Yakovleva — 3rd year student in the Bachelor's degree program, Financial University under the Government of the Russian Federation.

11 Petrozavodskaya st., bld. 1, app. 23, Moscow, Russia

Альпидовская Марина Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

Россия, г. Москва, ул. Народного Ополчения, 54

Marina L. Alpidovskaya — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of Russia Federation.

54 Narodnogo Opolcheniya st., Moscow, Russia

Вклад авторов:

Бондарев М. А. — написание исходного текста; проведение статистического исследования; разработка методологии; анализ доходов населения, а также совокупности факторов, влияющих на его изменение; итоговые выводы.

Яковлева Е. Е. — написание исходного текста; проведение статистического исследования; сбор и систематизация данных; анализ демографической статистики и расчёт базовых коэффициентов рождаемости; итоговые выводы.

Альпидовская М. Л. — научное руководство; разработка концепции исследования; утверждение окончательного варианта; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Bondarev M. A. — writing the source text; conducting a statistical study; developing a methodology; analyzing the income of the population, as well as a set of factors affecting its change; final conclusions.

Yakovleva E. E. — writing the source text; conducting statistical research; collecting and systematizing data; analyzing demographic statistics and calculating basic fertility rates; final conclusions.

Alpidovskaya M. L. — scientific guidance; development of the research concept; approval of the final version; final conclusions.

Научная статья

УДК 338.23

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-170-186

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УСТОЙЧИВОСТИ ПРОЕКТОВ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

Диана Михайловна Дмитриева¹,
Виктория Максимовна Соловьева²✉, Евгения Григорьевна Рутенко³

^{1,2,3}Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹diana-dmitrieva@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4208-4842, AuthorID РИНЦ: 617505

²vikasolovyova9@gmail.com✉, ORCID: 0000-0003-2696-8143, AuthorID РИНЦ: 928987

³evgewe@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 1079584

Аннотация. Целью исследования является формирование концептуальных подходов к устойчивости проектов минерально-сырьевого комплекса в условиях повышения уровня турбулентности макроокружения, формирования новых вызовов и тенденций.

Методологическая основа исследования. Теоретической базой проводимого исследования выступают основы концепции устойчивости и устойчивого развития, ключевых принципов и особенностей устойчивого развития, концептуальных подходов к стратегической устойчивости. Для определения современных вызовов реализации проектов в сфере минерально-сырьевых комплексов проведен контент-анализ российской и зарубежной литературы, задействованы аналитические и статистические данные. В работе использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, декомпозиции факторов, элементы стратегического анализа и планирования.

Результаты исследования. Результаты работы состоят в уточнении теоретических аспектов устойчивого развития и устойчивости проектов, в обосновании высокого уровня неопределенности макроэкономических параметров реализации проектов в сфере минерально-сырьевых комплексов ввиду значительной турбулентности внешних факторов и появления новых вызовов, в установлении необходимости трансформации устоявшихся подходов к устойчивому развитию проектов. В исследовании разработаны концептуальные основы стратегической устойчивости проектов, соответствующие новому подходу к оценке устойчивого развития и построенные на учете фактора неопределенности и высокого уровня турбулентности макроокружения.

Перспективы исследования заключаются в практическом использовании разработанных подходов для формирования моделей устойчивой реализации проектов в сфере минерально-сырьевых комплексов.

Ключевые слова: минерально-сырьевой комплекс, проекты, устойчивое развитие, новые подходы, вызовы, турбулентность

Для цитирования: Дмитриева Д. М., Соловьева В. М., Рутенко Е. Г. Новые подходы к устойчивости проектов минерально-сырьевого комплекса в условиях современных вызовов // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 170–186. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-170-186>.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации, проект НШ-2692.2020.5 «Моделирование эколого-сбалансированного и экономически устойчивого освоения углеводородных ресурсов Арктики».

Original article

NOVEL APPROACHES TO THE MINING PROJECTS' SUSTAINABILITY IN A VIEW OF CURRENT CHALLENGES

Diana M. Dmitrieva¹, Victoria M. Solovyova²✉, Evgeniya G. Rutenko³

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia*

¹*diana-dmitrieva@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4208-4842, AuthorID RSCI: 617505*

²*vikasolovyova9@gmail.com✉, ORCID: 0000-0003-2696-8143, AuthorID RSCI: 928987*

³*evgewe@mail.ru, AuthorID RSCI: 1079584*

Abstract. *The purpose of the research is to create conceptual approaches towards the mining projects' sustainability in a view of an increase in macroeconomic turbulence, appearance of new challenges and trends.*

The methodological basis. *The theoretical basis of this research consists of the concept of sustainability and sustainable development, key principles and features of sustainable development, conceptual approaches to strategic sustainability. To determine the current challenges of implementing mining projects, a content analysis of Russian and foreign literature was carried out, analytical and statistical data was used. The investigation applied general scientific methods of analysis, synthesis, generalization, decomposition, elements of strategic analysis and planning.*

Research result. *The results of the study are to clarify the theoretical aspects of sustainable development and sustainability of the investment projects, to substantiate the high level of uncertainty in the macroeconomic parameters of the projects' implementation due to the high level of macroeconomic turbulence and the emergence of new challenges, to determine the need to transform the established approaches to projects' sustainable development. The investigation has developed a conceptual framework for the projects' strategic sustainability, corresponding to a new approach to assessing sustainable development and based on the uncertainty and high level of turbulence in the macroenvironment.*

The prospects of the research *consist in the practical use of the developed approaches for the formation of models for the sustainable implementation of the mining projects.*

Keywords: *mineral resource complex, projects, sustainable development, novel approaches, challenges, turbulence*

For citation: *Dmitrieva D. M., Solovyova V. M., Rutenko E. G. Novel approaches to the mining projects' sustainability in a view of current challenges // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 170–186. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-170-186>.*

Acknowledgments. *The research was carried out with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation, the project NSch-2692.2020.5 «Modeling of ecologically balanced and economically sustainable development of hydrocarbon resources of the Arctic».*

Введение. В настоящее время проблематика устойчивого развития проектов (систем, комплексов) является особенно актуальной — ужесточаются экологические стандарты, меняются подходы и требования к финансированию проектов, интенсивно развивается сектор «зеленой» экономики и энергетики, меняются потребности общества. Осуществление инвестиционных проектов рассматривается не только с позиции получения финансово-экономических показателей, но и в контексте их вклада в достижение глобальных Целей устойчивого развития (ЦУР) [9].

Для проектов в сфере промышленного освоения минерально-сырьевого комплекса (МСК) тематика устойчивости приобретает особую значимость [10–12]. Масштабность таких проектов предопределяет существенные экологические и социальные последствия их реализации, что обуславливает необходимость учета множества факторов при принятии управленческих решений об их осуществлении и разработка стратегий долгосрочного развития. Более того, современные макроэкономические условия свидетельствуют о высокой степени неопределенности и турбулентности макроокружения [5]. Новые тенденции требуют от компаний гибкости и способности не только быстро адаптироваться, но и сохранять устойчивость в долгосрочной перспективе.

Возникающие тенденции на мировых рынках, высокая степень изменчивости окружения бизнеса, бурное развитие технологий, смещение акцента в сторону экологизации производств, повышение значимости социальной составляющей — все это, дополняясь геополитическими и макроэкономическими параметрами, объективно требует пересмотра сложившихся подходов к обеспечению устойчивости реализуемых проектов в сфере МСК, что обуславливает актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Теоретические основы устойчивости и устойчивого развития (УР). Согласно классической трактовке устойчивое развитие — это тип развития (системы, комплекса, проекта), предусматривающий учет и согласованность трех ключевых составляющих: экологической, экономической и социальной [16]. Сам термин «устойчивое развитие»

впервые был введен еще в 1987 году в докладе «Наше общее будущее», подготовленном Всемирной комиссией ООН по окружающей среде и развитию [28]. Впоследствии по мере повышения интереса к решению социальных и экологических задач была сформирована целостная концепция устойчивого развития, согласно которой экономический рост не может быть единственным приоритетом при принятии управленческих решений.

Несмотря на общепризнанность основ концепции устойчивого развития, существуют различные подходы к ее интерпретации. В зарубежной литературе понятие устойчивости тесно связывают с социально-экологическими параметрами. В работе зарубежного ученого Дж. Хакла выделено два ключевых подхода к определению устойчивости: а) реформистский подход, согласно которому экономические, экологические и социальные приоритеты должны осуществляться сбалансированно; б) радикальный подход, предполагающий развитие экономических и социальных приоритетов в рамках устанавливаемых экологических ограничений (рис. 1) [29].

Исходя из радикального подхода, можно выделить две категории, лежащие в основе концепции устойчивого развития: с одной стороны, потребности общества (в том числе приоритетные потребности), с другой — ограничения, связанные с социально-экологическими параметрами [29]. Именно в рамках данной концепции был сформирован ряд подходов к оценке стоимости природных ресурсов (в контексте признания исчерпаемости ресурсного потенциала).

Вопреки тому факту, что концепция устойчивого развития является общепринятой, существует мнение о том, что «устойчивость» и «развитие» являются несопоставимыми понятиями. Это связано с тем, что «развитие» непременно сопряжено с движением и динамичными переменами. Если же обратиться к термину «устойчивость», то можно сказать, что под ним понимают способность системы к сохранению и поддержанию определенных характеристик во времени [25; 30]. Противоречие связано и с тем, что в научной литературе продолжают дискуссии относительно того, являются ли понятия «устойчивое развитие» и «устойчивость» одинаковыми или все же имеют различную смысловую нагрузку [30].

Согласно определению UNESCO устойчивость — это общая парадигма будущего развития и устройства мира на основе триединства экономики, экологии и социума, в то время как устойчивое развитие — это конкретные шаги и направления, реализуемые для ее достижения¹. Однако выдвигаются и предположения о том, что обозначенные концепции не только не имеют ничего общего, но даже противоречат друг другу [25].

Как экономическая категория «устойчивость» отражает «особое состояние» хозяйственной системы (проекта, комплекса), гарантирующее возможность ее эффективного развития в условиях высокой степени нестабильности макросреды [16]. Соответственно, в зависимости от факторов, влияющих на рассматриваемую систему, выделяют финансовую, ценовую, рыночную и другие виды устойчивости.

В экономической теории устойчивость рассматривается с позиции концепции экономического равновесия, согласно которой достижение равновесного состояния системы является одной из важнейших макроэкономических задач [20]. В финансовом менеджмен-

те же данный термин связывают с достижением необходимых финансово-экономических показателей (в пределах установленных требований и норм) [17].

Среди основных признаков, характеризующих устойчивость, выделяют удовлетворение текущих потребностей без ущерба для будущих поколений, рациональное использование имеющегося ресурсного потенциала, учет общественных интересов и экологических аспектов. В некоторых источниках литературы устойчивость рассматривается исключительно с позиции охраны окружающей среды (environmental sustainability)² [29].

В настоящее время по мере усложнения параметров макросреды и повышения требований и стандартов, предъявляемых к компаниям и проектам, содержательные аспекты устойчивости постепенно расширяются. Так, в зарубежной практике свое применение нашел новый подход к инвестированию — «ответственное инвестирование», в основе которого лежит учет факторов управления ESG (Ecological, social & governmental) [27].

Более того, теперь реализация проектов и деятельность компаний рассматриваются

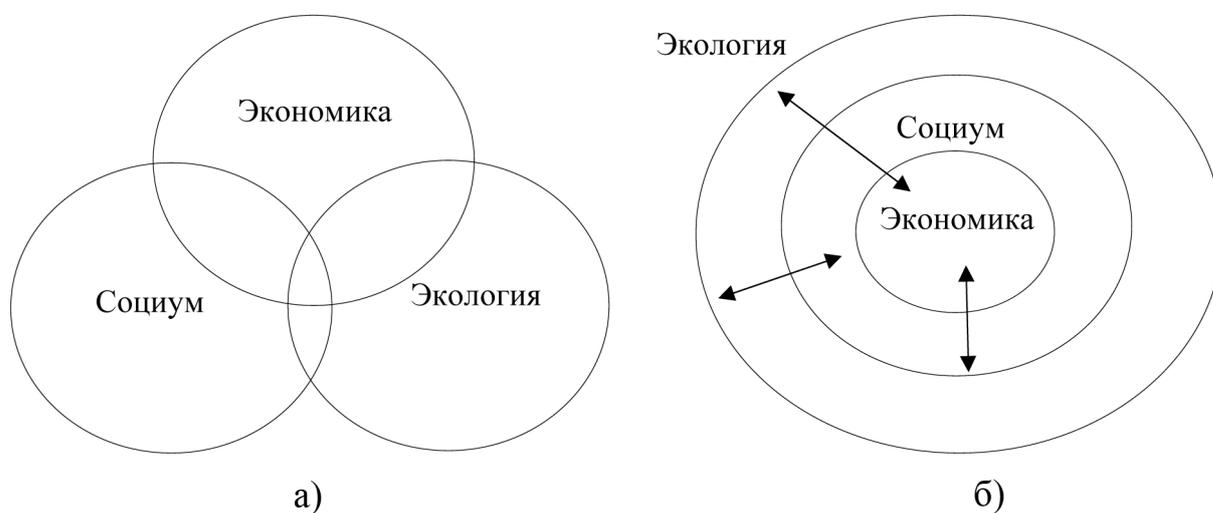

Рис. 1. Различные подходы к интерпретации устойчивости и устойчивого развития:

а) реформистский подход; б) радикальный подход [29]

Fig. 1. Various approaches to the interpretation of sustainability and sustainable development:

a) reformist approach; b) radical approach [29]

¹ United Nations General Assembly «Sustainable development: managing and protecting our common environment 2005». World Summit Outcome, 2005. [Electronic resource]. URL: <http://daccess-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/487/60/PDF/N0548760.pdf> (date accessed: 27.09.2021).

² Environmental Sustainability [Electronic resource] // Advances in Ecological Research, 2019. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/agricultural-and-biological-sciences/environmental-sustainability> (date accessed: 23.09.2021).

не только в контексте достижения показателей устойчивого развития (УР) на микроуровне, но и с позиции возможности их вклада в достижение глобальных Целей УР, направленность которых выходит за рамки классической триады «экономика-экология-общество» [4].

Для минерально-сырьевого комплекса проблематика обеспечения устойчивости реализации проектов представляется особенно актуальной. С одной стороны, указанный сектор формирует значительный вклад в развитие экономики, с другой стороны, его функционирование связано с повышенными экологическими и социальными рисками [12]. В зарубежной научной литературе выдвигается тезис о том, что ведение горных работ априори не является устойчивым ввиду необратимости формируемых последствий.

В то же время зарубежный ученый Дж. Найн высказал идею о том, что хоть промышленное освоение минерально-сырьевого сектора и неустойчиво, но его УР может внести свой вклад в достижение заявленных ранее глобальных целей устойчивого развития³. Очевидно, что добыча и переработка полезных ископаемых неизбежны ввиду высокой значимости природных ресурсов для экономики и промышленности всех стран мира. Поэтому сегодня фокус смещается в сторону того, как проектам и компаниям, осуществляющим деятельность в секторе МСК, адаптироваться к возникающим тенденциям (низкоуглеродное развитие, «зеленая» экономика) и новым вызовам, а также как обеспечить устойчивый рост в долгосрочной перспективе, опираясь на триединство ключевых составляющих⁴.

Ключевые вызовы, формирующие неопределенность реализации проектов в сфере МСК. В последние годы сектор МСК претерпевает существенные преобразования, связанные с возникающими тенденциями на глобальном рынке сырьевых ресурсов: меняется структура потребностей, повышаются требования и стандарты, возрастает роль цифровизации и пр. [2; 6; 8; 31].

В отчете Deloitte «Тенденции развития-2021» было выделено десять новых трендов, оказывающих непосредственное влияние на функционирование мирового сектора освоения минеральных ресурсов, среди которых выделяют усиление процессов декарбонизации, повышение значимости использования альтернативных источников энергии, изменение ключевых принципов инвестирования [18]. В обозначенном отчете выдвигут тезис о том, что для компаний важный «урок» пандемийного и пост-пандемийного периодов (COVID-19) состоит в осознании ценности работы по укреплению устойчивости в постоянно меняющихся, турбулентных условиях.

Понятие «турбулентности» было введено в науку И. Ансоффом. Данный термин характеризует динамизм среды, оцениваемый такими параметрами, как степень непостоянства рыночной среды, скорость изменений, интенсивность конкуренции и появление новых технологических возможностей [22]. Чем выше уровень турбулентности макроокружения, тем более непредсказуемы последствия преобразований. В предыдущих исследованиях авторами статьи было установлено, что для современных отраслей МСК, в частности для энергетического сектора, характерен значительный уровень турбулентности (наиболее высокий по классификации И. Ансоффа), чему есть объективное обоснование [5]. В качестве ключевых трендов, оказывающих воздействие на скорость преобразований на уровне мирового рынка энергоресурсов, следует выделить [5; 18]:

— усложнение технологической составляющей под влиянием таких параметров, как истощение традиционных запасов углеводородного сырья, ухудшение горно-геологических условий введенных в эксплуатацию месторождений;

— усиление процессов цифровизации и дигитализации, требующих трансформации не только производственных процессов, но и изменения подходов к управлению;

3 Keen J. Can be mining sustainable? [Electronic resource]. URL: <https://ensia.com/articles/mine-over-matter/> (date accessed: 15.09.2021).

4 The Importance of Sustainability in Mining Operations. Engineers Australia [Electronic resource]. URL: <https://www.engineersaustralia.org.au/News/importance-sustainability-mining-operations> (date accessed: 17.09.2021).

— ужесточение конкурентной борьбы на традиционных рынках углеводородных ресурсов, определяющее ценность и роль формирования конкурентных преимуществ для удержания позиции на рынке нефтепродуктов;

— интенсификация тенденций «зеленого» роста, определяющих высокие экологические стандарты и требования, предъявляемые к проектам и компаниям в сфере добычи углеводородных ресурсов;

— повышение роли социальных аспектов, необходимость проведения открытой политики и учета интересов ключевых стейкхолдеров, в частности общества.

Последние события, связанные с глобальной пандемией (COVID-19), предопределили повышение степени неопределенности и уровня турбулентности на ключевых рынках природных ресурсов. Так, обращаясь к глобальному энергетическому сектору, стоит заключить, что пандемия внесла значительные коррективы в представление о его будущем функционировании и развитии [7].

Последствия ограничительных мер нашли свое отражение в резком спаде экономической активности на глобальном рынке нефтепродуктов и ужесточении ценовой конкуренции среди основных производителей энергоресурсов. По оценкам Междуна-

родного энергетического агентства (МЭА), в 2020 году мировой спрос на нефть снизился в среднем на 10% в сравнении с аналогичными показателями 2019 года, что отразилось и на структуре потребления первичной энергии (рис. 2).

Раньше прогнозы цены на нефть отличались «оптимистичностью»: так, по прогнозу The International Energy agency (IEA), составленному в 2019 году, цена на нефть будет непрерывно расти и к 2029–2030 годам достигнет значения в 110 долл./барр.⁵ Однако в 2020 году прогнозные оценки изменили вектор. Так, компания Eni, лидер на мировом рынке нефтегазовых ресурсов, прогнозирует медленный рост цен на нефть за счет постепенного восстановления мирового рынка энергоресурсов — к 2030 году цена не поднимется выше 70 долл./барр.⁶ Это мнение разделяют не только нефтегазовые компании (BP, Shell), но и международные агентства и организации (Deloitte, IMF, IEA и др.) [24].

На фоне высокой степени неопределенности энергетического сектора начала постепенно пересматриваться роль ископаемого топлива в структуре спроса на источники энергии. По мнению экспертов Всемирного энергетического совета (WEC), негативные тенденции глобального спроса на нефть сфор-

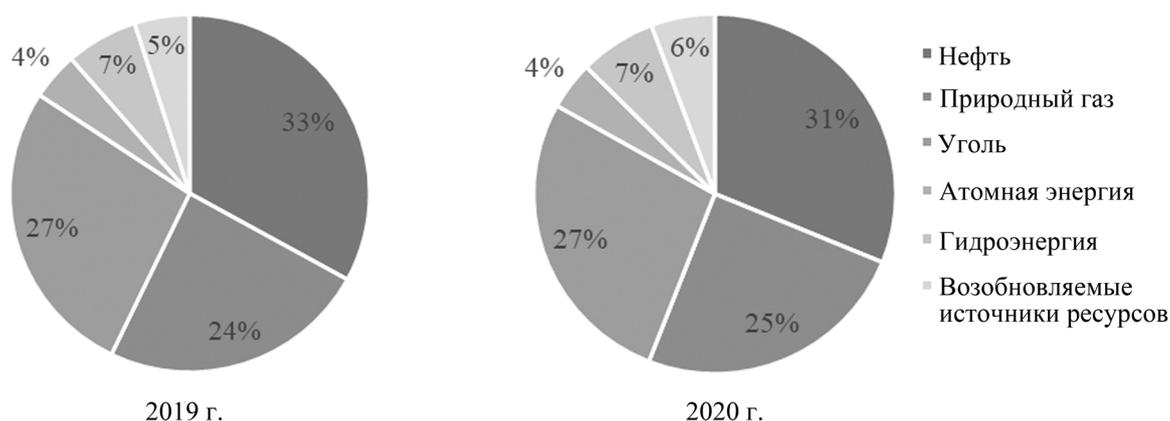

Рис. 2. Структура баланса потребления первичной энергии в мире по источникам⁷, %
Fig. 2. The structure of the balance of primary energy consumption in the world by sources, %

⁵ Oil-2020 [Electronic resource] // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-2020> (date accessed: 15.09.2021).

⁶ Crude Oil Price Forecast: 2020, 2021 and Long Term to 2030 [Electronic resource]. URL: <https://knoema.ru/infographics/yxptpab/crude-oil-price-forecast-long-term-2016-to-2025-data-and-charts> (date accessed: 18.09.2021).

⁷ Statistical Review of World Energy 2020, 69th edition [Electronic resource] // BP. 2020. 68 p. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>.

мировали новые возможности для компаний и проектов в контексте перераспределения капитала в сторону цифровых решений и экологически чистых технологий⁸. Международное рейтинговое агентство Moody's выдвинуло тезис о том, что именно пандемия и ее последствия стали ключевым «драйвером» к интенсификации усилий по осуществлению глобального энергетического перехода и изменению курса на низкоуглеродный тип развития⁹.

Тренды глобального энергетического перехода определяют смещение акцента с ископаемых источников получения энергии к возобновляемым, ввиду чего, по прогнозам международных экспертов, спрос на нефть в ближайшем будущем будет снижаться, в то время как существенно возрастут потребности в металлах, требуемых для создания «зеленых» технологий¹⁰ [23]. Согласно сценариям BP, отраженным в «The Energy Outlook», к 2050 году структура энергобаланса кардинально изменится в пользу преобладающей доли возобновляемых источников энергии¹¹. Сама компания стремится диверсифицировать собственные производственные мощности. По данным разработанной и утвержденной в 2020 году Стратегии, BP планирует сократить добычу нефти на собственных активах более чем на 40% и приостановить целый ряд перспективных проектов по освоению углеводородного сырья.

По прогнозу DNV GL Energy transition outlook 2020, доля нефти и угля в структуре предложения энергии в мире будет постепенно сокращаться. И если в 2018 году удельный вес нефти в общей структуре мирового предложения составлял 29%, а угля — 27%, то к 2040 году ситуация должна кардинально измениться — доля нефти составит не более 20%, а угля — лишь 15,5% [26].

Тенденции «зеленого» роста оказывают влияние и на финансирование новых нефтегазовых проектов. Так, в 2021 году крупнейшие банки США (UBS bank, Multiple United States banks, Wells Fargo & Company, Goldman Sachs) заявили о приостановке инвестирования шельфовых проектов, связанных с добычей нефтяных ресурсов¹². Комментируя сложившуюся ситуацию, компания Deloitte выделила два пути устойчивого развития нефтегазового сектора в новых условиях: 1) диверсификация бизнеса в пользу создания возобновляемых источников энергии и 2) внедрение прогрессивных технологий, при которых выбросы загрязняющих веществ и иные экологические последствия будут сводиться к нулю¹³.

На рисунке 3 систематизированы ключевые вызовы энергетического сектора, определяющие высокий уровень турбулентности макроокружения.

Важно заключить, что по мере роста неопределенности макроокружения и интенсификации динамики тенденций на глобальных рынках возникает объективная необходимость пересмотра существующих подходов к УР. Управленческие решения в отношении развития компаний и реализации инвестиционных проектов приобретают не краткосрочный, а долгосрочный характер. Необходимость учета множества трендов, улавливания совокупности «сигналов» со стороны внешнего окружения и адаптации к ним определяет новые требования к функциям стратегического планирования и управления и к обеспечению устойчивости осуществления инвестиционных проектов.

Трансформация традиционных подходов к устойчивости проектов. Долгосрочный характер принимаемых решений,

8 World Energy Council [Electronic resource]. URL: <https://www.worldenergy.org/> (date accessed: 04.09.2021).

9 Ryser J. Pandemic has accelerated transition to low-carbon economy: Moody's [Electronic resource]. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/electric-power/102220-pandemic-has-accelerated-transition-to-low-carbon-economy-moodys> (date accessed: 11.09.2021).

10 Responsible minerals sourcing for renewable energy [Electronic resource] // Institute for Sustainable Futures. 2019. URL: https://www.earthworks.org/cms/assets/uploads/2019/04/MCEC_UTS_Report_lowres-1.pdf (date accessed: 05.09.2021).

11 The Energy Outlook [Electronic resource] // BP. 2020. 81 p. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/bp-energy-outlook-2020.html>.

12 PBS Newshour, UBS Bank won't fund new offshore Arctic oil, gas projects [Electronic resource]. URL: www.pbs.org/newshour/economy/ubs-bank-wont-fund-new-offshore-arctic-oil-gas-projects (date accessed: 18.09.2021).

13 The 2030 decarbonization challenge. The path to the future of energy [Electronic resource] // Deloitte. 2021. 20 p. URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/energy-and-resources/articles/the-2030-decarbonization-challenge.html>.

необходимость учета и адаптация к новым вызовам обуславливают расширение перечня решаемых задач, выходящих за рамки достижения ряда социальных и экологических индикаторов. В таких условиях целесообразно обратиться к возникшему в науке относительно недавно понятию «стратегическая устойчивость инвестиционных проектов», рассматриваемому в российской литературе в контексте деятельности компаний и предприятий в приоритетных отраслях национальной промышленности.

В работе Н.С. Яшина были выделены ключевые подсистемы стратегической устойчивости, к которым относят [21]:

— оперативную устойчивость (способность организации выполнять формируемые планы по выпуску готовой продукции, сведение к минимуму вероятности возникновения «узких мест», выстраивание эффективной производственно-технологической цепочки);

— функциональную устойчивость, включающую в себя маркетинговую, инновационную, производственную, экономическую устойчивость (в соответствии с функциональными процессами);

— рыночную устойчивость (способность к развитию и поддержанию конкурентных

преимуществ, нивелирование потенциальных угроз внешней среды и максимизация возможностей).

Можно отметить, что российские авторы не рассматривают стратегическую устойчивость исключительно в плоскости триединства экономических, социальных и экологических параметров, ориентируясь в большей степени на экономические, производственно-технологические и рыночные составляющие. В таблице 1 приведены различные подходы к трактовке понятия «стратегическая устойчивость».

Исходя из приведенных определений понятия стратегической устойчивости, можно условно выделить три ключевых подхода к рассмотрению данной категории: системный, процессный и временной [21]. Их главные различия состоят в направлениях, методах, задачах и целевых приоритетах достижения параметров устойчивости. Так, согласно системному подходу устойчивость компании, проекта или промышленного комплекса может быть достигнута только при условии устойчивого развития подсистем, входящих в их структуру. Исходя из этого, можно сделать вывод, что ключевыми задачами являются:

Рис. 3. Систематизация ключевых вызовов энергетического сектора, определяющих высокий уровень турбулентности макроокружения (составлено авторами)

Fig. 3. Systematization of the key challenges of the energy sector that determine the high level of turbulence of the macroenvironment (compiled by the authors)

Таблица 1
Table 1

**Подходы к определению понятия «стратегическая устойчивость»
(на основе анализа российских источников литературы)
Approaches to the definition of the concept of «strategic sustainability»
(based on the analysis of Russian literature sources)**

Авторы	Определение
Н. А. Сабанчиев [14]	Способность компании (системы, комплекса, проекта) сохранять свою целостность, достигая поставленных стратегических целей в постоянно меняющихся условиях внешнего окружения, оказывающих дестабилизирующее воздействие
М. В. Самосудов [15]	Способность компании сохранять показатели деятельности в определенных пределах на протяжении длительного времени
Т. В. Терентьева [19]	Реализация перехода от менее эффективного к более эффективному состоянию, используя возможности и нивелируя угрозы внешнего окружения
С. В. Григорьева [3]	Сохранение организацией положительной тенденции развития в долгосрочном периоде (оценка степени устойчивости осуществляется на основе комплекса ключевых показателей)
В. В. Шеметов, С. П. Бараненко [1]	Сбалансированность системы управления, организационная стабильность
А. Н. Ильченко, Н. С. Рычихина [13]	Минимизация потерь и нивелирование рисков влияния внешнего окружения (в случае неблагоприятных условий макроокружения) и использование возможностей (при благоприятных макроэкономических условиях)

— сбалансированное развитие отдельных подсистем и элементов комплекса, проекта, организации;

— формирование системы гибкого взаимодействия между подсистемами;

— ориентация на достижение синергетического эффекта взаимодействия отдельных подсистем.

В основе процессного подхода лежит предположение о том, что обеспечение стратегической устойчивости возможно только при условии эффективного управления параметрами внешней и внутренней среды, нивелирования потенциальных угроз и использования имеющихся возможностей. В данном случае приоритетными задачами выступают развитие системы стратегического управления, прогнозирования и планирования, управление факторами риска, ориентация на разработку долгосрочной стратегии развития с учетом

микро- и макроэкономических параметров, непрерывный мониторинг новых вызовов и поиск соответствующих решений.

Что касается временного подхода, то стратегическая устойчивость рассматривается в контексте достижения определенного перечня показателей, характеризующих эффективность функционирования исследуемого объекта. Любое отклонение от заданной траектории может быть расценено как потеря стабильности и устойчивости, ввиду чего главные задачи менеджмента состоят в снижении вероятности возникновения рисков, сохранении ключевых параметров деятельности, постоянной корректировке стратегии с целью удержания сформировавшихся позиций.

Каждый из приведенных подходов отражает отдельные аспекты стратегической устойчивости. Для формирования целостного понимания данного понятия необходим ком-

плексный подход, ведь очевидно, что ориентация на достижение плановых финансово-экономических показателей не имеет смысла без учета факторов среды, в которой развивается компания (система, комплекс), и принятия мер по обеспечению устойчивости подсистем, входящих в общую структуру.

Объединяя рассмотренные ранее походы, можно выделить ряд принципов, характеризующих стратегическую устойчивость как отдельную категорию [3; 14–15; 29]:

— ориентация на сохранение целостности системы, стабильное функционирование в средне- и долгосрочной перспективе;

— учет факторов конкурентоспособности (нацеленность на наращивание конкурентных преимуществ в долгосрочном периоде);

— учет факторов внешней среды в контексте их влияния на функционирование рассматриваемой системы;

— долгосрочный характер принятия решений.

Устойчивой может быть не только деятельность компании, но и реализация проектов. Согласно наиболее распространенному определению устойчивый проект — это проект, обладающий высокой экономической эффективностью при любых сценариях (негативный, позитивный, реалистичный). Говоря об инвестиционных проектах, выделяют два типа устойчивости: внутренний и внешний.

Внутренний тип характеризуется набором факторов, определяющих возможность достижения эффективности проекта в условиях изменения параметров микро- и макроокружения. Что касается внешней устойчивости проекта, то она определяется стабильностью среды, в которой он непосредственно осуществляется. Согласно современной теории стратегического менеджмента экономические субъекты, будь то проект, компания или комплекс, не только подвержены воздействию внешних факторов, но и способны влиять на них. Данный факт и лежит в основе внешней устойчивости, особенно когда речь идет об осуществлении крупномасштабных проектов.

Считается, что общая устойчивость инвестиционного проекта формируется, исходя

из внешней и внутренней устойчивости. Однако здесь возникает планомерный вопрос о том, как оценить степень устойчивости реализации проектов, в том числе при выборе вариантов их осуществления, на какие индикаторы следует опираться и какие методы нужно применять.

Понятие устойчивости проектов также тесно связывают с категорией риска. В целом, исходя из имеющихся подходов к оценке, получается, что стратегическая устойчивость сводится к определению финансовой стабильности и прибыльности проектов в долгосрочной перспективе. Для проведения оценки устойчивости инвестиционных проектов, как правило, используются следующие методы: анализ устойчивости проекта, расчет значений показателей безубыточности проекта, метод вариации параметров проекта, оценка экономической эффективности.

Результаты оцениваются следующим образом: если проект демонстрирует высокие показатели коммерческой эффективности, то он устойчив, в противном случае — нет. Однако такой подход не соответствует самим принципам устойчивого развития. Фокус на финансовые показатели не позволяет оценить другие потенциальные эффекты, возникающие при реализации проектов, особенно если речь идет о масштабных проектах, осуществление которых может привести как к значительным экологическим и социальным последствиям, так и потенциальным мультипликативным эффектам.

Создание единых подходов к оценке устойчивости проектов (компаний, комплексов) представляется сложной задачей, ввиду необходимости учета большого числа параметров, определяющих специфику конкретной отрасли, особенности среды их осуществления и пр.

В Руководстве по оценке проектных предложений Европейского Союза были сформулированы ключевые принципы и критерии устойчивости инвестиционных проектов¹⁴. Для формирования общего представления о степени устойчивости проекта предлагаются три главных параметра: 1) определение

¹⁴ Руководство «Оценка проектных предложений» [Электронный ресурс] // Европейская Комиссия. URL: https://narfu.ru/upload/medialibrary/75e/rukovodstvo-po-otsenke-proektnykh-predlozheniy_es.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

Рис. 4. Трансформация традиционного подхода к устойчивости проектов в новый подход — стратегическая устойчивость (составлено авторами)

Fig. 4. Transformation of the traditional approach to project sustainability into a new approach — strategic sustainability (compiled by the authors)

уровня воздействия проекта на целевые группы; 2) наличие мультипликативных эффектов при осуществлении проекта; 3) учет наиболее значимых аспектов: политики, экономики, социальной сферы, экологии, технологических параметров и т.д.

Интересен тот факт, что в обозначенном документе инвестиционные проекты рассматриваются как объекты, способные приносить результаты не только в период осуществления, но и после. В частности, особое внимание уделяется тому, будет ли обеспечена безопасность окружающей среды во время и по окончании реализации проекта (рекультивация, восстановление). Этот факт свидетельствует о тесной взаимосвязи устойчивости и ответственности инициаторов проектов по отношению к окружающей среде, обществу, стейкхолдерам и пр. Такой подход особенно важен для крупномасштабных проектов в сфере промышленности, способных оказать существенное воздействие на экологическую ситуацию в регионах присутствия.

На основе проведенного анализа существующих подходов было сформулировано общее определение стратегической устойчивости проектов, соответствующее комплексному подходу к рассмотрению данной категории. Стратегическая устойчивость проекта — это обеспечение реализации проекта в соответствии с ключевыми принципами концепции устойчивого развития на основе адаптации к формирующимся вызовам и открывающимся возможностям путем наращивания конкурентных преимуществ, изменения подходов к стратегическому управлению, следования темпам научно-технического прогресса.

На рисунке 4 отражены концептуальные основы стратегической устойчивости проекта в рамках формирования комплексного подхода к исследованию данной категории.

Важно заметить, что в условиях высокой степени неопределенности макроокружения и турбулентности внешних параметров критерий «стабильности», используемый многими авторами применительно к устойчивости, не является корректным. В данном случае следует опираться на принцип адаптивности к новым условиям среды, что предполагает совершенствование подходов к стратегическому управлению, планированию и прогнозированию.

Заключение. Таким образом, в рамках проведенного исследования были рассмотрены теоретические основы устойчивого развития и устойчивости применительно к промышленным комплексам, компаниям, проектам. Определена роль УР для компаний, осуществляющих деятельность в горнодобывающем секторе, несмотря на дискуссионный характер обозначенной проблематики.

На примере исследования современных тенденций глобального энергетического сектора обоснован высокий уровень турбулентности и неопределенности макроэкономических условий, характерных для текущего функционирования мировых рынков природных ресурсов. К ключевым вызовам были отнесены такие прогрессивные тренды, как ужесточение конкурентной борьбы на традиционных рынках углеводородного сырья, интеграция трендов глобального энергетического перехода, повышение роли инновационной составляющей в рамках технологического обеспечения, усиление процессов цифровизации и дигитализации, повышение значимости внеэкономических факторов — экология и общество.

Установлено, что по мере роста неопределенности макроокружения и интенсификации динамики тенденций на глобальных рынках возникает объективная необходимость пересмотра существующих подходов к УР. Долгосрочный характер принимаемых решений и необходимость адаптации к новым вызовам требованиям (с позиции вклада в ЦУР и соответствия современным требованиям инвесторов) обуславливают расширение перечня решаемых задач, выходящих за рамки достижения ряда социальных и экологических индикаторов и предопределяющих необходимость перехода от классического УР к стратегической устойчивости проектов, ориентированной на обеспечение реализации проекта в соответствии с ключевыми принципами концепции устойчивого развития на основе адаптации к формирующимся вызовам и открывающимся возможностям путем наращивания конкурентных преимуществ, изменения подходов к стратегическому управлению, следования темпам научно-технического прогресса.

В исследовании разработаны концептуальные основы стратегической устойчивости

проекта, соответствующие новому подходу к оценке УР и основанные на учете неопределенности и высокого уровня турбулентности макроокружения.

Список источников

1. Бараненко С.П., Шеметов В.В. Стратегическая устойчивость предприятия. М.: Полиграф, 2004. 492 с.
2. Бирюкова В.В., Череповицын А.Е. Российский и зарубежный опыт формирования индексов устойчивого развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. №6(156). С. 5–10.
3. Григорьева С.В. Оценка стратегической устойчивости в развитии предприятия // Вопросы экономики и права. 2013. №3. С. 33–37.
4. Доклад о Целях в области устойчивого развития. Организация Объединенных Наций. 2020. 68 с.
5. Ильинова А.А., Соловьева В.М. Стратегическое планирование и прогнозирование: изменение сущности и роли в условиях нестабильности энергетического сектора // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. №2(72). С. 56–68.
6. Коробейникова А.К., Невская М.А. Проблемы цифровой трансформации в современных условиях // Сборник трудов национальной научно-практической конференции с международным участием «Цифровые технологии в экономике и промышленности». Под редакцией А.В. Бабкина. СПб.: Политех-Пресс. 2019. С. 185–192.
7. Митрова Т., Грушевенко Е., Капитонов С., Мельников Ю., Пердеро А., Доброславский Н. Коронакризис: влияние COVID-19 на ТЭК в мире и в России [Электронный ресурс]. М.: Московская школа управления Сколково, 2020. URL: https://mks-group.ru/storage/presentations/SKOLKOVO_EneC_COVID19_and_Energy_sector_RU.pdf (дата обращения: 09.09.2021).
8. Невская М.А., Маринина О.А. Стимулирование инновационных преобразований в целях устойчивого развития минерально-сырьевого сектора России // Интернет-журнал Науковедение. 2017. Т. 9. №6. С. 33.
9. Основная цель развития до 2030 года: успешный бизнес и стабильное будущее. Взаимосвязь устойчивого развития и долгосрочного коммерческого успеха [Электронный ресурс] // Deloitte, январь 2017. 72 с. URL: <https://gog.greenmobility.ru/UserFiles/Files/sustainable-development-goals-2030.pdf>.
10. Пикалова Т.А. Алгоритм целевого управления операционной деятельностью горнодобывающей компании в контексте устойчивого развития // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2014. №2. С. 380–386.
11. Пономаренко Т.В., Сидоров Д.В., Ларичкин Ф.Д., Новосельцева В.Д. Экономическая устойчивость горно-металлургических компаний при реализации инвестиционных проектов // Рациональное освоение недр. 2020. №5. С. 54–63.
12. Пронин Э.М., Васильев В.Е., Цветков В.Ю. Факторы, определяющие устойчивое развитие предприятий минерально-сырьевого комплекса, и их влияние на оценку результатов деятельности предприятий // Записки Горного Института. 2011. №191. С. 176.
13. Рычихина Н.С. Реструктуризация как инструмент достижения стратегической устойчивости предприятия // Экономический анализ: теория и практика. 2008. №10(115). С. 57–62.
14. Сабанчиев Н.А. Гибкость, управляемость и стратегическая устойчивость: понятия, взаимосвязь и оценка // Российский экономический Интернет-журнал. 2012. №1. С. 803–813.
15. Самосудов М.В. Корпоративное управление: Теория корпоративного взаимодействия. Модульная серия «Экономист-международник». М.: Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России, 2006. С. 330.
16. Сергеев И.Б., Лапочкина Л.В. Устойчивое развитие: теоретико-методологические подходы // Записки Горного Института. 2009. №184. С. 264.
17. Сысоева Е.Ф. Структура капитала и финансовая устойчивость организации: практический аспект // Финансы и кредит. 2007. №22. С. 24–29.
18. Тенденции развития — 2021 [Электронный ресурс] // Deloitte, 2021. 94 с. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/energy-resources/Russian/RU_Tracking-the-trends-2021_final.pdf.

19. Терентьева Т.В., Бобырева М.А. Устойчивое развитие предпринимательской структуры как категория. Концептуальные подходы к трактовке категории «устойчивость развития» предпринимательской структуры // Российское предпринимательство. 2011. №1-2. С. 52–56.

20. Фоломьев А.Н. Устойчивость предприятий в рыночном хозяйстве. М.: Прогресс, 1995. 245 с.

21. Яшин Н.С., Григорян Е.С. Методология стратегической устойчивости предприятия // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. С. 18–22.

22. Ansoff H.I., McDonnell E. *Implanting Strategic Management*, 2ed.; Prentice-Hall: New York, NY, USA, 1990. 515 p.

23. Church C., Crawford A. *Minerals and the Metals for the Energy Transition: Exploring the Conflict Implications for Mineral-Rich, Fragile States The Geopolitics of the Global Energy Transition // Lecture Notes in Energy*. 2020. №73. Pp. 279–304.

24. Dawn of a new era [Electronic resource] // Oil and gas price benchmarking as at 30 June 2020. URL: <https://www.pwc.co.uk/oil-gas/assets/oil-gas-commodity-price-benchmarking.pdf> (date accessed: 05.09.2021).

25. Diesendorf M. Sustainability and sustainable development // *Sustainability: The corporate challenge of the 21st century*, Sydney: Allen&Unwin. 2000. Chap. 2. Pp. 19–37.

26. DNV GL Energy transition outlook [Electronic resource]. URL: [DNV_GL_Energy_Transition_Outlook_2020_main_report_lowres_single.pdf](https://www.dnv.com/energy-transition-outlook-2020-main-report-lowres-single.pdf) (date accessed: 15.09.2021).

27. ESG факторы в инвестировании [Электронный ресурс] // PWC. МИРБИС, 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

28. Holden E., Linnerud K., Banister D. Sustainable development: Our common future revisited // *Global Environmental Change*. 2014. №26. Pp. 130–139.

29. Huckle J. Education for sustainable development in Europe: Some current challenges. Presentation to a conference on environmental education organised by the Hellenic Association for the Protection of the Environment and Cultural Heritage // University of Piraeus, 2005.

30. Ruggerio C.A. Sustainability and sustainable development: A review of principles and definitions // *Science of the Total Environment*. 2021. 786. 147481.

31. Tsvetkova A., Katysheva E. Ecological and economic efficiency evaluation of sustainable use of mineral raw materials in modern conditions // *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*. 2017. №217(53). Pp. 259–266.

References

1. Baranenko S.P., Shemetov V.V. *Strategicheskaja ustojchivost' predpriyatija* [Strategic stability of the enterprise]. Moscow: Poligraf, 2004. 492 p. (In Russ.).

2. Birjukova V.V., Cherepovicyn A.E. Rossijskij i zarubezhnyj opyt formirovanija indeks-ov ustojchivogo razvitija vertikal'no-integrir-ovannyh neftjanyh kompanij [Russian and foreign experience in the formation of indices of sustainable development of vertically integrated oil companies]. *Jekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Economics and Management: a scientific and practical journal]. 2020; 6(156): 5–10. (In Russ.).

3. Grigor'eva S.V. Ocenka strategichesk-koj ustojchivosti v razvitii predpriyatija [Assessment of strategic sustainability in the development of the enterprise]. *Voprosy jekonomiki i prava* [Issues of economics and law]. 2013; (3): 33–37. (In Russ.).

4. Doklad o Celjah v oblasti ustojchivogo razvitija. Organizacija Ob'edinennyh Nacij [Report on the Sustainable Development Goals. United Nations]. 2020. 68 p. (In Russ.).

5. Il'ina A. A., Solov'eva V.M. Strategicheskoe planirovanie i prognozirovanie: izmenenie sushhnosti i roli v uslovijah nestabil'nosti jenergeticheskogo sektora [Strategic planning and forecasting: changing the essence and role in the conditions of instability of the energy sector]. *Sever i rynek: formirovanie jekonomicheskogo porjadka* [The North and the market: the formation of an economic order]. 2021; 2(72): 56–68. (In Russ.).

6. Korobejnikova A.K., Nevskaja M.A. Problemy cifrovoj transformacii v sovremennyh uslovi-jah [Problems of digital transformation in modern conditions]. *Sbornik trudov nacional'noj nauch-*

no-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Cifrovye tehnologii v jekonomike i promyshlennosti». Pod redakciej A.V. Babkina [Proceedings of the national scientific and practical conference with international participation «Digital technologies in economics and industry». In A.V. Babkin (eds.). Saint Petersburg: Politeh-Press. 2019. Pp. 185–192. (In Russ.).

7. Mitrova T., Grushevenko E., Kapitonov S., Mel'nikov Ju., Perdero A., Dobroslavskij N. Koronakrizis: vlijanie COVID-19 na TJeK v mire i v Rossii [Coronaries: the impact of COVID-19 on the energy sector in the world and in Russia] [Elektronnyj resurs]. Moscow: Moskovskaja shkola upravlenija Skolkovo, 2020. URL: https://mks-group.ru/storage/presentations/SKOLKOVO_EneC_COVID19_and_Energy_sector_RU.pdf (date accessed: 09.09.2021). (In Russ.).

8. Nevskaja M.A., Marinina O.A. Stimulirovanie innovacionnyh preobrazovanij v celjah ustojchivogo razvitija mineral'no-syr'evogo sektora Rossii [Incentives for innovation and transformation in the sustainable development of the mineral resources sector of Russia]. *Internet-zhurnal Naukovedenie* [Online journal of Science Studies]. 2017; 9(6): 33. (In Russ.).

9. Osnovnaja cel' razvitija do 2030 goda: uspešnyj biznes i stabil'noe budušhee. Vzaimosvjaz' ustojchivogo razvitija i dolgosrochnogo kommerčeskogo uspeha [The main goal of development until 2030: a successful business and a stable future. The relationship of sustainable development and long-term commercial success] [Elektronnyj resurs]. Deloitte, janvar' 2017. 72 p. URL: <https://gog.greenmobility.ru/UserFiles/Files/sustainable-development-goals-2030.pdf>. (In Russ.).

10. Pikalova T.A. Algoritm celevogo upravlenija operacionnoj dejatel'nost'ju gornodobyvajushhej kompanii v kontekste ustojchivogo razvitija [Algorithm of target management of operational activities of a mining company in the context of sustainable development]. *Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal)* [Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal)]. 2014; (2): 380–386. (In Russ.).

11. Ponomarenko T.V., Sidorov D.V., Larichkin F.D., Novosel'ceva V.D. Jekonomicheskaja ustojchivost' gorno-metallurgičeskikh kompanij pri realizacii investicionnyh proektov [Economic sustainability of mining and metallurgical

companies in the implementation of investment projects]. *Racional'noe osvoenie nedr* [Rational development of mineral resources]. 2020; (5): 54–63. (In Russ.).

12. Pronin Je. M., Vasil'ev V. E., Cvetkov V. Ju. Faktory, opredelajushhie ustojchivoe razvitie predprijatij mineral'no-syr'evogo kompleksa, i ih vlijanie na ocenku rezul'tatov dejatel'nosti predprijatij [Determinants of sustainable development of enterprises of the mineral complex, and their impact on the performance of enterprises]. *Zapiski Gornogo Instituta* [Notes of the Mining Institute]. 2011; (191): 176. (In Russ.).

13. Rychihina N.S. Restrukturizacija kak instrument dostizhenija strategičeskaj ustojchivosti predprijatija [Restructuring as a tool for achieving strategic sustainability of the enterprise]. *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2008; 10(115): 57–62. (In Russ.).

14. Sabanchiev N.A. Gibkost', upravljajemost' i strategičeskaja ustojchivost': ponjatija, vzaimosvjaz' i ocenka [Flexibility, manageability and strategic stability: concepts, interrelation and evaluation]. *Rossijskij jekonomicheskij Internet-zhurnal* [Russian Economic Online Journal]. 2012; (1): 803–813. (In Russ.).

15. Samosudov M.V. Korporativnoe upravlenie: Teorija korporativnogo vzaimodejstvija. Modul'naja serija «Jekonomist-mezhdunarodnik» [Corporate governance: Theory of corporate interaction. Modular series «International Economist»]. Moscow: Vserossijskaja akademija vneshnej torgovli Minjekonomrazvitija Rossii, 2006. P. 330. (In Russ.).

16. Sergeev I.B., Lapochkina L.V. Ustojchivoe razvitie: teoretiko-metodologičeskie podhody [Sustainable development: theoretical and methodological approaches]. *Zapiski Gornogo Instituta* [Notes of the Mining Institute]. 2009; (184): 264. (In Russ.).

17. Sysoeva E.F. Struktura kapitala i finansovaja ustojchivost' organizacii: praktičeskij aspekt [Capital structure and financial stability of an organization: a practical aspect]. *Finansy i kredit* [Finance and credit]. 2007; (22): 24–29. (In Russ.).

18. Tendencii razvitija — 2021 [Development trends — 2021] [Elektronnyj resurs]. Deloitte, 2021. 94 p. URL: [184](https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Docu-</p></div><div data-bbox=)

ments/energy-resources/Russian/RU_Tracking-the-trends-2021_final.pdf. (In Russ.).

19. Terent'eva T. V., Bobyрева M.A. Ustojchivoe razvitie predprinimatel'skoj struktury kak kategorija. Konceptual'nye podhody k traktovke kategorii «ustojchivost' razvitija» predprinimatel'skoj struktury [Sustainable development of the entrepreneurial structure as a category. Conceptual approaches to the interpretation of the category «sustainability of development» of an entrepreneurial structure]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo [Russian entrepreneurship]*. 2011; (1-2): 52–56. (In Russ.).

20. Folom'ev A.N. Ustojchivost' predpriyatij v rynochnom hozjajstve [Sustainability of enterprises in the market economy]. Moscow: Progress, 1995. 245 p. (In Russ.).

21. Jashin N.S., Grigorjan E.S. Metodologija strategicheskoj ustojchivosti predpriyatija [Methodology of strategic sustainability of the enterprise]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University]*. 2015; 18–22. (In Russ.).

22. Ansoff H.I., McDonnell E. *Implanting Strategic Management*, 2ed.; Prentice-Hall: New York, NY, USA, 1990. 515 p.

23. Church C., Crawford A. Minerals and the Metals for the Energy Transition: Exploring the Conflict Implications for Mineral-Rich, Fragile States The Geopolitics of the Global Energy Transition // *Lecture Notes in Energy*. 2020. №73. Pp. 279–304.

24. Dawn of a new era [Electronic resource] // Oil and gas price benchmarking as at 30 June 2020. URL: <https://www.pwc.co.uk/oil->

[gas/assets/oil-gas-commodity-price-benchmarking.pdf](https://www.pwc.co.uk/oil-gas/assets/oil-gas-commodity-price-benchmarking.pdf) (date accessed: 05.09.2021).

25. Diesendorf M. Sustainability and sustainable development // *Sustainability: The corporate challenge of the 21st century*, Sydney: Allen&Unwin. 2000. Chap. 2. Pp. 19–37.

26. DNV GL Energy transition outlook [Electronic resource]. URL: [DNV_GL_Energy_Transition_Outlook_2020_main_report_lowres_single.pdf](https://www.dnvgl.com/energy-transition-outlook-2020-main-report-lowres-single.pdf) (date accessed: 15.09.2021).

27. ESG факторы в инвестировании [Электронный ресурс] // PWC. МИРБИС, 2019. URL: <https://www.pwc.ru/ru/sustainability/assets/pwc-responsible-investment.pdf> (дата обращения: 29.09.2021).

28. Holden E., Linnerud K., Banister D. Sustainable development: Our common future revisited // *Global Environmental Change*. 2014. №26. Pp. 130–139.

29. Huckle J. Education for sustainable development in Europe: Some current challenges. Presentation to a conference on environmental education organised by the Hellenic Association for the Protection of the Environment and Cultural Heritage // *University of Piraeus*, 2005.

30. Ruggerio C.A. Sustainability and sustainable development: A review of principles and definitions // *Science of the Total Environment*. 2021. 786. 147481.

31. Tsvetkova A., Katysheva E. Ecological and economic efficiency evaluation of sustainable use of mineral raw materials in modern conditions // *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*. 2017. №217(53). Pp. 259–266.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 25.10.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The article was submitted on 05.10.2021; approved after reviewing on 25.10.2021; accepted for publication on 18.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриева Диана Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика, организация и управление», Санкт-Петербургский горный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, 2

Diana M. Dmitrieva — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Economics, Organization and Management, Saint-Petersburg Mining University.

221st Liniya st., Saint-Petersburg, Russia

Соловьева Виктория Максимовна — аспирант кафедры «Экономика, организация и управление» экономического факультета, Санкт-Петербургский горный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, 2

Victoria M. Solovyova — Postgraduate Student, Department of Economics, Organization and Management, Saint Petersburg Mining University.

2 21st Liniya st., Saint-Petersburg, Russia

Рутенко Евгения Григорьевна — аспирант, кафедра «Экономика, организация и управление», Санкт-Петербургский горный университет.

Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия, 2

Evgeniya G. Rutenko — Postgraduate Student, Department of Economics, Organization and Management, Saint-Petersburg Mining University.

221st Liniya st., Saint-Petersburg, Russia

Вклад авторов:

Дмитриева Д. М. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; итоговые выводы.

Соловьева В. М. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Рутенко Е. Г. — информационно-аналитическое обеспечение; доработка текста.

Contribution of the authors:

Dmitrieva D. M. — scientific management; research concept; development of methodology; final conclusions.

Solovyova V. M. — writing the source text; final conclusions.

Rutenko E. G. — information and analytical support; follow-on version of the text.

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-187-195

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ В РОССИИ

Михаил Михайлович Куликов¹✉, Мария Анатольевна Комиссарова²,
Алина Владимировна Комарова³

^{1, 2, 3} Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹ kulikovmichael@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-4139-9391,
AuthorID РИНЦ: 360563, Scopus Author ID: 57209222679

² mari543@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8862-4445,
AuthorID РИНЦ: 348870, Scopus Author ID: 57000351700

³ komi_was_where@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2924-088X

Аннотация. *Цель работы* — выявление специфики применения цифровых ресурсов в различных сферах деятельности и их положительное влияние на развитие России.

Методологию исследования представляют нормативные акты, статистические данные Федеральной службы государственной статистики, научные публикации по цифровизации российских регионов и внедрению цифровых платформ, аналитические данные сайтов национальных проектов России, данные Единой межведомственной информационно-статистической системы, а также структурный анализ и элементы сравнительного анализа. Применение данных методов и подходов позволяет изучить используемые в настоящий момент цифровые ресурсы, их достоинства и недостатки, спрогнозировать предполагаемые результаты от их внедрения.

Результаты исследования. Одним из важных результатов является полученный анализ внедрения цифровых ресурсов на предприятиях в различных сферах деятельности и отражение их применения на уровне регионального развития. Цифровая трансформация регионов России в последние годы значительно возросла в связи с переходом к использованию цифровых технологий на предприятиях, в государственных и муниципальных учреждениях. Однако в настоящий момент между субъектами РФ существует разрыв в показателях цифрового развития и применения цифровых ресурсов. Говоря о воздействии цифровых ресурсов на развитие региональных систем, стоит подчеркнуть необходимость выравнивания показателей цифровизации между регионами, а также между столицами субъектов и других городов в соответствующем субъекте, равной доступности к Интернет-сети и увеличения коэффициента развитости общества в области использования и применения цифровых технологий.

Перспективу исследования составляет анализ внедрения цифровых проектов, которые оказали положительную динамику на развитие субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, национальные проекты, цифровые сервисы, цифровой регион

Для цитирования: Куликов М. М., Комиссарова М. А., Комарова А. В. Воздействие цифровых ресурсов на развитие региональных систем в России // Вестник Южно-

Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 187–195. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-187-195>.

Original article

THE IMPACT OF DIGITAL RESOURCES ON THE DEVELOPMENT OF REGIONAL SYSTEMS IN RUSSIA

Mikhail M. Kulikov¹✉, Maria A. Komissarova², Alina V. Komarova³

^{1,2,3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹kulikovmichael@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-4139-9391,
AuthorID RSCI: 360563, Scopus Author ID: 57209222679

²mari543@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8862-4445,
AuthorID RSCI: 348870, Scopus Author ID: 57000351700

³komi_was_where@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2924-088X

Abstract. *The purpose of the study is to reveal the specifics of using digital resources in various fields of activity and their positive impact on the development of Russia.*

The methodological base of the study is represented regulations, statistical data Federal State Statistics Service, scientific publications on digitalization of Russian regions and the introduction of digital platforms, analytical data of the websites of national projects Russia, data of Unified interdepartmental information and statistical system, as well as structural analysis and elements of comparative analysis. The application of these methods and approaches allows to study the applied in the digital resources currently, their advantages and disadvantages, and predict the expected results from its implementation.

Research results. *The important result is the obtained analysis of the implementation of digital resources at enterprises in various fields of activity and the reflection of their application at the level of regional development. The digital transformation of Russian regions in recent years has increased significantly due to the transition to the use of digital technologies in enterprises, state and municipal institutions. However, at the moment, there is a gap between the constituent entities of the Russian Federation in index of digital development and the use of digital resources. Speaking about the impact of digital resources on the development of regional systems, it is worth emphasizing the need to align digitalization indicators between regions, as well as between the capitals of constituent entities and other cities in the corresponding entity, equal accessibility to the Internet network and an increase in the coefficient of development of society in the use and application of digital technologies.*

The prospect of the study *is the analysis of the introduction of digital projects that have positive dynamics in the development of the constituent entities of the Russian Federation.*

Keywords: *digitalization, IT-technologies, national projects, digital services, digital region*

For citation: *Kulikov M. M., Komissarova M. A., Komarova A. V. The impact of digital resources on the development of regional systems in Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 187–195. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-187-195>.*

Введение. В последние годы государство ставит акцент на внедрение цифровых технологий и повышение цифрового развития в субъектах Российской Федерации. Такой интерес связан с национальным проектом «Цифровая экономика», который объединяет развитие информационной инфраструктуры, цифрового государственного управления, цифровых технологий, разработок в области искусственного интеллекта и подготовку кадров, что невозможно без концентрации полученного и накопленного опыта различных предприятий и компаний российских регионов. Здравоохранение, экология, наука, туризм, культура, транспорт — населенные пункты уже совершили или совершают переход к применению цифровых ресурсов в данных отраслях (рис. 1). В условиях пандемии большой интерес вызвала сфера образования и возможность получения гражданами государственных и муниципальных услуг в электронном виде, при этом создание «умного города» является перспективной сферой для развития региональной цифровой экономики.

Методологическая и эмпирическая база исследования. Основу работы составили статистические материалы и публикации в периодических изданиях, затрагивающие различные аспекты исследуемой проблемы. Особое внимание в работе уделяется практическому применению цифровых технологий в рамках реализации проектов, которые могут быть отнесены к программе «Цифровая экономика»¹, выступать в роли достижения Целей устойчивого развития [11] и регионального развития².

Методологической основой данного исследования является статистический метод и метод обобщения нормативных, научных и практических материалов, которые позволили комплексно подойти к изучению проблематики.

Эмпирическую базу исследования составили данные, размещенные на сайте Федеральной службы государственной статистики и Единой межведомственной информационно-статистической системы, а также информация сайта «Национальные проекты».

Воздействие цифровых ресурсов на развитие региональных систем в России. В настоящее время программа «Цифровая экономика» насчитывает большое количество проектов, реализованных российскими регионами³. В числе данных проектов особое место занимает внедрение цифровых технологий в транспортную инфраструктуру города, а также в систему жилищно-коммунального хозяйства. Ярким примером выступает «Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства», которая насчитывает свыше 19 миллионов жилых домов, около 1 миллиона многоквартирных домов и более 105 тысяч зарегистрированных организаций⁴.

Говоря о проектах в области применения цифровых технологий в городскую транспортную инфраструктуру и систему жилищно-коммунального хозяйства, стоит отметить Новгородскую область и Республику Северная Осетия. Новгородская область разработала и успешно применила систему по контролю приборов учета коммунальных ресурсов. Кроме того, регион использует технологию больших данных для подсчета количества туристов в целях развития туризма. Северная Осетия разработала интеллектуальную платформу в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Платформа характеризуется возможностью ведения «прозрачного» учета суммы оплаты за ресурсы ЖКХ, при этом потребители могут произвести оплату через Интернет. Также цифровые технологии применяет Алтайский край. Например, в регионе

1 Интернет-ресурс о планах развития Российской Федерации и мерах по улучшению качества жизни людей «Национальные проекты» [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф> (дата обращения: 06.08.2021 г.).

2 Как российские регионы развивают цифровую экономику от 20.08.2018. Ведущее государственное информационное агентство Российской Федерации «ТАСС» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 02.10.2021 г.).

3 Интернет-ресурс о планах развития Российской Федерации и мерах по улучшению качества жизни людей «Национальные проекты» [Электронный ресурс]. URL: <https://национальныепроекты.рф> (дата обращения: 06.08.2021 г.).

4 Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс]. URL: <https://dom.gosuslugi.ru> (дата обращения: 02.10.2021 г.).

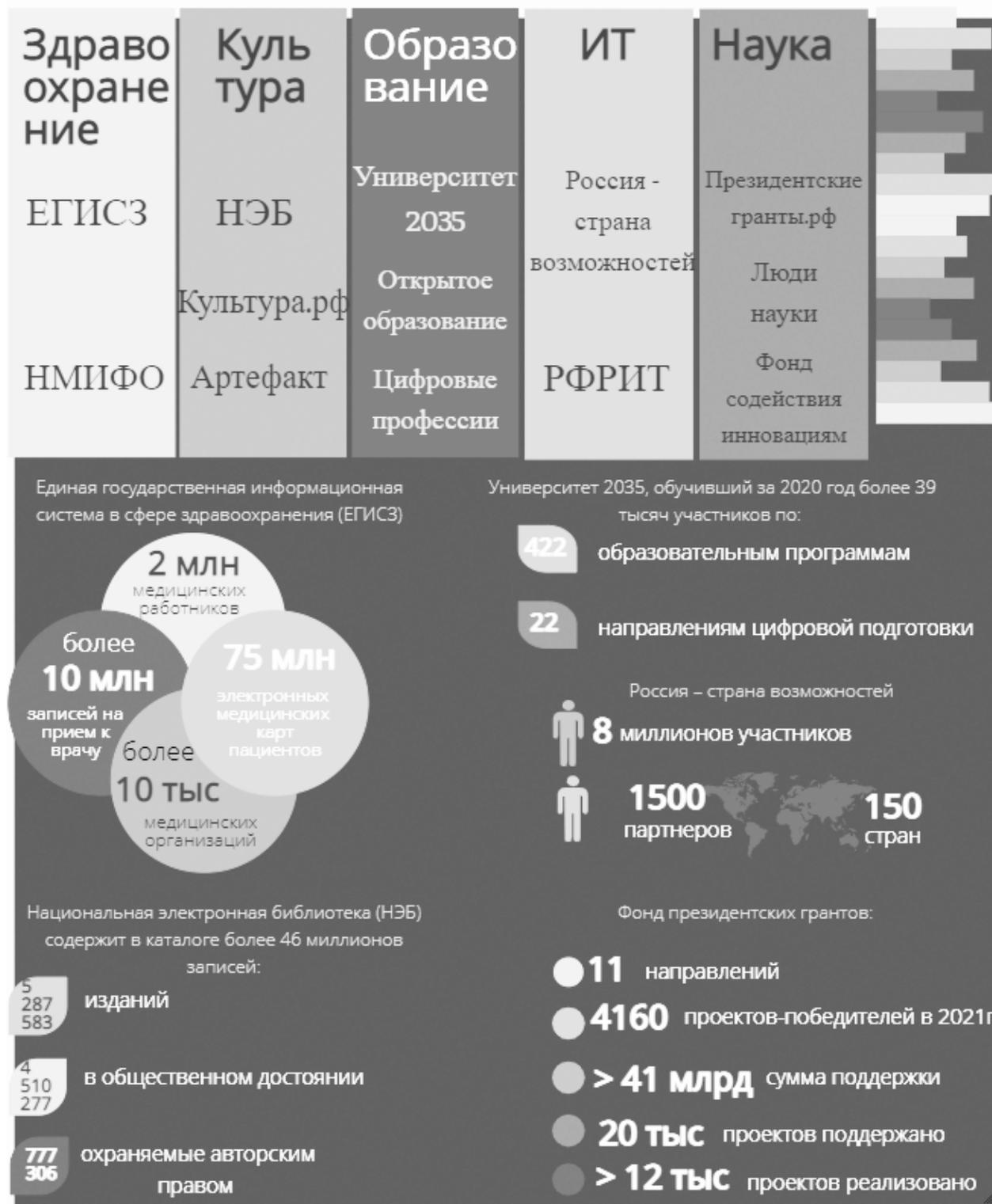

Рис. 1. Аналитика внедрения цифровых сервисов на примере пяти отраслей (разработано авторами)
Fig. 1. Analytics of digital services implementation on the example of five industries (developed by the authors)

используют спутники для мониторинга хода полевых работ⁵.

Благодаря цифровым технологиям некоторые российские регионы способствуют росту социально-экономического развития. Так, во время проведения в августе 2021 года сельскохозяйственной микропереписи был проведен в 6 субъектах России эксперимент с беспилотными летательными аппаратами⁶. Одной из важнейших инноваций стало использование фотосъемки с дронов и спутниковый мониторинг. Кроме того, были использованы планшеты, сократившие время на сбор информации. Такой подход позволил исследовать более 140 тысяч крестьянско-фермерских хозяйств, а также 16 миллионов личных подсобных хозяйств. При этом было обработано большое количество информации, окончательные показатели которой будут готовы уже в I квартале 2022 года.

В условиях ограничений следует отметить важность применения цифровых технологий при проведении выборов 19 сентября 2021 года и проведении Всероссийской переписи населения (далее — ВПН-2020), которая пройдет с 15 октября по 14 ноября 2021 года. Благодаря сервису «Дистанционное электронное голосование» (ДЭГ) жители 7 субъектов Российской Федерации смогли принять участие в голосовании из любой точки мира, не посещая избирательный участок⁷. По данным Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК), дистанционно проголосовали 2535978 человек,

что составляет четверть от проживающих в 7 субъектах избирателей, имеющих подтвержденные записи на портале «Госуслуги»⁸.

«Страна-2020» сообщает о главном нововведении ВПН-2020 — возможности самостоятельного заполнения электронного переписного листа через ЕПГУ «Госуслуги»⁹. По данным Росстата, около 90% данных предполагается собрать в цифровом формате с помощью ЕПГУ «Госуслуги», компьютеров в центрах государственных и муниципальных услуг «Мои документы» и планшетов, которые заполняют переписчики¹⁰. При этом переход к цифровому сбору информации позволил снизить расходы на проведение ВПН-2020 с 60 до 32 миллиардов рублей¹¹, а время на заполнение анкеты сократить в среднем до 23 минут — практически вдвое по сравнению с пробной переписью 2018 года¹².

Следующим примером применения цифровых технологий в регионах является проект «Цифровой Водоканал». Акционерное общество «Цифровые платформы и решения Умного Города»¹³ (Государственная корпорация «Росатом»), разрабатывающая проекты по цифровизации муниципального и регионального управления, выдвинула проект «Разработка программных модулей информационной системы «Цифровой Водоканал», цель которого — повышение эффективности производственной деятельности предприятий водоснабжения и водоотведения за счет производственных и технологических показателей¹⁴. Проект позволяет снизить время на ре-

5 Как российские регионы развивают цифровую экономику от 20.08.2018. Ведущее государственное информационное агентство Российской Федерации «ТАСС» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 02.10.2021 г.).

6 45 тысяч переписчиков, дроны и спутниковый мониторинг: в Росстате проанализировали ход сельскохозяйственной микропереписи 2021 года от 08.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/133753> (дата обращения: 02.10.2021 г.).

7 Портал дистанционного электронного голосования [Электронный ресурс]. URL: <https://vybory.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2021 г.).

8 Центральная избирательная комиссия Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://cikrf.ru> (дата обращения: 21.09.2021 г.).

9 Портал Всероссийской переписи населения [Электронный ресурс]. URL: <https://strana2020.ru> (дата обращения: 21.09.2021 г.).

10 Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 24.09.2021 г.).

11 Подготовка к Всероссийской переписи населения вышла на финишную прямую от 24.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/135743> (дата обращения: 02.10.2021 г.).

12 Переписаться за 23 минуты от 29.09.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/136664> (дата обращения: 02.10.2021 г.).

13 Акционерное общество «Цифровые платформы и решения Умного Города» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosatom.city> (дата обращения: 01.10.2021 г.).

14 Акционерное общество «Русатом Инфраструктурные решения» дивизион Госкорпорации «Росатом» [Электронный ресурс]. URL: <https://rusatom-utilities.ru> (дата обращения: 01.10.2021 г.).

агирование повреждений на 15% и возникновение нештатных ситуаций до 25%, увеличить производительность труда до 45%, повысить энергетическую эффективность до 15% и производительность труда сотрудников на 61%, при этом увеличить рост начислений за бездоговорное потребление до 70%. В настоящий момент данный проект реализован в 24 городах и реализуется в 8 городах России.

Также компания помогает городам в достижении Целей устойчивого развития с помощью применения и разработки цифровых решений [1]. Так, компания внедрила проекты «Умный Саров» и «Умный Железноводск», которые стали победителями конкурса Правительства Российской Федерации «Лучшая муниципальная практика» в 2020 году. Помимо этого, в рамках проекта «Умный регион» в настоящий момент 23 субъекта реализуют программу «Эффективный регион» на основе бережливых технологий, 5 субъектов реализуют проекты по цифровой трансформации секторов экономики на базе решений Госкорпорации, а 19 «атомных» городов внедряют технологию «Бережливый умный город».

Вместе с тем компания разработала туристический веб-портал, который позволяет муниципалитету и бизнесу собирать статистические данные для использования в работе на основе планов и маршрутов путешествия туристов, платформу «Умный транспорт» для мониторинга состояния дорожных покрытий, управления общественным транспортом, обеспечения транспортной безопасности, моделирования транспортных потоков, метео-мониторинга и других решений, систему мониторинга уборки территорий муниципальных образований и интеллектуальную систему состояния объектов городского хозяйства, дворовых и общественных территорий Мурманской области, «Цифровую платформу развития Томской области»¹⁵.

Отличительным проектом «Росатома» стал первый в Российской Федерации «умный город-курорт» Железноводск, который стал пилотным проектом по синхронизации туристических сервисов и городских ресурсов. Проект включает создание мобильного приложения, сайта, 12 смарт-панелей, уста-

новленных на улицах города, «умные остановки» и «умные переходы».

В области достижения Целей устойчивого развития стоит отметить также проект ООО «Управляющая компания «Предприятие жилищно-коммунального хозяйства», входящий в группу компаний «РТ-Инвест», по внедрению «умных» датчиков на контейнерах для сбора твердых коммунальных отходов, автотранспорте и полигонах хранения и переработки. Проект подразумевает под собой эксплуатацию программно-аппаратной платформы, которая обрабатывает и анализирует данные с датчиков в режиме реального времени. Данная технология дает возможность дистанционно отследить наполненность контейнеров и в случае необходимости уведомляет операторов для направления мусоровоза на территорию. Так, в городе Казани действует более 5 тысяч площадок по сбору ТКО с 12 тысячами «умных» контейнеров, что позволило внедрить отдельный сбор в более чем 80% дворов и вдвое увеличить долю перерабатываемых отходов.

Выводы по результатам исследования. Проанализировав использование цифровых технологий в субъектах России, можно прийти к выводу об увеличивающемся росте цифровизации регионов и достижениях определенного успеха в применении цифровых ресурсов. Многие компании видят потенциал российских регионов и перспективы для реализации цифровых проектов, однако существующий разрыв между субъектами в области внедрения цифровых технологий и в области цифрового развития замедляет общий процесс. При этом существенной становится проблема нехватки квалифицированных специалистов для реализации программ цифровой экономики, так как они являются основным средством цифровой трансформации. В связи с этим в настоящий момент в рамках национального проекта решается вопрос привлечения кадров для цифровой экономики. Следовательно, для достижения цифровой трансформации необходимо принимать меры по устранению цифрового разрыва путем взаимодей-

¹⁵ Цифровая платформа развития Томской области [Электронный ресурс]. URL: <https://tomsk.life> (дата обращения: 01.10.2021 г.).

тивия и передачи опыта ведущих регионов, а также развивать цифровой спрос и предложение, например, с помощью увеличения таких ресурсов, как «Россия — страна возможностей»¹⁶ и «Российский фонд развития информационных технологий» (РФРИТ)¹⁷.

Список источников

1. Абдрасилова Г.С. Цифровизация экономики и цифровая среда современной архитектуры // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2019. №1. С. 4–13.

2. Авдеева И.Л. Анализ перспектив развития цифровой экономики в России и за рубежом // Цифровая экономика и «Индустрия 4.0»: проблемы и перспективы. Труды науч.-практ. конференции с международным участием. 2017. С. 10–19.

3. Алексеенко О.А. Цифровизация глобального мира и роль государства в цифровой экономике // Информационное общество. 2018. №2. С. 25–28.

4. Бабкин А.В. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. Т. 10. №3. С. 11–22.

5. Бехер В.В. Цифровые технологии: угрозы и риски внедрения // Евразийское Научное Объединение. 2019. Т. 3. №1(47). С. 145–146.

6. Бодрунов С.Д., Демиденко Д.С., Плотников В.А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. 2018. №2. С. 43–54.

7. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. №4(112). С. 16–24.

8. Попов Е.В. Умные города: монография. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 112–156.

9. Попов Е.В. Приоритеты экономической политики в развитии цифровой экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 13. №7. С. 1198–1214.

10. Устюжанина Е.В. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. №10. С. 1788–1804.

11. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. Краткий статистический бюллетень / Росстат. М., 2020. С. 52–57.

12. Шарандина Н.Л. Цифровая экономика как приоритетная национальная цель развития Российской Федерации: правовой аспект // Финансовое право. 2018. №9. С. 15–19.

References

1. Abdrasilova G.S. Cifrovizacija jeekonomiki i cifrovaja sreda sovremennoj arhitektury [Digitalization of the economy and the digital environment of modern architecture]. *Biوسفernaja sovmestimost': chelovek, region, tehnologii* [Biosphere compatibility: man, region, technologies]. 2019; (1): 4–13. (In Russ.).

2. Avdeeva I.L. Analiz perspektiv razvitija cifrovoj jekonomiki v Rossii i za rubezhom [Analysis of prospects for the development of the digital economy in Russia and abroad]. *Cifrovaja jeekonomika i «Industrija 4.0»: problemy i perspektivy. Trudy nauch.-prakt. konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Digital Economy and «Industry 4.0»: problems and prospects. Proceedings of the scientific and practical conference with international participation]. 2017. P. 10–19. (In Russ.).

3. Alekseenko O.A. Cifrovizacija global'nogo mira i rol' gosudarstva v cifrovoj jekonomike [Digitalization of the global world and the role of the state in the digital economy]. *Informacionnoe obshhestvo* [Information Society]. 2018; (2): 25–28. (In Russ.).

4. Babkin A.V. Formirovanie cifrovoj jeekonomiki v Rossii: sushhnost', osobennosti, tehnikeskaja normalizacija, problemy razvitija [Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems]. *Nauchno-tehnicheskie vedo-*

16 Автономная некоммерческая организация «Россия — страна возможностей» [Электронный ресурс]. URL: <https://rsv.ru> (дата обращения: 24.09.2021 г.).

17 Российский фонд развития информационных технологий [Электронный ресурс]. URL: <https://рфрит.рф> (дата обращения: 01.10.2021 г.).

mosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. *Jekonomicheskie nauki* [Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. *Economic sciences*]. 2017; 10(3): 11–22. (In Russ.).

5. Beher V.V. Cifrovye tehnologii: ugrozy i riski vnedrenija [Digital technologies: threats and risks of implementation]. *Evrazijskoe Nauchnoe Ob'edinenie* [Eurasian Scientific Association]. 2019; 3(1(47)): 145–146. (In Russ.).

6. Bodrunov S.D., Demidenko D.S., Plotnikov V.A. Reindustrializacija i stanovlenie «cifrovoy jekonomiki»: garmonizacija tendencij cherez process innovacionnogo razvitija [Reindustrialization and the formation of the «digital economy»: harmonization of trends through the process of innovative development]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Managerial consulting]. 2018; (2): 43–54. (In Russ.).

7. Plotnikov V.A. Cifrovizacija proizvodstva: teoreticheskaja sushhnost' i perspektivy razvitija v rossijskoj jekonomike [Digitalization of production: theoretical essence and prospects of development in the Russian economy]. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [News of St. Petersburg State University of Economics]. 2018; 4(112): 16–24. (In Russ.).

8. Popov E.V. Umnye goroda: monografija [Smart cities: a monograph]. Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2020. P. 112–156. (In Russ.).

9. Popov E.V. Prioritety jekonomicheskoy politiki v razvitii cifrovoy jekonomiki [Priorities of economic policy in the development of the digital economy]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National interests: priorities and security]. 2019; 13(7): 1198–1214. (In Russ.).

10. Ustjuzhanina E.V. Cifrovaja jekonomika kak novaja paradigma jekonomicheskogo razvitija [Digital economy as a new paradigm of economic development]. *Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National interests: priorities and security]. 2017; 13(10): 1788–1804. (In Russ.).

11. Celi ustojchivogo razvitija v Rossijskoj Federacii. Kratkij statisticheskij bjulleten' [Sustainable Development Goals in the Russian Federation. Brief Statistical Bulletin]. Rosstat. Moscow, 2020. P. 52–57. (In Russ.).

12. Sharandina N.L. Cifrovaja jekonomika kak prioritelnaja nacional'naja cel' razvitija Rossijskoj Federacii: pravovoj aspekt [Digital economy as a priority national development goal of the Russian Federation: a legal aspect]. *Finansovoe pravo* [Financial Law]. 2018; (9): 15–19. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.12.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The article was submitted on 04.12.2021; approved after reviewing on 08.12.2021; accepted for publication on 18.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куликов Михаил Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Сфера научных интересов — промышленная политика, кластеры в экономике, цифровая трансформация экономики, управление персоналом.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Mikhail M. Kulikov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — industrial policy, clusters in the economy, digital transformation of the economy, personnel management.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Комиссарова Мария Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, доцент, заведующий кафедрой «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Разработчик проекта «Теория, методика и технологии профессионального образования по направлениям подготовки соответствующим приоритетным направлениям модернизации и технологического развития российской экономики». Сфера научных интересов — стратегическое управление промышленными предприятиями, проблемы функционирования предприятий в структуре Российского топливно-энергетического комплекса.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria A. Komissarova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Production and Innovation Management, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Creator of the project «Theory, methodology and technology of vocational education in the areas of training corresponding to the priority areas of modernization and technological development of the Russian economy». Research interests — strategic management of industrial enterprises; problems of enterprises functioning in the structure of the Russian fuel and energy complex.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Комарова Алина Владимировна — студент Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Alina V. Komarova — Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Куликов М. М. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Комиссарова М. А. — разработка инструментария исследования; проведение исследования; обработка результатов.

Комарова А. В. — проведение исследования; обработка результатов.

Contribution of the authors:

Kulikov M. M. — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Komissarova M. A. — development of tools for sociological research; conducting research; processing results.

Komarova A. V. — conducting research; processing the results.

Научная статья

УДК 338

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-196-205

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИОРИТЕТОВ УПРАВЛЕНИЯ ПОТЕНЦИАЛОМ ИННОВАЦИОННОЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Наталья Игоревна Лаврикова¹✉, Наталья Анатольевна Азарова²,
Мария Васильевна Опара³*

¹*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия*

^{2,3}*Воронежский государственный лесотехнический университет*

имени Г. Ф. Морозова, Воронеж, Россия

¹*nalavrikova@yandex.ru* ✉, ORCID: 0000-0002-9459-2793, AuthorID РИНЦ: 534247

²*azarovarsd@rambler.ru*, ORCID: 0000-0001-8244-8922, AuthorID РИНЦ: 583069

³*filichkinam@yandex.ru*, ORCID: 0000-0002-3048-5358, AuthorID РИНЦ: 587010

Аннотация. *Целью исследования* является изучение процесса формирования системы комплексного исследования приоритетов управления потенциалом инновационной деятельности, а также изучение сложности понятия потенциала инновационной экономики.

Методологическая база исследования представляет собой системный эмпирический и структурно-функциональный подход рассмотрения объекта исследования в виде целостного комплекса взаимосвязанных элементов. К используемым научным методам относится анализ причинно-следственных связей.

Результаты исследования. Авторами определено, что понятие ресурсов как экономической категории нельзя отождествлять с понятием потенциала. В статье показана структура понятия потенциала инновационной деятельности, его элементы и измерения, а также способы формирования человеческого капитала, рассматриваемые как важнейшая составляющая обсуждаемого потенциала. Отсутствие структурированного теоретического обсуждения сущности, смысла и способов формирования потенциала инновационной деятельности — важная проблема всей теории инноваций.

Перспективы исследования заключаются в изучении вопросов измерения инновационного и человеческого потенциала с учетом информационного потенциала в целях реализации потребностей инновационной деятельности на различных уровнях управления.

Ключевые слова: инновационный потенциал, человеческий капитал, организационные возможности, управление

Для цитирования: Лаврикова Н.И., Азарова Н.А., Опара М.В. Формирование системы взаимодействия приоритетов управления потенциалом инновационной и человеческой деятельности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №6. С. 196–205. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-196-205>.

Original article

FORMATION OF A SYSTEM OF INTERACTION OF PRIORITIES FOR MANAGING THE POTENTIAL OF INNOVATION AND HUMAN ACTIVITY

Natalia I. Lavrikova¹✉, Natalya A. Azarova², Maria V. Opara³

¹Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, Orel, Russia

^{2,3}Voronezh State University of Forestry and Technologies
named after G. F. Morozov, Voronezh, Russia

¹nalavrikova@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-9459-2793, AuthorID RSCI: 534247

²azarovarsd@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8244-8922, AuthorID RSCI: 583069

³flichkinam@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3048-5358, AuthorID RSCI: 587010

Abstract. *The purpose of the study is to examine the process of establishing a system of comprehensive research on innovation capacity management priorities. The complexity of the concept of innovation economy potential should also be explored.*

The methodological basis of the study is a systematic empirical and structural-functional approach of considering the object of research as a holistic set of interrelated elements. The scientific methods used include causal analysis.

Results of the research. *The authors determined that the concept of resources as an economic category should not be equated with the concept of potential. The paper shows the structure of the concept of innovation potential, its elements and dimensions, as well as the ways of human capital formation considered as the most important component of the discussed potential. The lack of a structured theoretical discussion of the essence, meaning and ways of formation of innovative activity potential is an important problem of the entire theory of innovation.*

The prospects of the research *are to studying the issues of measuring innovation and human potential, taking into account information potential in order to realize the needs of innovation activity at various levels of management.*

Keywords: *innovation potential, human capital, organizational capabilities, management*

For citation: *Lavrikova N. I., Azarova N. A., Opara M. V. Formation of a system of interaction of priorities for managing the potential of innovation and human activity // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 196–205. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-196-205>.*

Введение. Формирование потенциала инновационной экономики является одной из основных целей управления инновациями, понимаемыми как создание идей, выбор, внедрение и предложение новых продуктов, услуг, систем управления и социальной организации. Это касается страны, региона и некоммерческих экономических организаций [1].

Управление инновациями означает создание таких условий, которые способствуют увеличению шансов на эффективное решение различных проблем в неопределенной среде. Оно также может применяться как в между-

народном, так и в мировом масштабе, поэтому инновации связаны со способностью определять возникающие проблемы и возможности, связи между ними, выбирать их с точки зрения возможности использования и реализация. Такая реализация происходит как часть инновационного процесса, который состоит из нескольких этапов, описанных в литературе по данной теме [2–7]. Результатом инновационного процесса является конкретная инновация, которая может быть новым или модифицированным продуктом, новым технологическим процессом, новой

системой управления или ее элементом или новым методом маркетинга.

В результате эволюции управления инновациями как приоритетной проблемы реализуется концепция инновационных систем. Выделяются Национальная инновационная система (НИС), Региональная инновационная система (РИС) и инновационные системы отдельных единиц социальной и экономической жизни. Существуют также международные инновационные системы, например, инновационная система Европейского Союза. Элементами управления национальной инновационной системой являются, например, правительство, парламент, финансовая система НИОКР или образования и т. д.

В каждой инновационной деятельности стоит выделять три блока: потенциал, процесс и эффект [8]. Цель каждого действия — достичь заранее определенного эффекта, то есть до его запуска. Например, целью реализации идеи, результатом которой является новый продукт, может быть увеличение прибыли компании, увеличение клиентов, расширение рынков сбыта, экономия на расходе материалов. Инновационный процесс, состоящий из нескольких этапов, осуществляется в различных подразделениях, например в научных учреждениях, и прежде всего на предприятиях, где НИС, РИС составляют среду для их инновационной деятельности.

Очень часто как в теории, так и в экономической практике, термины «ресурс» и «потенциал» отождествляются. Однако эти понятия целесообразно различать. Ресурс может быть идентифицирован с потенциалом только тогда, когда он строго приспособлен к определенным и реализованным целям. С другой стороны, когда ресурс делает невозможным достижение целей данной деятельности, он должен быть изменен, т. е. его уровень и структура должны быть скорректированы в соответствии с поставленными целями. Неспособность согласовать ресурсы с возможностью достижения бизнес-целей приводит к неэффективности инновационной деятельности.

Методика. На этом фоне возникает вопрос, следует ли адаптировать цели к имеющимся ресурсам или необходимо ресурсы адаптировать к сформулированным целям, то есть создавать потенциал [9]?

Несомненно, в первую очередь формулируются цели, под которые адаптируются ресурсы для создания потенциала. Если бы цели были скорректированы с учетом ресурсов, то развитие оказалось бы под угрозой, или оно не состоялось бы вообще, или это было бы экстенсивное развитие. Адаптация ресурсов к сформулированным целям, т. е. создание потенциала, позволяет интенсивно развиваться. Следовательно, понятие потенциала связано с тремя элементами: ресурсом, целями и, наконец, действиями, которые позволят достичь целей. Существующие ресурсы информируют о том, что есть на самом деле, а цели сообщают о том, чего еще не существует, но через действие может возникнуть и трансформироваться в новый продукт. Таким образом, ресурс — это все, что анализируемый объект (компания, регион, страна) имеет и знает, а потенциал — это все, что компания может создать, какой новый продукт она может получить.

Результаты. Таким образом, можно заключить, что понятие потенциала следует понимать как ресурс, когда он полностью или частично трансформируется в новую желаемую ценность, указанную в цели деятельности, благодаря работе, выполняемой с использованием требуемых компетенций и навыков. Знание взаимосвязи между появлением нового товара и настоящими условиями действия позволит более эффективно согласовывать с ними потенциальные элементы в будущем. Итак, достижение целей зависит от качества имеющихся ресурсов, от способа их использования и корректировки, а также от способов достижения поставленных целей. Критериями такой корректировки могут быть:

— требования к пригодности ресурсов и навыков применительно к реализации предлагаемой инновационной деятельности, а также возможностям и угрозам, возникающим в окружающей среде [10];

— организационный потенциал, целью которого является способность использовать имеющиеся ресурсы для эффективной инновационной деятельности [11.]

Приведенные выше критерии в большей степени относятся к инновационной деятельности и показывают, что инновационная деятельность (на макро- и микроуровнях)

требует дифференцированного потенциала. На каждом уровне цели формулируются в виде желаемых новых продуктов. На том же уровне управления, например, на уровне компаний, реализующих внедрение нового продукта в рамках отдельных этапов инновационного процесса, также требуются дифференцированные потенциалы, поскольку на каждом этапе внедрения у них разные подцели. Таким образом, потенциал — это динамическая категория.

Важнейшим элементом инновационного потенциала также является и человеческий потенциал, то есть уровень образования, знаний, навыков, опыта, инновационной культуры и прежде всего осведомленности об инновациях. На разных уровнях управления инновационной деятельностью структура вышеперечисленных потенциальных элементов различна. Несомненно, на первоначальном уровне необходим общий уровень образования с хорошим знанием принципов инновационной деятельности, закономерностей и тенденций развития цивилизации, в том числе экономического развития, и умением видеть взаимозависимость явлений. На организационном уровне важнее подготовка специалистов. Если на макроуровне определяются общие цели инновационной деятельности и направления развития, то на микроуровнях управления — методы их реализации. Это замечание касается каждой из составляющих потенциала инновационной деятельности (науки, техники, экономики). На человеческий потенциал также большое влияние оказывают здоровье, интеллектуальная и эмоциональная энергия, культура или ценности.

Информационный потенциал — это не только национальные, но и глобальные знания и их институциональные формы — знания, связанные с инновационной деятельностью [12].

Технические средства как часть потенциала инновационной деятельности включают в себя всю научно-исследовательскую аппаратуру, лаборатории, машины и устройства, ИТ-оборудование, обеспечивающее быстрое межличностное общение, особенно между участниками инновационных процессов разного уровня и внутри них.

Организация и управление — важная составляющая потенциала инновационной

деятельности, которая очень часто является препятствием для ее развития, а значит, требует системной модернизации. Кстати, стоит заметить, что самое главное нововведение в наше время — это внедрение новых методов организации и управления таким образом, чтобы они стали фактором, стимулирующим инновационную деятельность, а не тормозом для нее. Стоит включить вертикальные и горизонтальные связи между организациями и внутри них, международные контакты, особенно со странами ЕС в области сотрудничества в сфере науки и технологий, или тесные связи между организациями и клиентами. Важным элементом потенциала является финансово-экономическая система — методы финансирования инновационной деятельности, которая в глазах исполнителей инновационной деятельности часто является препятствием для ее развития.

Указанные компоненты потенциала инновационной деятельности и их элементы присутствуют на всех уровнях ее управления [13].

В отношении отдельных компонентов этого потенциала следует сформулировать определенные принципы управления им, независимо от уровней управления:

- принцип адаптации потенциала к сформулированным текущим и перспективным целям инновационной деятельности;
- принцип оптимальных пропорций между потенциальными компонентами;
- возможности территориального перемещения потенциала;
- принцип активизации и совершенствования стимулов для стимулирования увеличения использования потенциала инновационной деятельности.

Потенциал инновационной деятельности — это часть социально-экономического потенциала любой страны. Между этими агрегатами существует обратная связь. Социально-экономический потенциал — это среда для потенциала инновационной деятельности, которая со временем меняется согласно ускоренному развитию науки и технологий в мире.

Потенциал инновационной деятельности трансформируется в факторе ее развития, когда он будет использован в инновационном процессе, при этом потенциал по отношению

к компаниям можно определить как совокупность активов, позволяющих генерировать инновационные идеи, их выбор и реализацию, а также коммерциализацию эффектов этих процессов. На уровне отдельных компаний наиболее важной частью инновационного потенциала, как указано выше, является человеческий капитал как часть интеллектуального капитала, который в настоящее время включает работников умственного труда. Они осуществляют три процесса [14], между которыми возникает обратная связь:

- 1) создание знаний;
- 2) распространение знаний;
- 3) применение знаний.

Характеристики интеллектуальных работников можно систематизировать следующим образом:

— наличие специальных знаний: академических или узкоспециализированных профессиональных;

— продвижение новых идей с точки зрения возможной их реализации;

— прямой доступ к специалистам с соответствующим опытом и обмен знаниями с теми, кто в этом нуждается;

— обеспечение работы (часто за свой счет), управление своим временем и карьерой;

— возможность работать в разных местах, в командах, на предприятиях;

— тяга к знаниям, проявляющаяся в процессе непрерывного обучения, совершенствования, повышения квалификации и переподготовки;

— новаторское отношение, видение возможности создания новых знаний;

— наличие как специальных, так и общих компетенций, способствующих сотрудничеству.

Качество человеческих ресурсов определяется на основе квалификации. Это правильный критерий решения выявленных проблем.

Высокая квалификация — весомый критерий выполнения поставленных задач, однако на будущее необходимы системные образовательные программы [15]. Отказавшись от перечисления признаков хорошей квалификации, необходимо определить условия, в которых новая команда будет управлять инновационной деятельностью. Следовательно, необходимо определить тематику курсов

и тренингов, полезных для реализации прорывных инновационных проектов.

Также стоит обратить внимание на покупателей как элемент инновационного потенциала. В современных компаниях они в какой-то мере являются соменеджерами — их голос учитывается при создании новых/модифицированных продуктов или организационных систем.

Время, а точнее, умелое управление им, также может составлять элемент потенциала инновационной деятельности. Утерянное настоящее время очень часто имеет негативные последствия в будущем, поскольку время — исключительный ресурс, а его запасы неэластичны. Время нельзя заменить никаким другим ресурсом. При управлении временем следует соблюдать определенные правила:

— максимально быстро реагировать на события;

— сочетать поддерживающие меры контроля, которые до сих пор были разделены и изолированы;

— поддерживать и запускать только те виды деятельности, которые создают добавленную стоимость;

— управлять производством товаров и услуг в соответствии с их конечным использованием;

— управлять социальными последствиями борьбы со временем.

Важным элементом потенциала инновационной деятельности является сотрудничество с субъектами окружающей среды, в основном субъектами сферы науки, ответственными и зарубежными предприятиями, органами местного самоуправления [16].

Потенциал инновационной деятельности также включает в себя межорганизационные проинновационные отношения, которые, как предполагается, приводят к повышению инновационности сотрудничающих предприятий, а это означает, что основная цель их создания — это создание инноваций.

Потенциалом инновационной деятельности, несомненно, является так называемый позитивный организационный потенциал, который состоит из позитивной организационной культуры и позитивного организационного климата, обуславливая поведение сотрудников в поддержку развития организации. Поскольку формирование вышеперечисленных

численных направлений носит стратегический характер, а инновационная деятельность также является стратегическим мероприятием, эти направления, несомненно, влияют на динамику инновационной активности.

Человеческий (кадровый) потенциал, безусловно, является важнейшей частью потенциала инновационной деятельности на уровне инновационной макросистемы, в региональных инновационных системах, на уровне микросистем на предприятиях и на уровне реализации инновационных проектов. Человеческий потенциал требует особой тщательной подготовки. Источник его приготовления находится как внутри инновационной деятельности (это эндогенные источники), так и вне ее. Экзогенными источниками формирования человеческого потенциала инновационной деятельности являются:

— система образования: высшее образование, докторантура, аспирантура; среднее образование — общее и профессиональное; зарубежные университеты;

— различные формы обучения на специализированных курсах;

— формы обмена персоналом, в том числе между странами,

— участие в реализации программ исследований и разработок, проводимых в рамках рамочных программ;

— общие и специализированные зарубежные стажировки;

— участие в различных национальных и международных конференциях;

— сотрудничество отечественных и зарубежных компаний.

Существует множество внешних источников, и формирование человеческого потенциала должно быть связано с потребностями инновационной деятельности на различных уровнях управления. Для устранения недостатков в подготовке к осуществлению инновационной деятельности на всех уровнях управления необходимо создать министерство инноваций, основной задачей которого будет координация инновационной деятельности. С другой стороны, обучение инновационной деятельности можно организовать с использованием кадров, научной литературы с результатами фундаментальных и прикладных исследований и значительного опыта на различных уровнях управления.

Обсуждение. Инновационная деятельность, как неоднократно было подчеркнуто, очень сложна, разнообразна с точки зрения уровней управления, поэтому программы обучения требуют тщательной подготовки для выполнения конкретных ролей на этих уровнях [17].

Например, в компаниях можно различать роль создателя, новатора, предпринимателя, и каждый из них в силу своих различных функций требует разного подхода к приобретению знаний и навыков и, следовательно, разного типа образования и обучение.

Кроме того, каждый этап инновационного процесса требует применения разных знаний и навыков. Однако для этого должны быть приобретены специальные и общие знания, связанные с основами инновационности и управления инновационной экономикой, чтобы затем провести специализированные теоретико-методологические исследования, относящиеся к инновационной деятельности.

Однако отправной точкой для создания кадрового потенциала для инновационной деятельности является уровень осведомленности об инновациях. Здесь стоит отметить, что модели инновационного процесса, популяризируемые в литературе, должны найти свои аналоги в выполнении ролей, которые доминируют при реализации этих моделей. Эти роли — активаторы (инициирование инновационных процессов), исследователи (информирование об исследованиях на каждой стадии инновационного процесса), создатели (создание новых инновационных и бизнес-концепций), разработчики (подготовка работ по внедрению), исполнители (занимающиеся внедрением), фасилитаторы (обеспечивающие успешную групповую коммуникацию). Правильное исполнение перечисленных ролей требует разнообразных знаний и навыков. Высшая школа (особенно школа менеджеров) должна давать базовые знания, однако специальные знания приобретаются в основном на практике.

Формирование потенциала инновационной экономики, а точнее, потенциала инновационной деятельности как комплексной проблемы, является важным элементом теории инноваций и требует более широкого теоретического осмысления. К нерешенным проблемам теории инноваций относятся и вопросы измерения этого потенциала, поскольку его

трудно измерить количественно и не всегда измерения отражают его фактическое состояние (уровень и структуру), поэтому аналитик часто вынужден использовать описательные характеристики. Выбор индикаторов для измерения зависит, прежде всего, от правильного определения этого потенциала и целей анализа. Этими целями могут быть:

- необходимость подготовить стратегию развития компании, региона или страны;
- подача заявок в местные или национальные органы власти для поддержки инновационных процессов;
- восполнение пробелов в существующем инновационном потенциале;
- получение знаний о динамике инновационной деятельности;
- сравнение с другими отечественными или зарубежными компаниями, сравнение инновационного потенциала разных стран.

Выводы. Долгосрочное наблюдение за этими индикаторами может быть полезным для выявления определенных закономерностей в формировании потенциальных элементов или даже в установлении определенных закономерностей в этом отношении. Отправной точкой для правильного построения меры является точное определение явлений, существенных для описываемого объекта, и понимание их логики. Установленные показатели и рассчитанные на их основе показатели позволяют установить (рассчитать) взаимосвязи между элементами потенциальных составляющих и эффектами инновационной деятельности и развития компании, региона и страны. Важной и пока не решенной проблемой является структура мер, позволяющих оценить способность компании к инновациям в будущем.

Предлагается классифицировать показатели инновационной активности компаний по трем критериям:

- 1) потенциал инновационной деятельности;
- 2) инновационный процесс;
- 3) эффекты инновационных (внедренческих) процессов.

Список источников

1. Азарова Н. А. Эффективность управления человеческим капиталом при форми-

ровании регионального индекса инноваций // Регион: системы, экономика, управление. 2021. №2(53). С. 93–98.

2. Бакеев Б. В. Влияние показателей инновационного потенциала региона на результаты инновационной деятельности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. №11(109). С. 147–156.

3. Дешевова Н. В. Управление инновационным развитием предприятия на основе эффективных способов мобилизации ресурсного потенциала // Инновации в образовании и науке: Межвузовский сборник научно-методических трудов / Под науч. ред. Е. Н. Атарщиковой, В. И. Бережного. М.: Русайнс, 2017. С. 98–102.

4. Лаврикова Н. И. Влияние технологических инноваций на развитие хозяйственных систем // Международный научный журнал. 2021. №2. С. 43–51.

5. Мансурова Ю. Т. Задача минимизации инновационного риска в системе управления инновационным потенциалом предприятия // Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений (ITIDS'2019): Труды VII Всероссийской науч. конференции (Уфа, 28–30 мая 2019 г.). Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2019. С. 83–90.

6. Омельченко И. И. Инновационный потенциал персонала и способы управления его развитием // Университетская наука — региону: Материалы VI ежегодной науч.-практ. конференции преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, 04–22 апреля 2018 года) / Под ред. Л. И. Ушвицкого, А. В. Савцовой. Ставрополь: ООО «Издательско-информационный центр «Фабула», 2018. С. 125–127.

7. Сальников И. И. Система управления инновационной деятельностью предприятия на основе оценки его инновационного потенциала // Экономика и управление: инновационное решение проблем: Материалы международной науч.-практ. конференции (Белгород, 02–05 апреля 2019 года). Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2019. С. 126–135.

8. Трифонов Ю. В. Оценки инновационного потенциала и инновационной деятель-

ности корпораций, предприятий и фирм // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2019. №1(119). С. 20.

9. Шевцова Н.В. Развитие системы управления инновационной деятельностью предприятия на основе оценки его инновационного потенциала: методический аспект // Экономика и предпринимательство. 2017. №12-3(89). С. 1114–1126.

10. Bersimbayeva A. B. Marketing approach to innovation management as a tool for enhancing innovative activity of enterprises // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2017. Vol. 85. №1. P. 84–90.

11. Hamdamov Sh. I. O. Methods of managing the innovation potential of the region taking into account the key role of human capital in the transformation of resources into innovation // Capital of Science. 2020. №10(27). P. 40–45.

12. Kuleshova Yu. V. The method of problematic presentation as a way of organizing the productive activity of students and disclosing their creativity // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: материалы международной науч.-практ. конференции (Красноярск, 17–19 апреля 2018 года). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2018. P. 175–177.

13. Stroeve O. A., Lavrikova N. I., Alekhina T. A., Semenova E. E., Stepanova M. A. Development of Organizational Diagrams and Governance Mechanisms of Region's Economy // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2021. Vol. 198. Pp. 1807–1816.

14. Tretyakova L. A., Azarova N. A., Lavrikova N. I., Opara M. V., Tsvyrko A. A. Formation of mechanisms for creating innovative national polygons // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2021. №808(1).

15. Utegenova Zh. S. Foreign experience of innovative capacity management // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2017. Vol. 88. №4. P. 152–158.

16. Zinina O. V. Innovative education activities, features of implementation of the innovative process // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9. №3(32). P. 85–87.

References

1. Azarova N. A. Jeffektivnost' upravlenija chelovecheskim kapitalom pri formirovanii regional'nogo indeksa innovacij [Efficiency of human capital management in the formation of the regional innovation index]. *Region: sistema, jekonomika, upravlenie* [Region: systems, economics, management]. 2021; 2(53): 93–98. (In Russ.).

2. Bakeev B. V. Vlijanie pokazatelej innovacionnogo potenciala regiona na rezul'taty innovacionnoj dejatel'nosti [Influence of indicators of innovative potential of the region on the results of innovative activity]. *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki* [Regional problems of economic transformation]. 2019; 11(109): 147–156. (In Russ.).

3. Deshevova N. V. Upravlenie innovacionnym razvitiem predpriyatija na osnove jeffektivnyh sposobov mobilizacii resursnogo potenciala [Management of innovative development of the enterprise on the basis of effective ways of resource potential mobilization]. *Innovacii v obrazovanii i nauke: Mezhvuzovskij sbornik nauchno-metodicheskikh trudov* [Innovations in education and science: Interuniversity collection of scientific and methodological works]. Pod nauch. red. E. N. Atarshhikovej, V. I. Berezhnogo [In E. N. Atarshchikova, V. I. Berezhnoy (eds.)]. Moscow: Rusajns, 2017. P. 98–102. (In Russ.).

4. Lavrikova N. I. Vlijanie tehnologicheskikh innovacij na razvitie hozjajstvennyh sistem [The impact of technological innovations on the development of economic systems]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [International Scientific Journal]. 2021; (2): 43–51. (In Russ.).

5. Mansurova Ju. T. Zadacha minimizacii innovacionnogo riska v sisteme upravlenija innovacionnym potencialom predpriyatija [The task of minimizing innovation risk in the enterprise innovation potential management system]. *Informacionnye tehnologii intellektual'noj podderzhki prinjatija reshenij (ITIDS'2019): Trudy VII Vserossijskoj nauch. konferencii (Ufa, 28–30 maja 2019 g.)* [Information technologies of intellectual decision support (ITIDS'2019): Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference (Ufa, May 28–30, 2019)]. Ufa: Ufmskij gosudarstvennyj aviacionnyj tehničeskij universitet, 2019. P. 83–90. (In Russ.).

6. Omel'chenko I.I. Innovacionnyj potencial personala i sposoby upravlenija ego razvitiem [Innovative potential of personnel and ways of managing its development]. Universitetskaja nauka — regionu: Materialy VI ezhegodnoj nauch.-prakt. konferencii prepodavatelej, studentov i molodyh uchenyh Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta (Stavropol', 04–22 aprelja 2018 goda) [University Science — to the region: Materials of the VI annual scientific and practical conference of teachers, students and young scientists of the North Caucasus Federal University (Stavropol, April 04–22, 2018)]. Pod red. L.I. Ushvickogo, A.V. Savcovoj [In L.I. Ushvitsky, A.V. Savtsova (eds.)]. Stavropol': OOO «Izdatel'sko-informacionnyj centr «Fabula», 2018. P. 125–127. (In Russ.).

7. Sal'nikov I.I. Sistema upravlenija innovacionnoj dejatel'nost'ju predprijatija na osnove ocenki ego innovacionnogo potenciala [The system of management of innovative activity of the enterprise on the basis of assessment of its innovative potential]. Jekonomika i upravlenie: innovacionnoe reshenie problem: Materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii (Belgorod, 02–05 aprelja 2019 goda) [Economics and Management: Innovative Problem Solving: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Belgorod, 02–05 April 2019)]. Belgorod: Belgorodskij universitet kooperacii, jekonomiki i prava, 2019. P. 126–135. (In Russ.).

8. Trifonov Ju. V. Ocenki innovacionnogo potenciala i innovacionnoj dejatel'nosti korporacij, predprijatij i firm [Evaluation of innovative potential and innovative activity of corporations, enterprises and firms]. *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Management of economic systems: electronic scientific journal]. 2019; 1(119): 20. (In Russ.).

9. Shevcova N.V. Razvitie sistemy upravlenija innovacionnoj dejatel'nost'ju predprijatija na osnove ocenki ego innovacionnogo potenciala: metodicheskij aspekt [Development of the enterprise innovation management system based on the assessment of its innovation potential: methodological aspect]. *Jekonomika i predprinimatel'stvo*

[Economics and entrepreneurship]. 2017; 12-3(89): 1114–1126. (In Russ.).

10. Bersimbayeva A. B. Marketing approach to innovation management as a tool for enhancing innovative activity of enterprises // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2017. Vol. 85. №1. P. 84–90.

11. Hamdamov Sh. I. O. Methods of managing the innovation potential of the region taking into account the key role of human capital in the transformation of resources into innovation // Capital of Science. 2020. №10(27). P. 40–45.

12. Kuleshova Yu. V. The method of problematic presentation as a way of organizing the productive activity of students and disclosing their creativity. Nauka i obrazovanie: opyt, problemy, perspektivy razvitija: materialy mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii (Krasnojarsk, 17–19 aprelja 2018 goda) [Science and education: experience, problems, development prospects: materials of the international scientific and practical conference (Krasnojarsk, April 17–19, 2018)]. Krasnojarsk: Krasnojarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2018. P. 175–177.

13. Stroeva O.A., Lavrikova N.I., Alekhina T.A., Semenova E.E., Stepanova M.A. Development of Organizational Diagrams and Governance Mechanisms of Region's Economy // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham, 2021. Vol. 198. Pp. 1807–1816.

14. Tretyakova L.A., Azarova N.A., Lavrikova N.I., Opara M.V., Tsvyrko A.A. Formation of mechanisms for creating innovative national polygons // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, 2021. №808(1).

15. Utegenova Zh. S. Foreign experience of innovative capacity management // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2017. Vol. 88. №4. P. 152–158.

16. Zinina O.V. Innovative education activities, features of implementation of the innovative process // Baltic Humanitarian Journal. 2020. Vol. 9. №3(32). P. 85–87.

Статья поступила в редакцию 25.11.2021; одобрена после рецензирования 30.11.2021; принята к публикации 08.12.2021.

The article was submitted on 25.11.2021; approved after reviewing on 30.11.2021; accepted for publication on 08.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лаврикова Наталия Игоревна — кандидат экономических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.

Россия, г. Орел, ул. Математика Киселёва, 2

Natalia I. Lavrikova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation.

2 Matematika Kiseleva st., Orel, Russia

Азарова Наталья Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Мировая и национальная экономика», Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова.

Россия, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8

Natalya A. Azarova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of World and National Economy, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov.

8 Timiryazeva st., Voronezh, Russia

Опара Мария Васильевна — кандидат технических наук, доцент, Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова.

Россия, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8

Maria V. Opara — Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov.

8 Timiryazeva st., Voronezh, Russia

Вклад авторов:

Лаврикова Н. И. — консультации в течение выполнения работы; итоговые выводы.

Азарова Н. А. — исследование по проблематике темы.

Опара М. В. — обзор литературных источников по исследуемой проблеме.

Contribution of the authors:

Lavrikova N. I. — consultations during the work; final conclusions.

Azarova N. A. — research on the problems of the topic.

Opara M. V. — review of literary sources on the problem under study.

Научная статья
УДК 338.1 (311.2)
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-206-218

ИЗМЕРЕНИЕ «ЦИФРОВОЙ» ЭКОНОМИКИ И ПСЕВДОЭФФЕКТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДУАЛИЗМА¹

Олег Сергеевич Сухарев

Институт экономики РАН, Москва, Россия

o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, Researcher ID: C-3767-2018

Аннотация. *Цель исследования.* Управляемое распространение цифровых технологий стало атрибутом экономической политики во многих странах, войдя в качестве базовой задачи в доктрину «Индустрия 4.0». Решение этой задачи требует учета исходного состояния технологического базиса экономики, готовности всех звеньев экономики к освоению новых технологий. Эффект технологического дуализма может оказывать сдерживающее влияние на распространение цифровых и иных технологий, что требует отдельного изучения. Целью исследования выступает построение методики оценки распространения цифровых технологий и идентификации эффекта технологического дуализма, который для российской экономики приобретает специфическое содержание.

Методологию исследования составляет теория технологического развития и эффективности функционирования объектов экономики, подходы в области экономических изменений и формирования алгоритма и методики оценки релевантных параметров.

Результат исследования состоит в том, что в российской экономике выявлен псевдоэффект технологического дуализма на основе анализа динамики основного капитала и перемещения труда между экономическими секторами. Его возникновение может блокировать технологическое развитие, не препятствуя при этом ходу процесса распространения цифровых технологий. Обоснованы два базовых варианта распространения цифровых технологий и предложена методика оценки масштаба их распространения в экономике с оценкой эффективности ввода, а также методика идентификации технологического дуализма. Показано, что отсутствие роста производительности при расширении компьютерной техники и сетевых технологий не является парадоксом, а составляет вполне закономерный итог, обусловленный не только капитальным вложением на внедрение этих технологий, но и необходимостью обучения персонала, а также исходным масштабом рынка продуктов, создаваемых объектами, осуществляющими ввод цифровых технологий.

Перспектива исследования. Для изучения изменений структуры технологической динамики на перспективу предложен инструмент технологической карты и портфеля, требующие расширенного статистического учета технологий и описывающих их параметров, позволяющие расширить представление о влиянии технологий на экономическое развитие и эффекте технологического дуализма.

Ключевые слова: методология измерений, цифровые технологии, «парадокс» производительности, псевдоэффект «технологического дуализма»

© Сухарев О. С., 2021

¹ Статья подготовлена на основе пленарного авторского доклада «Распространение цифровых технологий: оценка влияния» на Международной научно-практической конференции «Управление культурными различиями и цифровизация как векторы устойчивого развития высшего образования: международный опыт и особенности Центральной Азии и России», проводимой ЮРГТУ (НПИ) 15 октября 2021 г.

Для цитирования: Сухарев О. С. Измерение «цифровой» экономики и псевдоэффект технологического дуализма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 206–218. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-206-218>.

Original article

MEASURING THE «DIGITAL» ECONOMY AND PSEUDO EFFECT OF TECHNOLOGICAL DUALISM

Oleg S. Sukharev

*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru, ORCID: 0000-0002-3436-7703, Researcher ID: C-3767-2018*

Abstract. *The purpose of the study.* The controlled diffusion of digital technologies has become an attribute of economic policy in many countries, entering as a basic task in the doctrine of «Industry 4.0». Solving this problem requires taking into account the initial state of the technological basis of the economy, the readiness of all parts of the economy to master new technologies. The effect of technological dualism can have a deterrent effect on the spread of digital and other technologies, which requires a separate study. The purpose of the study is to build a methodology for assessing the spread of digital technologies and identifying the effect of technological dualism, which acquires a specific content for the Russian economy.

The research methodology is the theory of technological development and the efficiency of functioning of economic objects, approaches in the field of economic measurements and the formation of an algorithm for assessing the relevant parameters.

The result of the study is that a pseudo-effect of technological dualism has been identified in the Russian economy, based on an analysis of the dynamics of fixed capital and the movement of labor between economic sectors. Its occurrence can block technological development without interfering with the course of the digital diffusion process. Two basic options for the dissemination of digital technologies have been substantiated, and a methodology for assessing the scale of their spread in the economy, with an assessment of the efficiency of input, as well as a method for identifying technological dualism has been proposed. It is shown that the lack of productivity growth with the expansion of computer technology and network technologies is not a paradox, but is a completely natural result, due not only to capital investments in the implementation of these technologies, but also to the need for personnel training, as well as the initial scale of the market for products created by facilities that carry out input of digital technologies.

The prospect of the study. To study the changes in the structure of technological dynamics for perspective, a tool of a technological map and a portfolio is proposed, which require an extended statistical accounting of technologies and their parameters, which make it possible to expand the understanding of the impact of technologies on economic development and the effect of technological dualism.

Key words: measurement methodology, digital technologies, productivity «paradox», pseudo-effect of «technological dualism»

For citation: Sukharev O. S. Measuring the «digital» economy and pseudo effect of technological dualism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 206–218. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-206-218>.

Введение. Рассматривая экономический рост и развитие с ориентацией на различные подходы и модели неоклассического или иного типа [1–2; 10–11], можно отметить, что своеобразным объединяющим их началом выступает проблема измерения. Для сравнительных исследований по странам ее просто никак нельзя обойти. Причем критика различных показателей, например, ВВП, заставляющая экономистов искать иные способы оценки развития, тем не менее, несмотря на разработку этих методов, не снимает проблемы различных способов измерения таких социальных явлений, как неравенство, бедность² [6–7]. Виды деятельности и экономические секторы измеряются обычно весьма просто — по величине создаваемой добавленной стоимости, числу занятых людей, фондам, активам и т.д. Однако, если сектор выделяется методом агрегации как транзакционный сектор, включающий все виды транзакционной деятельности по всем сферам или «цифровой экономики», представляющей работу цифровых технологий, то в таком случае уже само выделение является своеобразной моделью, поэтому здесь присутствуют эмпирические замеры. Но в реальности такого сектора как объекта нет, он построен исследователем, включая и способы измерения, и показатели оценки функционирования. Причем этот прием используется весьма часто в современных экономических исследованиях и органах статистического учета. В частности, «экономика знаний» согласно Евростату [8] измеряется числом людей с определенным уровнем образования, превышающим установленную норму (33% от всего состава занятого персонала). Тем самым объект относится к экономике знаний, хотя может совсем не иметь отношения ни к производству знаний, ни к их значимому тиражированию, обучению. Аналогичная, если не более серьезная, проблема касается «цифровой экономики», поскольку измерить ее по занятому в работе с цифровыми технологиями персоналу будет еще более проблематично, так как технологии высвобождают персонал.

В принципе, термин «цифровая экономика» выглядит не менее надуманным, нежели «наноэкономика» или «ноономика», а также ставшие модными сегодня так называемые «экосистемы». Само по себе применение этого термина не проясняет наблюдаемую экономическую реальность, поскольку как таковой цифровой экономики не существует, а только усложняет ее восприятие, создавая ложное противопоставление между системным содержанием экономики [5] и масштабом применяемых цифровых технологий, закономерно вытесняющих аналоговые технологии. Казалось бы, наименование «цифровая экономика» сразу обозначает сегмент хозяйства и необходимость его измерения, которую можно реализовать, выделяя долю цифровых технологий в общем объеме вновь вводимых технологий, либо долю добавленной стоимости, производимой при участии цифровых технологий, либо долю занятых в обслуживании цифровых технологий относительно общей величины занятого населения. Однако приведенные варианты измерения дают три количественные оценки, которые могут характеризовать разный охват распространения цифровых технологий.

Измерение как метод является в экономической науке основополагающим. От него зависит оценка не только явления или объекта, но и происходящих изменений, а также уровень обоснования необходимых управленческих воздействий с тем, чтобы изменить состояние объекта или ход процесса, содержание наблюдаемого явления.

Например, можно измерять размер государственного сектора по доле добавленной стоимости в общей ее величине в экономике. Однако, если размер и состав этого сектора законодательно не установлен, то измерение становится нормативно-фривольным, зависящим от того, как этот сектор определяет субъект, осуществляющий измерение. Если компании с государственным акционерным участием, скажем, от 30 до 49% акций, отнести к государственному сектору, то тогда возникает проблема: как отнести к государс-

² Стиглицу Дж., измерившему доходы 1% населения США и иных 90% населения, удалось показать, что реальные доходы 90% населения в отличие от 1% практически не росли на длительном интервале времени, в то время как 1% несказанно разбогател. Применение стандартных методов в виде коэффициента Джини, показателя фондов, либо индекса Э. Аткинсона не даёт такой оценки. Разложение по доходным группам может предполагать процедуру, похожую на применение индекса социального неравенства А. Тейла.

твенному сектору создаваемую такими компаниями добавленную стоимость — в таком же соотношении или нет? Однако указанное выделение касается пакета акций, что совсем не означает влияния на создаваемую добавленную стоимость. Обратим внимание, что критерий «выделение» является главной детерминантой. Выделим государственный сектор, и, посчитав добавленную стоимость, можем получить оценку, скажем, в 70% добавленной стоимости, приходящейся на этот сектор. Тогда, если эта цифра справедлива для России, возникнет вопрос относительно того, что именно такая же доля добавленной стоимости приходится на услуги, которые в подавляющем объеме создаются частным сектором (торговля занимает до 27% валовой добавленной стоимости для России). Следовательно, если границы сектора не определены, не ясен его состав, масштаб, правом не отрегулировано отнесение организаций к нему и не ясна методика оценки разбивки созданной добавленной стоимости, когда компанией владеют и частники, и государство, то измерение такого сектора может привести к неверным оценкам его чрезмерно крупного масштаба. При этом могут производиться оценки его низкой эффективности. Вместе с тем, если сектор имеет малые активы и дает высокую величину добавленной стоимости, нежели частный сектор, имеющий большие активы, ему принадлежавшие, но дающий меньшую величину добавленной стоимости, то вопрос об эффективности снимается автоматически, причем отнюдь не в пользу частного сектора.

Таким образом, измерение в экономике в значительной степени зависит от критерия и от метода получения данных, определения границ измеряемого объекта [4; 8–9]. Если цифровая экономика — это набор цифровых технологий, включая их обслуживание, то такой сегмент может измеряться по числу технологий, создаваемой добавленной стоимости, занятому персоналу, масштабу обслуживающей инфраструктуры и пр. Поскольку здесь ключевое значение имеет технология, то важно не столько, что она цифровая, а как именно она воплощена в оборудовании и приборах, компьютерах и коммуникации, т.е. к какому быстрдействию и обработке информации она приводит. Иными словами,

параметры качества становятся важнейшим условием распространения цифровых технологий, причем восприятие их всеми элементами экономики играет важную роль, как и состояние производственных систем, инфраструктуры [13–14].

Программы развития сильно влияют на распространение новых технологий, но время как ресурс и оценки с позиции учета именно этого ресурса при рассмотрении различных вариантов помощи развитию и управления развитием становятся ключевыми позициями в «измерении развития» [16].

Как видим, проблема измерения «цифровой экономики» касается, как минимум, двух центральных моментов: распространения цифровых технологий и оценки эффективности их внедрения и дальнейшего использования. В связи со сказанным целью настоящего исследования выступает разработка авторской методики измерения распространения цифровых технологий, а также оценки их эффективности и идентификации эффекта технологического дуализма, включая его псевдовариант.

Для ее достижения потребуется разрешить некоторые методологические вопросы измерения технологического развития, а также рассмотреть влияние «парадокса производительности» и российский вариант технологического дуализма, который в ранних работах автора был обозначен псевдоэффектом [9].

1. Методология измерения технологического развития. Измерение технологического развития выступает наиболее сложной областью измерений, поскольку статистическая информация, учет данных объективно не обладают той полнотой, как по иным сферам и показателям общего макроэкономического свойства. Кроме того, технологические факторы подлежат включению в модели роста и развития, причем от математической формализации во многом зависит правдоподобие получаемых оценок и выводов для экономической политики [3].

Для измерения технологического развития могут применяться абсолютные показатели, характеризующие технологические инновации, масштаб применения новых технологий, обладание высокими технологиями. Кроме них используются показатели, такие

как уровень технологичности, не имеющие однозначного измерения в каких-либо единицах, подобно технологичности в технических системах, где она выступает комплексной характеристикой условий производства изделия, эксплуатации и ремонта. В экономике технологичность означает применение способа получения такого же результата с меньшими издержками либо большего результата с теми же издержками, достигается за счет ввода новых технологий или усовершенствования уже используемых технологий. Исходный уровень технологичности экономики сильно влияет на ход технологического обновления, инвестиции в новые технологии, внедрение цифровых технологий [9].

Проблема измерения технологичности предполагает введение показателя уровня технологичности либо использование набора показателей, характеризующих общую технологичность. Росстат выделяет высоко-, средне- и низкотехнологичные виды деятельности, причем средняя группа имеет еще два выделения — это низко-, высоко-среднетехнологичные виды деятельности. Однако, выделение этих видов осуществляется по доле затрат на НИОКР в общей величине производства или добавленной стоимости видов деятельности [8].

Технологическое развитие охватывает довольно продолжительный интервал времени, в связи с чем оценивать его можно, не только используя названные показатели, но и прибегая к модельным построениям, в частности, выделяя технологические уклады и их преобладание в экономике. Структура новых укладов будет обеспечивать технологическую новизну, а преобладание старых технологических переделов при доминировании устаревших укладов — закреплять имеющиеся технологические возможности. Уровень технологического развития сегодня измеряется официально по типам высокотехнологичных видов деятельности, причем выделяются низко-, средне- и высокотехнологичные виды экономической деятельности. Отнесение к типу осуществляется по величине либо доле расходов на НИОКР. Необходимо отметить, что в таком случае априори предполагается связь между величиной расходов на НИОКР и уровнем технологичности. В действительности такой связи может не быть, поскольку

ку небольшие затраты на НИОКР могут создать технологический прорыв, а значительные затраты ни к чему не приведут. Пример российской экономики, когда в гражданских производствах не наблюдается увеличение технологичности, а оборонный сектор делает технологический рывок, несмотря на то что военные НИОКР на порядок меньше финансируются, нежели у зарубежных конкурентов, является весьма ярким подтверждением сказанному. Причина в том, что прямая связь между затратами на НИОКР и уровнем технологичности, видимо, не прослеживается. Часть НИОКР в принципе не оканчивается появлением новой технологии, другая часть имеет отрицательные результаты, и только некая доля приведет к появлению каких-то технологий, которые потребуются внедрить в существующую на этот момент времени технологическую цепочку. Поэтому выстраивание системы измерений и оценок на этой основе приводит к существенным искажениям. Подобные неоднозначности в измерении технологического развития подтверждают необходимость весьма взвешенного подхода в области оценки создаваемых и применяемых технологий. Это относится и к измерению производительности, в частности высокопроизводительных рабочих мест, которые нельзя оценивать по превышению заработной платы некоего установленного норматива, как и по добавленной стоимости. Причина в том, что высокая производительность обеспечивается уровнем автоматизации рабочего места и электронизации (цифровизации), а не оценкой труда или рыночной оценкой создаваемого блага или даже общей эффективностью хозяйствования — умением создавать высокую добавленную стоимость.

Как видим, методологические трудности измерения технологического развития пронизывают современную систему учета. Они настолько значимы, что сильно детерминируют затем принимаемые решения и формируемую стратегию научно-технического развития страны. Ввод технологий требует оценки уровня их охвата плюс эффективности внедрения. Остановимся далее на этих аспектах, подчеркивая влияние эффекта технологического дуализма с российской спецификой и объясняя отсутствие парадокса в наблюдаемом росте производительности.

2. Распространение цифровых технологий, «парадокс» производительности и псевдоэффект «технологического дуализма». Сами по себе новые технологии, приводящие к автоматизации производства, программируя решения в этой области, не гарантируют получения выгод от применения. Причина состоит в «парадоксе» производительности [15], определяемом эффективностью внедрения и дальнейшей эксплуатации новых технологий, а также эффектами технологического замещения и дополнения, которые при этом возникают. В итоге технологическая революция сопровождается замедлением роста производительности [17]. Так, по данным Росстата, в нашей стране в период 2012–2018 гг. рост производительности труда по измеряемому индексу понижался, например, в секторе добычи полезных ископаемых с 101,5 до 100,3%, в обработке — со 105,8 до 101,8%, в строительстве — со 102,4 до 100,7%³. Число персональных компьютеров, серверов, локальных сетей, облачных сервисов в среднем возросло, не поддерживая темпа роста производительности [9], наоборот, происходило снижение динамики производительности. Безусловно, компьютеризация и распространение цифровых технологий происходили одновременно с активизацией целого набора тормозящих производительность факторов, связанных с мотивами, снижением реальных доходов населения, ростом издержек, отсталостью общей производственно-аппаратной базы и прочими видами технологий, конфликтующими с данным вводом либо воспринимаемыми его параллельно их применению и т.д. Иными словами, компьютеризация осуществлялась сама собой, а по другим элементам технологического базиса равнозначного замещения не происходило, так как оно требует высоких капитальных затрат. Даже при осуществлении таких капитальных вложений первый эффект может состоять в торможении роста производительности, так как значение приобретает оценка производительности сразу после ввода или с течением

времени, когда учтен лаг адаптации к новым технологиям.

Однако, на взгляд автора, обозначенные процессы не составляют никакого парадокса⁴, особенно если принимать во внимание цифровые технологии, представленные в виде компьютерной техники. Причина, конечно, не столько в методологических трудностях измерения производительности [12], сколько в специфическом встраивании указанных технологий в общий технологический контур экономики. Нет однозначной гарантии даже в экономии издержек, хотя ряд функций выполняется быстрее и эффективнее, включая и поиск информации. Однако количество информации и задачи по обслуживанию техники и созданию программного обеспечения резко увеличиваются не только в объеме, но и в сложности. Суммируя, отметим, что помимо распространения какого-то типа технологий важнейшим параметром выступает эффективность их применения, которая диктует целесообразность внедрения, т.е. влияет на ход распространения. Тем самым и распространение, и эффективность выступают детерминирующими параметрами при рассмотрении процесса технологического обновления и развития.

Цифровые технологии, замещающие аналоговые технологии, распространяясь, не дают значимого прироста производительности по целому ряду причин, причем не только сугубо технологических. Сгруппируем их.

Во-первых, высокие издержки ввода новой технологии и ее обслуживания, зависящие от уровня развития отдельных отраслей, в частности микроэлектроники и др.

Во-вторых, издержки обучения кадров новой технологии, а также конфликта с устаревающими технологиями, зависимости от текущего состояния производств и видов труда, когда масштаб развития какой-то сферы и ее рынков предопределяет уровень распространения цифровых технологий и эффективность их ввода.

³ Источник: по данным Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/11186>.

⁴ Тот факт, что автоматизация в 1960–1970-е гг. не всегда давала рост производительности и конфликтовала с текущими задачами развития производства, признавался многими экономистами того периода [4], утверждавшими, что нельзя измерять, в частности производительность, по объему изделий, изготавливаемых в единицу времени, хотя именно такое измерение будет отражать полезный эффект автоматизации производства.

В-третьих, наличие псевдоэффекта технологического дуализма, при котором при вводе капиталоемких технологий⁵ не происходит высвобождения труда, направляющегося в трудоинтенсивные сектора экономики по причине, что труд высвобождается в силу структурных диспропорций и неэффективности, перемещаясь из капиталоемких в трудоинтенсивные сектора. Это приводит к тому, что в капиталоемких секторах затрудняется ввод новых технологий, экономящих труд. В трудоинтенсивных видах деятельности блокируется в принципе применение технологий, высвобождающих труд. Учитывая, что компьютерная техника в среднем значительно дешевле иных средств производства, а ее применение требует пусть и подготовленного, но труда, можно сказать, что поэтому ее не отнесешь сугубо к капиталоемкой технологии, высвобождающей труд во всех ситуациях. Компьютеры требуют операторов и обслуживающего персонала, разработчиков программного обеспечения, ремонтников и т. д. Применение их для конкретной организации может быть новым, но в общем смысле таковым не быть.

Ввод новых технологий может быть для данной организации, но не для рынка, в связи с чем оценка уровня технологических инноваций, если так трактуется эффект новизны, будет принимать во внимание тиражирование технологий, но не чистый эффект их распространения. Поэтому измерение уровня технологичности по величине технологичес-

ких инноваций следует делать с оговорками на то, как именно оцениваются эти инновации. Дуализм технологий в том, что применяя экономящие труд технологии, высвобождая труд, он находит применение в иных видах деятельности, что снижает технологическую безработицу в ходе технологического обновления экономики. При этом все-таки общий технологический уровень повышается. Если происходит перемещение труда между секторами, но не по причине ввода капиталоемких технологий, а в силу структурных диспропорций (рентабельность — риск ведения деятельности сильно отличаются, порождая градиент перемещения ресурсов между видами деятельности), то технологический уровень не повышается, иногда снижается. Эффект технологического дуализма в этом случае расходится с классической трактовкой, поэтому его можно обозначить как «псевдоэффект»⁶.

В таблице 1 приводится расчет, показывающий, как идет процесс увеличения основных фондов в обработке и транзакционных с сырьевыми секторами, а также отток кадров из обработки, но значимо большее увеличение труда в транзакционных и сырьевых секторах, нежели отток из обработки. При этом показатели производительности и технологичности не возрастают, подтверждая наличие псевдоэффекта технологического дуализма.

Для российской экономики наличие такого псевдоэффекта, с одной стороны, бло-

⁵ Речь идёт о технологиях двух больших типов: капиталоемких и трудоинтенсивных. Капиталоемкие высвобождают труд (трудосбережение). Трудоинтенсивные высвобождают капитал. При технологическом дуализме секторы с трудоинтенсивными технологиями снижают технологическую безработицу, принимая высвобождаемый труд. Кстати, обратного эффекта, когда трудоинтенсивные виды деятельности высвобождают капитал, не наблюдается. Этот капитал не принимается капиталоемкими секторами. Обычно обратный эффект может быть выражен в размещении инвестиций между секторами. Технологически дуализм состоит в том, что оба типа технологий сосуществуют, причем не вытесняя друг друга. Возникает своеобразное равновесие, но технологическое обновление тормозится. При перемещении труда из капиталоемких видов деятельности в область трудоинтенсивных технологий не под влиянием процесса ввода трудосберегающих технологий возникает особый эффект «технологического дуализма» — псевдоэффект. Технологическое обновление в системном ракурсе тормозится.

⁶ «Псевдо» в значении «как бы», т.е. отличающийся от стандартного представления эффекта технологического дуализма. Наличие псевдоэффекта в отличие от стандартного эффекта тормозит технологическое обновление, так как препятствует вводу капиталоемких технологий благодаря утечке труда, происходящей вне связи с ними. В трудоинтенсивных секторах данный труд находит место применения, что может расширить возможность для цифровизации такого труда, поскольку цифровые технологии по широкому классу объектов можно считать как слабо капиталоемкие технологии. В классическом эффекте технологического обновления также может само тормозиться, ибо сосуществуют два типа конкурирующих технологий (капиталоемкие и трудоинтенсивные), возникает равновесие между ними. При псевдоэффекте сразу блокируется возможность существенного технологического обновления, которое реализуется только за счёт локальных действий. При этом инфраструктурные возможности цифровых технологий могут расширяться в рамках трудоинтенсивных секторов, которые подлежат цифровизации.

Таблица 1
 Table 1

Оценка псевдоэффекта технологического дуализма в РФ, 2006–2019 гг.⁷
Evaluation of the pseudo-effect of technological dualism in the Russian Federation, 2006–2019

Экономический сектор	Основные фонды		Занятые	
	млн руб. в ценах 2005 г.	%	тыс. чел.	%
Обрабатывающий	3 555 837	17,29	–1 461	–2,09
Трансакционно-сырьевой	23 149 007	140,51	4 886	6,9

кирует распространение капиталоемких технологий в базовых отраслях, с другой стороны, вполне обеспечит цифровизацию в трудоемких видах деятельности, принимающих труд. При этом показатели производительности технологичности и эффективности могут не изменяться, что и наблюдается на практике. Тем самым наличие псевдоэффекта не влияет на торможение распространения цифровых технологий, но и не позволяет достичь значимых показателей по уровню технологичности и производительности.

Рассматривая технологический дуализм, а также псевдоэффект, можно сказать, что существует важная задача выделения — идентификации того, насколько он распространен в экономике, то есть степени глубины и силы влияния. Для этой цели предложим следующую методику, представленную ниже основными шагами:

— установить виды деятельности (труда) с капиталоемкими и трудоемкими технологиями, построить технологическую карту труда, на основе которой сформировать «технологический портфель»⁸;

— осуществить измерение движения рабочей силы из видов деятельности с капиталоемкими в область с трудоемкими технологиями, определить причины и последствия для кадрового состава в видах деятельности;

— рассчитать величину технологической безработицы, возникающую по причине ввода капиталоемких технологий, т.е. в ходе процесса технологического обновления;

— выявить динамику ввода капиталоемких и трудоемких технологий посредством определения разрыва между разработанными и внедренными технологиями, а также передовыми технологиями для каждого вида деятельности или сектора;

— оценить разновидность (стандартный или псевдо) эффекта технологического дуализма, уровень влияния на экономическую динамику, показатели: эффективность, производительность и технологичность.

Важна оценка силы блокирования дальнейшего технологического обновления и развития экономики и ее секторов.

Технологическая карта представляет собой распределение технологий по видам деятельности, секторам, отраслям, агентам (1 ... *i* ... *N*) на какой-то момент времени. Тем самым она отражает технологическую статику (см. таблицу 2).

Технологический портфель отражает то, как распределены технологии в рамках выделенных экономических объектов, показывая уровень технологической концентрации в своих границах. Например, технологический портфель покажет, что большая часть технологических инноваций сосредоточена в обрабатывающих секторах, промышленности, а не торговле или недвижимости. Технологии информационной обработки, наоборот, будут сконцентрированы в секторах услуг, финансах, консалтинге. Портфель показывает связь технологий и подчинен задаче отражения изменения этой связи, демонстрируя технологическую динамику. Каждый

⁷ Источник: рассчитано автором по данным Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force, https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/business/osnfond/nal_ved2.htm.

⁸ Полезно будет выделить в каждом виде деятельности агентов (фирмы), относимые к новаторам, консерваторам и имитаторам.

элемент портфеля имеет свои параметры, характеризующие эффективность, величину инвестиций, риска и т.д. Следовательно, можно использовать общие подходы в рамках портфельного выбора, адаптируя их к выбору технологическому, с оговорками на содержательную сторону технологических изменений, обусловленную разнородностью технологий как объектов.

Как следует из таблицы 2, на какой-то момент времени объекты — первый, *i*-й и *N*-й, в качестве которых могут быть предприятия, регионы или даже страны, — обла-

дают различным набором применяемых технологий из полного имеющегося их набора. В другой момент времени технологическая карта отразит иную картину. Технологический портфель покажет, как распределены ресурсы по этой технологической карте, т.е. какую их величину забирает реализация каждой из применяемых технологий. Фиксация двух состояний на каком-то интервале времени позволит утверждать, уменьшились или увеличились технологические возможности рассматриваемых объектов и за счет каких решений.

Таблица 2
Table 2

Технологическая карта («+» присутствует, «-» отсутствует технология)⁹
Technological map («+» is present, «-» there is no technology)

Технические процессы (технологии)	Объект		
	1-й	<i>i</i> -й	<i>N</i>
Литье под давлением	+	-	-
Точное литье	+	-	-
Литье в землю	-	-	-
Литье в кокиль	-	-	-
Холодная высадка	-	+	-
Холодная штамповка	+	+	+
Кузнечные работы	-	-	-
Механическая обработка на универсальных станках	+	-	+
Обработка на токарных станках	+	+	-
Обработка на станках с ЧПУ	+	-	+
Гальванические	+	+	+
Малярные	+	-	+
Изготовление печатных плат	+	-	-
Переработка пастмасс	-	+	-
Изготовление жгутов	-	-	-
Электромонтажные	+	-	-
Деревообработки	-	-	-
Термические	+	+	+
Испытательные станции	+	+	-
Изготовление оснастки и инструмента	+	+	-
Сварочные	+	-	+
Конструкторско-технологические	+	-	+

⁹ Составлено автором на основе полевых обследований предприятий.

В таблице 2 приводятся сугубо производственные технологии, но каждая из них может предполагать применение цифровой технологии, поэтому возможно построение карты охвата цифровыми технологиями (технологической карты). Для этого там, где указаны плюсы, можно отразить добавочным плюсом применение цифровой технологии и по этому числу плюсов получить степень распространения цифровой технологии по трем сравниваемым объектам, просчитав долю «технологического охвата» (см. рисунок 1). По рисунку 1 можно видеть потенциал для цифровизации, определяемый площадью фигуры АБВГД, а также отличия в уровне цифровизации между сравниваемыми объектами. Конечно, требуется еще учитывать уровень самих цифровых технологий, применяются ли они в новых приборах и оборудовании либо просто замещают аналоговые технологии в применявшихся механизмах, автоматах, роботизированных системах.

Таким образом, обобщая, следует заметить, что методика измерения «цифровой экономики», на наш взгляд, должна строиться на основе двух базовых позиций.

Во-первых, необходима оценка распространения (охвата) цифровых технологий экономики в целом и отдельных ее объектов (регионов, секторов, отраслей, корпораций и т.д.). Данные оценки можно осуществлять по следующим направлениям: числу работ-

ников, применяющих цифровые технологии; затратам труда на внедрение цифровых технологий; инвестиционным расходам и их окупаемости, включая экономию на себестоимости изделий; трудоемкости операций, выполняемых с применением цифровых технологий или без их использования. Здесь могут применяться следующие показатели:

— отношение числа занятых в области цифровых технологий (пользующихся цифровыми технологиями) к общей величине занятого персонала;

— отношение суммарных затрат на цифровизацию к общим затратам;

— отношение времени «цифрового труда» ко времени «нецифрового труда»;

— отношение времени «цифрового труда» ко всему времени по созданию одного и того же изделия, продукта, услуги;

— мощность (либо скорость процессоров и интернета) компьютеров, сетей, приходящаяся на одного работника;

— мощность компьютеров, сетей, приходящаяся на единицу потребляемой электрической энергии.

Также масштаб распространения может быть оценен по коэффициенту уровня цифровизации, представляющему собой отношение общих затрат на «цифровой труд» к такому объему затрат, когда все работы не были бы цифровизированы. Возможно определение уровня цифровизации по охвату

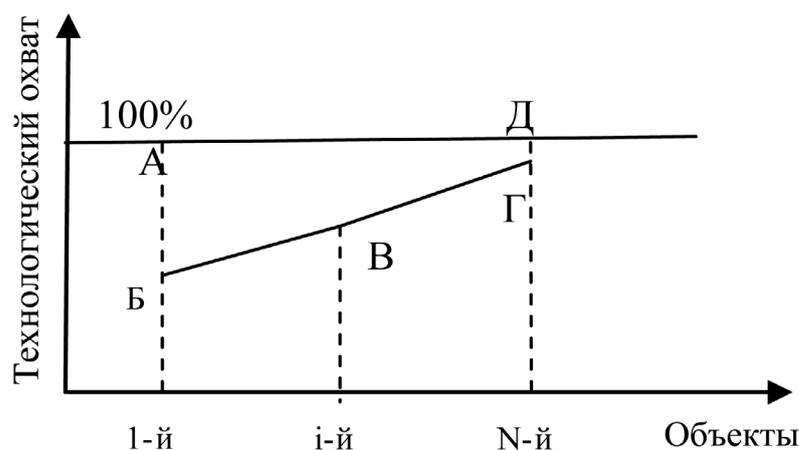

Рис. 1. Технологический охват по рассматриваемым объектам, показывающий распространение цифровых технологий в некий момент времени

Fig. 1. Technological coverage of the objects under consideration, showing the spread of digital technologies at a certain point in time

работников как отношения числа использующих в своем труде полностью или частично цифровые технологии в общей величине занятого на объекте персонала.

Во-вторых, нужна оценка эффективности ввода цифровых технологий, которая может осуществляться стандартным способом согласно логике оценки инвестиционных расходов и окупаемости. Капитальные расходы на ввод цифровых технологий дисконтируются, но и оценка прибыли или дохода в течение последующих лет также должна дисконтироваться и сопоставляться с осуществленными затратами, причем включая и операционные расходы — текущие издержки поддержания работоспособности цифровой техники и устройств.

Конечно, оценка эффективности более сложна, нежели оценка распространения и охвата, поскольку необходимо измерять не только затраты, что поддается первичной оценке, как и их изменение, но и будущие выгоды, которые не являются столь однозначными. Для ряда объектов они зависят от рыночных перспектив создаваемых благ, что может не определяться напрямую уровнем цифровизации и степенью распространения цифровых технологий. Перспектива технологического обновления экономики не может быть точно очерчена без учета факторов, вызывающих «парадокс производительности», и что особо важно — эффекта технологического дуализма с российскими специфическими характеристиками (псевдоэффект).

Заключение. Успешная реализация программ и национальных проектов в российской экономике по ее цифровизации происходит на фоне возникновения псевдоэффекта технологического дуализма. За рассматриваемый период развития наблюдалось высвобождение кадров из капиталоемких секторов и размещение их в трудоемких видах деятельности. Однако причиной перемещения трудового ресурса был не ввод берегающих труд технологий, а структурный межсекторный разрыв экономики и низкий уровень технологического обновления.

В связи с этим стереотипная политика стимулирования технологических инноваций, ввода новых технологий, включая цифровые, не приведет к кардинально иной дина-

мике, хотя цифровизация инфраструктурных элементов может происходить вполне удачно. В стратегической перспективе потребуется иная модель технологического развития — диффузии технологических инноваций, имеющих системные следствия и улучшения.

С этой целью полезными выступают две предложенные в настоящей статье методики — идентификации эффекта технологического дуализма и его российской версии (псевдоэффекта) и оценки распространения (охвата) цифровых технологий различных сегментов и экономики в целом, включая и измерение эффективности. Их необходимо применять при планировании ввода новых технологий, обеспечивающих электронизацию и автоматизацию производства и экономики. Следовательно, методы разработки национальных проектов могут включать обозначенные здесь предложения.

Список источников

1. Анчишкин А. И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста. М.: Макс-Пресс, 2003. 300 с.
2. Глазьев С. Ю. Битва за лидерство в XXI веке. Россия, США, Китай. Семь вариантов ближайшего будущего. М.: Книжный мир, 2017. 352 с.
3. Глазунова В. В. Моделирование технологических изменений: основные подходы / Анализ, моделирование и управление, развитие XV Всероссийской школы-симпозиума социально-экономических систем: сборник научных трудов. Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2021. С. 111–114.
4. Кваша Я. Б. Избранные труды. В 3 т. Т. 1: Методологические основы статистического анализа. М.: Наука, 2003. С. 257–345.
5. Клейнер Г. Б. Системная экономика: шаги развития. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2021. 746 с.
6. Лившиц В. Н. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. М.: ИЭ РАН, 2017. 52 с.
7. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему? М.: Эксмо, 2015. 512 с.
8. Сухарев О. С. Измерения в экономике: проблемы теории, моделирования и статистики / Анализ, моделирование и управление,

развитие XV Всероссийской школы-симпозиума социально-экономических систем: сборник научных трудов. Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2021. С. 395–400.

9. Сухарев О. С. Цифровизация и направления технологического обновления промышленности России / *Journal of New Economy*. Т. 22. №1. С. 26–52.

10. Хелпман Э. Загадка экономического роста. М.: Издательство Института Е. Т. Гайдара. 2011. 240 с.

11. Aghion P., Howitt P. Some Thoughts on Capital Accumulation, Innovation, and Growth // *Annals of Economics and Statistics*. June 2017. №125/126. Pp. 57–78.

12. Brynjolfsson E. The Productivity Paradox of Information Technology: Review and Assessment. Cambridge, Massachusetts: MIT Sloan School of Management, 1994. 25 p.

13. Horvat D., Kroll H., Jäger A. Researching the Effects of Automation and Digitalization on Manufacturing Companies' Productivity in the Early Stage of Industry 4.0. *Procedia Manufacturing*, 2019. Vol. 39. Pp. 886–893.

14. Machado C. G., Winroth M., Carlsson D., Almström P., Hallin M. Industry 4.0 readiness in manufacturing companies: challenges and enablers towards increased digitalization. *Procedia CIRP*, 2019. Vol. 81. Pp. 1113–1118.

15. Solow R. We'd Better Watch Out, review of S. S. Cohen and J. Zysman, *Manufacturing Matters: The Myth of the Post-Industrial Economy*. *New York Times Book Review*, 1987. 36 p.

16. Tinbergen J. The Duration of Development. *Journal of Evolutionary Economics*, 1995. Vol. 5(3). Pp. 333–39.

17. Triplett J. E. The Solow productivity paradox: What do computers do to productivity? *The Canadian Journal of Economics*. 1999. Vol. 32. №2. Pp. 310–334.

References

1. Anchishkin A. I. Prognozirovanie tempov i faktorov jekonomicheskogo rosta [Forecasting the rates and factors of economic growth]. Moscow: Maks-Press, 2003. 300 p. (In Russ.).

2. Glaz'ev S. Ju. Bitva za liderstvo v XXI veke. Rossiya, SShA, Kitaj. Sem' variantov blizhajshego budushhego [The battle for leadership in the 21st century. Russia, USA, China.

Seven options for the near future]. Moscow: Knizhnyj mir, 2017. 352 p. (In Russ.).

3. Glazunova V. V. Modelirovanie tehnologicheskikh izmenenij: osnovnye podhody [Modeling technological changes: basic approaches]. *Analiz, modelirovanie i upravlenie, razvitie XV Vserossijskoj shkoly-simpoziuma social'no-jekonomicheskikh sistem: sbornik nauchnyh trudov* [Analysis, modeling and management, development of the XV All-Russian school-symposium of socio-economic systems: collection of scientific papers]. Simferopol': IP Kornienko A. A., 2021. Pp. 111–114. (In Russ.).

4. Kvasha Ja. B. Izbrannye trudy. V 3 t. T. 1: Metodologicheskie osnovy statisticheskogo analiza [Selected Works. In 3 vol. Vol. 1: Methodological Foundations of Statistical Analysis]. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 257–345. (In Russ.).

5. Klejner G. B. Sistemnaja jekonomika: shagi razvitija [System economics: development steps]. Moscow: Izdatel'skij dom «Nauchnaja biblioteka», 2021. 746 p. (In Russ.).

6. Livshic V. N. Bednost' i neravenstvo dohodov naselenija v Rossii i za rubezhom [Poverty and income inequality in Russia and abroad]. Moscow: IJe RAN, 2017. 52 p. (In Russ.).

7. Stiglic Dzh. Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushemu? [The price of inequality. How does the stratification of society threaten our future?]. Moscow: Jeksmo, 2015. 512 p. (In Russ.).

8. Suharev O. S. Izmerenija v jekonomike: problemy teorii, modelirovanija i statistiki [Measurements in Economics: Problems of Theory, Modeling and Statistics]. *Analiz, modelirovanie i upravlenie, razvitie XV Vserossijskoj shkoly-simpoziuma social'no-jekonomicheskikh sistem: sbornik nauchnyh trudov* [Analysis, Modeling and Management, Development of the XV All-Russian School-Symposium of Socio-Economic Systems: collection of scientific papers]. Simferopol': IP Kornienko A. A., 2021. Pp. 395–400. (In Russ.).

9. Suharev O. S. Cifrovizacija i napravlenija tehnologicheskogo obnovenija promyshlennosti Rossii [Digitalization and directions of technological renewal of the Russian industry]. *Journal of New Economy*. 22(1): 26–52. (In Russ.).

10. Helpman Je. Zagadka jekonomicheskogo rosta [The Riddle of Economic Growth]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta E. T. Gajdara. 2011. 240 p. (In Russ.).

11. Aghion P., Howitt P. Some Thoughts on Capital Accumulation, Innovation, and Growth // *Annals of Economics and Statistics*. June 2017. №125/126. Pp. 57–78.

12. Brynjolfsson E. *The Productivity Paradox of Information Technology: Review and Assessment*. Cambridge, Massachusetts: MIT Sloan School of Management, 1994. 25 p.

13. Horvat D., Kroll H., Jäger A. Researching the Effects of Automation and Digitalization on Manufacturing Companies' Productivity in the Early Stage of Industry 4.0. *Procedia Manufacturing*, 2019. Vol. 39. Pp. 886–893.

14. Machado C. G., Winroth M., Carlsson D., Almström P., Hallin M. Industry 4.0 readiness in

manufacturing companies: challenges and enablers towards increased digitalization. *Procedia CIRP*, 2019. Vol. 81. Pp. 1113–1118.

15. Solow R. We'd Better Watch Out, review of S.S. Cohen and J. Zysman, *Manufacturing Matters: The Myth of the Post-Industrial Economy*. New York Times Book Review, 1987. 36 p.

16. Tinbergen J. The Duration of Development. *Journal of Evolutionary Economics*, 1995. Vol. 5(3). Pp. 333–39.

17. Triplett J.E. The Solow productivity paradox: What do computers do to productivity? *The Canadian Journal of Economics*. 1999. Vol. 32. №2. Pp. 310–334.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 15.11.2021; принята к публикации 28.11.2021.

The article was submitted on 25.10.2021; approved after reviewing on 15.11.2021; accepted for publication on 28.11.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Oleg S. Sukharev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-219-227

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНТРОПОГЕНЕЗ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ОБРАЗЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Елена Викторовна Волохова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507*

Аннотация. *Целью исследования* является осмысление социокультурного антропогенеза российского общества в контексте формирования образов общественной и личной безопасности. Принципиально важной для автора статьи становится критическая оценка общественной и личной безопасности через массовые настроения россиян. Также автор статьи определяет цель исследования в понимании взаимозависимости образов общественной и личной безопасности социокультурного антропогенеза российского общества.

Методологическую базу исследования представляют работы в сфере социальной философии и социологии, направленные на междисциплинарный эффект исследования, так как предметная сфера исследования содержит определение социокультурного антропогенеза как формы сфер социальной жизнедеятельности, заданных конкретным типом личности. В таком контексте авторская позиция состоит в выборе теоретико-методологического конструкта исследования, направленного на выявление зависимости образов общественной и личной безопасности от типов личностей в современном российском обществе.

Результаты исследования. Реализуя заданную исследовательскую стратегию, автор статьи приходит к выводу о том, что, во-первых, в современном российском обществе под влиянием разнонаправленных типов личностей как результатов социальной дифференциации и формирования социальных параллельных миров сложно говорить о дискурсе общей и личной безопасности в общественном пространстве. Во-вторых, анализируя образы общественной и личной безопасности в основных социальных группах и слоях российского общества, автор делает вывод о том, что представления и установки, ориентированные на безопасность, характеризуются смысловыми доминантами в социальной жизнедеятельности групп и слоев российского общества. В-третьих, подчеркивается, что образы общественной и личной безопасности содержат влияние государственнической традиции, что объяснимо в культурно-историческом контексте и социального опыта россиян, связанного с оценкой и осознанием безопасности как альтернативы социальному и политическому хаосу.

Перспективу исследования составляет проблема достижения консенсуса в российском обществе общественной и личной безопасности, что является сложным и долгосрочным процессом в контексте противоречивости типов личностей в российском обществе и их разнонаправленности социальных самооценки и понимания того, что может восприниматься как «хорошее» или «нормальное».

Ключевые слова: образы общественной и личной безопасности, современное российское общество, социокультурный антропогенез, параллельные социальные миры, культурные различия, социальная неопределенность, социальный порядок, социальный хаос

Для цитирования: Волохова Е.В. Социокультурный антропогенез российского общества: образы общественной и личной безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 219–227. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-219-227>.

Original article

SOCIOCULTURAL ANTHROPOGENESIS OF RUSSIAN SOCIETY: IMAGES OF PUBLIC AND PERSONAL SECURITY

Elena V. Volokhova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID RSCI: 290507*

Abstract. *The purpose of the study is to comprehend the socio-cultural anthropogenesis of Russian society in the context of the formation of images of public and personal security. Critical assessment of public and personal security through mass sentiments of Russians becomes fundamentally important for the author of the article. Also, the author of the article defines the purpose of the study in understanding the interdependence of images of public and personal security of the socio-cultural anthropogenesis of Russian society.*

The methodological basis of the research is represented by works in the field of social philosophy and sociology aimed at the interdisciplinary effect of research, since the subject area of the study contains the definition of socio-cultural anthropogenesis as a form of spheres of social activity defined by a specific type of personality. In this context, the author's position is to choose a theoretical and methodological research construct aimed at identifying the dependence of public and personal security images on personality types in modern Russian society.

The results of the study. Realizing the given research strategy, the author of the article comes to the conclusion that, firstly, in modern Russian society, under the influence of multidirectional personality types as the results of social differentiation and the formation of social parallel worlds, it is difficult to talk about the discourse of general and personal security in public space. Secondly, analyzing the images of public and personal security in the main social groups and strata of Russian society, the author concludes that security-oriented ideas and attitudes are characterized by semantic dominants in the social life of groups and strata of Russian society. Thirdly, it is emphasized that the images of public and personal security contain the influence of the state tradition, which is understandable in the cultural and historical context and the social experience of Russians associated with the assessment and awareness of security as an alternative to social and political chaos.

The perspective of the research is the problem of achieving consensus in the Russian society of public and personal security, which is a complex and long-term process in the context of the

contradictory types of personalities in Russian society and their divergent social self-esteem and understanding of what can be perceived as «good» or «normal».

Keywords: *images of public and personal security, modern Russian society, socio-cultural anthropogenesis, parallel social worlds, cultural differences, social uncertainty, social order, social chaos*

For citation: *Volokhova E. V. Sociocultural anthropogenesis of Russian society: images of public and personal security // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 219–227. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-219-227>.*

Актуальность. Современный мир характеризуется различными параметрами, среди которых обычно употребляются «глобализируемый мир», «эпоха позднего модерна», «мультикультурный мир». Вместе с тем важным моментом осмысления состояния эпохи, в которой мы живем, является социальная неопределенность, социальная турбулентность, неясность сценариев будущего, что в совокупности с глобальными рисками климатического и пандемического свойства ставит жизнь современного общества под «вопрос» [3]. Речь идет о том, что в контексте вышеизложенного очевиден кризис общественной и личной безопасности, утрата на уровне повседневной жизни и массового сознания уверенности в будущем, идентификации с обществом и государством в контексте стабильности и предсказуемости [2].

Также становится ясным, что в современных условиях понимание безопасности принимает несколько иной смысл, чем в эпоху модерна. Если в рамках классической социальной мысли безопасность проецировалась на состояние общества, связанное с устойчивым социальным порядком, недопущением социальной анархии и социального хаоса, с потребностью в сильном государстве, современная эпоха диктует восприятие безопасности как вероятностной категории, как того, что не нацелено на абсолютные измерения, а содержит смысл в критерии оптимальности, в минимизации социальных и технологических рисков и главное — в способности общества к адаптации изменяющихся условий [10].

Актуальность проблемы общественной и личной безопасности выявляется в феномене катастрофического или алармистского массового сознания, в разрушении межличностных коммуникаций в контексте достижения порядка и консенсуса по поводу красной

черты, за которой может возникнуть ситуация лавинообразности, эффекта «падающего домино». В российском обществе, где сильна традиция государственности, безопасность в обоих измерениях определяется отношением к государству как к гаранту высшей инстанции, вне которой общество не может существовать и воспроизводиться как целостность [1]. Однако, внутренние и внешние вызовы, которые мы наблюдаем повседневно, характеризуют нарастание тревог и страхов в массовом сознании, и общественная безопасность теряет привычные смысловые контуры, становится амбивалентной, размытой, перемещается на групповой и личностный уровень. Естественно, рано говорить о том, что в обществе доминирует принцип «спасайся, кто как может» и что в контексте социальной поляризации явно проявляется диспропорция безопасности, трансфер социальных рисков в обездоленные слои общества, в неповоротливость бюрократических структур, как следствие — происходит деформация образов общественной и личной безопасности [11].

Другими словами, формируются конструкции безопасности, определяемые логикой социальной дифференциации и социального выживания. В рамках действующего социального порядка можно говорить об идеальных и реальных образах общественной и личной безопасности. В контексте идеальности общественная безопасность воспринимается как стабильный социальный и политический порядок, который является результатом насилия и вмешательства со стороны государства по отношению к антисистемным группам, к предотвращению технологических и природных рисков и мобилизации ресурсов государства и общества как адекватной реакции на негативное явление и процесс [17].

Отсюда следует рост социальной апатии и недовольства по поводу состояния общественной и личной безопасности в российском обществе, ностальгия по временам «сталинского» порядка, ориентация на ожидание того, что вновь вернется принцип «твердой руки» и железной дисциплины [12]. Эти настроения нельзя характеризовать как укоренившиеся: в большей степени они отражают недовольство существующим положением дел в сфере общественной и личной безопасности, но не определяются поворотами общества в прошлое, являясь «продуктом» социального воображения. В этом контексте освещается влияние концепции абсолютной безопасности, которая не была реализована и в предшествующий советский период, так как является идеологической иллюзией нарастающих вызовов современного мира так же, как и личная безопасность в современном российском обществе в определенной степени укрепились по сравнению с периодом «шпаны и уголовщины» предшествующего времени, что особенно проявилось в начале 2000-х гг., когда государству удалось преодолеть этнические и гражданские конфликты, сформировать единое политико-правовое пространство, повысить авторитет структур общественной безопасности [7].

Сложившаяся конфигурация общественной и личной безопасности делает целесообразным исследовательский акцент на образах общественной и личной безопасности российского общества как сферы межличностных, групповых и системных общественных отношений в рамках воспроизводства социального порядка и предотвращения социального хаоса. В 90-е гг. XX в. выработалась модель общественного «анархизма», консенсуса по поводу границ невмешательства государства и личности в сферы установленной компетентности. Реально это было связано и с возникновением новых социальных слоев, настроенных на индивидуализм и недоверие к государству, и с тем, что государство ориентировалось на самосохранение, на держание ситуации под минимальным контролем, на принятие компромиссов в сфере безопасности, допускающих расширение сферы социальных и политических рисков [8]. Современная ситуация содержит кризисные явления, но на наш взгляд, она не является зеркальным отражением эпохи

90-х гг. XX в., так как в действие вступает социокультурный антропогенез, формирование человека, современного общества с антропологическим типом, основанным на принятии рациональных оснований, связанных с логикой выживания и успеха. Данное положение нуждается в теоретической проработке и возможности эмпирической идентификации, что делает необходимым определение теоретико-методологических ориентиров социального анализа.

Методология исследования. Можно согласиться с тем, что уже во второй половине XIX в. развитие науки и практики не удовлетворяется общими представлениями о человеке, постулируемыми классической философией, ей вменяется схематизм, противоречия по поводу оценки различных обществ и структур, которые явно не подпадают под абстрактные определения. Действительно, положение классической философии о человеке «вообще» и как следствие понимание безопасности как проявления неразумности иррациональности в общественной жизни и поведение человека определяют «мрачный образ» общественной безопасности, так как в контексте философской классики безопасность может достигаться только сохранением общественной и личной разумности, приверженности закону и порядку [14]. Между тем возникает необходимость исследований, основанных на принципах комплиментарности и парадоксальности, ориентированных на определение культурно-исторического контекста общественной и личной безопасности и отношения к социальному антропогенезу, в рамках конкретного социального взаимодействия, и культурной антропологии, фиксирующей внимание на нормативных механизмах социального взаимодействия [13].

Но в этом смысле нельзя спешить с обобщениями. Казалось бы, оправданный поворот социальной и культурной антропологии реально содержит «подводные методологические камни», указанные альтернативы к классическому подходу формировались в рамках этнографии с социальной психологии как частных дисциплин, изучающих особенные общества и особенные смыслы социального взаимодействия. Задача адекватного социального исследования состоит в том, чтобы опреде-

лить интегративное понятие социальной, общественной и личной безопасности, синтезирующее частные подходы и концептуальный уровень. Для теории важно, чтобы общественная и личная безопасность содержала возможность остановиться на какой-то теоретико-методологической позиции, найти соответствие между научной картиной мира и реальными событиями современного общества [15].

Итак, необходимой становится выработка концепции общественной и личной безопасности, основанной на понимании ее смысла в общественном сознании, исходя из того, что общественное сознание включает теоретический социально-практический уровень, но большинство индивидов ориентируется на образы и представления. Реальным исследовательским шагом становится определение образов общественной и личной безопасности на основе жизнепрактических смыслов как антропогенного проявления того, что связывает предметные, темпоральные и социальные аспекты [4]. Конкретизируя это положение, мы определяем, во-первых, образы как имеющую теоретические ограничения и допущения сферу, во-вторых, исходим из связи образов с прошлым и будущим, то есть основываемся на оценке социальной уверенности и социального доверия, в-третьих, важным моментом является социальная мотивация, определяемая образами общественной и личной безопасности.

Действительно, сложно интерпретировать образы общественной и личной безопасности в российском обществе, основываясь на структурных и функциональных показателях, что выявляет некоторую ограниченность принятых теорий социального риска, социальной неопределённости и «индивидуализированного общества». Потребность в монизме объяснения вызывает желание предложить непротиворечивую концептуальную схему, но на наш взгляд, сами образы безопасности в российском обществе выражены недостаточно отчетливо, требуют актуализации индикаторов реального влияния социального антропогенеза на образы безопасности [5].

Это означает, что в рамках теоретико-методологического выбора целесообразно исходить из ключевого понимания социального антропогенеза, в то время как ошибкой является постановка в качестве смысловой доминанты образов безопасности, имеющих,

как мы отмечали, амбивалентный смысл и в силу этого сужающих возможности охарактеризовать влияние социального антропогенеза. Действительно, образы безопасности включены в реконструкцию социальных жизненных форм, определяющих организацию социальной жизнедеятельности, когда исследователь фиксирует образы безопасности в контексте общественных настроений, следовательно, мы имеем дело только с внешним срезом, так как данная проблема восходит к схеме социального воображения того, каким образом человек как представитель социального порядка нацелен на общественную безопасность. И не менее важен анализ «внутреннего мира современного человека» как проекции индивидуального бытия, направленный на создание границ общественной и личной безопасности.

Материалы исследования. Подчеркивая, что социокультурный антропогенез российского общества характеризуется становлением не только нового типа личности, формирующегося в принципиально иных по сравнению с предшествующим периодом общественного развития условиях, в контексте того, что мы можем назвать социальными трансформациями, следует придерживаться позиции, согласно которой исследователь обязан признавать различный адаптивный потенциал индивида и социальных групп и актуализацию различных векторов в стратегии адаптации.

Очевидно, что принятие исходной схемы социокультурного антропогенеза подразумевает анализ не только конкурирующих теорий и их критической оценки понимания того, какое мы хотим построить общество и какого рода социальные изменения должны осуществляться. Это является фундаментальным вопросом в интерпретации образов общественной и личной безопасности в российском обществе. Мы уже отмечали, что образы безопасности эпифеноменальны, что их содержание и смысл определяются смыслом и целью жизни конкретного индивида и той ситуации, которая складывается в массовом сознании относительно общественной безопасности. В российском обществе, к сожалению, не сложилась культура общественной и личной безопасности как совокупность ценностей и диспозиции, определяющих безопасность фунда-

ментальной ценностью, которая мотивирует как функциональность социальных институтов, так и готовность индивида к мобилизации концентрации усилий по поддержанию общественной и личной безопасности [6].

В то же время можно отметить, что образы общественной и личной безопасности дифференцированы, испытывают влияние социального и исторического опыта. Здесь главный момент состоит в том, что в российской истории доминантой являлась потребность в общественной безопасности как результате деятельности государственных структур, которая укладывалась в схему поддержания порядка, предотвращения антисистемных явлений и действий, социальной изоляции групп, представляющих угрозу существованию и безопасности российского государства. Безусловно, не следует искать истоки такой позиции, характеризующие российское общество, в историческом контексте в прошлом. На образы общественной и личной безопасности в современном российском обществе влияет совокупность социальных и ментальных факторов, что выражается и в существовании параллельных социальных миров (различия в образах безопасности элиты, субэлит, среднего класса, низкостатусных слоев российского общества, жителей городов и провинций). Обосновывая это положение, мы исходим из того, что для российской элиты, составляющей 0,8–1,2% взрослого населения, общественная безопасность интерпретируется в контексте стратегии обогащения и овладения властью, что элитные слои заинтересованы в безопасности как сохранении «статуса-кво», воспроизведении схемы социального неравенства, определяемой логикой богатства и власти, что в российских условиях является интегрированным фактором [9].

Для субэлитных слоев, которые примыкают к элите и характеризуются высокостатусными социальными позициями, определяемыми высокими доходами в контексте сотрудничества с элитами на экономическом, интеллектуальном, культурном уровнях, образы общественной и личной безопасности являются «вторичными» по отношению к социальной самооценке, к тому, чтобы состояние безопасности соотносилось с сохранением достигнутых социальных позиций. И в этом смысле

элиты и субэлиты являются «союзниками», так как, несмотря на демонстрацию идеологических и политических разногласий (условное деление на «государственников» и либералов), проявляют солидарность по отношению к угрозам, исходящим от массового протестного движения в обществе и формирования левых антисистемных сил. Для них, несмотря на критическое отношение к политике безопасности, к «авторитаризму» действующего политического режима, неизменным является сохранение ресурсов богатства и власти и поддержания схемы социальной жизнедеятельности, обеспечивающей неприкосновенность собственности и доминантные властные позиции. Это очевидно проявляется в следующем: когда речь заходит о проблемах общественной и личной безопасности, на первый план выходят согласия по поводу недопущения «великих потрясений» (Россия исчерпала лимит революций). Не менее важен запрет на пересмотр итогов приватизации, а также большей открытости политической системы.

Для так называемого «среднего» класса российского общества, существование которого подвергается сомнению по причине несоответствия выработанной в социологической и социальной мысли за рубежом концепции, мы исходим из того, что средний класс в России существует в российском варианте, что сложилась социальная группа, составляющая 10–15% социально-активного населения, которое объединяет лиц «свободных профессий», работников сферы среднего бизнеса и госслужащих, занятых в среднем звене управления. Характерным для них и примыкающих к ним слоев является понимание общественной безопасности как поддержания социальной и политической стабильности с допущением выверенных, планируемых изменений со стороны государства с целью предотвращения внутренних угроз общественной безопасности. Для российского среднего класса свойственен ориентир на достижение баланса общественной и личной безопасности, что делает актуальным повышенное внимание к защите прав и свобод личностей, а также состоянию общественной безопасности на улицах российских городов. Вместе с тем образы общественной и личной безопасности в массовых настроениях российского среднего класса характеризуются разнонаправленностью, делением на неотрадицио-

налистов и достиженцев, тех, кто делает упор на усиление общественной безопасности посредством государственных институтов, и тех, кто основывается на большей автономии в вопросах личной безопасности, считая, что обязанность государства — создать позитивные условия для личной стратегии поддержания безопасности. Здесь важным моментом является определение границ вмешательства государства в частную жизнь граждан, сферу повседневной деятельности, связанной с социальным взаимодействием на личностном и групповом уровнях [16]. Каждый четвертый россиянин является «бедным», относится к социально неадаптированным слоям населения, его социальная жизнедеятельность характеризуется сужением социальных контактов тенденциями социальной самоизоляции и «геттоизации». Это является важным моментом формирования образов общественной и личной безопасности, где значимым является место жительства, так как в российских мегаполисах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, образовались криминальные районы с низким уровнем личной безопасности. В таком контексте для низкостатусных социальных групп доминантой становится недопущение нисходящей социальной мобильности, уход от маргинализации, от социального дна. Образ общественной безопасности является политически нейтральным и связан с ожиданиями государственной опеки, социальной помощи и отсутствием политически значимых потрясений. В этом смысле статусные социальные группы выражают апатию, не доверяют политическим партиям и являются сторонниками формулы «лишь бы не было хуже». Личная безопасность определяется созданием социальной микросреды, поддержкой родных и близких, отсутствием рисков домашнего и уличного насилия. В то же время в российском обществе наблюдается рост социального одиночества (подобно чувство выражает 20% россиян), что затрудняет формирование позитивной атмосферы и плодотворной дискуссии вокруг проблем внутренней и внешней безопасности.

Образы общественной и личной безопасности в современном российском обществе, таким образом, определяются тенденциями социокультурного антропогенеза, схемами социального взаимодействия, формируемыми фактором социальной дифференциации

наиболее значимых социальных взаимоотношений. Однако социальные различия усиливаются культурными развлечениями, создающими размытость образа общественной безопасности и противоречивость образов личной безопасности. Это обстоятельство делает сложным достижение баланса общественной и личной безопасности, особенно под влиянием группового и личного эгоизма, роста социального безразличия и морального реалитивизма. Иными словами, сформировался доминантный тип личности, которая характеризуется как безразличная. Это выражается в том, что, несмотря на различия жизненных стилей (гламур, потребительство, выживание), для российского общества очевидным является социокультурный антропогенез, который характеризуется исчезновением «советского человека» и формированием типов личности, имеющих диапазон от социальных рецидивов и ностальгии по безопасному прошлому и сильному государству до срединного типа, характеризуемого ситуативными оценками общественной и личной безопасности и социальной депривации, ведущей к отказу от социально активной позиции. Когда в российском обществе начинаются дискуссии о границах самообороны или возможностях самоорганизации граждан в рамках обеспечения общественной и личной безопасности, нельзя игнорировать социокультурный антропогенез российского общества, практический переход большинства взрослого населения на определение сферы общественной безопасности как заботы государства и включения личной безопасности в сферу частной жизни.

Список источников

1. Базовые ценности россиян. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к новому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 382 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 303 с.
5. Бурдые П. Начала. М.: Социологос, 1994. 288 с.

6. Бурдые П. Социология политики. М.: Социологос, 1993. 336 с.

7. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса. Ростов н/Д — Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. 278 с.

8. Жижек С. Год невозможного. М.: Европа, 2012. 272 с.

9. Зубок Ю., Чупров В. Социальная регуляция в условиях неопределенности. М.: Academia, 2008. 272 с.

10. На перепутье. М.: Логос, 1999. 240 с.

11. Проблемы теоретической социологии. Выпуск №11. СПб.: Астерион. 256 с.

12. Пути России. Альтернативы общественного развития. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 600 с.

13. Социальная философия. Словарь. М.: Академический проект, 2003. 560 с.

14. Социальная эпистемология. Идеи. Методы. Программы. М.: Канон+, 2010. 712 с.

15. Стевенсон Л. Десять теорий о природе человека. М.: Слово/Slovo, 2004. 230 с.

16. Трудолюбков М. Люди за забором. Власть, собственность и частное пространство в России. М.: Новое издательство, 2015. 246 с.

17. Шкаратан О.И. Российский порядок: вектор перемен. М.: Вита, 2004. 208 с.

References

1. Bazovye cennosti rossijan [Basic values of Russians]. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, 2003. 448 p. (In Russ.).

2. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [Individualized society]. Moscow: Logos, 2002. 390 p. (In Russ.).

3. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu [Risk society. On the way to another modern]. Moscow: Progress-Tradicija, 2000. 382 p. (In Russ.).

4. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti [Social construction of reality]. Moscow: Medium, 1995. 303 p. (In Russ.).

5. Burd'e P. Nachala [The beginning]. Moscow: Sociologos, 1994. 288 p. (In Russ.).

6. Burd'e P. Sociologija politiki [Sociology of politics]. Moscow: Sociologos, 1993. 336 p. (In Russ.).

7. Volkov Ju. G., Lubskij A.V. Rossijskaja real'nost' v prostranstve sociologicheskogo diskursa [Russian reality in the space of sociological discourse]. Rostov-on-Don — Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo federal'nogo universiteta, 2018. 278 p. (In Russ.).

8. Zhizhek S. God nevozmozhnogo [The year of the impossible]. Moscow: Evropa, 2012. 272 p. (In Russ.).

9. Zubok Ju., Chuprov V. Social'naja reguljacija v uslovijah neopredelennosti [Social regulation in conditions of uncertainty]. Moscow: Academia, 2008. 272 p. (In Russ.).

10. Na pereput'e [At the crossroads]. Moscow: Logos, 1999. 240 p. (In Russ.).

11. Problemy teoreticheskoj sociologii [Problems of theoretical sociology]. Issue №11. Saint Petersburg: Asterion. 256 p. (In Russ.).

12. Puti Rossii Al'ternativy obshhestvennogo razvitija [Ways of Russia. Alternatives to social development]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 600 p. (In Russ.).

13. Social'naja filosofija. Slovar' [Social philosophy. Dictionary]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2003. 560 p. (In Russ.).

14. Social'naja jepistemologija. Idei. Metody. Programmy [Social epistemology. Ideas. Methods. Programs]. Moscow: Kanon+, 2010. 712 p. (In Russ.).

15. Stevenson L. Desjat' teorij o prirode cheloveka [Ten theories about human nature]. Moscow: Slovo/Slovo, 2004. 230 p. (In Russ.).

16. Trudoljubov M. Ljudi za zaborom. Vlast', sobstvennost' i chastnoe prostranstvo v Rossii [People behind the fence. Power, property and private space in Russia]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2015. 246 p. (In Russ.).

17. Shkaratan O.I. Rossijskij porjadok: vektor peremen [Russian order: vector of changes]. Moscow: Vita, 2004. 208 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The article was submitted on 30.11.2021; approved after reviewing on 05.12.2021; accepted for publication on 18.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Волохова Елена Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Volokhova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 379.8.093
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-228-236

ПРАКТИКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА: ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Елена Валерьевна Дашкова

*Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия
dashkova@mail.ru, ORCID: 12689863, AuthorID РИНЦ: 619408*

Аннотация. *Целью исследования* является определение экзистенциальных аспектов этнографического туризма, возможности использования «захваченности» человека интересом к этническим культурам в рамках этнокультурного туризма и развитием способности к реконструкции собственной этнической культуры.

Методологическую базу исследования представляют базисные понятия экзистенциализма в сфере межкультурного взаимодействия. Теоретическую и методологическую основу исследования составили исследования зарубежных и отечественных философов и культурологов. В статье используется диалектический метод, позволяющий выявить наиболее общие закономерности развития представлений об этнокультурном туризме. К используемым научным методам относятся метод причинно-следственных связей, метод сравнения, метод моделирования.

Результаты исследования. Рассматриваемый феномен этнокультурного туризма характеризуется высоким уровнем межкультурных взаимодействий, происходящих в процессе знакомства с этническими культурами. Межкультурное взаимодействие выступает важной частью социальных интеракций, происходящих, как правило, между носителями различных культурных паттернов. Межкультурное взаимодействие может иметь дифференцированные формы, связанные с глобальными культурными различиями. Но вместе с тем развитие межкультурных интеракций между народами, позволяющее преодолевать кризисы коммуникации, способствует распространению человеческой свободы, во многом основанной на ответственности одних сообществ перед другими. Этнокультурный туризм является инструментом, позволяющим усилить контакты между народами, направленные во многом на кросс-культурное сотрудничество, преодоление ксенофобии и других форм нетерпимости. Исходя из персоналистической установки в современной философии, а также того внимания, которое философы уделяют коммуникации и собственно языку, можно сделать вывод, что личностью является человек, способный вести межкультурный диалог, не боясь и не стесняясь, но вместе с тем уважая представителей других культур, партнеров и друзей по межкультурным интеракциям. Появление этнокультурного туризма свидетельствует о прогрессе в сфере человеческой свободы. Проведенный анализ позволяет рассматривать этнокультурный туризм в качестве самостоятельной духовной ценности, важной для развития глобальной культуры.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем исследовании практик этнокультурного туризма как формы межкультурных интеракций.

Ключевые слова: этнокультурный туризм, этническая культура, экзистенциальная «захваченность», межкультурные интеракции

Для цитирования: Дашкова Е. В. Практики этнокультурного туризма: экзистенциальные аспекты // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 228–236. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-228-236>.

Original article

ETHNOCULTURAL TOURISM PRACTICES: EXISTENTIAL ASPECTS

Elena V. Dashkova

*Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
dashkova@mail.ru, ORCID: 12689863, AuthorID RSCI: 619408*

Abstract. *The purpose of the research is to determine the existential aspects of ethnographic tourism, the possibility of using the «capture» of a person by interest in ethnic cultures within the framework of ethnocultural tourism and the development of the ability to reconstruct one's own ethnic culture.*

The methodological basis of the research *is represented by the basic concepts of existentialism in the field of intercultural interaction. The scientific methods used include the method of causation, the method of comparison, the method of modeling.*

Research results. *The considered phenomenon of ethnocultural tourism is characterized by a high level of intercultural interactions occurring in the process of acquaintance with ethnic cultures. Intercultural interaction is an important part of social interactions that, as a rule, occur between carriers of different cultural patterns. intercultural interaction can have Differentiated forms associated with global cultural differences. But at the same time, the development of intercultural interactions between peoples, which makes it possible to overcome the crises of communication, contributes to the spread of human freedom, largely based on the responsibility of some communities to others. Ethnocultural tourism is a tool that allows you to strengthen contacts between peoples, aimed largely at cross-cultural cooperation, overcoming xenophobia and other forms of intolerance. Based on the personalistic attitude in modern philosophy, as well as the attention that philosophers pay to communication and the language itself, we can conclude that a person is a person who is able to conduct an intercultural dialogue without being afraid or embarrassed, but at the same time respecting representatives of other cultures. partners and friends for intercultural interactions. The emergence of ethnocultural tourism testifies to progress in the field of human freedom. The analysis allows us to consider ethnocultural tourism as an independent spiritual value, important for the development of global culture.*

The prospects of the research *are in further research of ethnocultural tourism practices as a form of intercultural interactions.*

Keywords: *ethnocultural tourism, ethnic culture, existential «capture», intercultural interactions*

For citation: *Dashkova E. V. Ethnocultural tourism practices: existential aspects // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 228–236. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-228-236>.*

Введение. Рассматриваемый нами феномен этнокультурного туризма характеризуется высоким уровнем межкультурных взаимодействий, происходящих в процессе знакомства с этническими культурами, выходящими на свет из собственной потаенности. Межкультурное взаимодействие выступает важной частью социальных интеракций, происходящих, как правило, между носителями различных культурных паттернов. При этом ясно, что межкультурное взаимодействие может иметь дифференцированные формы, связанные с глобальными культурными различиями. В первую очередь понятно, что «традиционные» культуры могут быть детерминированы, например, мировыми религиями (христианство, ислам, буддизм) либо иметь отношение к древним шаманским или анимистическим представлениям и верованиям. Но вместе с тем развитие межкультурных интеракций между народами, позволяющее преодолевать кризисы коммуникации, способствует распространению человеческой свободы, во многом основанной на ответственности одних сообществ перед другими.

Методологические и теоретические основания исследования. Методологической основой данного исследования стал анализ философских и культурологических работ таких авторов, как М. Хайдеггер, М. Шелер, А. Томас, М. Д. Казаку, С. Яту.

Использовался системный подход, который ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Инструментами для выявления специфики избранного объекта послужили сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы, позволяющие выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, провести исторические параллели.

Результаты. Рассматриваемый феномен этнокультурного туризма характеризуется высоким уровнем межкультурных взаимодействий, происходящих в процессе знакомства с этническими культурами. Межкультурное взаимодействие выступает важной частью социальных интеракций, происходящих,

как правило, между носителями различных культурных паттернов. Межкультурное взаимодействие может иметь дифференцированные формы, связанные с глобальными культурными различиями. Но вместе с тем развитие межкультурных интеракций между народами, позволяющее преодолевать кризисы коммуникации, способствует распространению человеческой свободы, во многом основанной на ответственности одних сообществ перед другими. Этнокультурный туризм является инструментом, позволяющим усилить контакты между народами, направленные во многом на кросс-культурное сотрудничество, преодоление ксенофобии и других форм нетерпимости. Исходя из персоналистической установки в современной философии, а также того внимания, которое философы уделяют коммуникации и собственно языку, можно сделать вывод, что личностью является человек, способный вести межкультурный диалог, не боясь и не стесняясь, но вместе с тем уважая представителей других культур, партнеров и друзей по межкультурным интеракциям. Появление этнокультурного туризма свидетельствует о прогрессе в сфере человеческой свободы. Проведенный анализ позволяет рассматривать этнокультурный туризм в качестве самостоятельной духовной ценности, важной для развития глобальной культуры.

Обсуждение. Непосредственность восприятия в межкультурном взаимодействии способна обнажить базисные экзистенциалы, связанные с проявлением общих для всех людей эмоций. Таким образом, в контексте межкультурной коммуникации и репрезентации этнических культур может быть достигнут наиболее конкретный взгляд на корни человеческого бытия. Прежде всего, турист может быть поражен глубоким этическим содержанием раскрывающихся перед ним культурных традиций, а также их близости к природе и структурам сакрального. В этнических культурах других народов можно обнаружить обычаи, которые в собственной традиции в основном были утрачены, поэтому захваченность является важным экзистенциалом, предшествующим и выступающим основанием всей последующей человеческой деятельности.

Очевидно, что захваченность предшествует пониманию, проникновению и интеллектуальному постижению интересующего предмета. В данной связи крупнейший российский философ XX века В.В. Бибихин предпочитал «говорить о человеке как о месте захваченности. Как о месте понятия, *con-serio*, *Ve-griff*, о человеке как *понимании*. Не будем совершать ошибку сознания, не станем воображать, будто есть некий источник спонтанного постижения, субъект, откуда исходят понятия как результат его мыслительной деятельности. Никакого понятия — *con-serio*, *Ve-griff* — никакой субъект никогда бы не схватил, если бы сам сначала сам не был захвачен» [1, с. 44]. Без захваченности смыслом общения люди не смогли бы понимать друг друга, было бы невозможно пробиться через ограду сложившихся культурных различий. Вместе с тем изначально незнакомая культура может так же захватить человека, как, впрочем, и стихия иностранного языка, которому индивид открывается в своей способности дальнейшего обучения.

Если человек согласно философской антропологии М. Шелера есть свободное существо, которое в отличие от других живых существ не сливается с миром, а открыто ему, это значит, что сам человек также может быть открыт навстречу любой культуре. Проблема человека как носителя «духовности» интересовала немецкого философа М. Шелера, который считал, что «основным определением “духовного” существа станет экзистенциальная независимость от органического, свобода, отрешенность от принуждения и давления, от “жизни” и всего, что относится к “жизни”, то есть в том числе его собственного, связанного с влечениями интеллекта. Такое “духовное” существо больше не привязано к влечениям и окружающему миру, но “свободно от окружающего мира” и, как мы будем это называть, “открыто миру”» [8, с. 53]. Поэтому человек может превращаться в незаинтересованного наблюдателя, который в своем созерцании руководствуется эстетическими категориями.

Реализовать свою «открытость» миру человек может посредством этнокультурного туризма. Впервые дефиниция «этнокультурный туризм» рассмотрена А.Г. Бутузовым, который определил его как «совокупность различных

форм туристской активности, обусловленных стремлением к пониманию многообразия феноменов этнокультурной среды» [3, с. 82]. Этнокультурный туризм позволяет усилить контакты между народами, направленные во многом на кросс-культурное сотрудничество, преодоление ксенофобии и других форм нетерпимости. С.Н. Федорова, рассматривая этнокультурный туризм с культурологической точки зрения, отмечает: «Этнокультурный туризм способствует знакомству, выявлению, изучению и сопоставлению национальных характеров, ментальности, архетипов» [6, с. 133]. Не нужно опасаться того, что и опыт этнокультурного туризма окажется лишенным глубокого экзистенциального содержания. Напротив, лучший способ не только беглого знакомства, но и погружения в иные культурные миры открывается в период свободного досуга. Хотя с другой стороны нельзя исключать из нашей дескрипции тот факт, что с точки зрения принимающей стороны этнокультурный туризм в то же время остаётся предприятием коммерческим, рассчитанным на извлечение прибыли. К тому же этнокультурный туризм также может развиваться в тех регионах земного шара, где нет альтернативных экономических перспектив и драйверов развития. Но, тем не менее, рассматриваемый нами способ межкультурной интеракции остаётся одним из самых безопасных, потому что его основу составляют этические практики гостеприимства.

Для традиционных культур наиболее признанными ценностями выступают семья, многодетность, ритуалы, связанные с укреплением рода, особым почетом пользуются старшие, культивируется подчинение детей родительской воле. Именно поэтому традиционные ценности в связке с развитой этнокультурой находят отклик в среде людей модернизированного общества, желающих обрести почву под ногами и приобщиться к своим корням.

Вместе с тем этнические культуры, многие из которых реконструируются или возрождаются на наших глазах, в том числе и с целями развития этнического туризма, испытывают различное по своей реальной силе влияние со стороны религиозных традиций. Однако также очевидно, что чем сильнее религиозное влияние на культуру народа, тем

легче ему сохранять свои традиции и, следовательно, такой этнос можно считать более консервативным, в том числе и в смысле организации повседневной жизни, почитания праздников и соблюдения наиболее важных традиций. Можно сказать, что чем более религиозным является народ, тем он более консервативен в плане реального обращения к традиционным ценностям, а также в организации семейной жизни и быта. Но при этом могут также возникать проблемы коммуникации и взаимодействия с представителями в большей степени модернизированных этнических групп. В данной связи правильно определить пропорции и возможности межкультурного взаимодействия на основе взаимного уважения обычаев и традиций. При этом не нужно забывать, что в условиях глобальных мегаполисов традиции и обычаи ещё недавних мигрантов могут подвергнуться существенным изменениям или корректировке, сохраняется также возможность их утраты уже в следующем поколении.

В современной ситуации межкультурного взаимодействия религия, особенно в её социальном измерении, становится одной из наиболее сложных и даже проблемных аспектов интеракции между представителями различных этнических групп. Так, например, М. Я. Яхьяев справедливо полагает, что «религия как духовная традиция крайне важна не только для человека верующего, но и для неверующего, который уважительно относится к своей цивилизационной идентичности, не отрывает себя от корней своей национальной культуры» [9, с. 82]. В современном мире вновь актуализированной стала проблема взаимодействия между традиционными носителями религии и людьми светскими, тем более атеистами или агностиками. Так межкультурное взаимодействие в подобных случаях намного усложняется, если к нему примешивается этнический фактор.

Здесь важно учитывать, что многие модернизированные народы являются преимущественно потребителями массовой культуры, причем «народная» культура у них ассоциируется с фольклором или даже с реконструкцией национализма. Известно, что в модернизированных обществах, особенно в западных, этнические культуры местных жителей зачастую пытаются возродить на-

ционалисты или в более широком смысле люди, придерживающиеся в целом правых политических взглядов. В данной связи можно отметить, что, например, на традиционные культуры народов Северного Кавказа активно воздействует религия ислама, тогда как традиционные культуры финно-угорских народов России в меньшей степени религиозны, но при этом получают определенные импульсы от сохранившихся языческих обрядов и верований.

Интересно, что в рамках этнокультурного туризма в наибольшей степени востребованными оказываются незападные культуры, причем наиболее аутентичными идентифицируются те из них, которые не так сильно отличаются от жизни и быта того этнического сообщества, чьи признанные представители главным образом задействованы в туристских практиках. Таким образом, уровень непосредственного взаимодействия с этнической культурой оказывается в описанной ситуации, максимально приближен к интеракциям, осуществляемым в повседневной, не связанной с туризмом сфере. Следовательно, и проникновение в подобную этническую культуру, знакомство или даже погружение в неё будет аутентичным за счёт связи между реальным бытом народа и репрезентацией его культурных богатств посредством туристских репрезентаций.

Многие этнические культуры обладают серьезными ресурсами социальной прочности и могут не только существовать, но и возрождаться, пока существует народ, считающий себя наследником данной культуры.

В целом межкультурное взаимодействие помогает гармонизировать отношение между этническими группами, то есть способствует лучшему пониманию, возникающему в процессе коммуникации между народами, причем подобное общение представляется безопасным, учитывая подготовку к нему сразу с двух сторон. Вместе с тем практики этнокультурного туризма позволяют реализовать свободу человека, а также право на захваченность другими культурами, которые способны вызвать в нем неподдельный интерес. В данной связи М. Хайдеггер отмечал, что реальность «встречи с сущим, отношение к сущему в любом способе его открытости возможно лишь там, где есть свобода. Сво-

бода есть условие возможности открытости бытия сущего, условие возможности понимания бытия» [7, с. 361]. Поэтому очевидно, что в контексте этнокультурного туризма индивид оказывается в большей степени способным реализовать собственную свободу, тем более провести свои досуг с наибольшим интересом.

В основном захваченность осмысливалась в современной культуре сквозь призму экзистенциальной философии. С одной стороны, данный термин можно отождествить с понятием, которое противостоит свободе, поскольку нам может показаться, что в этом состоянии человек может быть скован, оказывается «взят в оборот», в захват надындивидуальных сил. Но более внимательный взгляд на захваченность показывает, что перед нами культурный феномен, напрямую связанный с эстетическим впечатлением. То есть речь идёт о свободном человеке, который захвачен какой-либо картиной, музыкой, выдающимся художественным произведением в довольно широком, но почти исключительно эстетическом смысле. Неудовлетворенность человека собой и собственным положением, а также скука заставляет его действовать, то есть размыкать окружающий его мир. «Человек, обладающая свободой, есть открытый самотрансцендирующий проект, самостоятельно ведущий свою жизнь и постоянно выходящий за пределы своего наличного “Я”. Неудовлетворенность собой выступает источником непрерывного стремления человека к самообновлению, что приводит к постоянной смене форм жизни и культуры как специфического способа самоосуществления человека» [5, с. 227–228]. При этом очевидно, что межкультурное взаимодействие будет понятным, если в его основе будет находиться язык искусства, поэтому перспективным может считаться появление практик этнокультурного туризма, базирующихся на погружении в народное искусство: музыку, пение и танцы народов мира.

Таким образом, открытость к другим культурным традициям становится ведущей линией интерпретации межкультурных интеракций, притом, что собственно встреча с определенным культурным содержанием должна ещё состояться. Наиболее безопасным образом встреча с другими культурными традициями может состояться в контексте ту-

ристских практик, помогающих преодолеть возможные ксенофобские тенденции. При этом межкультурные интеракции предполагают большую ответственность как принимающей стороны, так и самих туристов в репрезентации культуры. Перед нами здесь представлено двустороннее взаимодействие, которое при благоприятном исходе должно не просто удовлетворить, но и обогатить обе стороны, вступающие в него. Входящий в общение турист должен получить позитивное впечатление о традициях и обычаях того народа, который вызвали в нем неподдельный интерес. Но, следовательно, «расхожий» и привычно ожидаемый комфорт (как впрочем, и обычные для туристов требования к сервису) не является ведущим аспектом этнокультурного туризма. Возможен и риск разочарования, связанный с неожиданностью предложенных феноменов. Ведь вполне ясно, что традиции изначально не были созданы для «обычного» (наиболее коммерциализированного и стандартного) туристского формата, когда знакомство с ними происходит либо в «лубочном» формате восприятия, либо в беглом отвлеченно-поверхностном ознакомлении. Аутентичность этнокультурных практик может даже показаться «грубостью» и даже «дикостью» туристу, который не был должным образом подготовлен. Поэтому, рассматривая требования подготовки как туристов, так и в не меньшей степени принимающей их стороны, можно предположить, что вокруг подобных практик могут вполне складываться самобытные субкультуры.

Отличительной чертой межкультурных интеракций выступает определенная сложность, как правило, связанная с возможной непривычностью подобного взаимодействия. С одной стороны, этнокультурный туризм открывает новые возможности восприятия других обычаев и традиций в их наглядности, но при этом требует более внимательно-го ознакомления с культурными практиками. Поэтому к подобному «экзистенциальному» туристу ситуация взаимодействия предъявляет определенные требования дисциплины и готовности самостоятельного обучения. Участвующий в практиках межкультурного взаимодействия турист должен быть изначально позитивно настроен к участию в подобных мероприятиях, а также к возможным

трудностям коммуникативного процесса. Вместе с тем специфика этнокультурного туризма заключается в том, что предложенные здесь человеку практики позволяют реализовать свободное выражение представленной, сохраняемой или реконструируемой культурной традиции.

Опыт межкультурных интеракций в современном мире становится настолько необходимым, что нужны специальные государственные программы по развитию этнокультурного туризма. Поэтому для многих людей оказывается необходимым усваивать навыки межкультурного взаимодействия, особенно в полиэтнических регионах и крупных городах, которые являются реципиентами массовой миграции, в том числе из иностранных государств. Так, например, установленные и интериоризированные стандарты культуры в целом активно действуют на поведение людей «как имплицитные теории, усвоенные в процессе социализации» [11, с. 153]. В условиях глобализации межкультурные интеракции в значительной степени теряют свой факультативный статус для многих жителей Земли и отчасти переходят в разряд необходимых, если не обязательных практик, позволяющих в лучшей степени наладить возможные контакты с культурным окружением.

Заключение. Этнокультурный туризм развивается динамично, и, структурируя этот вид туристской деятельности, можно выделить такие разновидности этнокультурного туризма (по Бутузову), как этнографический, антропологический, этнический и ностальгический туризм [2].

В целом этнокультурный туризм, за исключением его наиболее экстремальных форм (как, например, путешествие к диким племенам), не может избежать обвинений в подделках аутентичного опыта встречи с инаковостью. Вместе с тем не стоит сильно фетишизировать опыт аутентичности, полагая, что есть ритуалы, традиции и обычаи, которые оставались неизменными на протяжении целых тысячелетий. В действительности даже самые консервативные традиции претерпевали, на первый взгляд, незаметные изменения, связанные с адаптацией к изменяющимся условиям существо-

вания, кроме этого, в процесс культурного воспроизводства просачивались определенные инновации, носящие «эндогенный» характер [10], поэтому для этнокультурного туризма характерна «карнавальность», которая предполагает включенность туристов в игру. Анимационные программы стали неотъемлемой частью этнокультурного туризма. Таким образом, между этнокультурами, национальными культурами и массовой культурой происходит непрекращающийся обмен, правда, проходящий через селективные фильтры, которые позволяют обозначить и сохранить между ними границу.

Современный исследователь Ван Тин отмечает, что туризм в современном мире «является нематериальной услугой, создающей возможности для реализации потребностей членов общества. В основе понимания данного явления общественной жизни положена организация досуга в рамках межкультурного взаимодействия: для культурного общения, познания истории и традиций разных народов и укрепления дружбы» [4, с. 77]. Следовательно, здесь мы обнаруживаем редкую возможность общения между представителями различных этнокультур в определенных условиях, которые могут значительно отличаться от «лабораторных». Таким образом, оказывается, что само межкультурное взаимодействие накладывает на туристскую отрасль вполне определенную ответственность, оно сопряжено с пониманием разнообразия в сфере этических вопросов, а главное — туристским компаниям приходится рекрутировать в свои ряды людей, имеющих непосредственное отношение одновременно как к современной науке, так и этнической культуре.

Список источников

1. Бибихин В. В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.
2. Бутузов А. Г. Состояние и перспективы развития этнокультурного туризма в Российской Федерации // Сервис в России и за рубежом. 2009. №4. С. 11–13.
3. Бутузов А. Г. Этнокультурный туризм в Московской области: состояние и перспективы развития // Сервис в России и за рубежом. 2010. №4. С. 3–14.

4. Ван Тин. Туризм как способ межкультурного взаимодействия в условиях глобализации // *In Situ*. 2016. №6. С. 75–79.

5. Волохова Е. В. Философия свободы человека в современной культуре. Новочеркасск: ООО «Лик», 2019. 272 с.

6. Федорова С. Н. Этнокультурный туризм как культурологический феномен: сущность и структура // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. Т. 11. №4. С. 129–135.

7. Хайдеггер М. О существе человеческой свободы. Введение в философию. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2018. 416 с.

8. Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблемы человека в западной философии: Переводы. М.: Прогресс, 1988. 552 с.

9. Яхьяев М. Я. Светское и религиозное в современном мире // Исламоведение. 2011. №2. С. 90–95.

10. Cazacu M. D., Iatu C. Ethnographic tourism — promoter of the identity of area. *Lucrariile Seminarului Geografic Dimitrie Cantemir*. 2015. №39. P. 139–152.

11. Thomas A. Grundriss der Sozialpsychologie. Band 2. Individuum — Gruppe — Gesellschaft. G: Hogrefe, 1992.

References

1. Bibihin V. V. *Sobstvennost'*. Filosofija svoego [Property. The philosophy of your man]. Saint Petersburg: Nauka, 2012. 536 p. (In Russ.).

2. Butuzov A. G. Sostojanie i perspektivy razvitiya jetnokul'turnogo turizma v Rossijskoj Federacii [The state and prospects of development of ethno-cultural tourism in the Russian Federation]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. 2009; (4): 11–13. (In Russ.).

3. Butuzov A. G. Jetnokul'turnyj turizm v Moskovskoj oblasti: sostojanie i perspektivy

razvitiya [Ethnocultural tourism in the Moscow region: state and prospects of development]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. 2010; (4): 3–14. (In Russ.).

4. Van Tin. Turizm kak sposob mezhkul'turnogo vzaimodejstvija v uslovijah globalizacii [Tourism as a way of intercultural interaction in the context of globalization]. *In Situ*. 2016; (6): 75–79. (In Russ.).

5. Volohova E. V. Filosofija svobody cheloveka v sovremennoj kul'ture [Philosophy of human freedom in modern culture]. Novocherkassk: ООО «Лик», 2019. 272 p. (In Russ.).

6. Fedorova S. N. Jetnokul'turnyj turizm kak kul'turologicheskij fenomen: sushhnost' i struktura [Ethnocultural tourism as a culturological phenomenon: essence and structure]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov]. 2014; 11(4): 129–135. (In Russ.).

7. Hajdegger M. O sushhestve chelovecheskoj svobody. Vvedenie v filosofiju [About the essence of human freedom. Introduction to philosophy]. Saint Petersburg: Izd-vo «Vladimir Dal'», 2018. 416 p. (In Russ.).

8. Sheler M. Polozhenie cheloveka v Kosmose [The position of man in Space]. *Problemy cheloveka v zapadnoj filosofii: Perevody* [Human problems in Western philosophy: Translations]. Moscow: Progress, 1988. 552 p. (In Russ.).

9. Jah'jaev M. Ja. Svetskoe i religioznoe v sovremennom mire [Secular and religious in the modern world]. *Islamovedenie* [Islamic Studies]. 2011; (2): 90–95. (In Russ.).

10. Cazacu M. D., Iatu C. Ethnographic tourism — promoter of the identity of area. *Lucrariile Seminarului Geografic Dimitrie Cantemir*. 2015. №39. P. 139–152.

11. Thomas A. Grundriss der Sozialpsychologie. Band 2. Individuum — Gruppe — Gesellschaft. G: Hogrefe, 1992.

Статья поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The article was submitted on 28.11.2021; approved after reviewing on 05.12.2021; accepted for publication on 18.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашкова Елена Валерьевна — кандидат философских наук, декан факультета географии и геоэкологии, и.о. заведующего кафедрой «Туризм и индустрия гостеприимства», Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова.

Россия, г. Грозный, ул. А Шерипова, 32

Elena V. Dashkova — Candidate of Philosophical Sciences, Dean of the Faculty of Geography and Geoecology, Acting Head of the Department of Tourism and Hospitality Industry, Kadyrov Chechen State University.

32 A. Sheripova st., Grozny, Russia

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-237-245

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ГЕНЕЗИС И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Василий Сергеевич Любченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*
v.s.lyubchenko@gmail.com, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID РИНЦ: 372408

Аннотация. *Цель исследования* — определение основных параметров социокультурного пространства современного общества, выделение в нем структурных элементов и анализ характера их взаимодействия.

Методология. *Используется социокультурный подход, согласно которому общество необходимо рассматривать как единство культурного и социального, а также методология идеальных типов М. Вебера, позволяющая исследовать социум на уровне действующих субъектов.*

Результаты исследования. *Определены основные характеристики социокультурного пространства современного общества, или общества модерна, его генезис и современное состояние. Выделены основные взаимодействующие в нем ценностные системы, тенденции их изменения.*

Перспективы исследования. *Исследование социокультурного пространства общества модерна позволяет провести содержательный анализ его трансформации в постмодерн и выявить направления его дальнейшего развития.*

Ключевые слова: *общество модерна, социокультурное пространство, социальная группа, ценности, мотивы поведения*

Для цитирования: *Любченко В. С. Социокультурное пространство современного общества: генезис и основные характеристики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 237–245. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-237-245>.*

Original article

SOCIO-CULTURAL SPACE OF MODERN SOCIETY: GENESIS AND MAIN CHARACTERISTICS

Vasiliy S. Lyubchenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
v.s.lyubchenko@gmail.com, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID RSCI: 372408

Abstract. *The purpose of the study is to determine the main parameters of the socio-cultural space of modern society, to identify structural elements in it and to analyze the nature of their interaction.*

Methodology. *The sociocultural approach is used, according to which society should be considered as a unity of cultural and social, as well as the methodology of M. Weber's ideal types, which allows to study society at the level of actors.*

The results of the study. *The main characteristics of the socio-cultural space of modern society, or modern society, its genesis and current state are determined. The main value systems interacting in it and the trends of their changes are highlighted.*

Research prospects. *The study of the socio-cultural space of the modern society allows for a meaningful analysis of its transformation into postmodern and to identify the directions of its further development.*

Keywords: *modern society, socio-cultural space, social group, values, motives of behavior*

For citation: *Lyubchenko V.S. Socio-cultural space of modern society: genesis and main characteristics // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 237–245. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-237-245>.*

Введение. Мы будем исходить из того, что социокультурное пространство — это единство социального и культурного. М. Вебер в своих работах убедительно показал, что в исследовании социума нельзя ограничиваться рассмотрением его социальной структуры, экономической, политической и духовной сфер, выделяя их обобщенные характеристики и свойственные им закономерности развития, например, исследовать изменения в политической сфере западноевропейского общества в послевоенное время или развитие экономики за тот же период, изменения социальной структуры и т.д. В целом такие исследования правомерны и необходимы. Однако они, как правило, не переходят на уровень действующих субъектов, индивидов и социальных групп, их ценностей, целей, мотивов поведения.

Заслуга М. Вебера, как известно, в том, что он выделил в качестве объекта исследования социального знания действующих индивидов, мотивы их действий, которые и создают конкретное общество, его экономику, политику, социальные институты и т.д. [1]. Если рассматривать конкретное общество в динамике, процессуально, то мы неизбежно должны исследовать его «субъективную» составляющую, то есть доминирующие в данном обществе мотивы поведения, цели, ценности, их формирование и изменение, то есть то, что принято относить к культуре. Мотивы поведения и стоящие за ними ценности, нормы, представления о должном, оценки и предпочтения — все это относится к сфере «субъективного», оно индивидуально,

изменчиво и противоречиво, его сложно исследовать. В качестве примера можно взять широкомасштабное исследование изменения ценностей при переходе к постмодерну, принятое Р. Инглхартом и его сотрудниками [2]. На наш взгляд, оно оказалось достаточно поверхностным и декларативным, призванным обосновать идею автора о переходе в современном западном социуме от материальных ценностей к постматериальным.

В основу данного исследования была положена пирамида потребностей Маслоу [3], который опирается, скорее, на здравый смысл, чем на более глубокое исследование мотивации поведения, представленное, например, в работах Франкла [4] и других авторов.

Чтобы преодолеть упрощенный подход в исследовании мотивов поведения, представленный в работах Маслоу и его последователей, мы предлагаем рассмотреть социокультурное пространство современного общества, т.е. общества модерна, пик развития которого приходится, видимо, на середину XX века. Мы попробуем выделить некоторые методологические принципы, на основе которых можно понять происходящие в современном обществе социокультурные процессы, их содержание и направленность.

Необходимость исследования трансформаций ценностных систем. На наш взгляд, важно попытаться понять изменения преобладающих мотивов деятельности индивидов западного общества, выявить основные причины этих изменений и их направленность.

В настоящее время в социальных науках сложилась базовая схема, применяемая в исследованиях западного социума — движение от премодерна к модерну и постмодерну, исследуются те изменения, которые происходят в западном социуме в настоящее время, такие процессы, как глобализация, Четвертая промышленная революция, цифровизация, системные кризисы, завершение эпохи классического капитализма, «инклюзивный капитализм», зеленая революция и т.д. Все эти исследования важны и необходимы для понимания процессов, которые происходят в современном обществе, однако, на наш взгляд, мы не сможем их понять, если не исследуем важнейшую их составляющую — изменение «субъективной сферы»: ценностей, целей, мотивов деятельности индивидов данного социума. Сфера общественного сознания пока остается малоисследованной, преобладающим стало стремление манипулировать сознанием пользователей сети с целью сбыта определенных товаров и услуг. Навязывание потребностей с помощью рекламы — это нечто конкретное и сиюминутное, но при этом в тени остаются процессы изменения базовых систем ценностей западного социума и базовых мотивов поведения, без понимания которых мы не сможем понять направленность изменений и представить образ ближайшего или отдаленного будущего. Для иллюстрации этого следует вспомнить события нашего недавнего прошлого — крушение социализма и распад СССР, которые стали полной неожиданностью для советской и западной социологии.

На наш взгляд, это произошло потому, что не исследовали изменения, происходящие в сфере «субъективного», мотивов поведения, целей, ценностей, чем удачно воспользовались «реформаторы», разрушившие систему с помощью достаточно небольших, прежде всего информационных, воздействий. Но эти воздействия оказались результативными для тех, кто их осуществлял, в силу того, что на уровне массового сознания уже произошли изменения базовых ценностей и мотивов поведения, которые не исследовались официальной наукой. В конечном счете эти изменения в сфере «субъективного» стали той «бомбой», которая разрушила и социалистическую систему, и страну.

Определенные сдвиги в системе ценностей и мотивов происходят и в современном западном, и российском обществах. Глубинные сдвиги в этой сфере особенно заметны в США, где общество расколото на два лагеря — республиканцев и демократов — именно по ценностному основанию, их видению ближайшего и отдаленного будущего.

Все это свидетельствует о важности исследования «субъективной» сферы социума — господствующих целей, ценностей, мотивов поведения, того, на что впервые обратил внимание М. Вебер и стал активно исследовать в своих работах.

В качестве методологической основы исследования «субъективной» сферы современного общества и его социокультурного пространства в целом мы предлагаем выделить в социокультурном пространстве отдельные подпространства со своими особенными ценностными системами, целями, оценками и мотивами поведения.

Исследования М. Вебера и других социологов и философов показали, что в любом обществе сосуществуют разные, в том числе и противоположные, системы ценностей, которые находятся в сложных отношениях [5]. Общество — совокупность слоев, классов социальных и профессиональных групп, различающихся своей ролью в обществе, образом жизни, интересами, ценностями. Широко известным фактом является, например, различие ценностных ориентаций мужчин и женщин: мужчины активны во внешнем пространстве, они обеспечивают семью, делают карьеру, являются защитниками, воинами и т.д.; женщины активны во внутреннем пространстве семьи, они — «хранительницы очага», жены, матери и т.д.

Различаются также ценности, основные жизненные ориентиры сословий в традиционном обществе: крестьян, рыцарей, духовенства. В рыцарском сословии культивировались такие качества, как честь, верность, воинская доблесть, а также щедрость, расточительность. Эти качества были противоположны качествам, необходимым крестьянскому сословию: трудолюбию, терпению, бережливости и т.д. В современном обществе, или обществе модерна, господствующим становится третье сословие — торговцы, промышленники, банкиры. Соответственно,

меняется конфигурация социокультурного пространства, в котором происходит рекомбинация ценностей, образуются их новые, ранее не возможные, сочетания, например, богатства и бережливости, что отразилось, как известно, в протестантской этике, выразившей «дух капитализма».

Можно сказать, что в любом обществе постоянно происходит рекомбинация ценностей, одни ценности поднимаются вверх по ценностной шкале, другие опускаются вниз. В Новое время вниз начинают опускаться традиционные христианские ценности: молитва, аскеза, соблюдение заповедей и т.д., а вверх поднимаются ценности, ранее порицаемые: стремление к богатству, власти, удовольствиям.

Разные конфигурации ценностей складываются у разных социальных и профессиональных групп: предпринимателей, военных, врачей, ученых и т.д. У предпринимателей, как известно, главной целью-ценностью является прибыль, в то время как у ученых — истина. Противоположны ценности военных и врачей — первые учатся убивать, вторые, наоборот, спасать жизнь.

Можно сказать, что в современном обществе существует множество целей-ценностей, которые образуют определенные устойчивые конфигурации, устойчивые структуры со своим «верхом» и «низом», то есть представлением о достойном и недостойном, хорошем и плохом, правильном и неправильном. Причем, правильное, хорошее и достойное в одной системе ценностей может оказаться неправильным и недостойным в другой. Разные социальные и профессиональные группы имеют разные жизненные ориентиры, ценности, мотивы поведения. Ценностная шкала, принятая в определенном сообществе, представлена в эталоне, образце, который формирует индивида определенного качества, позволяет осуществлять его оценку и сравнение с другими, ранжировать индивидов внутри определенной социальной группы, профессии, выделять среди них лучших, средних и худших. Собственные ценностные шкалы существуют в каждой социальной группе и в каждом профессиональном сообществе: у предпринимателей, врачей, учителей, военных, спортсменов и т.д.

Существующая в социальной группе шкала ценностей, со своим «верхом» и «ни-

зом», ориентирует тех, кто входит в данную группу, на движение «вверх», на занятие более высокого положения в социальной иерархии, на соперничество с другими за более высокий статус. Но в любом обществе наряду с множеством профессиональных и групповых систем ценностей формируется общая для всех система ценностей, указывающая наиболее важную, значимую для данного общества цель-ценность, по отношению к которой все остальные — групповые, профессиональные цели-ценности — выступают как средства.

Генезис социокультурного пространства общества модерна. В современном рыночном обществе такой общей для всех единицей измерения ценности каждого, как известно, является доллар, а шкала устроена так, что в ней нет верха, которого можно было бы достичь, всегда есть более высокая ступень, за которой следующая и т.д. Это означает, что в современном рыночном обществе социокультурное пространство утратило жесткие разграничительные линии между отдельными «территориями», в качестве которых выступают отдельные сословия, социальные и профессиональные группы. Границы стали более открытыми, проницаемыми. В эпоху становления современного общества возросшая вертикальная мобильность индивидов привела к тому, что ценности «верха», то есть господствующего аристократического слоя, и «низа» — низших слоев, стали смешиваться, образуя новые конфигурации. Ценности «верха» стали просачиваться «вниз», а ценности «низа» стали подниматься «наверх», порождая, например, то, что М. Вебер и В. Зомбарт назвали «духом капитализма», воплощением которого стал современный предприниматель.

В. Зомбарт отмечает, что одной из главных составляющих «капиталистического духа» является жажда наживы. Он писал, что «в первые десятилетия XVII столетия французское и английское общества пережили то первое болезненное состояние денежной горячки, ... которым так глубоко проникся весь организм народа, что теперь всеобщая страсть к деньгам может рассматриваться как основное свойство души современного человека» [6, с. 26].

Предпринимательская энергия, по мнению В. Зомбарта, в своей основе имеет стремление к наживе, которое способно преодолеть любые моральные ограничения. Он отмечает: «К великим победителям на ристалище современного капитализма имеет, пожалуй, общее применение то, что еще недавно сказали о Рокфеллере, что он “умел с почти наивным отсутствием способности с чем бы то ни было считаться, перескочить через всякую моральную преграду”» [6, с. 26].

Следующая составляющая «капиталистического духа» — это «мещанские добродетели»: трудолюбие, экономия, бережливость, которые появились на свет в ремесленных каморках, в условиях нужды. «Здесь нужно было быть бережливым, и трезвым, и трудолюбивым, и целомудренным, если не желать ставить на карту своего существования» [6, с. 26].

Тип личности предпринимателя В. Зомбарт определяет как «экономический человек». Он считал, что современный экономический человек «в наиболее чистом виде проявляется в американском предпринимателе». В. Зомбарт и М. Вебер показывают, что мотивация предпринимателя формируется в результате реформирования системы ценностей «третьего сословия», соединения жажды наживы, расчетливости, трудолюбия, которые сочетались с пренебрежением к прежним моральным ограничениям.

Ценности «верха» и «низа» в эпоху становления рыночного общества стали смешиваться также благодаря развитию системы образования. В школах детей низших слоев учили правильно вести себя, правильно говорить, управлять своими эмоциями, что было свойственно представителям высшего слоя. Дети более высоких слоев в школах общались с детьми низших, что также могло трансформировать их систему ценностей. Тем самым социокультурное пространство современного общества демократизировалось, ценности перестали быть жестко связанными с определенным социальным слоем или социальной группой. Они стали перемешиваться, образовывать новые устойчивые сочетания.

Можно сказать, что социокультурное пространство современного рыночного общества формировалось в результате взаимодействия различных социальных слоев — «верха», «среднего слоя» и «низа», что

привело к сосуществованию и взаимодополнению в нем таких высших, можно сказать, христианских ценностей, как свобода, равенство, братство, и ценностей низших, эгоистических: «каждый сам за себя» и «человек человеку — волк». Это наглядно выражено в известной повести Дж. Лондона «Морской волк». Уже в ее начале упоминаются имена Шопенгауэра и Ницше, идеи которых отразили появление нового качества социокультурного пространства общества модерна — его освобождение от Бога, то есть от христианской системы ценностей. «Смерть Бога» является, по Ницше, постулатом колоссальной важности, прежде всего, для европейской культуры, но в перспективе — и для всего человечества. Ницше не призывает к «убийству Бога», и не совершает это убийство — он констатирует свершившийся факт. «Смерть Бога» рассматривается Ницше как свершившийся феномен и как ключевое событие европейской культуры. Оно, с одной стороны, является закономерным следствием ее развития и, с другой стороны — и это главное, — мощным фактором, предопределяющим ее кризис и дальнейшее развитие [7, с. 171].

Ницше провозгласил «смерть Бога», христианской морали и выдвинул идею «сверхчеловека», который сам создает свои ценности. Это означает, что теперь западный индивид освобождается от прежней христианской морали и сам решает, что для него добро, а что зло.

В повести «Морской волк» сталкиваются главные герои: капитан Ларсен, уверенный, что человек — это хитрое, подлое и злое существо, и безраздельно подчинивший себе экипаж шхуны, и рафинированный интеллигент, филолог Хэмфри Ван-Вейден, отстаивающий иное, христианское, отношение к человеку.

Это означает, что в обществе модерна в период становления сосуществовали и взаимодействовали между собой два уровня культуры: высший уровень, который был представлен образованным слоем, «теоретиками», теми, кто создавал и распространял новые идеи («свобода», «равенство», «права человека» и т.д.), и массовый уровень — «практиков», тех, кто воплощал эти идеи в жизнь — торговцев, промышленников, банкиров, наемных работников и т.д. Естественно, что на уровне «практиков», осуществляв-

ших процесс экономической и социальной модернизации общества, на уровне реальной жизни, идеи свободы и равенства получали иное — рыночное — наполнение: как освобождение от прежних религиозных и моральных ограничений в конкурентной борьбе за прибыль.

Результаты социокультурной модернизации. Снятие прежних сословных ограничений, провозглашенное идеологами модерна, в реальности обернулось не созданием нового свободного и процветающего общества, а общества с глубоким социальным неравенством, в котором жадность, зависть, честолюбие и эгоизм перестали быть пороками и рассматривались как естественные проявления человеческой природы. «Буржуазный век принес свободу, — писал Э. Фукс, — люди были убеждены, что это золотой век. Осуществлен истинно нравственный миропорядок. Отныне есть только люди. Нет больше деления на господ и рабов, на поработителей и поработенных. Есть только свободные от рождения граждане. Воцарятся добродетели. Точно мрачные тени ночи, исчезнут пороки. Рассеются, как дым, нужда, заботы, страх и отчаяние. По стране пройдет богиня богатства, расточая без устали всем и каждому свое благословение. Только во имя великих идеалов будут лихорадочно работать мозги людей. Свобода, братство и равенство будут служить связующим звеном не только между отдельными гражданами в каждой стране, но и между всеми странами земного шара» [8, с. 22]. Однако эти надежды не оправдались.

«Посмотрим, — писал Э. Фукс, — что сделало богатство из отдельных его представителей? Вознесло ли оно их в духовном, душевном и моральном отношении над их прежним уровнем? Пробудило ли оно в них высшие добродетели? Создало ли оно поколение героев? Нет, произошло как раз обратное. Отвратительные денежные машины, лишённые всякого чувства, всякой чуткости, — вот что сделал прежде всего капитал из тех, кто им владел и кто им командовал» [8, с. 22].

Очевидно, что произошедшая в XVIII–XIX веках, в эпоху становления общества модерна, трансформация традиционной системы ценностей, в результате которой наверх поднялись ценности индивидуализма и эго-

изма, стала прологом двух мировых войн и гибели десятков миллионов людей. Однако идеологи Запада не смогли сделать из этого правильные выводы и попытаться изменить жизненные ориентиры западного человека с целью умерить его индивидуализм, эгоизм и стремление к наживе.

Опираясь на исследования американских социологов, Ф. Фукуяма в своей работе «Великий разрыв», проанализировав данные о преступности, состоянии семьи (включая рождаемость, браки, разводы), уровне доверия, вынужден был констатировать нарастание индивидуализма и эгоизма в американском обществе, снижение уровне доверия, рост отчужденности и т.д. Ф. Фукуяма отмечает, что «между 50-ми и 90-ми годами в США и других западных странах произошли огромные перемены в ценностях. Эти перемены в нормах и ценностях сложны, но могут быть подведены под общую рубрику возрастающего индивидуализма. В современных обществах степень свободы выбора для индивидов чрезвычайно возросла, в то время как узы, связывающие их с системой социальных обязательств, заметно ослабли» [9, с. 89].

Ф. Фукуяма считает, что «общих ценностей, которые бы разделялись членами общества, стало меньше, а соперничества среди групп — больше» [9, с. 89]. По его мнению, доверие подрывается чрезмерным эгоизмом.

Общий вывод автора: «Великий Разрыв характеризуется растущим уровнем преступности и социальной дезорганизации, упадком семьи и родственных отношений как источников социальной сплоченности и снижающимся уровнем доверия. Начиная с 60-х годов все эти изменения стали происходить в большинстве развитых стран и протекали очень быстро по сравнению с изменениями общественных норм, происходившими в более ранние периоды» [9, с. 90].

Переход в постмодерн. Во второй половине XX века западный социум перешел в состояние постмодерна. В философии, социологии и политологии до сих пор не утихают дискуссии о том, что такое постмодерн и как к нему относиться. Был даже такой казус, когда в 90-е годы ельцинский министр МВД Д. Куликов заявил, что во всех бедах России виноват постмодерн.

И. М. Семашко считает, что в понимании постмодерна можно выделить следующие позиции: «первая позиция утверждает, что постмодерн — это определенная, исторически обусловленная мутация самого модерна: “проект Просвещения” оказался в ситуации внутреннего и внешнего кризиса, и требует качественной трансформации, адаптации к новым условиям, пусть даже созданным им же самим. Вторая позиция утверждает, что постмодерн — это уже не-модерн, это именно отрицание модерна, которое начинается с критики его тоталитарной категоричности, а закончится восстанием против его существенных основ — самого секулярного проекта. Наконец, третья позиция утверждает, что постмодерн — это автономная, самозамкнутая историческая парадигма, являющая собой абсолютно новый, “третий путь”, равно альтернативный как традиции, так и модерну» [10, с. 59].

Сейчас о постмодерне говорить стали меньше, мы просто в нем живем. Основные признаки состояния постмодерна — деконструкция основ прежней классической культуры, сложившейся в эпоху модерна, тотальный релятивизм, иррационализм, освобождение от всех прежних ограничений, переход в состояние постправды, симуляция, распространившаяся во всех сферах нашей жизни — политике, экономике, образовании, здравоохранении и т.д., гипертрофированное внимание к защите прав меньшинств и реальное ограничение гражданских прав, рост насилия, фальсификация выборов и т.д.

Все это свидетельствует о том, что социокультурное пространство современного общества стремительно меняется. В нем утрачивают свое значение прежние идеологические системы: либерализм, консерватизм, марксизм, социалдемократия и т.д., вокруг которых образовывались политические партии, происходили выборы, строилась внутренняя и внешняя политика. Социокультурное пространство современного общества перестает быть пространством взаимодействия различных систем ценностей, принадлежащих различным слоям, социальным и профессиональным группам, которые благодаря этому взаимодействию уравнивали друг друга. Оно становится ценностно однородным, в нем ценности заменены ценой. Сей-

час все имеет свою цену: кресло министра, депутата, судьи, мэра и т.д., на нижнем уровне свою цену имеет лечение, обучение, диплом, справка, решение и т.п. Это означает, что в обществе перестает быть значимым и важным все, что выходит за рамки личного интереса. Общество превращается в поле столкновения отдельных частных или групповых интересов, где побеждает тот, у кого больше ресурсов. В этой ситуации нарастают деструктивные процессы, происходит атомизация индивидов, разрушение всех устойчивых связей — семейных, дружеских, профессиональных и т.д.

Заключение. Все сказанное позволяет сформулировать ряд основных положений, на которые следует опираться в исследованиях социокультурного пространства современного общества.

1. Мы не сможем понять современное общество, происходящие в нем изменения и тенденции развития, если не исследуем ценности, цели, мотивы поведения действующих в нем индивидов.

2. Бесконечное разнообразие мотивов и целей отдельных индивидов может быть сведено к нескольким основным, сформированным в современном обществе «идеальным типам» (по терминологии М. Вебера), в которых представлены типичные мотивы поведения, цели-ценности основных социальных групп, таких как бизнесмены, военные, учителя, врачи, ученые и т.д.

3. В период становления и развития общества модерна представленные в нем основные социальные группы были относительно автономны, в каждой из них существовала собственная система ценностей, шкала оценок, мотивация поведения. Они активно взаимодействовали, влияли друг на друга, что приводило к диффузии ценностей, трансформации ценностных систем «верха» и «низа», их уравниванию. Особенно активно это происходило в Западной Европе и США.

4. Изменения социокультурного пространства общества модерна в целом привели к «переворачиванию» прежней христианской системы ценностей: то, что в прежней культуре было «верхом», идеалом, ценным, значимым, в культуре общества модерна становится «низом», а то, что было «низом»,

греховным, порицаемым, становится «верхом». Традиционная аскетическая христианская культура, ориентировавшая человека на очищение души, освобождение от пороков, сменилась на индивидуалистическую, гедонистическую культуру, в которой эгоизм, честолюбие, алчность, переименованная в «максимизацию прибыли», становятся основными добродетелями.

5. Выход из кризиса, в который все глубже погружается современное общество, предполагает, кроме всего прочего, радикальное изменение его ценностно-нормативной системы, изменение важнейших жизненных ориентиров, то есть работы с сознанием, движения к все большей осознанности в поведении каждого.

Список источников

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Инглхарт Р.Ф. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. 631 с.
3. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997. 270 с.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
5. Арон Р. Этапы развития социальной мысли. М.: Прогресс — Политика, 1993. С. 511–514.
6. Зомбарт В. Буржуа / Институт социологии. М.: Наука, 1997. С. 26.
7. Любченко В.С. Человек в обществе Модерна. Новочеркасск: ЛИК, 2013. 298 с.
8. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Т. 3. Буржуазный век. М.: Республика, 1994. С. 22.
9. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. С. 89–90.
10. Семашко И.М. «Модерн» / «Постмодерн»: история контroversы в работах Ю. Хабермаса и Ж. Лиотара // Вестник Вол-

ГУ. Серия 9. Общественные науки. 2010. Вып. 8. Ч. 1. С. 59.

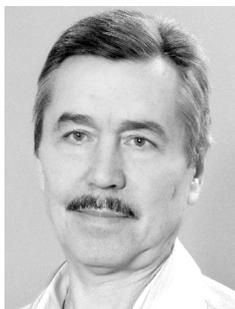
References

1. Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
2. Inghart R. F. Kul'turnyj sdivig v zreлом industrial'nom obshhestve [Cultural shift in mature industrial society]. Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. Antologija [New post-industrial wave in the West. Anthology]. Moscow: Academia, 1999. 631 p. (In Russ.).
3. Maslou A. Psihologija bytija [Psychology of being]. Moscow: Refl-buk, 1997. 270 p. (In Russ.).
4. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 1990. 368 p. (In Russ.).
5. Aron R. Jetapy razvitija social'noj mysli [Stages of the development of social thought]. Moscow: Progress — Politika, 1993. P. 511–514. (In Russ.).
6. Zombart V. Burzhua [Bourgeois]. Institut sociologii [Institute of Sociology]. Moscow: Nauka, 1997. P. 26. (In Russ.).
7. Ljubchenko V. S. Chelovek v obshhestve Moderna [Man in Modern Society]. Novoчеркасск: ЛИК, 2013. 298 p. (In Russ.).
8. Fuks Je. Illjustrirovannaja istorija nra-вов. T. 3. Burzhuznyj vek [Illustrated history of morals. Vol. 3. The Bourgeois century]. Moscow: Respublika, 1994. P. 22. (In Russ.).
9. Fukujama F. Velikij razryv [The Great Gap]. Moscow: ООО «Izd-vo AST», 2003. P. 89–90. (In Russ.).
10. Semashko I. M. «Modern». «Postmodern»: istorija kontroversy v rabotah Ju. Habermasa i Zh. Liotara [«Postmodern»: the history of counter-examination in the works of Y. Habermas and J. Liotar]. *Vestnik VolGU. Serija 9. Obshhestvennye nauki* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 9. Social Sciences]. 2010; 8. P. 1: 59. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 12.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The article was submitted on 10.12.2021; approved after reviewing on 12.12.2021; accepted for publication on 18.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Любченко Василий Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vasily S. Lyubchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, «Social Sciences and Humanities» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 3.304.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-246-256

«ЗЕЛЕНАЯ» ЭКОНОМИКА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Татьяна Николаевна Майснер

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
designtatyana@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8654-0881,
AuthorID РИНЦ: 345191, SPIN-код: 2057-0869*

Аннотация. *Цель статьи* заключается в изучении экологических проблем современных городов, решение которых возможно на основе внедрения модели «зеленой» экономики.

Методология исследования представлена совокупностью следующих теоретических подходов: системный подход, позволяющий рассматривать город как социосистему, устойчивое развитие которой зависит от всех ее элементов; синергетический подход, открывающий возможность для понимания сложного нелинейного характера взаимосвязи и взаимовлияния различных сфер общества; положения современных теорий урбанизации, позволяющие понять эволюцию города, связанную с расширением городской территории и вытеснением природной среды; теория «общества риска», которая позволяет учитывать и систематизировать риски развития современного города; идеи теоретиков «зеленой экономики» и др.

Результаты исследования. Автор обращает внимание на то, что «зеленую» экономику следует рассматривать как новую экономическую модель, которая должна прийти на смену нынешней рыночной модели, где доминируют принципы либеральной идеологии. Развитие «зеленой» экономики кардинально трансформирует инфраструктуру города и способствует появлению экологических городов — экосити. В статье анализируются причины, затрудняющие развитие экосити в России.

Перспективы использования результатов исследования. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего анализа социально-экологических проблем современных городов, а также для развития современной экологической политики.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, современный город, устойчивое развитие, «зеленые» технологии, экосити, экополис, экологическая инфраструктура, технополис

Для цитирования: Майснер Т.Н. «Зеленая» экономика как фактор устойчивого экологического развития современного города // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 246–256. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-246-256>.

Original article

GREEN ECONOMY AS A FACTOR OF SUSTAINABLE ENVIRONMENTAL DEVELOPMENT OF A MODERN CITY

Tatyana N. Meisner

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
designtatyana@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8654-0881,
AuthorID RSCI: 345191, SPIN: 2057-0869*

Abstract. *The purpose of the article is to study the environmental problems of modern cities, the solution of which is possible on the basis of the implementation of the «green» economy model.*

The research methodology is presented by a set of the following theoretical approaches: a systematic approach that allows us to consider the city as a socio-ecosystem, the sustainable development of which depends on all its elements; a synergetic approach that opens up the possibility for understanding the complex nonlinear nature of the relationship and mutual influence of various spheres of society; the provisions of modern theories of urbanization, allowing us to understand the evolution of the city associated with the expansion of the urban area and the displacement of the natural environment; the theory of the «risk society», which allows you to take into account and systematize the risks of the development of a modern city; the ideas of the theorists of the «green economy», etc.

The results of the study. The author draws attention to the fact that the «green» economy should be considered as a new economic model, which should replace the current market model, where the principles of liberal ideology dominate. The development of the «green» economy radically transforms the infrastructure of the city and contributes to the emergence of ecological cities — ecocity. The article analyzes the reasons that hinder the development of ecocity in Russia.

Prospects for using the results of the study. The results of the study can be used for further analysis of socio-ecological problems of modern cities, as well as for the development of modern environmental policy.

Keywords: «green» economy, modern city, sustainable development, «green» technologies, ecocity, ecopolis, ecological infrastructure, technopolis

For citation: Meisner T. N. Green economy as a factor of sustainable environmental development of a modern city // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 246–256. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-246-256>.

Введение. В настоящее время большинство городов представляют собой, с одной стороны, центры активной экономической деятельности, являются сосредоточением научно-технологических достижений и местом культурной жизни людей, а с другой — являются зонами экологического неблагополучия (мусорные свалки, наличие городских трущоб и других источников санитарно-эпидемиологических угроз). Выступая драйвером развития цивилизации, города стали акторами деградации природ-

ной среды и создали массу экологических проблем.

Основным источником деградации городской среды считается сфера экономики, функционирование которой осуществляется, во-первых, за счет природных ресурсов, во-вторых, сопровождается появлением промышленных отходов, влекущих за собой загрязнение природной среды. В этой связи необходимо рационализировать отношения между дальнейшим экономическим развитием и сохранением биосферы.

Дальнейшее безопасное развитие цивилизации по вектору урбанизации возможно только при условии решения экологических проблем современного города. В этой связи актуализировался вопрос о дальнейшем развитии городского хозяйства и возможностях «экологической» реконструкции городов с целью сделать их безопасными для жизни людей и окружающей среды. Одним из направлений для снижения антропогенной нагрузки на биосистему выступает развитие «зеленой» экономики.

Материалы и методы. В статье были использованы различные методы исследования, в том числе системный подход, разработанный в трудах М. Вебера [1], Д. Харви¹, позволяющий рассматривать город как социоэко-систему, устойчивое развитие которой зависит от всех ее элементов; синергетический подход, открывающий возможность для понимания сложного нелинейного характера взаимосвязи и взаимовлияния различных сфер общества — социально-экономической, технологической, духовной, экологической [2].

В статье используются положения современных теорий урбанизации, представителями которых являются С. Сассен [3], М. Кастельс [4], А. Н. Тетиор [5], позволяющие понять эволюцию города, связанную с расширением городской территории и вытеснением природной среды; теория «общества риска», которая позволяет учитывать и систематизировать риски развития современного города.

Концептуальными для исследования являются идеи теоретиков «зеленой экономики» К. Буркарта², Дж. Андреа, К. Бернс [6], концепции экосити Р. Реджистера [7], П. Даунтона [8] и др.

Данные подходы позволяют исследовать возможности «зеленой» экономики в решении экологических проблем современного города.

Обсуждение. В настоящее время в научном сообществе идет активное обсуждение

проблем «зеленой» экономики, формируется понятийный аппарат в этой области исследований, выстраивается структура данной модели экономического развития общества.

Зарубежные авторы предлагают понимать под «зеленой» экономикой устойчивую систему развития экологии, экономики и общества. По мнению К. Буркарта, в системе «экология-экономика-общество» элементом, обеспечивающим ее стабильность, является экология, тогда как экономика представляет собой наименее устойчивый компонент данной системы³, поэтому дальнейшее существование этой системы возможно только при условии доминирования в ней экологического компонента.

Аналогичной позиции придерживаются и такие исследователи, как Дж. Андреа, К. Бернс, Дж. Туза, связывающие дальнейшее устойчивое развитие человечества исключительно с развитием «зеленой» экономики, которая только и «способна стабилизировать экономические системы и сбалансировать интересы человека, природы и эффективного использования ресурсов» [6, с. 84].

Проблематика «зеленой» экономики интересует и российских ученых. Исследователи утверждают, что «время неспешного перехода к “зеленой” экономике прошло — сегодня в ответ на последствия кризиса и в связи с потерей рабочих мест и необходимостью смягчения климатических изменений требуется быстрый планетарный переход к “зеленой” экономике. Цели ее весьма амбициозны, она способна обеспечить синергизм между тремя основными уровнями развития — экономическим ростом, социальным благополучием и охраной окружающей среды и здоровья людей» [9, с. 31].

Рассматривая структуру «зеленой» экономики, специалисты в качестве базового ее элемента называют «зеленую» промышленность, которая есть «процесс промышленного производства и совершенствования, осуществляющийся без уничтожения систем природы, не приводит к неблагоприятным

1 Харви Д. Городской опыт. [Электронный ресурс]. URL: http://psychogeo.spb.ru/page_255.html (дата обращения: 11.05.2019).

2 Burkart K. How Do You Define the «Green» Economy? MNN [Электронный ресурс] // Mother Nature Network. URL: <http://www.mnn.com/greentech/research-innovations/blogs/how-do-you-define-the-green-economy> (дата обращения: 14.06.2021).

3 Ibid.

результатам, которые влияют на здоровье человека»⁴.

Таким образом, ученые связывают будущее экономики с развитием в ней следующих направлений [10]:

1) экологизация производства за счет рационального использования природных ресурсов;

2) создание «зеленых» отраслей промышленности за счет инкорпорирования в них экотехнологий и развития различных экологических услуг.

В настоящее время понятие «зеленая экономика» вошло в научный дискурс, который представлен различными подходами к пониманию ее сущности, структуры, возможностей реализации в пространстве современного города и пр. Подходы по данной проблеме можно классифицировать на несколько кластеров: экономический, технологический и аксиологический.

1. Экономический подход к «зеленой» экономике разрабатывается в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. Анализируя возможности реализации новой модели экономики в развивающихся странах, китайские ученые выявили связь между практическим воплощением этой модели и методами «зеленого» управления [11]. По их мнению, «зеленая» экономика возможна только при условии «зеленого» управления. Российские исследователи связывают переход к «зеленой» экономике со сменой нынешней модели сугубо рыночной экономики, которая продемонстрировала свою несостоятельность как в плане природопользования, так и возможностей вывода стран из мирового экономического кризиса [9]. Представители экономического подхода к «зеленой» экономике видят дальнейшее развитие исключительно на основе «создания новых экологически чистых отраслей за счет спроса со стороны государства и формирования нового спроса и новой культуры потребления со стороны общества» [12, с. 132].

2. Технологический подход в качестве ключевого фактора диверсификации хозяйственной деятельности видит технологичес-

кие инновации, обеспечивающие «создание экологически чистых промышленных и продовольственных товаров» [13, с. 114]. По мнению сторонников этого подхода, эффективное решение экологических проблем лежит сугубо в плоскости развития науки и технологий: «экологически опасные технологические процессы должны быть ресурсосберегающими и экологизированными в рамках системной экологизации производства» [14, с. 21]. Прежде всего, речь идет о создании низкоотходных технологических производств с максимально замкнутыми циклами, разработке и внедрении систем утилизации и обезвреживания отходов, глубокой очистке сточных вод и т.д.

3. Аксиологический подход связывает развитие «зеленой» экономики с формированием в социуме экологической культуры, которая и станет основой трансформации нынешней экономической модели, опирающейся на ценности либерализма и рыночного фундаментализма, на экогуманистическую модель отношений в системе «экология-экономика-общество». По мнению специалистов, данный подход «декларирует базовые ценности “зеленой” экономики: гармонизация отношений через взаимодействие человечества и биосферы, развитие человечества в границах законов развития биосферы, осознанные ограничения на потребление ресурсов биосферы и удовлетворение потребностей с учетом возможностей биосферы» [12, с. 136].

Надо отметить, что вышеперечисленные подходы к анализу «зеленой» экономики и ее возможностей в решении экологических проблем являются концептуальными только на интегративной основе, поскольку практическая реализация модели «зеленой» экономики предполагает комплексный подход, включающий экономические, технологические и аксиологические способы обеспечения экологической безопасности урбанизированных территорий.

Результаты. Исследователи отмечают, что экологизация экономики является основ-

⁴ Инициатива ЮНИДО в области «зеленой» промышленности по устойчивому промышленному развитию. Вена: ЮНИДО, 2011 [Электронный ресурс]. URL http://www.greenindustryplatform.org/wp-content/2014/06/UNIDO-Green-IndustryInitiative-for-Sustainable-Industrial-Development_RU.pdf.

ным фактором в появлении и развитии эко-городов. В научной литературе для описания последних используются преимущественно понятия «экосити», «экополис».

Впервые термин «экосити» ввел в 1978 г. американский инженер и эколог Ричард Реджистер. По его мнению, экосити — «экологически чистый город, который способен самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и энергией, при этом площадь, отчужденная под строительство, и, следовательно, жилая зона, должна быть по возможности минимальна» [7, с. 32]. В конце 80-х годов XX века в процессе обсуждения дальнейшего развития городских территорий в плане восстановления их экосистем начинает использоваться понятие «экополис», посредством которого описывается «урбанизированная система, население которой намеренно интегрировано в процессы биосферы для оптимизации функционирования биосферы на благо человека» [8, с. 26].

Аналогичную позицию относительно сущности экополиса занимает и отечественный ученый А.Н. Тетиор, который экосити рассматривает как «город, построенный на принципах экологичности, находящийся в экологическом равновесии с природой и не отторгаемый природными экосистемами, не загрязняющий природу и пронизанный зелеными коридорами, с нишами для жизни диких животных, с экологичными зданиями и экологизацией всей деятельности людей в городе, с высоким качеством жизни, системой экологического образования, воспитания и вовлечения всех жителей в процесс экологизации их жизни и деятельности» [15, с. 26].

Российские исследователи утверждают, что в основе развития экополиса лежат, прежде всего, экологичное производство и экологическая культура, которые интегрированно способны обеспечить устойчивое состояние городской экосистеме. Очевидно, что основной характеристикой экополиса является минимизация его негативного воздействия на флору и фауну городской агломерации.

Анализируя условия создания современных экогородов, ученые выделяют ряд направлений развития, реализация которых позволит городу стать экополисом:

1) «зеленое» строительство, ориентированное на энергоэффективность городов,

которое обеспечивается за счет «использования комплекса современных технических разработок, направленных на получение и сохранение различных видов энергии их эффективное применение, а также внедрение в строительную практику» [16, с. 72];

2) практика использования возобновляемых источников энергии (ветрогенераторов, солнечных батарей, биогаза из сточных вод);

3) широкое внедрение различных видов экологического транспорта — электрический, биотопливный, велосипедный;

4) эффективная утилизация отходов, предполагающая как внедрение новых технологий сбора и переработки мусора, так и формирование экологической культуры у населения. Основной тенденцией городского развития, по мнению специалистов, должен стать «“безотходный образ жизни”, при котором все отходы полностью перерабатываются, а продукты этой переработки используются для обеспечения жизнедеятельности города» [16, с. 73];

5) развитие экологической инфраструктуры, которая представляет собой «комплекс взаимодействующих природных, природно-антропогенных и искусственных объектов и систем, обеспечивающих условия сохранения среды жизни человека. Основная ее задача — обеспечение условий для сохранения естественной природной среды» [16, с. 73].

Выделение этих направлений позволяет рассматривать современный экополис как урбанизированную территорию с экологически и экономически эффективно организованной промышленностью и экологическим сознанием населения, поэтому реализация проекта экополиса возможна только на базе «зеленой» экономики, функционирующей на основе технологических инноваций и не разрушающих биосферу или минимизирующих негативное воздействие на нее.

В настоящее время стремление к реализации модели «зеленой» экономики наблюдается во многих городах мира, которые стремятся стать экосити или экополисами. Успешный опыт преобразования традиционных городов в экосити имеется как в ряде европейских стран и США, так и в ОАЭ, Китае, Японии, Новой Зеландии.

С 2006 года в Объединенных Арабских Эмиратах в районе Абу-Даби осуществляется

проект строительства современного экополиса — Масдар-Сити. Планируется, что этот город будет функционировать исключительно на альтернативных источниках энергии с нулевым выбросом углерода. В качестве основных источников энергии в городе будут преимущественно использоваться природные факторы (ветер, солнце) и водородное топливо. В городе принципиально изменен подход к автомобильному транспорту, который ориентирован только на массовое использование электромобилей, поскольку нефть, газ и другие виды ископаемого топлива находятся под запретом. Кроме того, планировка города такова, что людям практически не требуется транспорт. Строительство этого экополиса должно завершиться в 2025 году, всего в городе смогут проживать до 50 тысяч человек⁵. Ключевыми факторами в реализации этого экопроекта является экономический и технологический фактор, на основе которых осуществляется городское строительство.

Технологический фактор доминирует и в создании нового китайского города Сино-Сингапур-Тяньцзинь-Экосити, ориентированного на развитие и внедрение в городское хозяйство экологических производств и источников энергии. Новый город, как утверждают специалисты, «характеризуется инновационными экологическими решениями городского пространства. Большинство инфраструктурных проектов будет значительно отличаться от применяемых сейчас. Планируется использовать легкое метро, общественный транспорт, велосипеды и автомобили без водителя, которые смогут самостоятельно прокладывать маршрут» [17, с. 66]. Целью этого проекта является строительство города, функционирование которого не будет оказывать разрушительное воздействие на природную среду и станет комфортным для человека.

Проект безотходного функционирования общества удачно осуществляется в Японии. Власти страны активно стимулируют предприятия на внедрение технологий по переработке использованного сырья и созданию

экопродукции. Успешным примером является реализация программы ежемесячного сбора вторсырья по девяти категориям с выплатой денежных призов участникам в городе Фудзиседа. Реализуются программы господдержки производителей эко-продукции. Это касается и автомобильной отрасли, где «японские автокомпании Тойота и Хонда разработали несколько моделей автомобилей на топливных элементах, генерирующих электричество. Такие автомобили не загрязняют выхлопами атмосферу» [18, с. 127].

Интенсивная экологизация городов идет в Германии. Если еще в 60–70 годах XX века многие немецкие города считались зонами экологического бедствия, то начиная с конца 70-х годов благодаря активности движения «зеленых» ситуация стала меняться в лучшую сторону. Сегодня экологическая политика является приоритетной для ФРГ, в силу чего идет изменение городской инфраструктуры на основе «использования альтернативных источников энергии, передовых технологий в отрасли переработки мусора, экологизации сознания граждан» [19, с. 55].

В частности, это коснулось Лейпцига, который был одним из самых загрязненных промышленных городов Германии, а на сегодняшний день считается экологически благополучной территорией. Именно развитие «зеленой» инфраструктуры города, включающей в себя «управление качеством воды, улучшение качества воздуха, строительство энергосберегающих сооружений, повышение биоразнообразия, производство экологически чистых продуктов питания, обеспечение экологически сбалансированного использования водных ресурсов и ресурсов почв»⁶ позволило решить многие экологические проблемы. Также в ФРГ эффективно функционирует система разделения отходов, которая носит всеобъемлющий характер.

Таким образом, развитие «зеленой» экономики кардинально трансформирует инфраструктуру города, основными элементами которой становятся: а) «зеленое» строительство, предполагающее использование энер-

⁵ Технологии будущего: экогорода [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epochtimes.com.ua/ru/science/ecology/tehnologii-budushchego-ekogoroda-104275> (дата обращения 19.07.2021).

⁶ EPA. United States Environmental Protection Agency. What is Green Infrastructure? [Electronic resource]. URL: http://water.epa.gov/infrastructure/greeninfrastructure/gi_what.cfm (дата обращения: 22.07.2021).

госберегающих материалов; б) «зеленый» транспорт, работающий на возобновляемых ресурсах; в) рациональное управление отходами, применение сортировки и вторичной переработки отходов производства или мусора; г) комплексное озеленение городской территории (расширение природных зон, «зеленые» крыши и т. п.).

Невзирая на то, что в ряде развитых стран идет процесс реорганизации экономики на основе «зеленых» технологий и строительство экосити, состояние большинства современных городов характеризуется деградацией природной среды, что, конечно, ограничивает возможности дальнейшего развития городской территории, значительно ухудшает ее качество и соответственно здоровье населения.

Надо отметить, что для России проблема внедрения модели «зеленой» экономики в городское пространство является сверхактуальной, поскольку «экологическая обстановка в большинстве городов России оценивается как достаточно напряженная, а в ряде крупных городов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Самара, Екатеринбург и др., она оценивается как катастрофическая (с учетом техногенных факторов и плотности населения)» [20, с. 143]. Это определяет необходимость выбора нового вектора городского развития, который позволил бы разрешить противоречие между экономическим ростом и сохранением качества городской экосистемы.

В последнее время обсуждение создания комфортных городов в России ведется в рамках экономических и урбанистических форумов, где дается оценка состояния экологии городского пространства и рассматриваются подходы к решению экологических проблем. Одной из наиболее обсуждаемых концепций в рамках этих мероприятий стала теория «зеленого» города.

В научной литературе понятие «зеленый» город анализируется преимущественно через концепт «устойчивое развитие». Однако в научных исследованиях отсутствует его однозначное понимание. Это обусловлено тем обстоятельством, что понятие «устойчивость» чаще всего рассматривается как характеристика статичности системы, ее нахождение в состоянии покоя, а не развития, поэтому применительно к социальным системам

ученые стали говорить об устойчивом развитии. В этом аспекте концепция устойчивого развития, по мнению специалистов, должна учитывать интересы как сегодня живущих людей, так и будущих поколений. В частности, «устойчивое развитие рассматривается как развитие, при котором человечество способно удовлетворять свои потребности, не подвергая риску будущие поколения также удовлетворять свои потребности» [21, с. 136].

Ряд исследователей полагает, что реализация проекта устойчивого городского развития осуществима исключительно на основе «зеленой» экономики как альтернативе существующей рыночной экономической модели, создавшей благоприятные условия для появления «общества потребления». Ученые отмечают, что именно «недостатки либерально-рыночной идеологии, ставшие сегодня очевидными даже для неспециалистов, приводят к заключению, что рыночный путь развития принципиально несовместим с концепцией устойчивого развития. Принятая мировым сообществом концепция “зеленой экономики” призвана обеспечить согласование трех компонентов устойчивого развития — экономического, социального и экологического, поскольку устойчивое развитие отличается от экономического развития более жесткими ограничениями экологического характера» [22, с. 37].

Хочется отметить, что в России, начиная с 2012 года, были утверждены к реализации два проекта современного городского строительства — «Иннополис» и «Смарт-Сити-Казань», которые должны были воплотить идею соразвития технополиса и экополиса, то есть гармонизировать технологическое развитие общества с сохранением и воспроизводством окружающей среды. Создание городов нового типа обусловлено мировыми тенденциями к развитию территорий, призывающими внедрять экологическую инфраструктуру в практику развития городов.

Создание Иннополиса руководствовалось идеей «формирования наукограда по аналогии с Силиконовой долиной, где смогут жить, обучаться и работать студенты, молодые ученые и специалисты в сфере IT-технологий» [17, с. 75]. Развитие инфраструктуры города предполагало наличие в нем комфортных условий для проживания и соот-

ветствия современным экологическим требованиям — энергосбережения, использования возобновляемых ресурсов, вторичной переработки отходов, эксплуатации экологичного транспорта.

Следующий российский градостроительный проект «умного» города получил название «Смарт-Сити-Казань». Данный проект ориентирован на строительство современного технополиса, который станет благоустроенным местом для процветания экономической, образовательной и научной деятельности. При создании этого проекта также учитывались и экологические требования. В частности, в городе «на основе ряда экотехнологий планируется осуществляться: сбор и использование дождевой воды, внедрение методов возведения энергоэффективных и пассивных сооружений, сертифицированных системами LEED и BREEM, использование эко- и энергоэффективных материалов, в том числе фотопанелей» [17, с. 77]. Также проект включает переход общественного транспорта на возобновляемые источники энергии.

Надо отметить, что данные проекты по созданию техноэкополиса являются экспериментальными и, к сожалению, незавершенными в силу своей финансовой затратности и отсутствия инвестиций. Но, тем не менее, они наглядно иллюстрируют роль «зеленой» экономики в мировых трендах по развитию городских территорий.

Очевидно, что в России реализация модели «зеленой» экономики, которая посредством внедрения новых «зеленых» технологий должна привести к появлению «зеленых» городов, затрудняется в силу следующих причин.

Во-первых, в большинстве российских городов имеет место устаревшая инфраструктура и низкий уровень ее технологического обновления. Это определяет необходимость радикальной модернизации экономической сферы, в которой приоритет должен отдаваться развитию высокотехнологичных секторов экономики, способных создавать экологически чистые производства и обновлять социальную, транспортную и другие виды инфраструктуры города. Исследователи отмечают,

что «для создания абсолютно новой модели экономики необходимо активное вмешательство со стороны государства посредством формирования механизма государственного регулирования, ориентированного на экологически чистые отрасли производства...» [23, с. 51].

Во-вторых, сырьевая модель российской экономики, которая ориентирована исключительно на получение прибыли от продажи невозобновляемых энергоресурсов. Доминирование сырьевого сектора экономики не только не обеспечивает устойчивое развитие общества, поскольку зависит от мировых цен на энергоносители, но и не способствует развитию инновационных производств, затрудняет технологическую модернизацию страны. Поэтому необходимы кардинальные изменения в ресурсной политике государства, поскольку, с точки зрения специалистов, «сама концепция “зеленого города” зависит от этой политики: одно дело — сохранение и развитие ресурсно-ориентированной экономики, и другое — ориентация на максимальное использование инноваций и альтернативных источников ресурсов» [24, с. 88].

В-третьих, неэффективная система управления отходами, сложившаяся в стране, привела многие российские города к ситуации «мусорного» коллапса. Социологические исследования подтверждают, что проблема утилизации отходов становится первостепенной для российских мегаполисов⁷.

Заключение. Вышеизложенное позволяет заключить: опыт развитых стран наглядно демонстрирует, что решение проблемы обеспечения экологической безопасности современного города возможно только на основе перехода к «зеленой» модели экономики, которая учитывает ограниченность природных ресурсов и необходимость сохранения экосистемы как базового элемента дальнейшего существования урбанизированной цивилизации. Кроме того, появление новых инновационных технологий, способных минимизировать ущерб биосферы от промышленной деятельности человека, открывает новые возможности для дальнейшего экономического развития.

⁷ Экологическая ситуация в России: мониторинг. ВЦИОМ. 05.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9026> (дата обращения 25.05.2021).

Таким образом, достижение устойчивого развития современного города возможно только на основе отказа от рыночной системы хозяйствования и перехода к «зеленой» экономике, которая на основе технологических инноваций и массивов озеленения городских территорий способна улучшить качество жизни людей с учетом удовлетворения их экологических потребностей. Стоит отметить, что строительство экологически безопасных городов является достаточно сложным процессом, включающим не только экономическую и технологическую модернизацию городских территорий, но и формирование нового мировоззрения, в котором человек осознает свою ответственность перед экосистемой и понимает ее значимость в качестве жизненно важной среды своего обитания.

Список источников

1. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1989. 432 с.
3. Сассен С. Когда города значат больше, чем государства // Новое время. 2003. №43. С. 44–62.
4. Castells M. The Power of Identity. Vol. 2 // The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford and Malden, Mass: Blackwell Publishers, 1997. 337 p.
5. Тетиор А.Н. Тенденции урбанизации Земли // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. №9(18). С. 11–15.
6. Andrea J.J., Burns C., Touza J. Renewable Energy as a Luxury? A Qualitative Comparative Analysis of the Role of the Economy in the EU's Renewable Energy Transitions During the «Double Crisis» // Ecological Economics, 2017. Vol. 142. P. 81–90.
7. Реджистер Р. EcoCities: восстановление городов в равновесии с природой. М.: Изд-во Новое Сообщество, 2006. 334 с.
8. Даунтон П. Экополис: Архитектура и города против изменения климата. Аделаида: Springer, 2009. 607 с.
9. Захарова Т.В. «Зеленая» экономика как новый курс развития: глобальный и региональный аспекты // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. №4(16). С. 28–38.
10. Бексултанова А.И. Теоретические аспекты «зеленой» экономики // International scientific review. 2016. №5(15). С. 64–65.
11. Yang J., Zhang F., Jiang X., Sun W. Strategic Flexibility, Green Management and Firm Competitiveness in an Emerging Economy // Technological Forecasting and Social Change. 2015. Vol. 101. P. 347–356.
12. Вукович Н.А. «Зеленая» экономика: определение и современная эколого-экономическая модель // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Т.17. №1. С. 128–145.
13. Бочко В.С. Зеленая экономика: вторая вечная проблема человечества // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2014. №3. С. 128–145.
14. Половняк В.К., Фридланд С.В. Современные технические и технологические подходы к решению экологических проблем // Вестник Казанского технологического университета. 2009. №4. С. 17–25.
15. Тетиор А.Н. Экология города. М.: Академия, 2008. 336 с.
16. Юрзинова И.Л. Эко-города: современное состояние и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2014. №6. С. 71–73.
17. Романова А.Ю. Особенности современных реализуемых проектов «городов будущего» // Academia. Архитектура и строительство. 2015. №1. С. 65–78.
18. Набока Т.В. Экологический консьюмеризм как организованное движение // Инновационная наука. 2017. Т. 4. №4. С. 126–128.
19. Белозеров В.К., Кирилина Е.Ю. Приоритеты экологической политики Федеративной Республики Германия в современных условиях // Русская политология — Russian Political Science. 2017. №3. С. 52–56.
20. Душкова Д.О., Кириллов С.Н. Зеленая инфраструктура города: опыт Германии // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. №2(35). С. 136–147.
21. Смолькин В.П. Устойчивое экологическое развитие: основные подходы и понятия // Вестник Северного (арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. №5. С. 135–139.
22. Кузина Л.В. Зеленая экономика как альтернатива существующей рыночной эко-

номике // Вестник МГУЛ — Лесной вестник. 2015. №4. С. 37–42.

23. Бахтинова В. О., Курдюков В. Н., Бадалян Л. Х. «Зеленая» экономика в России: основные направления реализации // Вестник современных исследований. 2019. №1.10(28). С. 50–56.

24. Ермолаева П. О., Башева О. А., Яницкий О. Н., Ермолаева Ю. В., Кузнецова И. Б. Социально-экологическая «устойчивость через изменения» российских городов: поиск теоретико-методологических перспектив // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №2. С. 80–94.

References

1. Veber M. Gorod [City]. Moscow: Strelka Press, 2017. 252 p. (In Russ.).
2. Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa [Order from chaos]. Moscow: Progress, 1989. 432 p. (In Russ.).
3. Sassen S. Kogda goroda znachat bol'she, chem gosudarstva [When cities mean more than states]. *Novoe vremja* [New time]. 2003; (43): 44–62. (In Russ.).
4. Castells M. The Power of Identity. Vol. 2 // The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford and Malden, Mass: Blackwell Publishers, 1997. 337 p.
5. Tetior A. N. Tendencii urbanizacii Zemli [Trends in the urbanization of the Earth]. *Evrazijskij Sojuz Uchenyh (ESU)* [Eurasian Union of Scientists (EUU)]. 2015; 9(18): 11–15. (In Russ.).
6. Andrea J. J., Burns C., Touza J. Renewable Energy as a Luxury? A Qualitative Comparative Analysis of the Role of the Economy in the EU's Renewable Energy Transitions During the «Double Crisis» // *Ecological Economics*, 2017. Vol. 142. P. 81–90.
7. Redzhister R. EcoCities: vosstanovlenie gorodov v ravnovesii s prirodoy [EcoCities: restoring cities in balance with nature]. Moscow: Izd-vo Novoe Soobshhestvo, 2006. 334 p. (In Russ.).
8. Daunton P. Jekopolis: Arhitektura i goroda protiv izmenenija klimata [Ecopolis: Architecture and Cities against Climate Change]. Ad-elaida: Springer, 2009. 607 p. (In Russ.).
9. Zaharova T. V. «Zelenaja» jekonomika kak novyj kurs razvitija: global'nyj i regional'nyj aspekty [«Green» economy as a new course of development: global and regional aspects]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy]. 2011; 4(16): 28–38. (In Russ.).
10. Beksultanova A. I. Teoreticheskie aspekty «zelenoj» jekonomiki [Theoretical aspects of «green» economy] // *International scientific review*. 2016; 5(15): 64–65. (In Russ.).
11. Yang J., Zhang F., Jiang X., Sun W. Strategic Flexibility, Green Management and Firm Competitiveness in an Emerging Economy // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. Vol. 101. P. 347–356.
12. Vukovich N. A. «Zelenaja» jekonomika: opredelenie i sovremennaja jekologo-jekonomicheskaja model' [«Green» economy: definition and modern ecological-economic model]. *Vestnik UrFU. Serija jekonomika i upravlenie* [Vestnik UrFU. Economics and Management series]. 2018; 17(1): 128–145. (In Russ.).
13. Bochko V. S. Zelenaja jekonomika: vtoraja vechnaja problema chelovechestva [Green economy: the second eternal problem of mankind]. *Vestnik UrFU. Serija jekonomika i upravlenie* [Bulletin of UrFU. Economics and Management series]. 2014; (3): 128–145. (In Russ.).
14. Polovnjak V. K., Fridland S. V. Sovremennye tehnicheckie i tehnologicheskie podhody k resheniju jekologicheskikh problem [Modern technical and technological approaches to solving environmental problems]. *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan Technological University]. 2009; (4): 17–25. (In Russ.).
15. Tetior A. N. Jekologija goroda [Ecology of the city]. Moscow: Akademija, 2008. 336 p. (In Russ.).
16. Jurzinova I. L. Jeko-goroda: sovremennoe sostojanie i perspektivy [Eco-cities: current state and prospects]. *Jekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Right]. 2014; (6): 71–73. (In Russ.).
17. Romanova A. Ju. Osobennosti sovremennyh realizuemyh projektov «gorodov budushhego» [Features of modern ongoing projects of «cities of the future»]. *Academia. Arhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and construction]. 2015; (1): 65–78. (In Russ.).
18. Naboka T. V. Jekologicheskij kons'jumerizm kak organizovannoe dvizhenie [Ecolog-

ical consumerism as an organized movement]. *Innovacionnaja nauka [Innovative Science]*. 2017; 4(4): 126–128. (In Russ.).

19. Belozеров V.K., Kirilina E. Ju. Prioritety jekologicheskoj politiki Federativnoj Respubliki Germanija v sovremennyh uslovijah [Priorities of environmental policy of the Federal Republic of Germany in modern conditions]. *Russkaja politologija — Russian Political Science*. 2017; (3): 52–56. (In Russ.).

20. Dushkova D.O., Kirillov S.N. Zelenaja infrastruktura goroda: opyt Germanii [Green infrastructure of the city: the experience of Germany]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University]*. 2016; 2(35): 136–147. (In Russ.).

21. Smol'kin V.P. Ustojchivoe jekologicheskoe razvitie: osnovnye podhody i ponjatija [Sustainable ecological development: basic approaches and concepts]. *Vestnik Severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]*. 2014; (5): 135–139. (In Russ.).

22. Kuzina L.V. Zelenaja jekonomika kak al'ternativa sushhestvujushhej rynochnoj jekonomike [Green economy as an alternative to the existing market economy]. *Vestnik MGUL — Lesnoj vestnik [Bulletin of MGUL — Forest Bulletin]*. 2015; (4): 37–42. (In Russ.).

23. Bahtinova V.O., Kurdjukov V.N., Badaljan L.H. «Zelenaja» jekonomika v Rossii: osnovnye napravlenija realizacii [«Green» economy in Russia: the main directions of implementation]. *Vestnik sovremennyh issledovanij [Bulletin of modern research]*. 2019; 1.10(28): 50–56. (In Russ.).

24. Ermolaeva P.O., Basheva O.A., Janickij O.N., Ermolaeva Ju. V., Kuznecova I.B. Social'no-jekologicheskaja «ustojchivost' cherez izmenenija» rossijskih gorodov: poisk teoretiko-metodologicheskikh perspektiv [Socio-ecological «sustainability through changes» of Russian cities: search for theoretical and methodological perspectives]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring public opinion: Economic and social changes]*. 2019; (2): 80–94. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 18.12.2021.

The article was submitted on 30.11.2021; approved after reviewing on 05.12.2021; accepted for publication on 18.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Майснер Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Tatyana N. Meisner — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 101.1
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-257-263

ИСТОРИЧНОСТЬ В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАНИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Павел Викторович Павлов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
pvpavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID РИНЦ: 402794*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ проблемы историчности в социальном знании. Исследуется дуализм исторического и социологического типов познания общественной реальности; особое место отводится проблеме социальных структур и социальных изменений.

Методология исследования. *Статья базируется на конкретно-исторической методологии, в свете которой рассмотрены противоречия социального знания и его становления.*

Результаты исследования. *Историчность является фундаментальной характеристикой социальной реальности, а также методологическим принципом ее исследования. В статье делается вывод об актуальности конкретно-исторической методологии, в свете которой возможно адекватное понимание социальных трансформаций в их сложности и противоречивости.*

Ключевые слова: *историчность, социальное знание, история, социология, социальные структуры, социальные изменения, конкретно-историческая методология*

Для цитирования: *Павлов П. В. Историчность в социальном знании: теоретико-методологические проблемы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №6. С. 257–263. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-257-263>.*

Original article

HISTORICITY IN SOCIAL KNOWLEDGE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS

Pavel V. Pavlov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
pvpavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID RSCI: 402794*

Abstract. *The purpose of the study* is to analyze the problem of historicity in social knowledge. The dualism of historical and sociological types of cognition of social reality is investigated; a special place is given to the problem of social structures and social changes.

Research methodology. *The article is based on a concrete historical methodology, in the light of which the contradictions of social knowledge and its formation are considered.*

Research results. *Historicity is a fundamental characteristic of social reality, as well as a methodological principle of its research. The article concludes about the relevance of a concrete historical methodology, in the light of which an adequate understanding of social transformations in their complexity and contradictions is possible.*

Keywords: *historicity, social knowledge, history, sociology, social structures, social change, concrete historical methodology*

For citation: *Pavlov P.V. Historicity in social knowledge: theoretical and methodological problems // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 257–263. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-257-263>.*

Введение. Интерес к проблеме «истории» и «историчности» в социальных науках и современном социальном знании — тенденция, проявляющаяся в самых различных «ипостасях». Это многочисленные исследования «исторической памяти», инициированные влиянием известных работ М. Хальбвакса [6] и Я. Ассмана [1] или же исследования в области такого направления, как «историческая социология». Так, Ричард Лахман в свете «исторической социологии» анализирует проблемы генезиса капитализма, социальных движений и революций, проблемы государств и империй, а также проблемы неравенства, семьи и культуры [4].

Р. Лахман говорит о том, что социология, стремясь объяснить социальные изменения, изначально была «исторической дисциплиной». При этом он обращается к «основателям социологии» — К. Марксу, М. Веберу и Э. Дюркгейму. Впрочем, «социология» впервые основана позитивистом О. Контом, и его «социология» принципиально отлична как от материалистического понимания истории Маркса, его конкретно-исторической методологии, так и «понимающей социологии» М. Вебера. Именно позитивистский и по сути неисторический подход, восходящий к Конту, стал доминирующей тенденцией в западной социологической науке — прежде всего, в знаменитом структурном функционализме Толкотта Парсонса. Структурный функционализм Парсонса как раз и стал той «парадигмой», которая на долгие десятилетия определила исследовательские схемы в социальных науках (и во многом продолжает определять и по сей день). И если сейчас говорят о своего рода «перезагрузке» истории в социальных науках, то до недавнего времени история изгонялась

из социологических теорий, происходило своего рода ее «забвение».

Дуализм «исторического» и «социологического» типов познания. Действительно, длительное время социальные науки — прежде всего, социология и ее ответвления (если не считать такие значимые исключения, как «понимающая социология» М. Вебера) — во многом противостояли историческим или гуманитарным наукам во главе соответственно с историей, которая в XIX веке приобретает свое теоретическое самосознание. В связи с этим вполне уместно говорить о дуализме исторического и социологического способов познания. При этом речь идет не только и даже не столько о противостоянии социологии и истории как конкретных научных дисциплин, а о более широком противостоянии социологического и исторического типов познания общественной действительности. В чем сущность этого противостояния и специфика указанных способов познания?

Как известно, исторически социология и соответственно социологический тип познания формировались в рамках позитивизма с его сциентизмом, ориентацией на точные научные дисциплины и естествознание, которое в те времена по существу являлось механистичным. Характерно, что основатель позитивизма Огюст Конт в качестве синонима придуманного им термина «социология» использовал термин «социальная физика». Термину «социальная физика» соответствовало и его содержание, сущность которого можно выразить как принципиальный анти-историзм. Конечно, характеризуя свою «социологию», Конт не только говорит о социальной статике, но и о социальной динамике, которая сводится им к «закону трех стадий»

в развитии человечества, увенчанного идеалом позитивного общества. Эти стадии развития — теологическая, метафизическая и позитивная — в лучшем случае интерпретируют историю как прямолинейное, поступательное движение, как монотонный «прогресс», лишенный подлинного исторического драматизма. И это означает, что «социальная динамика» не схватывает противоречивую целостность исторического процесса, его богатства и многообразия, а потому остается абстрактной и по существу статичной схемой. Впрочем, и сами понятия статики и динамики заимствуются Контом из современной ему физики.

Натуралистическая установка в понимании общественной реальности отчетливо прослеживается и у Г. Спенсера, последователя Конта. Однако если контовский натурализм апеллировал к физике, то для Спенсера моделью общественного познания служит биология. Спенсер, по большому счету, редуцирует общество к биологическому организму, наделенного «структурой» и «функциями», и тем самым предвосхищает позднейшую структурно-функциональную социологию. При таком подходе социальная реальность, выступая наподобие биологического организма, также оказывается неисторичной, ограниченной гомеостатическим равновесием.

В связи с этим существенным методологическим принципом позитивистской социологии оказывается нацеленность на анализ структуры общества, а не на его историю. Как отмечает Ж. Гурвич, социология, используя в качестве метода типологию социальных феноменов и их структур, стремится сопоставить историческую реальность с «неисторическими (или почти не историческими) социальными рамками» [2, с. 273]. Впрочем, точнее было бы сказать, что социология пытается втиснуть историческую реальность в неисторические рамки. Но в этом как раз и заключается парадокс позитивистской социологии: общество, будучи по своей сути «пронизанным историчностью», изучается принципиально не исторично.

Именно в противоположность позитивистскому сциентизму и социологизму возникла методология «наук о духе» (гуманитарных наук), которая явилась рефлексией на становление теоретического самосозна-

ния исторических наук. Эта методология представлена, прежде всего, психологическим историзмом В. Дильтея, а затем исследованиями баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Причем интерес неокантианцев к историческим наукам был не случаен: если И. Кант попытался ответить на вопрос, как возможны математика и естествознание (ньютонovo), то во времена неокантианцев остро встал вопрос о возможности исторического познания, своего рода вопрос о «критике исторического разума». Как известно, Дильтей, а за ним Виндельбанд и Риккерт резко противопоставили «науки о природе» (Naturwissenschaften) и «науки о духе» (Geisteswissenschaften). Соответственно этому различению как раз и возникли знаменитые методологические оппозиции «объяснение — понимание», «номотетическое — идиографическое», «генерализация — индивидуализация».

В начале XX века о принципиальной разнице природы и истории говорил и О. Шпенглер в своем известном труде «Закат Европы». По его мнению, действительность в сознании субъекта раскалывается на «мир как историю» и на «мир как природу». История — это сфера становящегося, уникального, неповторимого, живого и временного. Об истории по существу не может быть строгого научного знания. «Мир как природа», по Шпенглеру, напротив, — это ставшее, мертвое, механическое, пространственное, а потому поддающееся математическому исчислению и научному рассудку вообще.

Вместе с тем уже во времена Дильтея, Риккерта и Шпенглера обозначилась не только оппозиция «наук о духе» и «наук о природе», но и явственно выявился дуализм самого социального познания, один полюс которого был представлен натурализмом и сциентизмом социологии, а другой — индивидуализирующим историзмом гуманитарных наук. Оппозиции «номотетическое» — «идиографическое», «генерализация — индивидуализация» стали реальностью внутри самих общественных наук. Обозначим существенные методологические аспекты оппозиции исторического и социологического способов познания, которые по большому счету имеют место и в современной социальной рефлексии.

Прежде всего, история понимается как такая дисциплина, которая нацелена на единичное, уникальное, неповторимое (впрочем, еще Аристотель в своей «Поэтике» указывал на то, что история «говорит о единичном»). Метод исторического познания — индивидуализация, понимание (*Verstehen*). В свою очередь, социология позиционирует себя в качестве «социальной физики», ориентированной на «номотетическое» естествознание. Такая эмпирико-позитивистская социология нацелена на абстрактно-всеобщий, структурно-статический момент общественной реальности. Ее метод — абстрактная генерализация и такое же формальное «объяснение» эмпирических социальных фактов; она не интересуется уникальными историческими событиями и игнорирует качественные социальные изменения, довольствуясь статическим общественным равновесием.

Этот дуализм социологического и исторического способов познания оказался столь явственным и драматичным, что многие историки и даже социологи во второй половине XX века заговорили о необходимости объединения социологии и истории. Так, известный историк Ф. Бродель пишет о возможном единстве истории и социологии, а социолог Ж. Гурвич требует «прийти к братскому, действительному и плодотворному сотрудничеству социологии и истории», которые, по его мнению, должны «руководить интеграцией всех социальных наук в рамках единой “Науки о Человеке”» [2, с. 282].

Однако помимо позитивистской социологии и индивидуализирующего историзма «наук о духе» существовала целостная методология социально-исторического познания, представленная материалистическим пониманием истории К. Маркса. Суть этого понимания, этой конкретно-исторической методологии заключается в том, что «люди сами творят собственную историю», что они одновременно авторы и актеры собственной исторической драмы. При этом Маркс никогда и нигде не именовал свой подход «социологией», и даже более того — не очень (мягко говоря) жаловал и самого изобретателя этого термина — Огюста Конта. Однако и с социологией дело обстоит не так просто. В первой половине XX века появился уникальный вариант «социологии», не имеющий ничего об-

щего с ее позитивистской версией. Речь идет о «понимающей социологии» М. Вебера.

Структуры, социальные изменения и историчность. Хотя К. Маркс и М. Вебер сегодня признаны классиками социологии (наряду с Э. Дюркгеймом), ирония истории состоит в том, что «поствеберовская» социологическая мысль в лице структурно-функциональной школы Т. Парсонса [5] отказалась от этого классического наследия и по существу возродила позитивистскую социологию с ее структурализмом и натурализмом. Конечно, с формальной точки зрения Парсонс стремился объединить подходы Вебера и Дюркгейма, однако он и его школа по большому счету возвратились к спенсеровскому пониманию общества как биологического организма, обладающего структурой и функциями. Так, согласно Парсонсу систематическая теория социологии должна быть аналогична «структурно-функциональному типу», который характерен для биологии. В этом состоит парсоновский натурализм.

Впрочем, для Парсонса, как и для представителей логического позитивизма, идеалом науки служит физика. Но не только натурализм (конкретнее, физикализм) сближает структурно-функциональную теорию с логическим эмпиризмом. И здесь, и там речь идет об общем методологическом подходе к познанию, а именно — о формальном структурализме. Можно даже сказать, что концепции логического позитивизма явились гносеологической базой структурно-функциональной социологии. Подобно тому, как логический эмпиризм претендовал на обоснование унифицированной методологии естественнонаучного познания, структурно-функциональная теория Парсонса претендовала на построение единой системы социального знания и определенное время была господствующей в странах западного мира. И лишь в 60-е годы XX столетия позитивистская социология начинает подвергаться разносторонней концептуально-методологической критике.

Одним из непосредственных оппонентов структурно-функциональной методологии выступил, как известно, Ральф Дарендорф [3], автор теории социальных изменений. Он вполне справедливо отмечает, что Т. Парсонс не проводит содержательного различия меж-

ду органическими системами и собственно человеческим обществом. Если для органических систем характерно стремление к поддержке собственного равновесия (гомеостаз), то специфика общества заключается в его историчности, способности выхождения за пределы наличных структур и функций. Ясно, что если речь идет об уподоблении общества организму, то проблема историчности, качественных социальных изменений отпадает: социальность превращается в равновесную систему, стремящуюся к своей стабильности. В такой равновесной (гомеостатической) модели общества изменения признаются лишь постольку, поскольку они направлены на поддержание существующей системы, и в этом смысле такие изменения оказываются абстрактными. Как иронически пишет Дарендорф, люди «рождаются, социализируются и распределяются по ролям, наконец умирают»; и этот процесс циклически повторяется. «Что за тихий, что за идиллический мир эта система!» [3, с. 344].

Естественно, что равновесная модель общества несостоятельна не только с теоретико-методологической точки зрения, но и с социальной. По большому счету эта модель служит оправданием и увековечиванием «status quo», оборачивается, по словам Дарендорфа «ангажированностью на стороне status quo» [3, с. 352].

В противовес «утопическому» обществу структурно-функциональной социологии Р. Дарендорф выдвигает динамическую («историческую») модель общества. При этом в основе общественной динамики, по Дарендорфу, лежит социальный конфликт, понимаемый им в контексте властных отношений и принуждения. Характеризуя свою конфликтную модель общества, Дарендорф пишет, что с точки зрения «этой модели общества спланируются не посредством консенсуса, а с помощью принуждения, не через всеобщее согласие, а путем контроля одних над другими...» [3, с. 357]. Именно социальные конфликты обеспечивают «исторические изменения», формируя «человеческий смысл истории». Как подчеркивает Дарендорф, общества «человечны» в той степени, в какой они «поддерживают жизнеспособность противоречий» [3, с. 375].

Критика Дарендорфом «утопической» равновесной модели общества остроумна

и во многом верна. Однако, когда он абсолютизирует конфликт и принуждение, ставя их во главу угла социальных изменений, возникают серьезные вопросы. Ведь в основе человеческой культуры и общественно-исторических изменений как таковых лежит все богатство и многообразие способов человеческой деятельности, по отношению к которым конфликт является производным, а вовсе не основным моментом. Способы человеческой деятельности действительно противоречивы, они поляризуются, производя социальные трансформации, однако не всякую такую поляриность можно определять в терминах конфликта и принуждения.

Человеческая деятельность, ее способы и формы настолько многообразны и разнообразны, что их невозможно редуцировать ни к всеобщему согласию, против которого выступает Дарендорф, ни ко всеобщему конфликту. Если же конфликт тотален, «вездесущ», как это утверждает Дарендорф, то выкладки «вульгарного социологизма», рассматривающего все разнообразие человеческой культуры в качестве проявлений интересов той или иной конфликтующей социальной группировки, неизбежны. Человеческое общество при таком одностороннем подходе превращается в арену борьбы за место под солнцем, в «войну всех против всех».

Впрочем, Дарендорф не склонен переоценивать свою «конфликтную модель», и в конечном счете он пытается в духе метода дополнительности как-то примирить свою модель с равновесной моделью общества. «Насколько я вижу, — пишет он, — для объяснения социологических проблем нам необходима как равновесная, так и конфликтная модель общества; и может быть, в философском анализе у человеческого общества всегда два лица, наделенных одинаковой реальностью: одно лицо — стабильности, гармонии и консенсуса, а другое — изменения, конфликта и принуждения» [3, с. 358]. Однако Дарендорф останавливается на этой констатации и не пытается найти действительное опосредование, нечто «третье» между указанными крайностями, указывая на то, что «с философской точки зрения трудно разглядеть, какие могут быть модели общества, не относящиеся ни к равновесному, ни к конфликтному типу» [3, с. 358]. А между тем таким «третьим» всякий раз ока-

зывается конкретно-историческая методология, вскрывающая сложность, противоречивость и драматизм социальных процессов.

Заключение. Проблема историчности в социальном знании, конечно, не ограничивается попытками преодоления дуализма «социологического» и «исторического», не исчерпывается попытками заново «открыть» историчность в социальных науках. Однако принципиально важным является понимание того, что, по словам Р. Дарендорфа, «человеческое общество должно быть историчным, то есть постоянно стремиться к новым решениям» [3, с. 375]. Однако социология в своих конструкциях постоянно упускает «живую реальность истории» [3, с. 380], что является «органическим недостатком социологии», который во многом и «является источником постоянно возникающих разногласий между историками и социологами» [3, с. 380]. Современные тенденции «поворота» к историчности, ее «переоткрытие» в социальных науках, в том числе в рамках «исторической социологии», можно, конечно, только приветствовать. Другое дело, является ли этот «исторический поворот» той конкретно-исторической методологией, которая способна исследовать действительные противоречия социальной реальности и ее трансформации? По крайней мере, выраженная Ричардом Лахманом задача — «сосредоточиться на понимании того, как социологический анализ исторического изменения позволяет нам понять как истоки современного мира, так и объем и последствия текущих трансформаций» [4, с. 20] — остается актуальной.

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентич-

ность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

2. Гурвич Ж. Диалектика и социология. Краснодар: КубГУ, 2001. 294 с.

3. Дарендорф Р. Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии. М.: Практикс, 2002. 536 с.

4. Лахман Р. Что такое историческая социология? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 240 с.

5. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.

6. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

References

1. Assman Ja. Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.).

2. Gurvich Zh. Dialektika i sociologija [Dialectics and Sociology]. Krasnodar: KubGU, 2001. 294 p. (In Russ.).

3. Darendorf R. Tropy iz utopii: Raboty po teorii i istorii sociologii [Paths from Utopia: Works on Theory and History of Sociology]. Moscow: Praksis, 2002. 536 p. (In Russ.).

4. Lahman R. Chto takoe istoricheskaja sociologija? [What is Historical Sociology?] Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2016. 240 p. (In Russ.).

5. Parsons T. O social'nyh sistemah [About social systems]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2002. 832 p. (In Russ.).

6. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati [Social framework of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.12.2021; одобрена после рецензирования 26.12.2021; принята к публикации 28.12.2021.

The article was submitted on 25.12.2021; approved after reviewing on 26.12.2021; accepted for publication on 28.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Павел Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Pavel V. Pavlov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 1.14.140

DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-264-274

ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Илья Владимирович Чернов

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, Новочеркасск, Россия
e-mail: ichernov1966@mail.ru*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе теоретических подходов к проблеме здоровья человека, сложившихся в социально-гуманитарном знании.

Методологической основой исследования являются междисциплинарная методология, позволяющая интегрировать данные различных областей научного знания; холистический подход к пониманию здоровья как системы, включающей биологическую, психологическую и духовную сферы в структуре личности; философско-антропологический подход к пониманию сущности человека; аксиологический подход, в рамках которого здоровье рассматривается как ценность, обусловленная спецификой культуры социума.

Результаты исследования. Здоровье человека не является исключительно проблемой медицинского характера, напротив, это проблема онтологическая, открывающая возможность понять существование человека как целостности, в совокупности его биосоциальной природы и духовной сущности. Философско-антропологический ракурс исследования здоровья человека предполагает интеграцию подходов, сложившихся в социально-гуманитарном знании, что дает возможность осуществить комплексное исследование проблемы здоровья человека в контексте трансформации культурных парадигм и появлении новых вызовов.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования рисков и угроз здоровью человека в условиях дальнейшей технологизации общества и развития цифровой культуры.

Ключевые слова: здоровье человека, междисциплинарные исследования, психологическое здоровье личности, поведенческие стратегии, здоровье и безопасность, телесность человека, биосоциальная природа человека

Для цитирования: Чернов И. В. Здоровье человека как предмет научного дискурса в области социально-гуманитарного знания // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 264–274. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-264-274>.

Original article

HUMAN HEALTH AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC DISCOURSE IN THE FIELD OF SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Ilya V. Chernov

*Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia
e-mail: ichernov1966@mail.ru*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the theoretical approaches to the problem of human health, which have developed in social and humanitarian knowledge.*

The methodological basis of the research is an interdisciplinary methodology that allows integrating data from various fields of scientific knowledge; a holistic approach to understanding health as a system that includes biological, psychological and spiritual spheres in the structure of the personality; philosophical and anthropological approach to understanding the essence of man; an axiological approach, within which health is viewed as a value determined by the specifics of the culture of society.

Research results. *Human health is not exclusively a medical problem; on the contrary, it is an ontological problem that opens up the possibility of understanding the existence of a person as a whole, in the aggregate of his biosocial nature and spiritual essence. The philosophical and anthropological perspective of the study of human health presupposes the integration of approaches that have developed in social and humanitarian knowledge, which makes it possible to carry out a comprehensive study of the problem of human health in the context of the transformation of cultural paradigms and the emergence of new challenges.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of risks and threats to human health in the context of further technologization of society and the development of digital culture.*

Keywords: *human health, interdisciplinary research, psychological health of an individual, behavioral strategies, health and safety, human corporeality, biosocial human nature*

For citation: *Chernov I. V. Human health as a subject of scientific discourse in the field of social and humanitarian knowledge // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 264–274. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-264-274>.*

Введение. Актуализация проблемы здоровья человека в современном научном дискурсе обусловлена влиянием на него различных факторов (экологических, эпидемиологических, социальных и пр.), которые несут в себе серьезные угрозы как для нынешнего, так и будущих поколений. Стремительные и малопредсказуемые в своих последствиях социальные процессы, связанные с технологизацией жизни людей, с ростом стрессовых ситуаций, способствующих развитию патологических состояний и обострению хро-

нических заболеваний, повышают интерес социальных наук к проблеме здоровья человека, активизируют исследования в области его сохранения, укрепления и профилактики. Очевидно, что здоровье людей является самым ценным ресурсом для воспроизводства и дальнейшего развития современного общества. Понимание этого заставляет политических лидеров и научное сообщество обращать внимание на этот человеческий потенциал и искать способы улучшения физического, психического и социального здоровья людей.

Тема здоровья является предметом научного интереса различных областей знания: медицины, философии, психологии, социологии, демографии и экологии. Это свидетельствует о многоаспектности данной проблемы, ее актуальности и значимости, как для науки, так и для жизни человека в целом. В области социально-гуманитарного знания здоровье рассматривается, прежде всего, как социокультурный феномен, обусловленный спецификой общества, уровнем его культурного и технологического развития, который оказывает влияние на физическое, психологическое и духовное состояние человека.

Методология и методы исследования. В статье использована междисциплинарная методология, позволяющая интегрировать методы различных областей научного знания: истории философии, психологии, социологии, философской антропологии, социальной философии и др.

Методологической основой исследования выступает неоклассическая модель, позволяющая применять холистический подход к изучению здоровья человека как системы, включающей биологический, психологический и духовный уровни в структуре личности. Данный аспект исследования представлен в работах В. М. Бехтерева, К. А. Оглоблина, В. М. Розина, Т. Н. Шушуновой и др. [8; 30; 37; 43].

Данное исследование опирается на философско-антропологический подход к пониманию телесности человека, разрабатываемый Р. Бартом, Ж. Батаем, Ж. Бодрийяром, М. Мерло-Понти, М. Фуко и др. [5; 6; 9; 27; 39].

Концептуальными для исследования являются аксиологический подход, в рамках которого здоровье рассматривается как ценность, обусловленная культурой общества и его мировоззренческими установками. В этом аспекте здоровье человека исследуется в работах Е. В. Андриенко, Р. А. Пидлубного, С. А. Нижникова, Б. Г. Юдина, Г. Б. Степановой и др. [3; 29; 44].

Данные подходы выступают теоретико-методологической основой исследования проблемы здоровья человека как сложной многоуровневой структуры, состояние которой зависит от социальных факторов.

Здоровье человека как предмет междисциплинарных исследований. В современном научном дискурсе проблема здоровья человека является предметом исследования различных научных областей: медицины, психологии, социологии, экологии, философии.

Медико-социальный подход к пониманию здоровья человека акцентирует внимание на вопросах диагностики, реабилитации, профилактики заболеваний, а также оценки экономических и медицинских ресурсов государства в профилактике заболеваний и сохранении здоровья населения. С точки зрения академика Н. М. Амосова, здоровье организма человека определяется «его количеством, которое можно оценить максимальной производительностью органов при сохранении качественных пределов их функций» [2, с. 72]. В данном определении очевиден акцент на биологическую природу человека, на количественные показатели его физического здоровья.

Психологический подход к здоровью человека развивается в работах западных ученых А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Роджерса, которые конструируют свои модели здоровой личности [26; 31; 36]. Основатель гуманистической психологии Г. Олпорт связывает здоровье человека со степенью психологической зрелости личности. Для описания специфики человека ученый вводит понятие «проприум», обозначающее позитивное, творческое, развивающееся свойство человеческой природы, которое способствует формированию чувства внутреннего единства, осознанию человеком собственной «самости» [31, с. 218]. Именно понимание человеком своей целостности, цельности и автономности является критерием психологической зрелости личности и основой ее здоровья.

В концепции К. Роджерса психологическое здоровье личности связано с ее способностью к самоактуализации, которая предполагает следование своей «самости» как высшей инстанции психической сферы человека. Следовать своей «самости», по мнению психолога, это значит опираться на свои чувства, доверять им. Действия индивида в соответствии со своими установками и ощущениями К. Роджерс называет «конгруэнтностью», наличие последней и определяет психологический комфорт личности [36].

Аналогичной позиции придерживается и А. Маслоу, полагающий, что психологически здоровый человек — это самоактуализирующаяся личность, которая умеет «сонастраиваться со своей внутренней природой» [25, с. 57]. По мнению психолога, для обретения состояния психологического равновесия человек должен доверять своей интуиции.

Такой подход базируется на признании необходимости безусловного доверия человека к своей внутренней природе, которая подсказывает ему, как жить, чтобы оставаться самим собой в процессе самоактуализации, что позволит сохранить свое психологическое здоровье. Данные подходы к психологическому здоровью опираются на интересующее понимание внутренней жизни человека, на значимость его собственного опыта во взаимодействии с окружающим миром.

В отечественной научном дискурсе психологический подход к здоровью человека развивается в работах отечественных исследователей В.М. Бехтерева, Т.И. Безуглой, И.В. Дубровиной, О.В. Завгородней, М.М. Решетникова, А.В. Шувалова и др. [8; 7; 16; 19; 35; 42].

Концептуальным в понимании здоровья человека является теория психологического поведения В.М. Бехтерева, где здоровье человека рассматривается как многоуровневая система, включающая: а) биологический уровень; б) психологический уровень; в) социальный уровень. Именно их взаимосвязь и согласованность определяет состояние здоровья человека. Надо отметить, что В.М. Бехтерев был одним из первых российских ученых, считавших здоровье человека ключевой проблемой современной науки, поэтому обращался к исследованию профилактики психологических заболеваний и воспитанию здорового образа жизни [8].

Следует отметить, что многоуровневый подход к здоровью является наиболее продуктивным, поскольку человек представляет собой сложное существо, в котором действительно совмещаются различные уровни его организации: физический, психический, духовный и социальный. Именно их взаимосвязь определяет целостность личности, и, конечно, сбой в одной из этих сфер влечет за собой разбалансировку всего организма человека. В рамках данного подхода здоровье

человека рассматривается как «совокупность характеристик личности, предполагающих стрессоустойчивость, социальную адаптацию, самореализацию, что подчеркивает индивидуальность человека» [16, с. 57].

Можно согласиться с точкой зрения А.В. Шувалова, подчеркивающего, что для нормализации психологического здоровья важна не только стабилизация социально-экономической и политической сфер общества, но и условия для духовно-нравственного совершенствования человека. Более того, «чтобы психология могла полноценно включиться в процесс исцеления современного человека и общества, требуется реабилитация духовного начала внутри самой психологии. Сегодня это важный аспект развития научно-психологического знания» [42, с. 34].

В целом в рамках психологического подхода исследователи под здоровьем понимают один из механизмов функционирования человека в социальной среде. Таким образом, исследователи фиксируют влияние социума на психику людей, роль общественных трансформаций, которые оказывают травматическое воздействие на психическое состояние человека и социальных групп.

Наряду с психологическим подходом, в научном дискурсе развивается и социологический подход к здоровью человека, представленный в работах Н.Л. Антоновой, Т.В. Гутик, Е.В. Дмитриевой, И.С. Паутова, Д.С. Чубенко и др. [4; 12; 15; 32; 41].

Следует отметить, что проблематика здоровья относительно недавно вошла в исследовательское поле социологии, но, несмотря на это, на сегодняшний день в социологическом знании сложилась новая отрасль — социология здоровья, где разрабатывается свой понятийный аппарат и методологические подходы.

Социологи акцентируют внимание преимущественно на демографических показателях здоровья; социальных факторах, определяющих здоровье населения; функционировании институтов, деятельность которых направлена на сохранение и развитие здоровья; проблеме здоровья в контексте социального неравенства; поведенческих стратегиях в сфере здоровья и т.д. Исследователи отмечают, что «рассматривая здоровье как социальный феномен, социология концентрирует

внимание на его социальных детерминантах, его социальной природе, месте в системе социокультурных ценностей, регулирующих поведение человека» [12, с. 215].

Обращая внимание на социальную обусловленность здоровья человека, социологи справедливо указывают на то, что «здоровье — это одновременно проблема и социальная, и биологическая. Как и благосостояние, оно зависит от уровня и распределения ресурсов общества» [41, с. 121]. Таким образом, здоровье рассматривается как биологическая и социальная системы, взаимовлияние которых друг на друга позволяет оценивать комплексное состояние человека и общества.

По мнению Н. Л. Антоновой, «здоровье представляет собой один из интегральных показателей качества жизни, в нем отражаются демографические, социальные процессы общества, уровень социокультурного и экономического развития, качество функционирования системы здравоохранения» [4, с. 113].

Концептуальным для понимания социальной обусловленности здоровья человека является исследование процессов социальной адаптации индивидов и групп к институциональным трансформациям, происходящим в российском обществе. Социологи правомерно указывают на то, что стремительные социальные изменения значительно опережают адаптивные возможности человеческого организма, что влечет за собой значительные физические, психологические и духовные нагрузки. С позиции адаптационного подхода здоровье трактуется как «отражение процессов адаптации индивида к окружающей природной и социальной среде, представленное в виде показателей физического, а также психического и социального благополучия (неблагополучия) этой системы в определенный момент времени» [32, с. 294]. Таким образом, рассогласованность между социальной средой и адаптивными ресурсами личности сопряжена с ростом рисков и угроз здоровью населения транзитивных обществ.

В рамках социологических исследований проблема здоровья анализируется в контексте проблематики человеческого капитала и социальной безопасности как индивида, так и общества в целом. Так, ряд исследователей рассматривает здоровье как капитал в струк-

туре человеческого капитала, который оказывает существенное влияние на формирование и самореализацию личности. Здоровье как капитал представляет собой инвестицию в человека, необходимую для его жизнедеятельности и работоспособности. В этом аспекте ученые отмечают, что «здоровье является с одной стороны потребительским благом, на которое предъявляется спрос, а с другой стороны — инвестиционным благом, которое определяется по чистой стоимости выгод, получаемых от данного блага» [17, с. 388].

В последнее время проблема здоровья человека часто рассматривается в контексте вопросов безопасности общества. Данный аспект представлен в работах Н. С. Горяиновой, М. З. Казиевой, Е. Г. Поздеевой, В. В. Евсеева и др. [11; 21; 34]. В рамках этого подхода здоровье определяется как норма, «включающая не только физические, биологические, но и общественные, социально-политические и духовно-нравственные аспекты жизнедеятельности молодого человека, и тем самым способствующая формированию условий безопасности общества» [21, с. 54]. Очевидно, что в условиях повышения в современном мире рисков различной этимологии, здоровье человека является фактором обеспечения национальной безопасности государства.

В целом социологические исследования в области здоровья обладают значительным эвристическим потенциалом, который позволяет более комплексно изучить социальные факторы, влияющие на состояние здоровья человека. Опираясь на концепцию «общества риска» Э. Гидденса, У. Бека, отечественные социологи утверждают, что «поведенческие стратегии в среде, изобилующей вызовами и угрозами, зависят от состояния и оценки собственного здоровья, качества жизни, целевой установки на здоровый образ жизни» [34, с. 114]. Данный подход правомерно указывает на то, что состояние здоровья как индивида, так и общества является фактором риска и фактором их безопасности.

Здоровье человека в современном философском дискурсе. В рамках современного философского осмысления вопросы здоровья человека рассматриваются в контексте проблематики биосоциальной природы человека, телесности человека, культуры здоро-

вья, здоровья в системе мировоззренческих ценностей, здоровья и экологии и др.

Анализ здоровья с позиции дискурса о биологическом и социальном в человеке осуществляется в работах Д.Н. Давиденко, К.А. Оглоблина, Ю.А. Семенова и др. [13; 30; 38]. По мнению исследователей, здоровье человека представляет «качество приспособления организма к условиям внешней среды и... формируется в результате взаимодействия экзогенных (природных и социальных) и эндогенных (наследственность, конституция, пол, возраст) факторов» [13, с. 31], т.е. состояние здоровья человека зависит от биологических механизмов организма и социальных условий жизни людей. Именно совокупность этих факторов определяет потенциал здоровья человека, его нормальное функционирование в социуме. Подходя комплексно к проблеме, К.А. Оглоблин определяет здоровье как «нормальное психосоматическое состояние человека, отражающее его полное физическое, психическое и социальное благополучие и обеспечивающее полноценное выполнение трудовых, социальных и биологических функций» [30, с. 36].

Вопросы здоровья в аспекте философско-антропологического осмысления человеческой телесности рассматриваются в работах Р. Барта, Ж. Батая, Ж. Бодрийяра, М. Мерло-Понти, М. Фуко и др. [5; 6; 9; 27; 39]. Западные исследователи придают телесности человека особую значимость, считая, что именно она является интегральной характеристикой личности, определяющей его присутствие этом мире. В то же время понятие телесности для них не является тождественным биологической структуре, напротив, оно выходит за ее пределы и охватывает как физические, так и метафизические свойства человека.

Российские авторы М.З. Воробьев, Л.В. Жаров, В.Л. Круткин, Р.В. Маслов, В.А. Подорога видят в телесности человека основу для понимания им своей духовности [10; 18; 22; 24; 33]. Согласно позиции авторов, здоровье выступает фактом существования человека как телесного существа, которое понимает, что этим его природа не исчерпывается и есть иные, не телесные, структуры, определяющие его жизнедеятельность.

В рамках философского осмысления здоровья человека имеет место аксиологичес-

кий подход, рассматривающий здоровье как ценность, обусловленную культурой общества и его мировоззренческими установками. В этом аспекте здоровье человека исследуется в работах Е.В. Андриенко, Р.А. Пидлубного, С.А. Нижникова, Б.Г. Юдина и др. [3; 29; 44]. По мнению авторов, ценность здоровья определяется теми идеалами, нормами и принципами, которые доминируют в культуре общества. Как отмечают исследователи, «в каждую историческую эпоху культура вырабатывает определенные представления о том, в чем именно заключаются здоровье и болезнь, каковы пути сохранения или обретения здоровья, и всякий раз эти представления самым тесным образом связаны с пониманием мира, человека и взаимоотношений между ними» [44, с. 33]. Рассматривая здоровье сквозь призму системы ценностей, господствующей в общества, а также их переоценку, определяющую кризисные явления в социуме, исследователи утверждают, что именно мировоззренческие установки закладывают в сознание индивида представления о норме и патологии в функционировании человеческого организма.

Осмысление здоровья человека осуществляется и в русле экософской парадигмы, которая рассматривает человека как биосферное явление, подвергающееся уничтожению в условиях замещения естественной среды на искусственную, вытеснения биосферы техносферой. Данный подход к здоровью человека берет начало в работах Н.Н. Моисеева, Э.С. Демиденко, В.А. Кутырева и др. [28; 14; 23]. Исследователи справедливо отмечают, что социоприродная эволюция на Земле приобретает взрывной характер благодаря неконтролируемой и вооруженной техникой человеческой сверхдеятельности ради социально спровоцированного удовлетворения избыточных человеческих потребностей.

Рассматривая угрозы здоровью человека со стороны техногенной цивилизации, ученые призывают к восстановлению биосферы как необходимой природной составляющей жизни человека. Для этого необходимо формирование нового мировоззрения, способствующего сохранению человека как биологического и социального существа.

В философском дискурсе сложился экзистенциальный подход к здоровью, в рамках ко-

торого здоровье человека рассматривается как «отражение его парадоксального стремления продлить конечность своего существования» [20, с. 71]. Философия экзистенциализма акцентирует внимание на смысловых проблемах человеческого бытия, которые связаны с вопросами о конечности этого бытия, границах свободы личности, индивидуальном выборе и ответственности, значимости пограничных ситуаций и т.п. В пространстве этой проблематики жизнь человека рассматривается как движение от рождения к смерти, а здоровье является лишь «со-бытием» в этом процессе [40]. Причем это «со-бытие» непосредственно связано с проблемой выбора человеком конструктивного или деструктивного отношения к своему здоровью.

Заключение. В целом следует отметить, что проблема здоровья — это не сугубо медицинский вопрос, это проблема онтологическая, открывающая возможность понять существование человека как целостности, в совокупности его биосоциальной природы и духовной сущности. Только такой холистский подход позволяет осуществить комплексное исследование здоровья человека в условиях смены культурных моделей.

Вышеизложенные подходы к проблеме здоровья человека представляются вполне концептуальными для философско-антропологического исследования проблемы здоровья человека в контексте трансформации культурных парадигм и появлении новых вызовов. Философско-антропологический анализ предполагает интеграцию подходов к здоровью человека, сложившихся в социально-гуманитарном знании, поскольку это дает возможность осуществить комплексное исследование проблемы здоровья человека в условиях развития цифровой культуры в современном обществе.

Список источников

1. Акчурин Б.Г. Телесность как проявление человеческого потенциала // Социально-гуманитарные знания. 2004. №2. С. 31–37.
2. Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии. 1992. №6. С. 50–74.
3. Андриенко Е.В. Пидлубный Р.А. Здоровье как глобальная ценность // Современ-

ные социальные процессы в контексте глобализации. Краснодар: КубГУ, 2019. С. 108–114.

4. Антонова Н.Л. Социология здоровья как перспективная отрасль социологической науки // Образование и наука. 2004. №3(27). С. 112–119.

5. Барт Р. Удовольствие от текста // Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

6. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома: Мифрил, 1997. 336 с.

7. Безуглая Т.И. Психологическое здоровье как психолого-педагогическая проблема // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. №3(72). С. 4–9.

8. Бехтерев В.М. Объективная психология. М.: Наука. Серия «Памятники психологической мысли», 1991. 480 с.

9. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.

10. Воробьев М.З. Психосоматика в культуре личности и социума (теоретическое обоснование роли и места) // Телесность человека: междисциплинарные исследования. М.: Таврида — Симферополь, 1993. С. 3–7.

11. Горяинова Н.С. Здоровье студенческой молодежи и национальная безопасность России // Национальное здоровье. 2015. №1. С. 72–79.

12. Гуттик Т.В. Социологический подход к изучению здоровью населения // Ученые записки ТОГУ. 2017. Т. 8. №4. С. 209–216.

13. Давиденко Д.Н. Здоровье как биосоциальный потенциал жизнедеятельности человека // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2006. Т. 1. №1. С. 30–33.

14. Демиденко Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека. Брянск: Изд-во «Очаг», 1993. С. 184–204.

15. Дмитриева Е.В. От социологии медицины к социологии здоровья // Социологические исследования. 2003. №11. С. 90–97.

16. Дубровина И.В. Психологическое здоровье детей и подростков в контексте психологической службы. Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 176 с.

17. Егорова Е.О. Капитал здоровья как компонента человеческого капитала // Экономика России в XXI веке: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах. Томский политехничес-

кий университет. Т. 1. Томск: Изд-во НИТПУ, 2015. С. 387–392.

18. Жаров Л. В. Человеческая телесность: философский анализ. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1988. 126 с.

19. Завгородняя О. В. Психологическое здоровье человека: теоретические и прикладные аспекты: монография. Киев: Информационно-аналитическое агентство, 2008. 169 с.

20. Исмаилов А. Ю. Философско-антропологический концепт «человек здоровый»: постановка проблемы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2015. №2(42). С. 71–75.

21. Казиева М. З. Здоровье молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №12. С. 53–56.

22. Круткин В. Л. Телесность человека в онтологическом измерении // Общественные науки и современность. 1997. №4. С. 147–151.

23. Кутырев В. А. Естественное и искусственное; борьба миров. Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 199 с.

24. Маслов Р. В. Философия телесности человека // Вестник СПбГУ. 2004. №9. С. 78–81.

25. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб: Евразия, 1997. 432 с.

26. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

27. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999.

28. Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. 210 с.

29. Нижников С. А. Пути обретения здоровья и мировоззрение // Философия здоровья. М.: РАН, 2001. С. 5–24.

30. Оглоблин К. А. Здоровье как философско-мировоззренческий феномен // Человек и образование. 2009. №3(20). С. 76–80.

31. Олпорт Г. Личность в психологии. М.: КСП+, Ювента, 1998. 345 с.

32. Паутов И. С. Современные теоретические подходы к осмыслению здоровья как социального феномена: концепция человеческих возможностей и социология риска // Петербургская социология сегодня. 2014. Т. 1. №1-1(5). С. 289–307.

33. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 341 с.

34. Поздеева Е. Г., Евсеев В. В. Здоровье и безопасность как взаимоусилители в обществе риска: социологический аспект // Здоровье — основа человеческого капитала: проблемы и пути из решения. 2018. Т. 13. №8. С. 108–115.

35. Решетников М. М. Психическое здоровье населения — современные тенденции и старые проблемы // Национальный психологический журнал. 2015. №1(17). С. 9–15.

36. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 478 с.

37. Розин В. М. Здоровье как философская и социально-психологическая проблема // Мир психологии: научно-методический журнал. 2000. №1. С. 12–30.

38. Семенова Ю. А. Человек на пути к телесному совершенству с позиции философии здоровья // Sciences of Europe. 2016. №4. С. 81–84.

39. Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.

40. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический проект, 2007. 320 с.

41. Чубенко Д. С. Социология здоровья: становление и пути развития // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. №1(6). С. 118–122.

42. Шувалов А. В. Антропологические аспекты психологии здоровья // Национальный психологический журнал. 2015. №4(20). С. 23–36.

43. Шушунова Т. Н. Категория здоровья в истории развития социогуманитарного знания // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. 2017. №4. С. 11–16.

44. Юдин Б. Г., Степанова Г. Б. Здоровье человека: факт, норма, ценность. М.: Изд-во МГУ, 2009. 188 с.

References

1. Akchurin B. G. Telesnost' kak projavlenie chelovecheskogo potenciala [Physicality as a manifestation of human potential]. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Socio-humanitarian knowledge]. 2004; (2): 31–37. (In Russ.).

2. Amosov N.M. Moe mirovozzrenie [My worldview]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 1992; (6): 50–74. (In Russ.).
3. Andrienko E.V. Pidlubnyj R.A. Zdorov'e kak global'naja cennost' [Health as a global value]. *Sovremennye social'nye processy v kontekste globalizacii* [Modern social processes in the context of globalization]. Krasnodar: KubGU, 2019. P. 108–114. (In Russ.).
4. Antonova N.L. Sociologija zdorov'ja kak perspektivnaja otrasl' sociologicheskoi nauki [Sociology of health as a promising branch of sociological science]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. 2004; 3(27): 112–119. (In Russ.).
5. Bart R. Udovol'stvie ot teksta [The pleasure of the text]. *Semiotika. Pojetika* [Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, 1989. 616 p. (In Russ.).
6. Bataj Zh. Vnutrennij opyt [Internal experience]. Saint Petersburg: Aksioma: Mifril, 1997. 336 p. (In Russ.).
7. Bezuglaja T.I. Psihologicheskoe zdorov'e kak psihologo-pedagogicheskaja problema [Psychological health as a psychological and pedagogical problem]. *Evrazijskij Sojuz Uchenyh (ESU)* [Eurasian Union of Scientists (ESU)]. 2020; 3(72): 4–9. (In Russ.).
8. Behterev V.M. Ob'ektivnaja psihologija [Objective psychology]. Moscow: Nauka. Serija «Pamjatniki psihologicheskoi mysli», 1991. 480 p. (In Russ.).
9. Bodrijar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Moscow: Dobrosvet, 2000. 389 p. (In Russ.).
10. Vorob'ev M.Z. Psihosomatika v kul'ture lichnosti i sociuma (teoreticheskoe obosnovanie roli i mesta) [Psychosomatics in the culture of personality and society (theoretical justification of the role and place)]. *Telesnost' cheloveka: mezhdisciplinarnye issledovanija* [Human physicality: interdisciplinary research]. Moscow: Tavrida — Simferopol', 1993. P. 3–7. (In Russ.).
11. Gorjainova N.S. Zdorov'e studencheskoj molodezhi i nacional'naja bezopasnost' Rossii [Health of student youth and national security of Russia]. *Nacional'noe zdorov'e* [National health]. 2015; (1): 72–79. (In Russ.).
12. Gutik T.V. Sociologicheskij podhod k izucheniju zdorov'ju naselenija [A sociological approach to the study of population health]. *Uchenye zapiski TOGU* [Scientific notes of TOGU]. 2017; 8(4): 209–216. (In Russ.).
13. Davidenko D.N. Zdorov'e kak biosocial'nyj potencial zhiznedateljnosti cheloveka [Health as a biosocial potential of human activity]. *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih reshenija* [Health — the basis of human potential: problems and ways to solve them]. 2006; 1(1): 30–33. (In Russ.).
14. Demidenko Je. S. Jekotehnologicheskij Apokalipsis, ili «konec sveta» prirodno cheloveka [Ecotechnological Apocalypse, or the «end of the world» of natural man]. Brjansk: Izdvo «Ochag», 1993. P. 184–204. (In Russ.).
15. Dmitrieva E.V. Ot sociologii mediciny k sociologii zdorov'ja [From the sociology of medicine to the sociology of health]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research]. 2003; (11): 90–97. (In Russ.).
16. Dubrovina I.V. Psihologicheskoe zdorov'e detej i podrostkov v kontekste psihologicheskoi sluzhby [Psychological health of children and adolescents in the context of psychological service]. Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2000. 176 p. (In Russ.).
17. Egorova E.O. Kapital zdorov'ja kak komponenta chelovecheskogo kapitala [Health capital as a component of human capital]. *Jekonomika Rossii v XXI veke: materialy XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. V 2-h tomah. Tomskij politehnicheskij universitet. T. 1* [The economy of Russia in the XXI century: materials of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 volumes. Tomsk Polytechnic University. Vol. 1]. Tomsk: Izdvo NITPU, 2015. P. 387–392. (In Russ.).
18. Zharov L.V. Chelovecheskaja telesnost': filosofskij analiz [Human physicality: philosophical analysis]. Rostov-on-Don: Izdvo Rost. un-ta, 1988. 126 p. (In Russ.).
19. Zavgorodnjaja O.V. Psihologicheskoe zdorov'e cheloveka: teoreticheskie i prikladnye aspekty: monografija [Psychological human health: theoretical and applied aspects: monograph]. Kiev: Informacionno-analiticheskoe agentstvo, 2008. 169 p. (In Russ.).
20. Ismailov A. Ju. Filosofsko-antropologicheskij koncept «chelovek zdorovyj»: postanovka problemy [Philosophical and anthropological concept of «healthy person»: problem statement]. *Vestnik Cheljabinskoi gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstva* [Bulletin of the

Chelyabinsk State Academy of Culture and Art]. 2015; 2(42): 71–75. (In Russ.).

21. Kazieva M.Z. Zdorov'e molodezhi v kontekste obespechenija nacional'noj bezopasnosti rossijskogo obshhestva [Youth health in the context of ensuring national security of the Russian society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2016; (12): 53–56. (In Russ.).

22. Krutkin V.L. Telesnost' cheloveka v ontologicheskom izmerenii [Human physicality in the ontological dimension]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. 1997; (4): 147–151. (In Russ.).

23. Kutjrev V.A. Estestvennoe i iskusstvennoe; bor'ba mirov [Natural and artificial; the struggle of the worlds]. N. Novgorod: Izd-vo «Nizhnij Novgorod», 1994. 199 p. (In Russ.).

24. Maslov R.V. Filosofija telesnosti cheloveka [Philosophy of human physicality]. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. 2004; (9): 78–81. (In Russ.).

25. Maslou A. Dal'nie predely chelovecheskoj psihiki [The far limits of the human psyche]. Saint Petersburg: Evrazija, 1997. 432 p. (In Russ.).

26. Maslou A. Motivacija i lichnost' [Motivation and personality]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 352 p. (In Russ.).

27. Merlo-Ponti M. Fenomenologija vospriyatija [Phenomenology of perception]. Saint Petersburg: Juventa, Nauka, 1999. (In Russ.).

28. Moiseev N.N. S mysljami o budushhem Rossii [With thoughts about the future of Russia]. Moscow: Fond sodejstvija razvitiju social'nyh i politicheskikh nauk, 1997. 210 p. (In Russ.).

29. Nizhnikov S.A. Puti obretenija zdorov'ja i mirovozzrenie [Ways of gaining health and worldview]. *Filosofija zdorov'ja* [Philosophy of health]. Moscow: RAN, 2001. P. 5–24. (In Russ.).

30. Ogloblin K.A. Zdorov'e kak filosofsko-mirovozzrencheskij fenomen [Health as a philosophical and ideological phenomenon]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and education]. 2009; 3(20): 76–80. (In Russ.).

31. Olport G. Lichnost' v psihologii [Personality in psychology]. Moscow: KSP+; Juventa, 1998. 345 p. (In Russ.).

32. Pautov I.S. Sovremennye teoreticheskie podhody k osmysleniju zdorov'ja kak

social'nogo fenomena: koncepcija chelovecheskikh vozmozhnostej i sociologija riska [Modern theoretical approaches to understanding health as a social phenomenon: the concept of human capabilities and the sociology of risk]. *Peterburgskaja sociologija segodnja* [St. Petersburg Sociology today]. 2014; 1(1-1(5)): 289–307. (In Russ.).

33. Podoroga V.A. Fenomenologija tela. Vvedenie v filosofskuju antropologiju [Phenomenology of the body. Introduction to philosophical anthropology]. Moscow: Ad Marginem, 1995. 341 p. (In Russ.).

34. Pozdeeva E.G., Evseev V.V. Zdorov'e i bezopasnost' kak vzaimousiliteli v obshhestve riska: sociologicheskij aspekt [Health and safety as mutual reinforcers in a risk society: a sociological aspect]. *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo kapitala: problemy i puti iz reshenija* [Health — the basis of human capital: problems and solutions]. 2018; 13(8): 108–115. (In Russ.).

35. Reshetnikov M.M. Psihicheskoe zdorov'e naselenija — sovremennye tendencii i starye problemy [Mental health of the population — modern trends and old problems]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal]. 2015; 1(17): 9–15. (In Russ.).

36. Rodzhers K.R. Vzglyad na psihoterapiju. Stanovlenie cheloveka [A look at psychotherapy. The formation of man]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Progress», «Univers», 1994. 478 p. (In Russ.).

37. Rozin V.M. Zdorov'e kak filosofskaja i social'no-psihologicheskaja problema [Health as a philosophical and socio-psychological problem]. *Mir psihologii: nauchno-metodicheskij zhurnal* [The world of psychology: a scientific and methodological journal]. 2000; (1): 12–30. (In Russ.).

38. Semenova Ju. A Chelovek na puti k telesnomu sovershenstvu s pozicii filosofii zdorov'ja [Person on the way to bodily perfection from the standpoint of the philosophy of health]. *Sciences of Europe*. 2016; (4): 81–84. (In Russ.).

39. Fuko M. Rozhdenie kliniki [The birth of the clinic]. Moscow: Smysl, 1998. 310 p. (In Russ.).

40. Hajdegger M. Chto zovetsja myshleniem? [What is called thinking?]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2007. 320 p. (In Russ.).

41. Chubenko D.S. Sociologija zdorov'ja: stanovlenie i puti razvitija [Sociology of health:

formation and ways of development]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky]. 2007; 1(6): 118–122. (In Russ.).

42. Shuvalov A. V. Antropologicheskie aspekty psihologii zdorov'ja [Anthropological aspects of health psychology]. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal* [National Psychological Journal]. 2015; 4(20): 23–36. (In Russ.).

43. Shushunova T.N. Kategorija zdorov'ja v istorii razvitija sociogumanitarnogo znaniya [Category of health in the history of the development of socio-humanitarian knowledge]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Je-kologija* [Journal of the Belarusian State University. Ecology]. 2017; (4): 11–16. (In Russ.).

44. Judin B.G., Stepanova G.B. Zdorov'e cheloveka: fakt, norma, cennost' [Human health: fact, norm, value]. Moscow: Izd-vo MGU, 2009. 188 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 21.12.2021; одобрена после рецензирования 23.12.2021; принята к публикации 25.12.2021.

The article was submitted on 21.12.2021; approved after reviewing on 23.12.2021; accepted for publication on 25.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернов Илья Владимирович — доцент, заведующий кафедрой физического воспитания, Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал), Донской государственной аграрный университет.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111

Ilya V. Chernov — Associate Professor, Head of the Department of Physical Education, Novochoerkassk Reclamation Engineering Institute named after A.K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

111 Pushkinskaya st., Novochoerkassk, Russia

Научная статья
УДК 3.304.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-275-285

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ/ДЕУРБАНИЗАЦИИ

Людмила Львовна Штофер^{1✉}, Ольга Михайловна Шевченко²

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹Filosofiya327@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID РИНЦ: 928937

²olgashv2007@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID РИНЦ: 479776

Аннотация. Цель исследования заключается в рассмотрении экологических аспектов процессов урбанизации/деурбанизации в России.

Методологической основой исследования являются социокультурный подход к пониманию становления городской организации общественной жизни; теории урбанизации, позволяющие исследовать факторы и специфику функционирования города как экосоциального пространства.

Результаты исследования. Экологические аспекты российской урбанизации/деурбанизации отражают как глобальные тенденции развития человечества, так и цивилизационные особенности России. Последние связаны с быстрым разрушением природоориентированного сознания традиционного общества и укоренением идей покорения и эксплуатации природы; с догоняющим характером советской модернизации, требовавшей за короткий период осуществить урбанизацию/индустриализацию аграрной страны; с дисбалансом между новациями (стремительным ростом городов) и традиционализмом (аграрной ментальностью и общинным типом сознания их населения); с тенденциями деурбанизации, возникшими в постсоветский период и связанными с деиндустриализацией, следствием которой стало массовое появление депрессивных территорий; с наличием значительной территории, позволяющей пока не сильно озадачиваться последствиями неэффективных программ утилизации промышленных и бытовых отходов.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования экологических угроз российских процессов урбанизации/деурбанизации.

Ключевые слова: урбанизация, деурбанизация, город, экосоциальное пространство, мегаполизация, моногород, антропоцентристско-сциентистская парадигма

Для цитирования: Штофер Л. Л., Шевченко О. М. Экологические аспекты российской урбанизации/деурбанизации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 6. С. 275–285. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-275-285>.

Original article

ENVIRONMENTAL ASPECTS OF RUSSIAN URBANIZATION/DEURBANIZATION

Lyudmila L. Shtofer^{1✉}, Olga M. Shevchenko²

¹*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

²*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*Filosoftya327@yandex.ru[✉], ORCID: 0000-0003-0205-7468, AuthorID RSCI: 928937*

²*olgashv2007@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6726-7269, AuthorID RSCI: 479776*

Abstract. *The purpose of the study is to examine the environmental aspects of urbanization/deurbanization processes in Russia.*

The methodological basis of the study is sociocultural approaches to understanding the formation of the urban organization of public life; theories of urbanization, allowing to study the factors and specifics of the functioning of the city as an ecosocial space.

Research results. *The environmental aspects of Russian urbanization/deurbanization reflect both global trends in human development and the civilizational features of Russia. The latter are associated with the rapid destruction of the nature-oriented consciousness of traditional society and the rooting of ideas for the conquest and exploitation of nature; with the catching-up nature of Soviet modernization, which required the urbanization/industrialization of an agrarian country in a short period; with an imbalance between innovations (rapid growth of cities) and traditionalism (agrarian mentality and the communal type of consciousness of their population); with the tendencies of deurbanization that arose in the post-Soviet period and associated with de-industrialization, which resulted in the massive emergence of depressed territories; with the presence of a large territory, allowing for the time being not to be very puzzled by the consequences of ineffective programs for the utilization of industrial and domestic waste.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of environmental threats to Russian urbanization/deurbanization processes.*

Keywords: *urbanization, deurbanization, city, ecosocial space, megapolization, single-industry town, anthropocentric-scientific paradigm*

For citation: *Shtofer L. L., Shevchenko O. M. Environmental aspects of Russian urbanization/deurbanization // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 275–285. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-275-285>.*

Введение. Любые проблемы, связанные с Россией, принято рассматривать через призму исторически сложившихся специфических черт в их постановке и решении. Однако прежде чем обратиться к цивилизационным особенностям российской урбанизации/деурбанизации и ее экологическим аспектам, необходимо определиться с трендом мирового развития.

Человеческая популяция уникальна тем, что в отличие от других видов, имеющих ограниченные ареалы проживания, она сумела

расселиться по всему миру и создала в разных регионах идентичные способы организации социальной жизни, связанные, в частности, с устойчивыми формами совместного проживания.

Развитие человеческой цивилизации прошло несколько этапов, которые не только коррелируют с социальной типологизацией (традиционное, индустриальное, постиндустриальное), но и могут быть рассмотрены через призму отношений «человек — природа». Человеческая «растворенность»

в природе, на первом этапе сопровождающаяся бродячим образом жизни, уже на втором сменяется оседлым, деревенским образом жизни и появлением соответствующего ему вида производственной деятельности — сельского хозяйства. Наконец на третьем этапе организация форм совместного проживания достигает своей высшей точки, результатом чего становится появление альтернативного деревенскому городскому образу жизни и разнообразных видов производственной деятельности. Именно город закладывал основы стандартов потребления своего времени, а также представление о комфорте и безопасности жизни.

Исторически любое сельское поселение всегда было интегрировано в природу, в то время как город был отделен от нее и, по сути, противостоял ей. Сельское поселение не имело четко очерченной границы, плавно «перетекая» от зоны проживания населения к сельхозугодьям, а затем и к естественно-природному ландшафту. Искусственность городской среды и ее отделенность от природы исторически подчеркивалась демаркационной линией в виде впечатляющих рукотворных укреплений. Как результат — города противостояли природной среде во всех отношениях: от образа жизни населения, осуществляемых им видов деятельности до визуального образа — выделенного из окружающей среды искусственного доминантного пространства. Именно городской образ жизни с течением времени возобладал в разных регионах мира, став трендом цивилизационного развития человечества.

Методология и методы исследования.

В статье использован социокультурный подход, разрабатываемый в трудах Ф. Броделя, М. Вебера, Ж. Ле Гоффа, который позволяет понять эволюцию городской формы жизни, ее экономические и культурные особенности [5; 6; 14]. Концептуальными для исследования выступают современные теории урбанизации, представленные в работах зарубежных ученых [15; 23] и российских исследователей [7; 13; 20].

Различные аспекты экологических рисков урбанизации исследуются в работах А.Б. Агафоновой, Л.Н. Блинова, И.Л. Перфиловой, Л.В. Юмашевой и др. [1; 3]. Дан-

ные подходы являются теоретико-методологической основой исследования специфики процессов российской урбанизации/деурбанизации и их влияния на экологию городов.

Урбанизации как тренд мирового развития. В настоящее время исследование города и городского образа жизни все чаще связано с экологическими проблемами, прежде всего влиянием урбанизации на городскую и околородскую экосистемы, а также биосферу в целом. Город начинает рассматриваться как экосоциальное пространство, в котором природа и результаты человеческой деятельности оказываются нерасторжимо и подчас трагично взаимосвязаны.

Философия, всегда откликавшаяся на наиболее острые вопросы времени, начала глубоко осмысливать проблему отношений между человеком и природой только в Новое время, когда резко возросли темпы и масштабы урбанизации, а вместе с ними и негативное влияние на экологию. Уже в этот период ценность искусственного и естественного начинает оцениваться по-разному. Ш. Монтескье приветствует создание искусственной (городской) среды обитания, видя в ней апофеоз развития цивилизации [16]. Его оппонент Ж.-Ж. Руссо, напротив, воспекает первозданную природу, видя в городе лишь механистичность и бездуховность [20].

Современный мир не оставляет сомнений относительно того, чьи идеи возобладали в общественном сознании, отразив общее стремление человеческой цивилизации к искусственным (городским) формам существования и искусственным (техническим) средствам решения возникающих задач. Подтверждением этого стала мегаполизация как этап урбанизационного развития, а вместе с ней увеличение и возрастающая неравномерность нагрузок на естественно-природную среду, остающуюся по-прежнему основной ресурсной базой.

Несмотря на то, что подавляющее большинство населения планеты уже в древности избрало оседлый образ жизни, количество городов, тем более имеющих значительную численность населения, было относительно невелико, а специфика городского образа жизни, предполагающая доминирование определенных — ремесленных и торговых —

видов деятельности, только начинала формироваться. Неравномерность урбанизационного процесса в глобальном масштабе приводила к тому, что место лидера в древности и в средневековье попеременно делили Восток и Запад. Традиционные общества преимущественно занимались сельским хозяйством и в силу экстенсивного характера производственной деятельности не могли нанести существенного урона даже региональной экологии, не говоря о биосфере планеты в целом.

Ситуацию поддерживала мифологическая картина мира, рассматривающая природное и социальное как единое целое. Начавшее складываться религиозное мировоззрение, выделив человека и подчеркнув его значимость, не позиционировало последнего как полновластного хозяина планеты, поскольку не только создателем, но и верховным управителем всего являлся Бог.

Подобные мировоззренческие установки приходят в противоречие с потребностями общественной жизни в тот момент, когда человек, стремясь качественно изменить образ жизни, включая деятельностные аспекты, начинает углубляться в природу. В Новое время Запад закладывает основу антропоцентриско-сциентистской ценностно-мировоззренческой парадигмы и, опираясь на науку, открывает возможность промышленных методов производства продукции. Совокупность этих факторов определяет параметры индустриального общества, порождая, по мнению исследователей, стремительный демографический рост и массовый исход населения западных стран из сельской местности в города [7]. Так, в Новое время вопрос о тренде цивилизационного развития окончательно решается в пользу урбанизации, а место лидера переходит к Западу.

В этот же период впервые отчетливо обозначаются экологические проблемы, связанные с городом как местом значительной концентрации людей и промышленных производств, — существенное загрязнение почвы, воды и воздуха городской и прилегающей к нему территории.

Генезис российской урбанизации. Генезис российской урбанизации восходит к эпохе Киевской Руси, когда Русь начина-

ют называть Гардарикой — страной тысячи городов. Данный период непродолжителен и сменяется замедлением темпов урбанистического развития, порожденных феодальной раздробленностью и монголо-татарским игом. Возвышение Москвы и создание централизованного русского государства влияет на темпы урбанизации, но незначительно. Городов, особенно крупных, немного. Торговые контакты, стимулирующие рост городского населения и развитие производственной деятельности, практически полностью связаны с внутренним рынком, а предметом ограниченного экспорта является, прежде всего, сельскохозяйственная продукция. Ситуацию усугубляет крепостное право. Оно не позволяет интенсифицировать внутреннюю миграцию, обеспечив прирост городского населения за счет населения сельского, ограничивает деловую активность большей части населения, не позволяет создать рынок труда, необходимый для капиталистического производства. Наконец, господствующий тип мировоззрения — религиозный — препятствует формированию гуманистических, индивидуалистических ориентаций и развитию позитивного знания, детерминирующего промышленный подъем.

Новое время, сопровождающееся на Западе развитием капиталистических отношений и превращением городов в индустриальные центры, в России наступает поздно — фактически во второй половине XIX — начале XX в. Однако причина общая — английская промышленная революция 60-х гг. XVIII в., затронувшая не только страны Старого и Нового Света, но и Россию. Расширение географии промышленности способствует возрастанию уровня антропогенного воздействия на природу [12].

Тем не менее, экологические проблемы, возникающие в российских городах на рубеже XIX–XX вв., по мнению исследователей, характерны для Запада XVII–XVIII вв. Загрязнение вызвано не столько промышленными, сколько бытовыми отходами, связано с отсутствием системы их сбора и утилизации, а также ростом концентрации населения. Антисанитарию (отходы и нечистоты) создают преимущественно частные домохозяйства, а наибольший дискомфорт возникает в населенных пунктах, население которых

превышает 10 тыс. человек [1]. Таким образом, на рубеже веков городские экологические проблемы пока зависят не столько от промышленности, сколько от плотности населения на единицу площади.

Начавшийся промышленный подъем, продемонстрировавший рост городов и городского населения, оказался прерван событиями начала XX в. — прежде всего революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной. В XX в. Россия вступила, по сути, аграрной страной с традиционным типом общества. После революции 1917 г. за короткий период были реализованы амбициозные планы советской власти, осуществившей индустриализацию и обеспечившей принудительный переход от традиционного к индустриальному типу обществу.

Экологические аспекты советской урбанизации. Исследуя российскую урбанизацию, авторы отмечают общность тенденций, характерных для перехода от традиционного к индустриальному обществу, акцентируя внимание на особенностях, вытекающих из отечественной цивилизационной специфики. Российская урбанизация не ограничена количественными (увеличением численности городов) и даже качественными (развитие экономики города) параметрами. Она включает распространение самого типа городской жизни, связанного с возникновением новых форм расселения и концентрации определенных видов деятельности [17].

По мнению исследователей, в XX в. на специфику российской урбанизации значительное влияние оказал политический фактор — смена власти, детерминировавший переход от монархического к советскому, а затем и к постсоветскому демократическому этапам развития. Принципиальное отличие между периодами определяется ролью государства в этом процессе. Если в монархический период процесс урбанизации носил преимущественно эволюционный характер (возникновение городов и специфика их деятельности обусловлена естественными причинами — исконно сложившимися видами деятельности, связанными с ресурсной базой), то в советский урбанизационный процесс приобретает характер революционный, обусловленный политической необходимос-

тью, связанной со скорейшей индустриализацией страны. Государство впервые после петровской эпохи начинает задавать топографию и демографию урбанизации: новые промышленные предприятия все чаще становятся градообразующим фактором, требующим изменения локации производительных сил [21]. В результате возникновение новых городов приобретает искусственный характер, становится итогом государственных решений, размещающих производительные силы там, где этого требует национальная промышленность.

Догоняющий характер советской модернизации, получившей идеологическое обоснование (догнать и перегнать Запад по темпам промышленного роста и объемам производимой продукции), в сочетании с исторически сложившимся обществом мобилизационного типа, а также и авторитаризмом власти придали советской урбанизации дуальность — уникальность и ущербность [17].

Социальное содержание советской урбанизации, так же как и модернизация экономики, было идеологизировано: от вековой аграрной отсталости — к прекрасному индустриальному будущему. Форсирование индустриализации стремительно превращало вчерашних крестьян в городских жителей, способствовало перемещению и концентрации огромных людских масс в местах возникновения мощных промышленных предприятий. Перекос в сторону развития производственной инфраструктуры в ущерб инвестированию в развитие культурного пространства привел к серьезному дисбалансу в новых промышленных городах: новации, обусловленные лавинообразным ростом городов, пришли в противоречие с традиционализмом — аграрной ментальностью и сельским общинным сознанием подавляющего большинства их населения [17]. Ситуацию усугубляла политика развития городов, в которой финансирование социально значимых сфер осуществлялось по остаточному принципу.

Потребности социалистической экономики в сочетании с идеологизацией сознания советского человека сыграли свою роль: урбанистический пейзаж индустриализируется и отождествляется с социальным прогрессом, природа превращается в объект эксплуатации, а экологические риски игнорируются.

В условиях наращивания производственных мощностей и объемов производимой продукции не только в довоенный, но и в послевоенный периоды отсутствуют нормативные документы, регламентирующие природопользование. Вопрос о приоритетности развития (индустриализация страны или поддержание стабильного состояния экосистемы) решается однозначно, понятие «экологические требования» отсутствуют, их влияние на социальную жизнь не принимаются в расчет [2]. Народное хозяйство и ВПК страны нуждаются в развитии промышленных зон, а не в сохранении водных ресурсов и создании рекреационных и зеленых зон. Результат — все формы загрязнения окружающей среды: токсичные выбросы в атмосферу, загрязнение промышленными стоками водных артерий, истощение биоресурсов, скопление промышленных отходов в непосредственной близости от мест проживания населения.

Начиная с революционного десятилетия и до конца 60-х гг. XX в. под флагом стремления в кратчайшие сроки построить социалистическое общество, обладающее развитой экономикой, государственная политика ориентирована на откровенную эксплуатацию природы. Ситуация начинает меняться в 70-е гг. Перед научным сообществом власть впервые ставит задачу выработать обоснованные принципы отношения человека и природы, а также создать ресурсосберегающие технологии. Однако намечившиеся позитивные изменения не смогли переломить силу инерционного развития: природоохранная политика была непоследовательной и во многом декларативной, значительность ресурсного потенциала страны рождала иллюзии относительно его неисчерпаемости, отношение к природе как к источнику жизни, характерное для традиционного дореволюционного российского общества, за годы стремительной советской урбанизации/индустриализации оказалось разрушено.

Экологические аспекты постсоветской урбанизации/деурбанизации. Современная Россия сталкивается с комплексом экологических проблем, порожденных предшествующим этапом общественного развития. Рубеж 80-х — 90-х г. XX в. ознаменовался серьезным

экономическим спадом, который привел к социально-экономической деструкции, отразившейся в том числе и на характере постсоветской урбанизации. На экологию постсоветских городов негативное воздействие оказали деурбанизация и мегаполизация.

В широком смысле деурбанизация представляет трансформацию городской среды и социальных аспектов жизни горожан [13]. Деурбанизация постсоветского периода связана, прежде всего, с деградацией городского пространства, вызванной процессом деиндустриализации.

В наиболее тяжелом положении оказались т.н. моногорода, возникшие вокруг советских градообразующих предприятий [9]. Часть из них пришла в упадок в связи с банкротством предприятий. Комплекс проблем, прежде всего экономических (отсутствие финансирования) и миграционных (отток трудоспособного населения в экономически активные зоны), привел к возникновению депрессивных территорий, которые перестали отвечать даже минимальным экологическим требованиям [19]. Возникли заброшенные пространства с разрушающейся инфраструктурой (производственной и городской) и негативными следами осуществляемой ранее промышленной деятельности. Градообразующие предприятия, продолжившие работать в условиях отсутствия необходимого уровня финансирования и изношенности основных фондов, поддерживая социально-экономическую сферу моногородов, не имели возможности осуществлять природоохранные мероприятия даже на минимально необходимом уровне.

Профиль деятельности моногородов был различен, включая не только производство промышленной продукции (военной и гражданской), но и добычу полезных ископаемых. Помимо загрязнения почв, водных ресурсов и атмосферы региона, разработка месторождений приводила к необратимому изменению природного ландшафта и повышению радиационного фона. Настоящим бедствием стали так называемые «шахтерские» моногорода, занятые добычей каменного угля. В постсоветский период нерентабельные шахты чаще всего не проходили процедуру консервации или ликвидации с учетом экологических требований, порождая широкий диапазон про-

блем: подтопление территорий, загрязнение грунтовых вод, выделение метана, а также загрязнение атмосферы соединениями тяжелых металлов [18].

Общей проблемой была утилизация отходов (промышленных и бытовых) [8]. Как результат — наиболее универсальными проявлениями экологической деградации городской и пригородной территорий моногородов становились заброшенные промзоны и несанкционированные свалки.

В настоящее время пришло понимание, что экологической безопасности угрожает не только ускоренная советская урбанизация, но и постсоветская деурбанизация — упадок моногородов, использующих устаревшие энергоемкие и природозатратные технологии и не имеющих финансирования для диверсификации производств [11].

Основной тренд урбанизационного развития — мегаполизация — уже стал глобальной проблемой. С одной стороны, данная тенденция способствует росту не только национальной, но и мировой экономики, с другой — многократно усиливает нагрузку на экосистему [24]. В различных регионах мира мегаполизация проявляет себя по-разному: Запад прошел пик в 70-е гг. XX в., в то время как развивающиеся страны, напротив, демонстрируют устойчивый рост площадей мегаполисов и увеличение численности их населения. При этом количество самих мегаполисов ограничено — основная масса населения сосредоточена в нескольких центрах, крайне неравномерно увеличивая нагрузку на экосистему [7].

Процесс мегаполизации в России связан с рубежом XX — началом XXI вв. Согласно статистическим данным в начале XXI в. доля городского населения составила 73,1%, а к середине XXI в., по прогнозам, увеличится до 82,6%¹.

Между крупными городами советской эпохи и современными российскими мегаполисами имеется существенное отличие. Если первые развивались согласно плану в качестве промышленных центров социалистичес-

кой экономики, имели развитую инфраструктуру, то в развитии вторых больше стихийности и ситуативности. Рыночная экономика стимулирует появление многофункциональных агломераций, которые зависят, прежде всего, от концентрации финансов, во многом определяющих производственный и человеческий потенциал города. Вместе с тем есть черта, роднящая современные российские мегаполисы с аналогичными городскими образованиями развивающихся стран — это столичные города, исторически являющиеся центрами политической власти — Москва и Санкт-Петербург.

Взаимодействие мегаполиса с окружающей средой едино во всем мире: внешнее заимствование ресурсов (водных, энергетических, пищевых), их переработка, связанная с удовлетворением промышленных и бытовых нужд, и закономерное следствие — выброс в атмосферу пыли, газа, аэрозолей, а в водные артерии — различных стоков (промышленных и бытовых). Картину дополняют городские свалки, на которых аккумулируются отходы, загрязняющие все среды².

Показатели загрязнения окружающей среды в российских мегаполисах пока не критичны, но уже достаточно высоки. Их происхождение — совокупность факторов, связанных с увеличением плотности и численности населения, промышленной деятельностью, транспортной нагрузкой. Их следствие — геохимическое загрязнение центральных районов тяжелыми металлами (цинк, свинец, кадмий, медь, никель, хром), затрагивающее почву и растительность [3]; загрязнение атмосферы, обусловленное совокупностью промышленной и транспортной нагрузки (60–70% от удельного веса газового загрязнения связано с ростом количества автотранспорта) [10]; уничтожение почвенного покрова на городских и прилегающих к городу территориях (под жилыми кварталами, транспортными магистралями, мусорными полигонами) [4]; острый дефицит водных ресурсов (увеличение потребности в воде более чем в 100 раз) [3].

¹ World Urbanization Prospects. The 2019 Revision [Electronic resource]. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm> (date accessed: 07.08.2021).

² Развитие современных городов [Электронный ресурс]. URL: <https://infopedia.su/13x10b05.html> (дата обращения: 22.07.2021).

Заключение. Экологические аспекты российской урбанизации/деурбанизации отражают как глобальные тенденции развития человечества, так и цивилизационные особенности России.

В целом угрозы экологии городов и прилегающих к ним территорий обусловлены универсальными факторами: интенсификацией урбанизационного процесса; тенденциями мегаполизации; приоритетом экономических интересов над экологической безопасностью; инфраструктурой, чаще всего не отвечающей потребностям мегаполиса; ограниченностью ресурсного потенциала окружающей среды и снижением способности природных комплексов к эффективному самовосстановлению. Ситуацию усугубляет прямо пропорциональная зависимость между величиной городского образования и сложностью экологических проблем.

Российская цивилизационная специфика связана с быстрым разрушением природоориентированного сознания традиционного дореволюционного общества и укоренением идей покорения и эксплуатации природы; с догоняющим характером советской модернизации, потребовавшей за короткий период осуществить урбанизацию/индустриализацию аграрной страны; с дисбалансом между новациями (стремительным ростом городов) и традиционализмом (аграрной ментальностью и общинным типом сознания их населения); с тенденциями деурбанизации, возникшими в постсоветский период и связанными с деиндустриализацией, следствием которой стало появление депрессивных территорий; со значительностью пространств, позволяющих пока не задумываться о последствиях неэффективных программ утилизации промышленных и бытовых отходов.

Список источников

1. Агафонова А. Б. Экологические проблемы городской среды в XIX — начале XX веков // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №7. С. 28–32.
2. Бельков А. В., Козырева М. В., Тарасенко А. А. Влияние аксиосферы культуры и правоприменения на формирование эколого-экономического мышления в промышленно развитых регионах // Экологические

проблемы промышленно развитых и ресурсодобывающих регионов и пути решения. Кемерово, 2017. С. 202–204.

3. Блинов Л. Н., Перфилова И. Л., Юмашева Л. В., Соколова Т. В. Экологические проблемы мегаполисов // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2013. Т. 8. №2. С. 837–845.

4. Боднарук М. Н., Попов С. М., Козлов О. В. Современные проблемы обращения городских отходов в природопользовании // Горный информационно аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2012. №4-10. С. 3–8.

5. Бродель Ф. О своеобразии городов Запада // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. 592 с.

6. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.

7. Галич З. Н. Урбанизация и мегаполизация как глобальный процесс // Экономические и социальные проблемы России. 2000. №1. С. 7–21.

8. Гундарев А. А. Системный подход в исследовании моногородов // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2015. №7. С. 18–24.

9. Дмитриева Е. О., Мост Е. С. Экологические проблемы устойчивого развития моногорода Чапаевск и пути их решения на современном этапе // Вестник Евразийской науки. 2018. №6. С. 157–165.

10. Зеркалов Д. В. Экологическая безопасность. Киев: Основа, 2012. 506 с.

11. Зиновьева Е. Г., Захарова Я. М., Степашков П. Ю. Экологические проблемы монопрофильных городов и пути их решения // Российские регионы в фокусе перемен. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 627–630.

12. Калимуллин А. М. Историко-экологический подход в изучении истории города // Вестник ТГГПУ. 2010. №3(21). С. 122–126.

13. Киреева О. В. Урбанизация и дезурбанизация в истории русской культуры // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2020. №32. С. 80–95.

14. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

15. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

16. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1955. 803 с.
17. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представление и реальность // Общественные науки и современность. 2001. №6. С. 101–113.
18. Приваленко В.В., Кузина З.Р., Коломенский Г.Ю., Гипич Л.В. Экологические проблемы Восточного Донбасса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2004. №7. С. 36–49.
19. Родяшина К.Е. Депрессивные территории в структуре современного города: понятия, характеристики, классификация // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2017. №8. С. 106–114.
20. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Книга по Требованию, 2012. 710 с.
21. Сенявский А.С. Российская урбанизация: некоторые историко-методологические проблемы // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. С. 153–164.
22. Тетиор А.Н. Тенденции урбанизации Земли // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2015. №9 (18). С. 11–15.
23. Castells M. The Power of Identity. Vol. 2 // The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford and Malden, Mass: Blackwell Publishers, 1997. 337 p.
24. Pommellet P. Les grandes metropoles // Etudes. 1989. Vol. 379. №2.
- regions and solutions]. Kemerovo, 2017. P. 202–204. (In Russ.).
3. Blinov L.N., Perfilova I.L., Jumasheva L.V., Sokolova T.V. Jekologicheskie problemy megapolisov [Ecological problems of megacities]. *Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti ih reshenija* [Health is the basis of human potential: problems and solutions]. 2013; 8(2): 837–845. (In Russ.).
4. Bodnaruk M.N., Popov S.M., Kozlov O.V. Sovremennye problemy obrashhenija gorodskih othodov v prirodopol'zovanii [Modern problems of urban waste management in environmental management]. *Gornyj informacionno analiticheskij bjulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal)* [Mining information and analytical bulletin (scientific and technical journal)]. 2012; (4-10): 3–8. (In Russ.).
5. Brodel' F. O svoeobrazii gorodov Zapada [About the originality of the cities of the West]. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Material civilization, economics and capitalism of the 15th-18th centuries. Vol. 1. The structures of everyday life: Possible and impossible]. Moscow: Ves' mir, 2007. 592 p. (In Russ.).
6. Veber M. Gorod [City]. Moscow: Strelka Press, 2017. 252 p. (In Russ.).
7. Galich Z.N. Urbanizacija i megapolizacija kak global'nyj process [Urbanization and megapolization as a global process]. *Jekonomicheskie i social'nye problemy Rossii* [Economic and social problems of Russia]. 2000; (1): 7–21. (In Russ.).
8. Gundarev A.A. Sistemnyj podhod v issledovanii monogorodov [A systematic approach in the study of single-industry towns]. *Arhitektura, gradostroitel'stvo i dizajn* [Architecture, urban planning and design]. 2015; (7): 18–24. (In Russ.).
9. Dmitrieva E.O., Most E.S. Jekologicheskie problemy ustojchivogo razvitija monogoroda Chapaevsk i puti ih reshenija na sovremenom jetape [Ecological problems of sustainable development of the monotown Chapaevsk and ways to solve them at the present stage]. *Vestnik Evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science]. 2018; (6): 157–165. (In Russ.).
10. Zerkalov D.V. Jekologicheskaja bezopasnost' [Environmental safety]. Kiev: Osnova, 2012. 506 p. (In Russ.).

References

1. Agafonova A.B. Jekologicheskie problemy gorodskoj sredy v XIX — nachale XX vekov [Ecological problems of the urban environment in the XIX — early XX centuries]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University]. 2014; (7): 28–32. (In Russ.).
2. Bel'kov A. V., Kozyreva M.V., Tarasenko A.A. Vlijanie aksiosfery kul'tury i pravoprimerenija na formirovanie jekologo-jekonomicheskogo myshlenija v promyshlenno razvityh regionah [Influence of the axiosphere of culture and law enforcement on the formation of ecological and economic thinking in industrially developed regions]. *Jekologicheskie problemy promyshlenno razvityh i resursodobyvajushhih regionov i puti reshenija* [Ecological problems of industrially developed and resource-extracting

11. Zinov'eva E. G., Zaharova Ja. M., Stepashkov P. Ju. Jekologicheskie problemy monopofil'nyh gorodov i puti ih reshenija [Ecological problems of single-industry cities and ways of their solution]. Rossijskie regiony v fokuse peremen [Russian regions in the focus of changes]. Ekaterinburg: Izd-vo UMC UPI, 2020. P. 627–630. (In Russ.).
12. Kalimullin A. M. Istoriko-jekologičeskij podhod v izuchenii istorii goroda [Historical and ecological approach in the study of the history of the city]. *Vestnik TGGPU [Bulletin of the TGGPU]*. 2010; 3(21): 122–126. (In Russ.).
13. Kireeva O. V. Urbanizacija i dezurbanizacija v istorii russoj kul'tury [Urbanization and deurbanization in the history of Russian culture] // *Paradigma: filosofsko-kul'turologičeskij al'manah [Paradigm: philosophical and cultural almanac]*. 2020; (32): 80–95. (In Russ.).
14. Le Goff Zh. Civilizacija srednevekovogo Zapada [Civilization of the Medieval West]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa Progress, Progress-Akademija, 1992. 376 p. (In Russ.).
15. Lefevr A. Proizvodstvo prostranstva [Production of space]. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p. (In Russ.).
16. Montesk'e Sh. Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Moscow: Politizdat, 1955. 803 p. (In Russ.).
17. Pivovarov Ju. L. Urbanizacija v Rossii v XX veke: predstavlenie i real'nost' [Urbanization in Russia in the XX century: representation and reality]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]*. 2001; (6): 101–113. (In Russ.).
18. Privalenko V. V., Kuzina Z. R., Kolomenskij G. Ju., Gipich L. V. Jekologicheskie problemy Vostochnogo Donbassa [Ecological problems of Eastern Donbass]. *Izvestija vuzov. Severo-Kavkazskij region. Estestvennye nauki [News of higher educational institutions. North Caucasian region. Natural Sciences]*. 2004; (7): 36–49. (In Russ.).
19. Rodjashina K. E. Depressivnye territorii v strukture sovremennogo goroda: ponjatija, harakteristiki, klassifikacija [Depressive territories in the structure of a modern city: concepts, characteristics, classification]. *Vestnik BGTU im. V. G. Shuhova [Bulletin of BSTU named after V. G. Shukhov]*. 2017; (8): 106–114. (In Russ.).
20. Russo Zh.-Zh. Traktaty [Treatises]. Moscow: Kniga po Trebovaniju, 2012. 710 p. (In Russ.).
21. Senjavskij A. S. Rossijskaja urbanizacija: nekotorye istoriko-metodologičeskije problemy [Russian urbanization: some historical and methodological problems]. Urbanizacija v formirovanii sociokul'turnogo prostranstva [Urbanization in the formation of socio-cultural space]. Moscow: Nauka, 1999. P. 153–164. (In Russ.).
22. Tetior A. N. Tendencii urbanizacii Zemli [Trends of urbanization of the Earth]. *Evrazijskij Sojuz Učenyh (ESU) [Eurasian Union of Scientists (ESU)]*. 2015; 9(18): 11–15. (In Russ.).
23. Castells M. The Power of Identity. Vol. 2 // *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Oxford and Malden, Mass: Blackwell Publishers, 1997. 337 p.
24. Pommellet P. Les grandes metropoles // *Etudes*. 1989. Vol. 379. №2.

Статья поступила в редакцию 28.11.2021; одобрена после рецензирования 02.12.2021; принята к публикации 08.12.2021.
The article was submitted on 28.11.2021; approved after reviewing on 02.12.2021; accepted for publication on 08.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия и культурология», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры. Стаж научной работы — 23 года.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Lyudmila L. Shtofer — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture. Scientific work experience is 23 years.

69 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russia

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности. Стаж научной работы — 25 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Olga M. Shevchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethnopolitical processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices. Scientific work experience is 25 years.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Штофер Л.Л. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Шевченко О.М. — развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Shtofer L. L. — scientific management; research concept; writing the source text; final conclusions.

Shevchenko O. M. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Информационно-методическое сообщение
УДК 316.344.34:377
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-6-286-295

ПРИНЦИПЫ НАПИСАНИЯ И ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ДИССЕРТАЦИЙ

*Александр Викторович Дятлов¹, Виталий Владимирович Ковалев²,
Константин Викторович Воденко³*

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹avdyatlov@yandex.ru, ORCID: 000-0001-5914-4744, AuthorID РИНЦ: 316700

²vitkovalev71@gmail.com, ORCID: 0000-0002-8439-3117, AuthorID РИНЦ: 345032

*³Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

*vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,
WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300*

Аннотация. Сформулирован и обоснован ряд принципов написания и оценки диссертаций, соблюдение которых позволит повысить уровень научной состоятельности диссертационных проектов, защищаемых в Южном федеральном университете. К их числу относятся: активность диссертационного совета в подготовке кадрового резерва, единство теории и практики, практикоориентированность, детерминированность изложения, ясность изложения. Авторы приходят к мнению, что в сложившейся ситуации (давление менеджеристских технологий на науку, снижение интеллектуального потенциала российского социума, падение профессиональной дисциплины, деформация научной этики) диссертационный совет не может быть простым реципиентом внутренних и внешних диссертаций. Его роль в оценке диссертаций должна приобретать решающее значение, что предполагает отход от формально-постановочных защит, подтверждающих решения, принятые на кафедрах во время предварительных обсуждений диссертационных текстов.

Ключевые слова: Южный федеральный университет, диссертационный совет, соискатель ученой степени, защита диссертации, принципы оценки

Для цитирования: Дятлов А. В., Ковалев В. В., Воденко К. В. Принципы написания и оценки научной состоятельности диссертаций // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №6. С. 286–295. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-286-295>.

Informational and methodological message

PRINCIPLES OF WRITING AND EVALUATION SCIENTIFIC DISSERTATIONS

Alexander V. Dyatlov¹, Vitaliy V. Kovalev², Konstantin V. Vodenko³

^{1,2}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*avdyatlov@yandex.ru*, ORCID: 000-0001-5914-4744, AuthorID RSCI: 316700

²*vitkovalev71@gmail.com*, ORCID: 0000-0002-8439-3117, AuthorID RSCI: 345032

³*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

vodenkok@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,

WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

Abstract. *A number of principles for writing and evaluating dissertations have been formulated and substantiated, the observance of which will increase the level of scientific consistency of dissertation projects defended at the Southern Federal University. These include: the activity of the dissertation council in the preparation of a personnel reserve, the unity of theory and practice, practical orientation, determinism of presentation, clarity of presentation. The authors come to the conclusion that in the current situation: the pressure of managerial technologies on science, the decline in the intellectual potential of the Russian society, the fall of professional discipline, the deformation of scientific ethics, the dissertation council cannot be a simple recipient of internal and external dissertations. Its role in the assessment of dissertations should acquire a decisive importance, which implies a departure from formal-staged defense, confirming the decisions made in the departments during preliminary discussions of dissertation texts.*

Keywords: *Southern Federal University, dissertation council, degree seeker, dissertation defense, assessment principles*

For citation: *Dyatlov A. V., Kovalev V. V., Vodenko K. V. Principles of writing and evaluation scientific dissertations // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(6): 286–295. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-6-286-295>.*

Введение. Нельзя сказать, что переход в формат автономного присуждения ученых степеней радикально изменил порядок и условия деятельности диссертационных советов. Принятые в ЮФУ нормы разрабатывались на базе нормативных документов ВАК, однако некоторые из инноваций делают невозможным сохранение прежних принципов работы. В указанном ракурсе, прежде всего, заслуживает внимания пп. «б» п. 11.3 Положения о совете по защите диссертаций. Согласно этой норме, деятельность ПДС прекращается в случае принятия диссертационным советом двух необоснованных решений о присуждении ученой степени лицам, диссертации которых не соответствуют критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней в ЮФУ [1]. Как

видно, у диссертационного совета, работающего под контролем ДАНК ЮФУ, очень ограниченный кредит доверия. Следовательно, права на ошибки нет. Ситуация усугубляется тем, что в автономной модели диссертации утверждаются не сообществом отраслевых профессионалов, а наиболее авторитетными учеными ЮФУ, принадлежащими самым разным отраслям наук: социогуманитарным, психолого-педагогическим, технико-математическим, естественным. Активная позиция в этом процессе принадлежит Аттестационной комиссии ДАНК ЮФУ. Экспертиза диссертации осуществляется одним из членов данной комиссии. Но возможно также создание комиссии из трёх участников, если в поступившем в ДАНК деле выявлено следующее: 1) оппонент дал отрицательный

отзыв; 2) отрицательный отзыв поступил на автореферат; 3) за присуждение степени проголосовали менее 75% членов диссертационного совета; 4) есть сомнения в авторстве диссертации и имеется необходимость уточнить степень ее новизны и практическую значимость исследования (п. 5.2 Положения об аттестационной комиссии...) [2]. Работа Аттестационной комиссии фактически может превратиться в повторную защиту, если она воспользуется своим правом (п. 5.5 Положения об аттестационной комиссии...) вызвать соискателя, председателя или заместителя председателя диссертационного совета на свое совещание [2].

В настоящее время в состав Аттестационной комиссии входят четыре доктора биологических наук, по два доктора технических, химических, географических, юридических, филологических наук и по одному физико-математических, философских, исторических, экономических и социологических наук [3]. Именно этот интернационал будет подтверждать обоснованность присуждения ученых степеней по социологии. Самое время задуматься над тем, какие диссертации мы будем предлагать столь высокому научному сообществу.

Принципы написания и оценки состоятельности диссертаций

1. Несколько общих умозаключений

Говоря строго формально, обязанностью диссертационного совета является принятие диссертаций, получивших положительное заключение кафедры. Нет формальных норм, предписывающих какие-либо проверки вне установленных законодательством процедур. До проведения защиты у диссертационного совета есть только одна нормативная возможность оценить диссертацию: создать своим решением экспертную комиссию. Но в ее прерогативы не входит определение научной состоятельности. Логика такого решения понятна: руководство диссертационного совета не должно подменять собой весь его состав, который и уполномочен решать вопросы ответственности требованиям научности. Однако реальность всегда сложнее формальных правил. Данный порядок сложился в то время, когда защит было немного, а отказ присудить ученую степень не считался чем-то из ряда

вон выходящим. Защита диссертации не имела постановочного характера, а решения выносились на основе фундаментального и обстоятельного обсуждения. С 90-х годов прошлого века утверждаются другие неписанные правила. Поток защит резко вырастает, их подготовка монетизируется, а протекание уподобляется театральным постановкам. Основная тяжесть научной экспертизы вначале перемещается на кафедры, а затем и вовсе приобретает кулуарно-теневые формы [4]. Во многом именно теневой характер деятельности актива диссертационных советов становится источником резкого снижения качества защищаемых диссертаций.

Чтобы изменить ситуацию, у современного руководства диссертационного совета остается не так уж много альтернатив. Нам совершенно очевидно, что качество диссертаций, которые будут переходить на оценку в Аттестационную комиссию, нужно повышать. Но искусственно сокращать их количество, выставляя надуманные барьеры, также было бы неправильно. Выход мы видим в разработке механизма транспарентности взаимоотношений между руководством диссертационного совета и выпускающими кафедрами. Мы предлагаем следовать нескольким принципам, принятие которых будет содействовать росту научного качества диссертационных текстов. Одновременно это позволит отсеивать те работы, которые не обладают признаками научности и не имеют ни единого шанса успешно пройти аттестацию в ДАНК ЮФУ. Подобная практика меняет статус диссертационного совета, создавая новые неформальные правила. Они утверждают более активную, чем было ранее, его позицию на этапе «дозащитного» обсуждения текста. Но в этой трансформации мы видим единственную возможность сокращения числа диссертаций, лишенных научной ценности. Ряд из этих принципов мы бы хотели предложить научному сообществу.

2. Принцип единства теории и практики

В п. 2.2 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ сказано, что диссертация должна обладать «внутренним единством» [5]. Эта норма не раскрывается, но исходя из сложившейся традиции написания и оценки научных текстов, можно предположить, что основная проблема недостиже-

ния искомого единства проистекает из-за отсутствия взаимосвязи между теоретической и эмпирической частями диссертации.

В социогуманитарных науках, как правило, существуют две крайности. Одна — это акцент на эмпирическую часть. Вначале прописываются полученные в ходе применения прикладных методов результаты, а затем над ними создается теоретическая конструкция, которая имеет сугубо ритуальное значение. Вторая крайность — приоритетное внимание к теории. Здесь признаки ритуальности приобретает уже эмпирическое исследование. Его необходимость состоит исключительно в подтверждении, а не проверке, как того требуют правила научной этики, авторской гипотезы. Эмпирический раздел выглядит избыточным придатком к разделу теоретическому, пишется формально, порой небрежно, нередко с использованием только вторичных исследований, под которыми ошибочно понимается заимствование табличных данных из опубликованных другими авторами научных работ, но главное — не решает ни одну из задач, которые определены в теоретической части.

Каждая из двух заявленных проблем — нищета теории и убогость практики — имеет свои причины.

«Нищета теории» чаще всего проистекает или от убежденности в ненужности методологии для социогуманитарных наук, или вследствие неумения пользоваться ее эвристическими возможностями.

Ненужность методологии. Поскольку исключить теорию из диссертации полностью нельзя, то соискатели, убежденные в её избыточности для проведения качественных эмпирических исследований, как правило, относятся к написанию этой части диссертации сугубо формально. Все когнитивные операции, связанные с анализом дискурса, характеристикой понятийного аппарата, представлением методологии, осуществляются имитационно, как дань соблюдению традиций. Однако такой подход автоматически ведет к неспособности решить задачи, связанные с постановкой цели, определением предмета и формулировкой гипотезы. А между тем, к этим элементам концепции диссертант и должен прийти после завершения работы над теоретическим разделом.

Кроме того, его финальная часть должна венчаться определением эмпирических индикаторов, которые есть ничто иное, как структурированный предмет исследования. Отказ от теории становится источником потери единого исследовательского замысла. Не связав теоретический и эмпирический разделы общими компонентами авторской концепции, не определив через эмпирические индикаторы структуру предмета и социологические инструменты для его исследования, соискатель ученой степени возводит барьер между теорией и практикой. Это позволяет говорить о несоблюдении правила п. 2.2 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ.

Неумение пользоваться эвристическими возможностями методологии. Чтобы преодолеть разрыв между теорией и практикой, недостаточно признавать их равноценность для написания качественной диссертации. Нужно обладать высоким уровнем профессионального мастерства. Опыт оценки диссертаций показывает, что самым слабым местом соискателей является работа над методологическими основами исследования.

К числу наиболее распространенных ошибок, допускаемых в теоретической части, относятся следующие.

1. *Отождествление методологии с «поминальником» известных теоретиков.* Во многих случаях методология представляет собой перечисление известных теорий вне всякой внутренней связи между ними и без привязки к предмету исследования. В лучшем случае соискатель делает чуть развернутые их характеристики. Но диссертационная работа — не место, где демонстрируется эрудированность. В ней решаются задачи более высокого порядка. Основная задача методологии состоит в том, чтобы выстраиваемый соискателем категориальный аппарат обладал непротиворечивым единством. Это станет возможным, если автор покажет, каким образом он намерен использовать парадигмальные категории для исследования заявленного предмета и достижения поставленной цели. Для этого позаимствованные из определенной теории основные категории должны быть включены в авторский категориальный аппарат, формирование которого происходит в процессе операционализации понятий.

2. *Использование несовместимых парадигм для решения одного рода исследовательских задач.* Это ещё одна типичная ошибка. Она выступает как прямое следствие низкого уровня профессионального мастерства соискателей и проявляется в ходе попыток создать многомерный методологический конструкт. Однако это бремя непосильно для начинающего ученого, т.к. многомерность — это сложная модель соотношений между предметом собственного исследования и многочисленными понятиями, выработанными в разных научных парадигмах. Результат таких попыток — отсутствие как самого конструкта, так и реально работающей на достижение цели методологии. Диссертанты нередко пытаются скрестить антагонистичные по своей направленности парадигмы: структурный функционализм с постмодернизмом, феноменологию с неопозитивизмом, неоинституционализм с герменевтикой и т.п. Есть парадигмы, действительно работающие на смежных когнитивных границах, например, неоинституционализм и теория рационального действия. Но значительная их часть возникла в результате взаимного отрицания. Чтобы понимать эти теоретические тонкости в деталях, необходимо не только видеть смысловые нюансы анализируемой теории, но и уметь оценивать общую интеллектуальную ситуацию в науке, которая повлияла на разработку той или иной парадигмы.

Возникшие теоретические проблемы некоторые соискатели пытаются компенсировать более качественным исполнением эмпирического раздела. Но, если автору не удалось вывести из операционализации понятий эмпирические индикаторы, то рассчитывать на проведение качественного эмпирического исследования не приходится. Практически всегда в таких случаях исследование имеет неструктурированный характер, а работа «в поле» идет изолированно от цели, задач и гипотезы исследования. Как результат — большинство соискателей прописывают квалификационную часть уже после завершения эмпирического раздела. Порой это приводит к тому, что между введением, теоретической и эмпирической частями нет ничего общего. В итоге диссертация не содержит внутреннего единства по всем основным структурным элементам текста.

Вывод: такое диссертационное исследование не может быть принято к защите.

Решение видим в том, чтобы в диссертации теория выступила методологическим инструментом для решения практических задач. Этого можно добиться, если использовать эвристический потенциал методологического конструкта.

3. Принцип практикоориентированности

Диссертация не может быть в чистом виде интеллектуальным тренингом. Она должна быть полезной обществу. Нормативные положения ДАНК ЮФУ обязывают соискателя закладывать в диссертацию практикоориентированность. Так, в п. 2.2 Положения о присуждении ученых степеней в ЮФУ сказано, что «в диссертации, имеющей прикладной характер, должны приводиться сведения о практическом использовании полученных автором диссертации научных результатов, а в диссертации, имеющей теоретический характер, — рекомендации по использованию научных выводов». В пп. «г» п. 5.2 Положения об аттестационной комиссии необходимость уточнить степень практической значимости исследования указывается в качестве одного из оснований, согласно которому соискатель может быть вызван на заседание Аттестационной комиссии.

Практикоориентированность текста диссертации соискатель может обеспечить в том случае, если его исследование, во-первых, будет связано с решением реальной, а не мнимой социальной проблемы; во-вторых, если итогом исследования станет разработка понятных и реализуемых на практике предложений.

Что понимается под реальностью социальной проблемы? Однозначного ответа на этот вопрос быть не может. То, что признается реальным для одного, другому может казаться надуманным или не актуальным, поэтому в данном построении имеется известная доля субъективизма. Но в социогуманитарных науках давно уже отработаны приемы, с помощью которых реализуется постановка проблемы и дается обоснование необходимости её всестороннего исследования.

По традиции любая диссертация начинается с пояснения социальной актуальности. Однако в большинстве случаев эта часть работы прописывается так, что совершенно не представляется возможным понять, на ре-

шение какой проблемы направлено исследование, чем оно может помочь обществу, какие затруднения социального развития окажутся преодолены. Если автор на начальной стадии своего диссертационного проекта не в состоянии внятно сформулировать социальную значимость тематики предстоящей работы, то и результат получится столь же невнятным. Решение видим в максимальной конкретности, прозрачности, четкости, актуальности предложенной к рассмотрению социальной проблемы. Она должна быть сформулирована в первом предложении актуальности и далее красной нитью идти через весь текст. При этом важно, чтобы предмет, цель, гипотеза, а также решаемые задачи сопрягались с определенной в актуальности проблемой.

Отдельно необходимо сказать о разработке понятных и реализуемых на практике предложений.

Для социолога основным заказчиком выступает государство, а социальное пространство для самих социологов, как правило, — система высшего образования. Поэтому проблема практикоориентированности решается с помощью нехитрого клише: соискатель либо рекомендует результаты своего исследования для совершенствования государственной политики, либо предлагает включить их в некий учебный курс, преподаваемый в высшей школе. Однако подобные предложения давно уже превратились в ещё один ритуал, над ценностью и главное — смыслом которого мало кто задумывается. В итоге значительное число диссертаций не имеют практической ценности.

Вывод: такое диссертационное исследование не может быть принято к защите.

Решение видим в том, чтобы в структуре диссертации последний параграф был полностью посвящен разработке предложений, применение которых на практике позволит решить постулируемую в актуальности социальную проблему. В этом случае соискатель просто вынужден будет изначально задумываться над тем, какая практическая ценность окажется у проводимого им исследования.

4. Принцип детерминированности изложения

Детерминированность — общенаучный термин. С его помощью оценивается наличие причинно-следственных связей в явлениях,

процессах, состояниях. Детерминированность должна быть и в тексте диссертации. Постулирование этого принципа — ещё одна форма детализации нормативного требования ДАНК ЮФУ о необходимости обеспечить внутреннее единство в диссертации.

Актуальность в специальном выделении дополнительного принципа видится в следующем. Диссертации по социогуманитарным наукам обладают крайне плохой репутацией среди специалистов по математическим, техническим и естественным наукам. До перехода на автономный режим эта особенность не имела институционального значения, т.к. каждая наука в системе аттестации кадров располагала своим институциональным пространством. В новых условиях ситуация радикально изменилась. Решение о присуждении социологам ученых степеней будут принимать те, кто относится к гуманитариям с предубеждением. Поэтому диссертации должны создаваться таким образом, чтобы неспециалисты сразу понимали, что представленная работа — не набор слов или рассуждений, а интеллектуальный продукт, обладающий внутренней целостностью во всех структурных компонентах текста.

Между тем, наш опыт, полученный в ходе работы по экспертизе диссертаций, свидетельствует об обратном. В них много «интеллектуальной воды», отсутствует взаимосвязь между параграфами и главами, теорией и практикой, а нередко и двумя рядоположенными предложениями. Подобные работы становятся наглядным пособием для закрепления негативных стереотипов о гуманитариях как ученых с «альтернативным» типом мышления, попросту говоря, не способных мыслить в соответствии с общепринятыми в науке правилами.

Вывод: такое диссертационное исследование не может быть принято к защите.

Решение существующих проблем по этому аспекту написания диссертаций мы предлагаем следующее. Соискателю необходимо следовать требованиям внешней и внутренней детерминированности.

Под внешней понимается алгоритмичный порядок написания текста.

Алгоритм:

- 1) определение идеи;
- 2) рабочая формулировка темы;

3) анализ дискурса по объекту исследования (две цели: а) определить предмет исследования; б) сформировать представление об изучаемых социальных практиках, необходимых для редукции базовых понятий при разработке методологического конструкта);

4) актуальность (пишется после предмета, т.к. только после установления предметного поля исследования автору должно быть предельно ясно, что он намерен изучать);

5) создание методологического конструкта;

6) окончательная формулировка предмета исследования и выделение его структурных компонентов через эмпирические индикаторы;

7) определение цели и гипотезы;

8) эмпирические методы;

9) оглавление с параграфами;

10) исследовательские задачи, решаемые во второй (третьей) главе(ах);

11) написание второй (третьей) главы;

12) завершение работы над Введением: эмпирическая база, положения новизны; тезисы, теоретическая и практическая значимость, достоверность, апробация.

Внутренняя детерминированность — это результат высокого уровня профессионального мастерства исследователя, реализуемого благодаря интеллектуальным способностям и когнитивной самодисциплине. Основные законы научного мышления и базовые методы одинаковы во всех науках. Если их применять корректно, то обеспечить внутреннее единство в диссертации не составит большого труда. Для рабочей аналогии можем предложить образ технического прибора. В нём каждая деталь расположена на своем месте, а между ними выстроен определенный порядок связей. Детали в социологическом приборе — это понятия, а связи между ними обеспечиваются посредством суждений и умозаключений. В тексте диссертации понятия должны быть подобраны так, чтобы даже неспециалисту было ясно, какие функции в общей картине авторских смыслов они выполняют.

5. Принцип ясности изложения

Актуализируем данный принцип в контексте того, кем на последней стадии экспертизы диссертации будет оцениваться работа по социологии. Экспертами выступят представители самых разных наук, для которых

социологическая предметность, понятийный аппарат социологии, её методология представляют собой terra incognita. Столь же справедливой можно считать и обратную ситуацию, когда в Аттестационную комиссию попадут диссертации по математике или химии. Но, если гуманитарии и не претендуют на компетентность по математике и химии, то подобное нельзя сказать в отношении представителей точных наук. И поэтому перед соискателем стоит непростая задача: не теряя высокого уровня теоретической обоснованности рассматриваемого круга социальных проблем, одновременно обеспечить для непрофессионалов возможность комплексно и всесторонне оценить предложенное им исследование. Это едва ли окажется реализованным, если основа текста будет состоять из набора неизвестных теорий, написанных смутно и неопределенно, а также хаотично изложенных эмпирических данных. Именно так создается значительная часть диссертаций. Теоретический раздел выстраивается в них таким образом, чтобы скрыть содержательную пустоту внешней наукообразностью, которая большей частью представляет собой набор псевдонаучных и плохо читаемых клише. Диссертация, написанная в таком качестве, будет восприниматься Аттестационной комиссией как интеллектуальное мошенничество, сделанное с целью навязать читателю представление о наличии некоего смысла, который в предлагаемом тексте лишь имитируется.

Вывод: такое диссертационное исследование не может быть принято к защите.

Решение проблемы видим в следовании нескольким правилам, которые помогут сделать так, чтобы текст диссертации сохранял признаки научности, но при этом обладал ясностью и легко читался.

Правило первое: *отсутствие наукообразности*. В Толковом словаре С.И. Ожегова этому слову дается следующее определение: «научный лишь по виду, создающий видимость научности» [6]. Соискатель, претендующий на звание ученого, должен понимать, как правильно выстраивать свой научный замысел, какие приводить аргументы и доказательства, с помощью какой методологии их обосновывать. Соблюдение этих сложных, но обязательных правил избавит его от необ-

ходимости подменять научное исследование мутными псевдонаучными конструкциями.

Правило второе: *прозрачность смысла*. Нужно стараться избегать банальных клише и не усложнять текст без видимой причины. Следует отказаться от сознательного и по возможности неосознанного затуманивания смысла. Если соискатель не научился навыкам критического мышления, не умеет ставить социальную проблему, пользоваться социологическим инструментарием, понимать роль методологии для эмпирических исследований, данная рекомендация, конечно, не поможет. Но при наличии должного профессионального мастерства любое искусственное затемнение смысла проистекает от нежелания добросовестно трудиться. Моральная ответственность за подобного рода действия лежит на научном руководителе, юридическая — на диссертационном совете.

Правило третье: *корректность использования терминов*. Есть термины общепринятые, интерпретация которых общеизвестна, но таких в целом немного. Большая часть терминов имеет узкую локацию смысловых рамок, привязанную ко времени их появления в науке, научным парадигмам и школам, индивидуальным трактовкам отдельных авторов. Даже такие опорные социологические понятия, как, например, социальный институт, имеют множество интерпретаций, которые нужно разделять в зависимости от используемой соискателем методологии. Некорректность использования терминов ведет к тому, что текст диссертации как бы приобретает феномен многоязычности, когда одна его часть пишется на одном языке, другая — на втором, иная — на третьем. Смысл такого текста понять крайне затруднительно даже специалистам. Поэтому авторам следует разобраться в методологической природе применяемых понятий. Без решения этой задачи не получится создать внятный категориальный аппарат.

Правило четвертое: *отказ от избыточности терминов*. Переизбыток терминов — разновидность наукообразности. Чрезмерное их использование затрудняет чтение, не усиливая при этом научную составляющую. Совершенно очевидно, что ученый не может и не должен отказываться от терминологии. Но употребление научных понятий должно

быть обоснованным. Это тоже часть научного мастерства, и ему необходимо учиться. Овладение им сформирует способность ясно и вразумительно излагать свои мысли и быть понятным не только узким специалистам, но также широкому кругу общественности.

Заключение. Данная статья мотивирована наличием большого количества рисков и угроз для существования диссертационного совета. И проистекают они не только от перехода на автономный от ВАК режим работы, но и вследствие общего изменения условий профессиональной деятельности. Давление менеджеристских технологий на науку, снижение интеллектуального потенциала российского социума, падение профессиональной дисциплины, деформация научной этики — именно эти факторы играют решающую роль, из-за которой диссертационный совет не может быть простым реципиентом внутренних и внешних диссертаций. Его закрытие по причине «принятия двух необоснованных решений о присуждении ученой степени» приведет не просто к смене руководящего состава, а окончательной утрате доверия со стороны научного сообщества ЮФУ и потере возможности возобновления его работы, в том числе с иным председателем и заместителями. Именно по этой причине в качестве первого, но не названного в основной части статьи, мы провозглашаем принцип *активности диссертационного совета в подготовке кадрового резерва*. Он означает, что его руководство должно принимать участие в приеме и выпуске аспирантов, обсуждении работ аспирантов и соискателей на кафедральных слушаниях, конференциях и других научных мероприятиях. Диссертационный совет не может быть изолированной инстанцией, действующей в формате подтверждения готовых решений. Он должен стать полноценным участником всех интеллектуальных процессов научного сообщества.

Список источников

1. Положение от 14 июля 2021 г. №143-ОД «О совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в федеральном государственном автономном образо-

вательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет».

2. Положение от 4 марта 2021 г. №39-ОД Об Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет».

3. Приказ от 18 декабря 2018 г. №2337 «Об утверждении состава Аттестационной комиссии по присуждению ученых степеней Южного федерального университета».

4. Губа К.С., Соколов М.М., Соколова М.А. Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 гг. Изменил ли новый институциональный трафарет академическое поведение? // Экономическая социология. 2020. Т. 21. №3. С. 13–46.

5. Положение от 14 июля 2021 г. №142-ОД «О присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Южный федеральный университет».

6. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»; ООО «Издательство Оникс», 2012.

References

1. Polozhenie ot 14 ijulja 2021 g. №143-OD «O soвете po zashhite dissertacij na soiskanie uchenoj stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoj stepeni doktora nauk v federal'nom gosudarstvennom avtonomnom obrazovatel'nom uchrezhdenii vysshego obrazovanija «Juzhnyj federal'nyj universitet» [Regulation №143-OD dated July 14, 2021 «On the Council for the Defense of Dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences in the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University»]. (In Russ.).

2. Polozhenie ot 4 marta 2021 g. №39-OD Ob Attestacionnoj komissii po prisuzhdeniju uchenyh stepeney v federal'nom gosudarstvennom avtonomnom obrazovatel'nom uchrezhdenii vysshego obrazovanija «Juzhnyj federal'nyj universitet» [Regulation №39-OD of March 4, 2021 On the Attestation Commission for Awarding Academic Degrees at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University»]. (In Russ.).

3. Prikaz ot 18 dekabrja 2018 g. №2337 «Ob utverzhenii sostava Attestacionnoj komissii po prisuzhdeniju uchenyh stepeney Juzhnogo federal'nogo universiteta» xOrder №2337 dated December 18, 2018 «On Approval of the composition of the Attestation Commission for awarding Academic Degrees of the Southern Federal University»ъ. (In Russ.).

4. Guba K.S., Sokolov M.M., Sokolova M.A. Dinamika dissertacionnoj industrii v Rossii: 2005–2015 gg. Izmenil li novyj institucional'nyj trafaret akademicheskoe povedenie? [Dynamics of the dissertation industry in Russia: 2005–2015. Has the new institutional template changed academic behavior?]. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic Sociology]. 2020; 21(3): 13–46. (In Russ.).

5. Polozhenie ot 14 ijulja 2021 g. №142-OD «O prisuzhdenii uchenyh stepeney v federal'nom gosudarstvennom avtonomnom obrazovatel'nom uchrezhdenii vysshego obrazovanija «Juzhnyj federal'nyj universitet» [Regulation №142-OD dated July 14, 2021 «On Awarding Academic Degrees at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Southern Federal University»]. (In Russ.).

6. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions]. Pod red. prof. L.I. Skvortsova. 28-e izd., pererab. [In prof. L.I. Skvortsov (eds.). 28th ed.]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie»; ООО «Izdatel'stvo Oniks», 2012. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 28.12.2021.

The article was submitted on 27.12.2021; approved after reviewing on 27.12.2021; accepted for publication on 28.12.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дятлов Александр Викторович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Alexander V. Dyatlov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Ковалев Виталий Владимирович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Vitaliy V. Kovalev — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

160 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russia

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе».

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region».

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

ФИЛОСОФИЯ И ИНЖЕНЕРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

На мировоззренческой платформе XIX–XX века — позитивизме — базируются значительные достижения нашей цивилизации. В этот период философия и другие направления человеческой деятельности синергетически переплелись между собой.

Позитивизм возник в тот момент, когда человечество в своем развитии исчерпало инструменты механистического изучения мира. Человечество столкнулось с непознанным — радиацией, электромагнитным полем. А теперь позитивизм стал символом направлений знания, в которых можно все посчитать и измерить. Позитивизм формализовал цифровое представление мира и отодвинул в сторону метафизику и диалектический материализм.

Однако в XXI веке, в условиях растущей динамики изменений в мире, недостаточно оставаться на позициях формализма и догматизма, которые в научно-инженерной деятельности могут препятствовать актуализации и совершенствованию творческих способностей человека.

Техника — важнейшее проявление творческой деятельности человека. Техника представляет собой антропогенный мир, иногда называемый второй природой, тогда как под первой природой подразумевается мир естественный. Бесконфликтное по отношению к миру естественной природы развитие антропогенного мира возможно только на основе познания мировых универсалий — ключевых законов мироустройства. При этом системный подход к их изучению оказывается недостаточным, поскольку может фиксировать только мир объективно регистрируемых объектов, мир форм. К 60-м годам прошлого века позитивизм как метод научного познания в значительной мере исчерпал себя.

В настоящее время возрождается взаимопроникновение дисциплин, реабилитирована метафизика, признана роль теории и философии в получении научного знания.

Интегральный подход в качестве методологии изучения любого объекта познания заключается в том, что его необходимо рассматривать не только в объективном аспекте, но и в субъективном, с учетом всей полноты и сложности его строения, целостности, взаимодействия и взаимообусловленности всех составляемых элементов между собой и со средой, из которой этот объект условно выделен.

В г. Таганроге в Институте компьютерных технологий и информационной безопасности Южного Федерального университета (ИКТИБ ЮФУ) последовательно развивается наряду с системным подходом к творческому познанию и интегральный подход, объединяющий европейскую и восточную философскую традицию. Такая объединенная философская платформа позволяет находить новые отправные точки для анализа окружающего мира и создавать удивительные технические творения, такие как приборы «Скэнар», «Кардиокод» и многие другие. Научным лидером такой объединенной философской платформы стал Анатолий Непомнящий — председатель Южного регионального отделения Научного совета при президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, профессор кафедры «Психология и безопасность жизнедеятельности» Института компьютерных технологий и информационной безопасности ЮФУ, действительный член ряда отраслевых российских и международных академий.

19 ноября в Точке кипения ЮРГТУ (НПИ) состоялась трехчасовая лекция Анатолия Владимировича Непомнящего «Философско-гносеологические основы современного инженерного творчества».

В лекции был представлен взгляд на человека, его жизнедеятельность и творчество с позиции постнеоклассической науки и с применением ее основной методологии — интегрального анализа.

Бринк Иван Юрьевич, д.т.н., проф.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. 20,81. Уч.-изд. л. 37,5.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2021